СЕМЕН АФАНАСЬЕВ

ОХОТА АРИСТОКРАТОВ

НА КЛОНОВ И НЕ ТОЛЬКО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рождённому через государственный пробирочный инкубатор затевать конфликты с чистокровными — не лучшая идея. Однако зачастую проблемы идут с той стороны без твоего участия, просто потому, что у тебя есть что-то, им нужное. Такое, что для них может стать смертельно опасным.

Стоит добавить, что чистокровные — как правило менталисты, могут читать твои сознание и память и даже менять их. Бац — и ты уже слюнявый идиот и растение либо, в лучшем случае, не помнишь последних суток.

И долги у тебя на ровном месте могут возникнуть самые настоящие, если к примеру с принадлежащего тебе сервиса исчезнет чужая машина, оставленная под твою ответственность

- Охота аристократов (на клонов и не только)
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11 (ИНТЕРЛЮДИЯ)
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27

- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Охота аристократов (на клонов и не только)

Глава 1

Ночной клуб "ВАВИЛОН". Слоган на логотипе: "Место, где все РАВНЫ".

Дверь офиса упала внутрь вместе с фрагментами косяка — снаружи ударил ногой кто-то из чистокровных. Хвалёный пластик НОВОТЕХА был явно не рассчитан на противостояние мышцам, которые усилены ментальным импульсом.

— Лишних нет, — проскользнувший ужом первый член группы выдал диагноз остальным быстрее чем за секунду. — Только этот.

Следом вошли ещё четверо.

— Чем обязан? — сидевший за столом и работавший директор заведения (он же единственный владелец, но об этом знали далеко не все) удивился, но не разнервничался. — Эй, зачем двери ломать?! Шесть утра, в здании никого, я специально оставил всё открытым!

Нападавшие переглянулись.

— Дверь кабинета наружу открывается, — сидевший за столом подвигал бровями вверх-вниз. — Повернуть ручку и дёрнуть на себя, вы от себя толкали. Зачем? Я же видел, как вы поднимались с первого этажа, — он указал взглядом на виртуальные мониторы вдоль стены. — Менталисты сраные, — пренебрежения в голосе было хоть отбавляй.

Судя по количеству точек контроля, здание крылось камерами безопасности полностью и с перехлёстом секторов.

— Он не боится и что-то задумал. — Вошедший первым, очевидно, был сенсором по специализации: профессиональные и клановые татуировки скрыты одеждой, но что-то такое сквозило.

Директор клуб обратился к шедшему третьим, безошибочно определив главного:

— Раз уж вы вошли так эффектно, давайте сразу к делу. Если это попытка договориться, слушаю вас внимательно. Если же…

Договорить он не успел. Один из пятёрки, корректор не низкого ранга, принялся работать без перехода.

Взгляд владельца заведения остекленел, расфокусировался, глазные яблоки принялись вращаться по независимым орбитам.

— Сопротивляется. Давлю. — Просипел работающий.

Было заметно, что он напрягается: тремор пальцев, испарина на лбу. Кроме того, ему сейчас ассистировали ещё двое из группы. Один из них тоже отозвался через пару секунд:

— Надави. Тяжело идёт, сильный.

* * *

Там же, через несколько минут.

— Сука, еле справился. — Первый корректор сидел на столе и легкомысленно болтал в воздухе ногой.

Закрывавшая его лицо маска сейчас находилась в руке и была мокрой от пота.

Тот, кто ещё совсем недавно управлял клубом, по-прежнему пребывал на своём месте, но теперь его невидящий взгляд таращился в никуда, а мышцы лица безвольно обвисли. Довершала картину струйка слюны, стекавшая из уголка рта на воротник.

— Проверь ещё раз? — сделав глубокий вдох и выдох, главный обратился к сенсору. — Вдруг он хитрый какой-то и замышился.

— Сам чего не глянешь?

— Полностью выложился, ничего не вижу.

— Уже две минуты проверяю по кругу, — признался товарищ. — Не притворяется он, реально растение. До самых глубоких слоёв стёрто, ещё чуть-чуть — и дыхательному рефлексу труба. Имели бы труп.

Вслух развивать тему не стали, но было понятно: работа сделана ювелирно, а убийство понапрасну осложнило бы ситуацию и могло лишь испортить результат.

Трое членов группы занимались документами и рабочим терминалом, пытаясь запустить его в обход идентификации биометрией владельца.

— Надо было вначале допуски из него выпотрошить, — проворчал техник. — А память до младенчества тереть уже после.

— Ты ж говорил, откроешь? — настроение корректора шло вверх несмотря на раздражение коллеги.

Он свою задачу честно решил, хотя и далось это непросто. Технические же проблемы его в принципе не волновали.

— На скрытый искусственный интеллект похоже, — пожаловался техник ещё через какое-то время. — Как будто со мной играется, тварь. Доказать не могу — не ловится, но жопой чувствую.

— Наши действия? — старший группы, без затей занимавшийся рутиной вместе со всеми и неотличимый на вид от остальных, перевернул на пол очередной ящик с бумагами и взялся за следующий.

Вопрос был адресован тому, кто ковырялся с терминалом.

— Ещё три минуты. Потом надо уходить, — техник был

серьёзным специалистом и сейчас контролировал через присоску не один десяток параметров. — У меня есть подозрение, что оно и ментам уже позвонило. Просто вызов искина там идёт по другой процедуре, есть зазор по времени.

— Принял. Фора была, но почти исчерпали, — подытожил старший. — Так и делаем.

— А как же…? — сразу двое синхронно спросили одно и то же.

— Никак. Пульт — не наша задача, а сопутствующая. — Приоткрыл часть вводных задним числом корректор. — Свою мы решили: клиент амнезирован в ноль, угрозы больше не представляет. Вероятность ремиссии ноль — овощ навсегда.

— Растения вообще ещё никому ничего плохого не сделали, — подал голос молчавший до этого момента четвёртый. — А обеспечение провалило этап мониторинга: если, ты говоришь, тут целый искусственный интеллект завёлся, который тебя внутрь не пускает, мы об этом должны были знать заранее.

— И не от тебя. — Подхватил старший группы, после чего кивнул, немного помолчал и добавил. — Предложения какие-то есть? То, что мы пульта не находим, не наша проблема. Главная часть выполнена. Сворачиваемся?

— Нужно было у него сперва допуски взять, потом ему память тереть, — подосадовал техник повторно, схлопывая виртуальную клавиатуру. — Теперь другого не остаётся, скоро менты могут пожаловать. Вить, ну извини! Вначале опрос надо было, всё остальное — потом! А ты его без разговоров тереть принялся. Могли результат лучше дать.

— Не могли, — спокойно возразил старший. — Если бы можно было, я бы первым Серёгу поставил, — он кивнул в сторону сенсора. — А сам бы клиента зафиксировал, чтоб не дёргался. Сержик бы из его головы всё достал. Но не сложилось.

— Почему? — равнодушно поинтересовался инженер.

В душе он уже согласился с отсутствием результата по своему профилю, поскольку на то были объективные причины. Осталось узнать, какие.

— А ты обойди стол и посмотри на жизнь с моей стороны, — уголком рта улыбнулся шеф.

— Ох, хренасе, — техник через пару секунд мгновенно растерял всю свою флегматичность. — Это же он и по нам мог успеть отработать?!

Рука директора заведения, несмотря на обнулённый мозг, под крышкой стола всё ещё крепко сжимала рукоять пистолета. Видимо, по инерции.

— Да. Причём прямо отсюда мог, даже руку доставать не

надо.

— Пластик от НОВОТЕХА, — сенсор, вошедший первым, тоже подошёл ближе и задумчиво щёлкнул ногтем по столешнице. — Не шарю в огнестреле, но пуля наверняка эту мебель насквозь пробьёт и не заметит. Особенно если она какая-нибудь навороченная, есть же сердечники специальные, говорят?

— Именно, — с едва уловимой ноткой удовлетворения в голосе кивнул командир.

Объяснять, что какие-то специальные патроны здесь не нужны, он не стал.

— А как ты понял, что он сейчас стрелять будет? — техник оживился. — От двери же не было видно? Я следом шёл.

— Повезло. Серёга отмаячил, я почувствовал. Он зря с нами разговаривать начал: принялся бы сразу палить — нам бы труба, а не ему.

— А ведь напрочь незаконно, — ещё один член группы задумчиво наклонился, чтобы разглядеть содержимое стола получше. — Это его вооружение. Сразу вилы ему за один только ствол, неважно, зачем он у него. Может, шумнём начальству или официально?

— Утопия. — Старший быстро просчитал вариант. — Да, он пошёл ва-банк, раз огнестрелом запасся и реально палить собирался. Но ему и терять было нечего: после той ссоры с Лавром-старшим понятно же было, к чему всё клонится. Видимо, хотел громко хлопнуть дверью напоследок. А если шумнём, встанет вопрос, что мы тут забыли и куда делись его мозги.

— М-да уж. А отдал бы клубец, да не задаром — и мог бы жить и жить, — ни к кому не обращаясь, самому себе пробормотал сенсор. — А теперь вот.

— Всё, уходим. — Старший группы окинул помещение взглядом напоследок и решительно направился к выломанной двери.

Техник, подчиняясь жесту шефа, лениво хлопнул очень непростую мину на ближайшую стенку:

— Нажму, когда отъедем. Всё к хренам почистит.

Группа дисциплинированно пошла к выходу.

Через секунду менталисты ещё успели понять, что происходит, но не успели ничего сделать: выстрелы из-за спины раздались без предупреждения, без лишних слов, без паузы.

Старший группы умер последним, успев даже развернуться и броситься обратно.

Последним, что он видел в своей жизни, был неожиданно осмысленный взгляд того, кого он только что лично превращал в растение.

Перед тем, как умереть, корректор не к месту подумал, что хозяин кабинета почему-то стреляет как чистокровный — слишком быстро для второсортного.

Сам по себе огнестрел уже давно табу, в первую очередь на законодательном уровне. Серьёзные люди вроде них не увлекались: зачем? Если есть гораздо более рациональные инструменты. Однако инкубаторские, проигрывая титульным во всём, время от времени устраивали такие вот эскапады в духе последнего аргумента.

Понятно, что стрелку долго после такого не жить при любом раскладе, но конкретно их пятёрке это уже ничем не поможет.

Почему он стреляет так быстро? Как? Четыре выстрела, минус четыре цели, быстрее чем за половину секунды. Этого не может быть. Это просто выше физиологического предела сидящего за столом.

Мысли неслись в голове чистокровного со скоростью света. Он почти сделал невозможное: среагировав и распластавшись в воздухе, последний член группы буквально летел в сторону ожившей угрозы, сумев даже увернуться от пятого выстрела на ходу невообразимым пируэтом.

Шестая пуля, выпущенная без паузы после пятой, в отличие от первых четырёх вошла своей цели не в затылок, а в лоб, чем и поставила точку в истории конкретных представителей крупного холдинга.

Старший группы уже никогда не услышал следующих слов сидевшего за столом:

— Быстрые, ***. Упреждение как на самолёт надо брать, — директор заведения, несмотря на всё случившееся, вид имел вполне осмысленный, хотя и ошарашенный. На оружие в своей руке он глядел широко открытыми глазами. — Личный рекорд, что ли? С перепугу? И секунды не прошло, ты смотри.

* * *

— Ты кто?

Не успев проморгаться после неожиданного попадания в не пойми какой замес, впадаю во вторую прострацию за первые пять секунд.

Ощущение, что перед глазами висит голограмма. Понимаю, что она находится не снаружи, а внутри глазного нерва. Попутно: откуда взялось это знание, сходу сказать не могу.

Может, мне пора в пациенты? Лихорадочно прогоняю тест

самому себе, чтобы определить, галлюцинация или нет. Фуф, можно выдыхать, до этого пока не дошло, да и сознание ясное[1].

Далее в порыве защитной реакции протираю глаза — не помогает. Надпись моргает, гаснет, потом снова зажигается, но уже другим цветом:

Кто ты?!!

И что ему ответить? А самое главное, КОМУ? И КАК? Я усилием воли в воздухе писать не умею.

В памяти тела, куда я угодил, много всякой разнообразной информации, но не на эту тему.

— А ты кто? — не додумываюсь ни до чего лучшего, чем вернуть вопрос.

Интересно, оно аудиоряд воспринимает?

"Ты кто?" — на этот раз сигнал подаётся на слуховой нерв. — "Так удобнее?".

— И что я на это должен ответить? Тебе имя-фамилию сказать?

"Можешь не звучать, достаточно отвечать бесшумно. Губами тоже можешь не шевелить".

Память предшественника накатывает валом. Оказывается, это не галлюцинация, а какой-то хитрый прибор. Парень, который жил в этом теле до меня, носит гаджет на руке в виде браслета. Аналог нашего мобильного телефона, но функций больше.

Оставив в покое пистолет, снимаю коммуникатор с руки и разглядываю с интересом пару секунд: со стороны похоже на ювелирное украшение, золото, платина (кажется). Но по внутренней стороне идёт ряд точек, чем-то напоминающих акулью кожу.

Нано-интерфейс, всплывает чужое знание. Работает только через тактильный контакт.

Интересно, а под водой оно работает? Наверное, должно, если даже дома были мобилы, которые можно включать на дне бассейна.

Искусственный интеллект, какая-то не совсем легальная навороченная версия — воспоминания того, кто жил в этом теле раньше, прогружаются рандомно и без системы.

И что теперь? Дать уйти этим пятерым не мог — взорвали бы нахрен, сам слышал. Бежать на цыпочках следом — тоже не вариант, у них чувствительность такая, что мне обзавидоваться. Тоже откуда-то знаю.

Да и не соображал я нормально в стрессе, если честно. Прихожу в себя, оружие в руке, мир и тело чужие — а мудаки с повадками террористов собираются… неважно.

Стрелял что называется в состоянии аффекта, на удивление точно и быстро, как во сне. Только это не сон, а пистолет *тут* полностью нелегален. Безотносительно контекста. Любой огнестрел — вне закона и никому не интересно, защищался ты или нападал.

Я понимаю, что должен делать законопослушный гражданин, который только что застрелил пятерых, но не ориентируясь в обстановке выпутаться без потерь сложно.

И что делать? Собственный офис и их нападение не настолько смягчают ситуацию, насколько её потенциально отягчает факт владения стволом.

Адмиресурса у этого тела нет, это точно. Гражданство имею второй категории (пометка: разобраться, что это такое), что плохо. К правоохранительным органам предшественник относился более чем скептически.

Логично, чё. Если ты простой обыватель и не часть Системы, ты для неё как правило не субъект, а объект и ресурс.

Повинуясь невнятному порыву, возвращаю браслет на запястье, чтобы с руганью тут же его снять: этот компьютер то ли сошёл с ума, то ли нуждается в перезагрузке. Вместо понятного мне диалогового режима техника начинает истерически спамить сразу и на глаза, и на уши, как живая. Похоже на жену-истеричку.

Забросив гаджет в карман окончательно, растираю пальцами виски, чтоб сосредоточиться. Судя по тому, что всплывает в памяти, действовать сейчас надо быстро и точно.

Самое интересное, я никогда не стрелял хорошо. По большому счёту я вообще НИКОГДА НЕ СТРЕЛЯЛ из короткоствола ТАК. Не моя тема, не моё дело. Изредка, за компанию, в соответствующих местах и обстановке. Как обычно водится у нас, по большей части в не совсем трезвом состоянии и во время праздничных мероприятий.

Каким образом после попадания сюда я успел положить из незнакомого ствола пятерых быстрее, чем за секунду, понятия не имею. Ещё и из короткого, повторюсь, вот уж чем в принципе не увлекался.

Может, рефлексы владельца? Но всё равно как-то сверхъестественно быстро и точно. За пределами физиологии.

Кстати, последний из пятерых успел среагировать и так и замелькал, как персонаж известного фантастического сериала. Человеку такое не под силу, как по мне.

Человеку! Вскочив с кресла, тщательно осматриваю всех по очереди.

Как всякий врач, сперва на автомате тянусь к сонной артерии. У последнего, который буквально размазался в воздухе, начав

двигаться, успеваю даже поймать сходящий на нет пульс.

Понятно, что тело после выстрела в голову умирает не сразу. На затухание витальных функций уходит время — то же сердцебиение. Аргумент в пользу биологии.

Тщательно исследую места ран у всех пятерых. Кровь; консистенция, внешний вид, свёртываемость самые обычные. Кожа, костная ткань черепа, мозговая на выходе пули — тоже всё как обычно.

Зрачки у всех через какое-то время вытягиваются и становятся похожими на кошачьи. Нет, версия о роботах не подтверждается, люди. Ненормально быстрые, с какими-то гипертрофированными психотерапевтическими способностями, но самые обычные люди.

А жалко. Значит, предстоит сеанс общения с местной правоохранительной системой. Надо только понять, звать их или быстренько приниматься скрываться, пока не поздно.

* * *

ИНТЕРЛЮДИЯ

Переговоры по внутренней сети концерна МЕДИКОР. Конфиденциальность обеспечивается искусственным интеллектом, принадлежащим компании.

Содержание беседы не может быть перехвачено либо расшифровано третьей стороной без предварительного согласия управляющей компании.

 # государственной лицензии искусственного интеллекта 0003862***08***…***

— Что-то серьёзное? Пять утра.

— Я бы не позвонил, если бы не было ничего серьёзного. Босс, связь с ними оборвалась. Картинку дадите? График сброшу.

— На. Подробности?

— Пока нет никаких. О, вы в постели, извините.

— А где я по-твоему должен быть в такое время? Так… Что думаем делать? Твои выводы?

— Ни один из каналов не активен, включая резервные. Вы понимаете, о чём я. Как отрезало.

— Бл***. Пять трупов?

— Ну или все пятеро наяривают следователям в бюро!

— Нет, в этом случае мы бы с тобой сейчас не общались.

— Шеф, не нужно одеваться, я в кабинете. Если сейчас сюда принесётесь ещё вы, ситуацию оно не изменит, а повредить может.

— ???

— Если наши засветились и будет разбирательство, обязательно возникнут вопросы, что мы вдвоём делаем в здании в шесть утра.

— Ещё пять утра.

— Пока вы доедете, будет шесть.

— Чёрт, не соображаю спросонья. Да, ты прав. Чего звонил тогда?!

— Первое, чтобы вы были в курсе. Момент нештатный и неожиданный. Я сейчас начну теребить людей в полиции. Если там что-то всплывёт и понадобится административный ресурс…

— … я должен быть доступен, понял. Хорошо. Пойду сварю кофе, я на связи. Звони сразу, если что.

— Шеф!

— Да?

— Не нервничайте. Если это даже худший вариант, тот самый, это не конец. У нас есть резерв. В его окружении и не только.

— Да помню, помню.

Глава 2

Как действовать, когда ты только что застрелил пятерых человек? В чужом теле, в чужом мире, в середине многомиллионного города? Наличие пистолета по местным правилам — гарантия проблем, ОЧЕНЬ СЕРЬЁЗНЫХ.

В реальности ты не ориентируешься, поскольку она для тебя новая. Случилось это в собственном офисе, здание целиком принадлежит тебе, смыться по-тихому — не вариант.

В памяти тела есть кое-какая информация, но она далеко не полная и прогружается рваными рандомными кусками. Может, через час вспомнишь всё, что нужно, а может через неделю. Когда уже будет поздно.

Я напряг мозги: у заведения должны быть администрация и какая-то охрана. Ночной клуб, даже в пять утра кто-то обязан присутствовать.

Специально обошёл всё здание, везде и всюду, в надежде, что знакомое откликнется. Соберётся по частям.

По нолям.

Предшественник что, разогнал всех заранее, чтобы встретить этих визитёров в одиночку? Тема конфликта даже смутно припоминается, хотя должна.

Или последние сутки у заведения были нерабочими? Тогда что внутри делал сам директор, он же хозяин?

Вопросы, вопросы.

Какой-то ключ мог бы дать список контактов телефона, то есть коммуникатора, как и история его мессенджеров, но надевать браслет на руку по третьему разу просто боюсь. Ремонтировать или ладить сбрендивший незнакомый компьютер будущего я сейчас не в состоянии по чисто техническим причинам, а тратить драгоценные секунды на туманные поиски без гарантии тупо.

На осмотр всех углов в итоге уходит около четверти часа. Если опираться на мой личный багаж, без потери достоверности искать варианты перед звонком правоохранителям могу ещё максимум тридцать минут, потом дальнейшую задержку на аффект не спишешь.

Надо будет сообщать в здешнюю полицию или принимать радикальное решение скрываться.

Если смотреть правде в глаза, второй вариант совсем не вариант. Мне известно совсем немного успешных примеров перехода на нелегал с бухты-барахты — без подготовки и проработки. Оно и с подготовкой припоминаются печальные

прецеденты, а уж такому, как я тут, вряд ли стоит рассчитывать на удачное стечение обстоятельств.

Порассуждав *своими* мозгами, а не наследством предшественника, прихожу к выводу, что скрываться самому или скрывать трупы — исключено.

Во-первых, исчезнувшая пятёрка — в любом случае равно круги по воде. Во-вторых, даже дома уличные системы наблюдения полиции сделали бы эвакуацию уже пары тел из города невозможной. А здесь трупов пять и технический уровень, судя по сошедшему с ума браслету, изрядно выше.

Ещё они все — чистокровные, а я дворняга, второсортный. Гражданство второй категории против их первой. Я уже поверил воспоминаниям тела, что аборигены в прямом смысле могут читать мысли и вытворять кучу других интересных фокусов с чужим сознанием — как имело место перед моим прибытием сюда. Да я и застал кусочек, чего уж.

Моего багажа может просто физически не хватит, чтобы эффективно укрыться в такой обстановке. Точка.

Предшественника, кстати, походя амнезировали до состояния овоща. До полного распада личности и разрушения самых глубинных структур и функций, ещё бы чуть-чуть — и дыхательный рефлекс бы стёрли. Получилось бы не растение, а вообще труп.

Рабочий вариант обнаруживаю, как обычно, не сразу и на поверхности: стационарный компьютер (или как оно здесь называется), который хотели открыть эти пятеро. Вместо клавиатуры и дисплея — голограммы, но у меня получается разобраться.

Техника отзывается на мою биометрию и запускается. Интерфейс интуитивно понятен, язык русский, вникаю буквально за минуту. Попутно благодарю мысленно всех богов, что браслет-истеричку надевать не надо.

Здешняя конституция по диагонали, только самое основное. Система юстиции. Органы власти. Закон об органах дознания, на удивление небольшой. Закон о разграничении прав первой и второй категории гражданства.

На чтение соответствующих статей в местном интернете трачу пятнадцать минут, какая-то схема в голове формируется. Самый плохой план ровно на сто процентов лучше никакого плана.

По прошествии четверти часа прямо со стационарного блока вызываю полицию: тянуть смысла нет, умнее уже не стану, по крайней мере, радикально. Теперь лишь бы реальная практика от декларируемого законодательства отличалась несильно, а то

известны прецеденты в других местах.

Закончив объясняться с пультом правоохранителей, собираюсь прогнать в голове свою дальнейшую последовательность действий: когда подсознание знает урок, а не пишет с чистого листа, эффективность выше.

Именно в этот момент поступает входящий вызов. Оказывается, в режиме телефона браслет функционирует даже когда лежит в кармане.

Дотронувшись до звучащей в воздухе голограммы экрана, получаю перед носом женщину. Тоже голограмму, качественную. Подруга этого организма, услужливо подсказывает память.

— Что случилось?! — девушка стартует раздражением без "здравствуйте" или "привет".

Висящее в воздухе изображение словно видит меня, по её лицу пробегает волна удивления.

Прежний владелец тела, похоже, с трудом переваривал общение с подругой в стрессовые моменты — судя по кое-каким автоматическим реакциям моей нынешней психики. Вместо поддержки с её стороны я-прежний обычно натыкался на дополнительный груз в виде истерик, нервов, потому проблемами никогда с ней не делился.

Предпочитал выпутываться самостоятельно.

М-да, с женщиной не повезло. Логичен вопрос, а что держит? Выясню в другой обстановке. В отличие от предшественника, у меня свой взгляд на подобные союзы.

Спокойно и негромко её перебиваю, не собираясь тратить драгоценного времени на неконструктивный поток чужого сознания:

— Ирина, не кричи, у меня мало времени. Спокойно и по порядку начни заново. С чего ты вообще взяла, что у меня что-то случилось? Почему ты позвонила именно в этот момент? Почему не спишь?

Здешняя связь ушла вперёд. Лицо собеседницы перед глазами — как оригинал, видны все нюансы мимики. Как с живым человеком разговариваешь.

Подруга (или можно сказать, супруга — брак тоже второй категории, занятно. Ещё одна заметка на будущее: разобраться, что это), такое впечатление, давится собственным языком на ходу:

— Э-э-э, м-м-м…

Целый каскад эмоций. А ведь она не рассчитывала, что я отвечу, я-нынешний это очень хорошо понимаю, в отличие от предшественника.

— Что у тебя происходит?! — голографическая голова

внимательно оглядывается по сторонам.

Цепкий взгляд диссонирует с интонациями голоса. При виде тел на полу её глаза округляются, брови поднимаются вверх:

— ЧТО ТЫ НАТВОРИЛ?!

— Какая жалость, что ты сейчас далеко, — отвечаю по-прежнему тихо и спокойно.

— ПОЧЕМУ?! — подруга-супруга словно спотыкается на ходу.

И на мгновение примеряет иную тактику.

— Ты бы сейчас наверняка поддержала меня в трудный момент, — улыбаюсь. — Потому что ты искренне любишь меня, веришь в меня, желаешь мне добра и не сомневаешься в моих решениях.

— ТЫ ИДИОТ?! — красивое в общем-то лицо становится на удивление непривлекательным, искажаясь злобой.

— Да, — покладисто киваю в ответ, не повышая тона. — Идиот, судя по тому, что мы с тобой имеем прямо сейчас. Но я обязательно исправлюсь и поумнею, уже начал.

— Ты о чём? — а в интуиции ей не откажешь.

Ирина напрягается так, как будто решает, какую маску сейчас надеть, последовательно перебирая имеющиеся.

— Ты больше не будешь есть мне нервы и манипулировать. Мне сейчас некогда. Пожалуйста, цель твоего звонка? Быстрее.

— КТО ЭТИ ТЕЛА НА ПОЛУ?! ЧТО ТЫ НАТВОРИЛ?!

Нет смысла тратить время. Не та модель поведения, которая меня устраивает.

С моей нынешней колокольни понимаю, что она никогда не воспринимала предшественника всерьёз и держала его за инструмент. Эх-х.

— Ир, пожалуйста, не звони мне больше первой ближайшие сутки, я могу быть очень ограничен, буквально по секундам. Освобожусь — наберу или нарисуюсь сам.

— ТЫ ОХ***?! — судя по старательности и упорству, с которыми она отыгрывает одну и ту же роль, раньше эта тактика неизменно приносила ей успех.

И ведь не скажешь в ответ, что предыдущей личности больше нет. А на эту подобный концерт не подействует.

— Ты просто красивая пустышка, ладно, была бы добрая или мудрая. Мне очень жаль, что я-прежний этого не понимал, — хлопаю себя по животу. — Да, я был идиотом, как ты и говоришь, но с этой секунды всё иначе. За материальный аспект не беспокойся, я очень бережно отношусь ко всем своим обязательствам. С голоду не умрёшь. Пожалуйста, забудь, что я есть. Удачи.

Детей у пары нет и не планировалось, всплывает в голове.

Жена не хотела рожать, хотя и могла.

— Что ты сейчас имеешь ввиду? — она опять преображается за секунду.

Из истеричной дуры становится нетупой, собранной, глядящей исподлобья молодой и привлекательной женщиной. Знающей себе цену, но нисколько не уважающей и не любящей своего мужчину.

— Я никогда тебе не изменяла. В смысле, не спала ни с кем другим, — незаметно, как ей кажется, поправляется подруга на ходу. — Можешь глянуть достоверность в индикаторах у себя! Я не вру!

— Нет необходимости. Что не спала ни с кем другим, вижу и так.

— С чего тогда это твоё заявление?

— У меня образовалась кое-какая проблема. Изменились требования к близкому человеку, который будет со мной дальше. Самый простой тест на тему "Есть ли смысл в отношениях дальше" мы оба только что провалили.

— ВОТ ТАК ПРОСТО?! — кажется, истерика из неё льётся непринуждённо и непроизвольно, как многократно успешная и идеальная модель поведения. — ЭЙ, ЧТО У ТЕБЯ ПРОИСХОДИТ?!

Нажимаю маленькую красную кнопку в правом нижнем секторе голограммы. Голова подруги-супруги исчезает, но виртуальный пульт ещё активен.

Через секунду раздаётся её повторный звонок.

Сервис. Опции. Заблокировать абонента.

На выяснение отношений действительно нет ресурса. Если всё пойдёт нормально, это можно будет сделать в будущем, а не сейчас, в цейтноте, когда каждая секунда на счету.

* * *

ИНТЕРЛЮДИЯ

Разговор двух неустановленных абонентов.

— Я сделала, как вы просили. Позвонила ему.

— И?

— Жив-здоров, ответил практически сразу. Находится у себя в офисе, но разорвал связь и меня заблокировал, — женский голос звучит спокойно и без эмоций. — Говорили меньше минуты.

— Как это возможно? — мужчина на другой стороне коротко задумывается. — Вы же официальные партнёры, супруги? И он

очень серьёзно к вам относится, всегда подчинялся?

— Видимо, уже нет. Сама в недоумении. Теперь смотрит не безумными коровьими глазами, как раньше, а вполне здраво. Впечатление, словно подменили. Другой человек за мгновение.

— Подробнее не поясните? Мозги ему должны были поправить, но совсем не с таким эффектом. Ожидаемый итог был — ваше над ним опекунство как над недееспособным. Это ещё реально, как думаете?

— Нет без вариантов. Он нормальнее вас или меня. Мыслит лучше прежнего, истерикой его не продавила. На манипу…

— А раньше он продавливался?

— Да, раньше всегда. Включаешь дуру, открываешь глотку пошире — и лепишь из него, что хочешь. Пару секунд поорать — и управляешь им, как машиной. Делал, что скажу, лишь бы не скандалы в семье.

— В это раз иначе?

— Да, сейчас он не управляется и на манипуляции не поддаётся. Говорю же, даже заблокировал меня, когда я не стала менять линию, причём сразу. Сказал, отношениям конец.

— Мне кажется или вы хотите что-то ещё добавить? Но не решаетесь?

— Не "не решаюсь", а думаю. Прокручиваю в голове всё ещё раз.

— Пожалуйста, размышляйте вслух, если можно? Может быть важна каждая деталь, даже самый незначительный нюанс.

— Если бы смотрела на это всё со стороны, сказала бы, что тёлка мужика где-то передавила: он сорвался.

— В чём это выражается?

— Могу повториться, заранее сорри. На манипуляции больше не ведётся, смотрит спокойно, без надрыва. Так, как будто зависимости от меня больше нет.

— Странно. Вроде же не должен?

— Мне тоже странно, даже больше вашего. Именно что не должен. Но я весь разговор зафиксировала, ловите запись с видео. Подстрочник — расшифровка его эмоциональных тонов вашим приложением. Я всё делала по вашей схеме. Не понимаю, где что не так пошло.

— М-да уж, — мужчина прогоняет файл в ускоренном режиме. — Вижу. Какое-то нездоровое олимпийское спокойствие, откуда и взялось. А что по тому вопросу?

— Смотрите внимательно с самого начала, не с середины. Я же огляделась перед тем, как начать орать. Вон, пять тел на полу.

— Ох! Ох-х…

— Да. Как понимаю, ваши? Вы именно о них спрашивали?

Мне было видно плохо, но они явно неживые.

— Может, просто без сознания?

— Вам моё впечатление или то, что вы хотите услышать? Медсканер через звонок не работает, сама физически там не присутствовала. По ощущениям — трупы чистейшей воды, опять же, кровь на полу.

— Спасибо большое, вы нам очень помогли.

— Теперь вы хотите что-то добавить, но не решаетесь? — женщина благожелательно улыбается.

— У меня нет логического объяснения, как он мог справиться с пятью чистокровными. Это не ваше дело и не ваша обязанность, но лучше вас его никто не знал. Нет идей предположить? Даже самых сумасбродных?

— Только на уровне женских ощущений, — девушка пожимает плечами. — Он сегодня не ведётся ни на что, в принципе. С моей стороны, по крайней мере, а это кое о чём говорит.

— Продолжайте.

— Стержень в нём и раньше был, но меня он не касался. С сегодняшнего дня он какой-то совсем другой, резко. Мне кажется, его не только я передавила, а и с вашей стороны тоже пережали. Эти пятеро ваших на полу, что они ему говорили перед тем, как умереть?

— Не в курсе и очень дорого бы отдал, чтоб узнать, — искренне признаётся собеседник.

— Моё мнение, ключ в этом. Он просто сорвался с резьбы — его пережали. Словно решил уйти красиво.

— Спасибо ещё раз, вы очень помогли.

— Наши договорённости в силе?

— Конечно, в любое время, — мужчина удивляется. — Что заставляет вас спрашивать? Мы давали повод сомневаться? Вы же даже заявку не подавали.

— Да я так, без претензий, нервы. Не каждый день такое фиаско — мужик из рук вырывается, как скользкая рыба. Хотела от вас приятное ещё раз услышать, пардон.

— Если вас это утешит, мои проблемы намного глубже. Моё фиаско будет посильнее вашего.

— М-да уж, трудно не согласиться. Сорри.

— Кстати, Ирина, а как насчёт совместного ужина? — говорящий словно выныривает из каких-то размышлений и внимательно глядит на собеседницу, ожидая ответа. — Вдвоём, сегодня?

— Без проблем, если хотите. Я теперь абсолютно свободна, судя по всему. К тому же, надо согласовать, как мою часть

имущества у него отбирать будем в рамках наших с вами договоренностей. Раз с опекой над дурачком пролетели. Вам же тоже нужен ваш кусочек?

— Я именно это и хотел предложить, да. Тогда до вечера.

— До свидания.

Глава 3

Полиция прибывает на нескольких машинах общим количеством более десяти человек.

— Представьтесь. — Светловолосая сотрудница в форме, с высокими скулами и взглядом утомившегося киллера во время работы подходит ко мне вплотную.

Не мигает, смотрит чётко и пронзительно; на вид от двадцати семи до тридцати. Единственная женщина из выгрузившихся, старший лейтенант (я успел глянуть местные знаки различия).

Половина ментов вообще в штатском, есть люди и с более высокими званиями, видимо, криминалисты или их местные аналоги.

— Пугаете, — отвечаю, удерживая взгляд глаза в глаза. — Насколько помню, это должны первой сделать вы.

— Светлана Фролова, следователь. Ваша очередь.

Вот так, коротко, даже без территориальной подведомственности.

— Александр Барласов, владелец заведения, — тычу большим пальцем себе за спину. — По совместительству директор, это я вас вызывал. А сканер что, не работает? — указываю на её нагрудный жетон.

Данный невзрачный на вид девайс на самом деле выполняет кучу полезных функций. Видеофиксация происходящего в режиме реального времени (с параллельной трансляцией дальше куда надо), медицинский детектор для себя и не только, часть системы распознавания лиц, какие-то функции, которых нет в открытом доступе.

Ещё жетон — круглосуточный шлюз от сотрудника в надзорные подразделения прокуратуры и своей внутренней безопасности (но это вроде по дополнительному требованию такого, как я).

По идее, именно этот сканер ей и должен сказать, как меня зовут и кто я такой.

— Что у вас случилось? — на её лице на первый взгляд не отражается никаких эмоций. — Ведите и рассказывайте на ходу.

— Как скажете. — Разворачиваюсь и направляюсь к зданию.

Одетые в штатское начинают выгружать непонятное оборудование, четверо мужиков в формах идут за нами.

Пока поднимаемся до моего кабинета, излагаю свою версию случившегося и успеваю ответить на пару вопросов, которые красотка держит за каверзные.

Это для меня странно, поскольку есть вещи, которые

дознавателю эффективнее выяснять, не топая по лестнице и не глядя собеседнику в спину. С другой стороны, рассказывать на ходу предложила она сама.

Я успел не только пробежаться по верхам местной юстиции, но ещё посмотрел информацию по своему наследству от предшественника. ВАВИЛОН не только даёт бабки, параллельно это социальный проект. Главная концепция соответствует слогану "ЗДЕСЬ ВСЕ РАВНЫ!", а сама фраза — часть логотипа и идеологии.

Если по-простому, оборудование на территории глушит гипертрофированные возможности чистокровных, читать мысли и тереть память граждане первой категории должны быть не в состоянии.

Это, правда, не стыкуется с амнезированным предшественником, но тут надо разбираться отдельно.

— Вот, — останавливаюсь возле вываленной с мясом двери кабинета.

При виде лежащих на полу тел один из соратников Фроловой оживляется, подвешивает под потолок сложный голографический конструкт и начинает бубнить себе под нос, не обращая ни на кого внимания:

— Подполковник Святеев, криминалист, городской департамент. Осмотр места происшествия производится…

— Нам есть где поговорить в другом месте? — госпожа старший лейтенант, кажется, даже не напрягается, чтобы убедительно производить впечатление голодного крокодила. — Где можно сосредоточиться?

Интересно, это у неё естественное амплуа, без наигрыша? Или то самое ментальное воздействие, которого я не могу пощупать или обнаружить и которое должно блокироваться в данной локации?

— Всё здание в нашем распоряжении. Вы в этом помещении ничего осматривать не будете? — у меня просыпается уже профессиональный интерес, смогу ли я её раскачать хоть на какие-то эмоции.

В ряде ситуаций текст вообще не важен, поскольку работает исключительно невербалка. Непрошибаемых не бывает по определению, вопрос лишь в силе и точности воздействия.

Я, конечно, не местный менталист, но любая психика — слишком сложный инструмент, чтобы иметь только один вход для контроля или, деликатнее, для взаимодействия. Особенно если ты профессионально в курсе, как оно работает на уровне физиологии и обмена веществ.

— Соседняя комната пустая? — а ведь это не осознанная

тактика с её стороны, доходит до меня.

Как это было бы *у нас*. Из неё льётся превосходство по праву рождения, я просто не сразу сориентировался.

Дворяне средних веков, особенно те, что поближе к трону, видимо, испытывали абсолютно такие же эмоции, наблюдая, как подавальщик в трактире протирает стол, за который они сейчас сядут.

Пустое место. Когда расстояние по иерархии велико, личности собеседника не существует для некоторых — он превращается в пустое для тебя место. Элемент обстановки, инструмент, далее по списку.

Занятно, что с моими интересами где-то совпадает и для меня сейчас не самый плохой вариант. Такую ситуацию уже можно разыгрывать.

— Как вы сказали? — выныриваю из мыслей. — Да, там одно из рабочих помещений. Техники и финансы сидят по очереди: бухгалтера днём, а инженеры вечером.

— Пойдёмте.

Замки по всему зданию электронные и откликаются на мою биометрию. Без затей выхожу в коридор, открываю соседнюю дверь и даже поднимаю ногу над порогом, когда меня в середине шага с нечеловеческой силой дёргают назад и разворачивают на сто восемьдесят градусов:

— Наш разговор фиксируется искусственным интеллектом управления полиции. — Фролова щёлкает по жетону ногтем левого большого пальца, правой рукой буквально внося меня внутрь. — Предупреждаю вас о принципиальной невозможности ввести в заблуждение органы дознания. Господин Барласов, подумайте ещё раз перед тем, как пытаться меня обмануть. Что произошло перед тем, как вы нам позвонили? Расскажите заново и по порядку.

Двери она, не оборачиваясь, закрывает ногой, становясь на долю секунды похожей на танцовщицу или балерину.

— По второму кругу рассказать? — вежливо изогнуть бровь, изображая одновременно иронию и любопытство. — Или вы не расслыш…

— Будьте готовы быть перебитым — я буду задавать вопросы по ходу. Начинайте.

— Какая у нас с вами интересная дуэль моделей общения получается, — здесь очень коротко и безукоризненно вежливо поклониться, ни в коем случае не отпуская её взгляда.

В первую секунду физического контакта мне показалось, что за плечо схватили и дёрнули те здоровенные мордовороты, которые остались внизу — настолько сильный рывок, где-то

неестественно сильный.

Оказывается, нет. Всего лишь хрупкие женские пальчики, вон, даже маникюр в наличии и на загляденье, ногти длиной сантиметр с лишним.

Так вот как выглядит преимущество граждан первой категории в физической силе. На вид девчонка как девчонка, сексуально привлекательная местами, если б не выражение лица кирпичом. А мышечная производительность — как у второго терминатора из старого фильма.

— Мы будем разговаривать стоя? — всё так же вежливо продолжать свою партию. — Как долго? Сколько времени, если не секрет, вы выделяете на личное общение со мной? — не дожидаясь, пока она вдохнёт и ответит, пояснить позицию. — Я взаимодействую гораздо эффективнее, когда осведомлён и понимаю происходящее. От сотрудничества со следствием категорически не отказываюсь, но смысл ваших действий от меня ускользает. — Ещё раз коротко поклониться, как граф уборщице.

Физически она меня очень удивила, не поспоришь, но мышцы — далеко не всё. Личный настрой и багаж за спиной при определённых условиях вполне способны уравновешивать разницу по иерархии. Не автоматически, но.

— Мы будем говорить столько, сколько понадобится. Можете присесть, куда вам удобно, — она опирается о столешницу ближайшего рабочего места тем местом, что пониже спины. — Слушаю вас заново.

— Сидел, работал, никого не трогал. Находился в принадлежащем мне здании, ограничил допуск на вход во время работы. Около пяти утра…

— СТОП. Каким образом они по-вашему вошли внутрь, если замки были заблокированы? Вы были точно один в здании?

— На второй вопрос однозначное да, — чистая правда. — Что до первого пункта, это вопрос, который я собирался задать вам. Вы успели разглядеть дверь вместе с косяком и фрагментами штукатурки на полу? — киваю в направлении ближайший стенки. — Больше, чем та вылетевшая дверь, меня впечатлил только один эпизод в жизни. Это когда вы сейчас мне чуть плечо не оторвали.

— Это вы к чему сейчас?

— Это ответ на ваш вопрос "как они вошли?". Он состоит из двух частей: как они технически проникли в здание и как добрались до меня непосредственно внутри.

— Пока не улавливаю вашей мысли. Соберитесь и попробуйте связно.

— Возьмите себя в руки и думайте головой, а не, к-хм, предрассудками! — Отзеркалить без паузы, ответить в разрез её

слов.

При этом неприязненно поднять верхнюю губу и побольше льда во взгляд. На самом деле это моя искренняя злость, но её легко выдавать за что-то иное.

Глаза собеседницы на долю секунды открываются шире.

Есть. Первый контакт. А то как с роботом общаешься.

— У вас, чистокровных, несоизмеримые с нами возможности, — продолжаю на полтона тише и спокойнее. — Вы сильнее нас физически, думаете на порядок быстрее, имеете в десятки раз лучшую память. Откуда я, по-вашему, должен знать, как они вошли? Мы, вторая категория, давно не пытаемся понять, как вам удалось то или иное, нам недоступное.

— Я менталист пятого ранга. Вы отдаёте себе отчёт, что не сможете меня обмануть ни в какой перспективе? Вне зависимости от ваших личных талантов и багажа знаний — она снисходительно улыбается, выдерживая небольшую паузу, — *второй* категории?

— Повторяетесь. И попутно, зачем вы мне это говорите? С какой целью? — спокойствие, только олимпийское спокойствие.

И внешне, и в интонациях.

— У меня просто в разы выше скорость обработки информации и качество её снятия, — она вытягивает сантиметровый ноготь указательного пальца в направлении моего лба. — Там, где вы слушаете и смотрите, я из вашей головы могу читать напрямую. Не отвлекаясь на шум в виде слов.

— Если бы всё было так просто, в этом разговоре не было бы смысла, — не отвожу взгляда, откидываясь на спинку офисного кресла. — Как минимум, не в моём здании. И вы заметили, что у нас не диалог, а два монолога? Вы уверены в своей компетентности следователя? Я очень озабочен как владелец пострадавшего объекта, настоящим выношу вам первое предупреждение. — спокойно, тихо, на полном серьёзе.

И не захочет, а на мгновение споткнётся. Хоть и на своё мгновение, которое значительно короче моего: категорический отход от шаблонов, как заговоривший таракан.

Так не делают и не говорят в здешних реалиях, так никто и никогда не говорил с ней. А самое интересное, ЛЮБАЯ её следующая фраза меня как специалиста устраивает.

— Простите за прямоту и откровенность, — не даю ей заполнить паузу. — Если вы что-то хотели сказать, говорите теперь.

Начнёт оправдываться и доказывать — иерархия скорректирована, я знаю, что делать дальше. Начнёт ставить на место — вариант два.

Мой процессуальный статус в данный момент не определён, здесь это окно возможностей (если судить по сайту управления юстиции): через её жетон в этом случае обращусь к искусственному интеллекту и попрошу внутреннюю безопасность сменить специалиста.

Пять трупов чистокровных, особый статус моего здания на городском уровне — реакция робота на обращение владельца такого объекта предсказуема. В отличие от людей, он оперирует низменными категориями эффективности.

А для меня сейчас любая пауза по времени, даже часа два отсрочки до прибытия нового следователя — расширение этого самого окна возможностей. Ну и за карьеру, в отличие от собеседницы, я не трясусь — человек с деньгами даже с абсолютного социального низа способен потрепать нервы кому угодно. Уверен, что и тут тоже.

— Решил ох*еть? — олимпийски спокойно интересуется старшая лейтенант.

— В каждом углу моего клуба висит оговоренное законом предупреждение, — не меняя выражения лица, направляю палец на стену кабинета. — Оно висит вообще везде по коридорам, где мы шли, и перед входом тоже. "Всё происходящее в здании фиксируется искусственным интеллектом Компании, государственная лицензия номер…". Мне предупредить вас об уголовной ответственности за преднамеренное и сознательное использование незаконных методов дознания? Любая запись тут является автоматическим свидетельством в суде, искин лицензирован.

— В своём уме? — она наклоняет голову к плечу. — Решил угрожать МНЕ? И что ты хочешь скрыть?

Фролова встаёт со стола, берёт ближайший стул и верхом садится на него напротив. Теперь нас разделяет только рабочий стол кого-то из финансистов.

— Ещё одно "ты", и я через ваш же жетон вынужден буду обратиться во внутреннюю безопасность вашей организации и в надзорный орган. — С отделом по надзору за полицией в прокуратуре здешние менты очень не ладят, это я успел понять. — Если не дошло, уточняю: в оба органа параллельно.

Выгляжу со стороны недалёким и ершистым на ровном месте мудаком, но так надо. Мне позарез необходим её эмоциональный отклик, причём весьма определённого тона. Сама в нужное состояние не войдёт, есть шанс только загнать. Как лося.

Она, кстати, исполняет что-то похожее и в мой адрес. Начала первая, совесть чиста.

Там, откуда я родом, межведомственный шум — как правило

очень большой геморрой. Если со своими из департамента внутренней безопасности мент может договориться порой вообще за бутылку (фигурально), то вот с голодными сотрудниками трёх других организаций, имеющих право призывать полицию к порядку, всё намного сложнее. И по деньгам, и по геморрою для сотрудников внутренних дел, по которым инициированы абсолютно любые разбирательства.

Если сказать без купюр, то отстранённый мент вынужден пахать не на кассу и не на план продаж, а на защиту своей задницы. Плюс нести значительные финансовые потери на фоне прекратившегося дохода (зарплата не в счёт, это только зубная паста и бензин).

Наблюдая со стороны, я ни разу не видел, чтобы нервничающий по такому поводу полицейский не просел по всем иерархиям (пусть и временно). Карьерному росту в перспективе тоже не способствует — никому не нужен сотрудник, приносящий начальству проблемы вместо денег.

Надеюсь, аналогия работает и в этих местах.

— Здание будет закрыто на время выяснения отношений, — весело подсказывает она. — Никакой работы клуба. Самому не страшно?

Намёк на то, что остановка бизнеса равно уже мои расходы без доходов? Типа, удар мне по карману? Потеря репутации, клиентов, потом бизнес со дна не поднимешь?

— А-га-га-га, — ну и как здесь не заржать.

Картинно хлопаю в ладоши три раза, потом абсолютно искренне поясняю:

— Категорически не возражаю против такого варианта. Меня устраивает.

— Да ну?

— Вы же менталист, — равнодушно пожать плечами. — Я что, могу вас обмануть?

Есть. Первый маркер прошёл и встал, как надо.

— Могу озвучить вслух, — откатываюсь на стуле чуть назад. — Я не торгую своими гражданскими правами, человеческим достоинством и справедливостью. Если за свою жизнь я сумею избавить общество хотя бы от одного недобросовестного, коррумпированного и тыкающего следователя, даже не читавшего инструкций по надлежащему формату процессуального общения… — пассаж льётся непринуждённо и даётся без труда.

Искренность всегда убедительна. За несколько десятков лет жизни **там** у меня никогда не было ночного клуба (этот, кстати, очень крутой — к вопросу о суточном доходе тела).

Жил я без такого заведения там счастливо, проживу и тут,

говоря цинично. То, что тебе не нужно, потерей не является.

Ну и менты — перманентный позор системы, без деталей. Как не потоптаться по мудакам при любой возможности, здесь я тоже абсолютно искренен.

— Завязывайте, — лицо Фроловой становится серьёзным. — Я тоже не сделаю уступок, влияющих на истину. Предлагаю начать сначала, в качестве жеста доброй воли с моей стороны.

— Я вас услышал.

— Подтверждаю ваше законное право на обращение в вышестоящую инстанцию через мой личный жетон в случае, если считаете действия органа дознания неправомерными.

— Тут речь не об органе, а о конкретных сотрудниках.

— Либо действия сотрудников, — равнодушно соглашается Фролова. — И кстати, раз такой разговор. Не желаете пригласить своего адвоката? Чтобы избежать в будущем ненужной дискуссии? А то вдруг вам ваш итоговый процессуальный статус не понравится?

Есть. Вот и эмоциональный градиент подъехал, хоть такой. Уже не ноль.

Глава 4

— Не желаете пригласить своего адвоката? Чтобы избежать в будущем ненужной дискуссии? А то вдруг вам ваш итоговый процессуальный статус не понравится? — она катнула очередной пробный шар.

Тип при деньгах. Сам второсортный, но где-то трепыхается, пытается добиваться. Даже получается местами.

Клуб свой на ровном месте замутил, от концепции до начинающего сетевого заведения. С собственными зданиями, искусственным интеллектом, чуть ли не новым культурным трендом. Жаль, нельзя глянуть его доходы для понимания — у фискалов только через верх запрашивать.

А что, если ему лихорадочно не хватает точек опоры? Союзы, интересные финансово, возникают всегда неожиданно. Её интуиция просто орала именно в эту сторону, несмотря на недоступность ментала в помещении.

— Адвоката? — Барласов резко задумался, словно на стену налетел.

Ух ты. Должен был первым обозначить, теоретически — а тут вроде как и не рад? Идёт на сближение?

— Да. Вашего адвоката, — внешне эмоций Светлана не демонстрировала, но было интересно, что он скажет дальше.

— Да не нужен мне адвокат прямо сейчас, — взвесив что-то про себя, задумчиво выдал второсортный. — В здании менталист ничем не отличается от гражданина второй категории, здесь все равны с точки зрения физиологии. А если куда-то с вами поедем, тогда и озабочусь.

— Смело. И я бы не была столь категоричной на вашем месте: кроме физиологии существует вопрос права. — Фраза под жетон, но с правильной мимикой.

Шаги навстречу надо делать синхронно.

— А с точки зрения права, давайте вначале этот разговор к чему-то придёт, — он равнодушно пожал плечами.

Чёрт, ну почему его тут читать нельзя.

А ведь похоже, что ищет точки опоры. Рос быстро (вместе с бизнесом), из мелкой и никому неинтересной сардины во что-то большее вырос стремительно. Внимание серьёзных людей привлёк только на этом уровне и сейчас — вот проблемы и наметились.

Чистокровных у него в компаньонах нет, судя по материалам лицензии, но без них сожрут. Возможно, уже начали.

— Как скажете. Хозяин — барин. Расскажите всё ещё раз с

самого начала.

Или сделал стойку на неё, как на женщину? Отсюда и странности в разговоре? Думает, что что-то может быть, теоретически (мужик молодой, физиологии не прикажешь). Вот и топорщится, пытаясь обратить её внимание на себя во вполне определённой плоскости.

Светлана не понаслышке знала, что в кругах второсортных время от времени обсуждают варианты "встречаться с тёлкой из титульных". И прецедентов по жизни всё больше, чего уж.

Сам Барласов — активно за эту идею, что все люди равны. Типа, не должно у гражданства и граждан быть сортов, а рождённые по госпрограмме — всё равно что чистокровные.

Его клуб именно на этой волне раскрутился: чистокровных чуть не одна пятая от посетителей, имеющих постоянную карту. Девчонки тоже есть, не только парни. Кто-то из своих идею разделяет.

Логично предположить, кстати, что именно эти двадцать процентов дают больше половины кассы, но это и не её дело. На то есть фискалы.

— Вынесли дверь одним ударом, вы видели результат. — Барласов поёрзал в кресле и впился в неё взглядом любопытного спаниеля.

Бл*. Ну да, похоже. Ментал в здании не работает, но такие мужские глаза ни с чем не перепутаешь.

Самое интересное, что он искренне пытается совместить эти свои уловки эрекции и попытку не сказать всей правды дознавателю. Реально решил подкатить к ней яйца, ещё бы комплиментами сыпать начал, пф-ф-ф-ф-ф.

— Продолжайте. — Светлана попыталась скрыть пренебрежение, но не слишком усердно.

Пусть понервничает. Бизнес — это одно, а трусы с их содержимым — совсем другое.

— Они на меня сразу чем-то надавили из вашего арсенала. Так, что я шевельнуться и пикнуть не мог. — Барласов задумчиво пошевелил пальцами. — Похоже на геморрагический инсульт по ощущениям, не знаю, как описать.

Пытается произвести впечатление умными словами. Пф-ф-ф ещё раз. Кстати, что такое инсульт[2]?

— Нестыковка, — заметила она. — Каким образом внутри вашего здания кто-то без вашего разрешения мог активировать ментал?

— А это и есть один из главных моих вопросов вам, — серьёзно ответил мажор. — Система внутри здания не отключается никогда, можете считать частью нашего протокола.

Даже на парковку кое-куда достаёт. Оборудование активно двадцать четыре на семь, политика заведения. Откуда у меня разрыв сознания — я надеялся, вы поможете понять. На камерах в записи тоже есть пробелы — как будто им мой искин подыграл. И не стал записывать лишнее.

Не вся правда, но и не врёт. По мозгам от них получил без дураков, сканер подтверждает.

Светлана подняла ладонь, призывая его помолчать, и ненадолго задумалась. Параллельно она листала лицензионные материалы на заведение, пользуясь уровнем допуска — для второсортного пауза в их беседе будет составлять не больше пары секунд.

Подуровень полицейского искина, аппендикс третьего ранга как раз для таких случаев, принял от неё вводные, прочёл барласовскую лицензию и тут же выдал диагноз: может быть правдой.

Теоретически, работающая защита заведения проходилась. Но для этого нужна слаженная группа в составе не менее трёх человек, ранги от пятого или четвёртого, нехилые требования к фокусу и квалификации участников группы, плюс дополнительное оборудование, вот какое.

Последнее находилось в запрещённом списке, поскольку позволяло воздействовать не только на вторую категорию, а и на чистокровных граждан. Табу из табу.

Поискав по сусекам, машина через мгновение добавила: техника наверняка негласно используется кое-какими государственными структурами, но оценить этот момент количественно она со своего уровня уже не может. Искины полиции искинам других ведомств не друзья.

Трупов, кстати, пять, больше трёх с запасом. Интересно, какие у них ранги.

"Посмотрите на телах нейроконцентраторы", — отписала она Святееву в служебный чат. — "Скажите сразу, если обнаружите. Убитые — чистокровные? Какие ранги?".

Ответ пришёл тут же:

"1) +. 2) +. 3) 4,4,4,5,6".

Барласов наверняка не заметил ничего по ней, поскольку сосредоточенно продолжил на своей волне:

— И я не могу поручиться за достоверность того, чему даже и был свидетелем, поскольку пребывал под незаконным ментальным воздействием.

— Можно без протокольного канцелярита, — неприязненно бросила офицер. — Не ломайте комедию, будьте собой.

Чёрт. Если это именно оно, то зачем этот геморрой ЕЙ. Одни

проблемы в перспективе, захотелось расплакаться.

Хотя, у него есть деньги и он явно готов делиться, причём не разово. Есть за что напрягаться.

— Пятый на моих глазах перестрелял первых четверых, потом принялся шарить у меня по кабинету. Я улучил момент и исхитрился отобрать у него пистолет, из которого убил его.

— Осмотр места ваших слов не подтверждает, — обтекаемо сформулировала Светлана.

По одному из каналов ей сейчас в режиме реального времени лилась работа криминалистов (и не только) из-за стены.

— Я же тела трогал и переворачивал — надеялся, кого-то можно спасти, — спокойно пояснил второсортный. — Ваш осмотр и не даст ничего. Опять же, сознание было ещё спутанное, может, не соображал до конца: кажется, по запаре даже таскал их туда-сюда.

— Это серьёзное нарушение. Вы не должны были…

— Готов отвечать в суде по всей строгости закона, — перебил он со скоростью искина, и не думая спорить. — Нарушил — значит, виноват. Как суд назначит, так и сделаю.

Суд как раз войдёт. В твоё положение, особенно за твои же бабки. Понятно, что сам факт группы с подобной снарягой на твоей территории — это не розыгрыш, а что-то гораздо более серьёзное.

А ты налоги платишь, как бегемот, суд деньги бюджета считает быстрее, чем служебную целесообразность полиции.

Держим в голове вариант возможного сотрудничества с ним лично. Смежники тоже люди, с ними можно пободаться, если есть резон (читай, регулярный доход). Опять же, по закону они полностью неправы.

— Я очень сомневаюсь в вашей способности отобрать пистолет у *работающего* менталиста пятого ранга. И это не первая нестыковка в вашем рассказе. — Светлана решила побыть до известной степени откровенной.

Когда они входили сюда, Фролова на автомате прогнала одну из проверок: дёрнула его за плечо, развернула, потом внесла внутрь правой рукой, не встретив характерного сопротивления.

Если бы он чисто технически или физиологически был в состоянии оппонировать чистокровным на сопоставимом уровне, рефлексы его тела работали бы иначе. Это бессознательное, не изобразишь.

Ментал в здании хоть и не работает, но тактильного контакта никто не отменял. Нельзя снять информацию мозгом — значит, что-то получим через нервы. Результат точный.

Кстати, это обычный в среде полицейских тест второсортным

на дикого менталиста. Барласов диким не является, обычный кисель.

— А я вас и не уговариваю, — он не смутился. — Я на своей территории. После такого вторжения имел право вообще передушить их без особых для себя юридических последствий, если бы сил хватило, — тут владелец ВАВИЛОНА неподдельно вздохнул. — Вы просили рассказать? Я это сделал. Верить, не верить — ваше дело.

Интересно. Если б не был второсортным, предположила бы, что он каким-то образом видит её переговоры с коллегами по сетке. Как-то он резко повеселел после этого сообщения Святеева о концентраторах.

Ладно, фигня. Работаем дальше.

— Хорошо, допустим. Хотя предупреждаю, что достоверность этого вашего заявления будет проверяться повторно. Зачем вы трогали тела до нашего приезда?

— Я уже пояснил, память барахлит? — вроде тоже работает на жетон, мимика не соответствует тексту. — На автомате хотел проверить, вдруг кто живой: оказать помощь, если возможно. Для этого проанализировал каждый раневой канал и витальные функции каждого из, г-хм, нет, не из пострадавших. Из убитых.

И снова правда, опять не вся. Но проедем.

— Вы настолько понимаете в медицине?! — Фролова удивилась и в первый раз за беседу не стала этого скрывать.

Уж куда-куда, а на медфакультет второй категории граждан дороги практически не было. В принципе, как и в любой другой университет, по большому счёту — но конкретно Барласов при деньгах, там возможны варианты.

— Да, в медицине я понимаю. — За очень короткой фразой, такое впечатление, стояло что-то большее.

Не врёт однозначно. Прикол.

Ладно. Беседовать с ним ещё придётся, не здесь (дело обещает стать резонансным, плюс личные варианты между строк наметились), потом уточним при желании. Мать вашу. Долбаные концентраторы.

Можно будет пошевелить тему уже у себя, особенно если опять явится без адвоката.

— Я сразу предупреждаю вас, что не верю в достоверность сказанного на тему отъёма пистолета, — Светлана решила зафиксировать момент на будущее, чтоб обезопасить себя.

— Вы очень переоцениваете свою физику и недооцениваете нас. Если это может считаться доказательством, могу при вас настучать по голове любому из вашей бригады, — на полном серьёзе предложил Барласов.

И ведь верит в собственный бред.

А может, ему что-то в мозгах повредили не по-детски?! Светлана с тревогой мазнула взглядом по индикатору в интерфейсе.

Да нет, психически адекватен.

Захотелось сказать "Бесишь, сука", но Фролова лишь иронично улыбнулась.

Среагировать на молниеносное движение в следующий момент у неё не вышло. Она успела отшатнуться, но с опозданием — чужая рука уже весьма чувствительно схватила её за горло:

— Вам больно потому, что я держу вас за трахею, — второй ладонью невесть каким образом телепортировавшийся ближе мажор, перегнувшись над столом, фиксировал её затылок. — Отпускаю, вольно.

— Я бы успела убить вас до того, как вы сжимали пальцы на моём горле. — К демонстрации она отнеслась неожиданно спокойно.

Светлана не стала нервничать, истерить, а принялась конструктивно анализировать новую вводную вслух:

— Да, буст был неожиданным, — с фактами спорить не стоит, он действительно взорвался движением стремительно. Такое могло сработать. — Для вашего уровня запредельно быстро, признаю. Но оно работает только первые доли секунды, пока чистокровный не среагирует. Потом мы ускоряемся и у вас без шансов.

— Так я его не за горло хватал и не пальцами душил, — резонно заметил владелец заведения. — За трахею тоже не дёргал, подмышками не щекотал. Сознание было как в тумане, но рефлексы не зависят. Как и мышечная память. Я не кумитэ устраивал, а его ствол забирал. Сам не могу понять, почему — я не стрелок и никогда не был.

— Подробнее. Где он стоял, как вы двигались?

— Не помню. Смутно, не готов в деталях.

— Дальше?

— Забрал у него пистолет, потом рывок назад. Это машинально, наверное: разорвать дистанцию. Вы же сильнее, нам страшно. Он следом. Выстрелил с перепугу, случайно попал, случайно ему в лоб. Так бы, наверное, он и меня хлопнул. Повезло.

Фролова задумалась повторно. Считающий себя самым хитрожопым владелец заведения снова где-то лукавил.

— Попробуйте сказать мне что-нибудь интересное, — двусмысленно намекнула она на игру для жетона.

Он ухватил влёт:

— Не поручусь, мне ж мозги массажировали в тот момент, но раз вы спросили — автоматика пистолета.

— Что с ней?

— Я не стрелок, однако отработать четыре цели дуплетами быстрее половины секунды — это нереал.

— Как?

— Сдвоенными выстрелами.

— М-м-м, расшифруйте суть. Не уловила.

— Может быть, что есть специальные патроны и оружие именно на чистокровных? А не на всех подряд?

— Спасибо, теперь поняла.

С другой стороны, убитых было пятеро и все именно чистокровные — самого Барласова не обвинишь даже технически. Его натренированный (наверняка на стимуляторах и за большие бабки!) мышечный буст — фокус на раз, как ствол с одним патроном. Разовый трюк, причём недлинный. Работает только первые три сотых секунды, если не меньше, потом самому Барласову труба.

Да, одного чистокровного в этом крайне небольшом кабинете он завалить успевал, если предположить пистолет изначально у него. С натяжкой, пару — это со скрипом, малореально, но не исключено.

Одного или двух в итоге, не всех пятерых — физиологический предел.

Второсортных бы мог, пятерых своих — уже нет. Убитые чистокровные должны были быть или привязаны к стенке, или парализованы и пьяны, чтоб дать ему отработать до конца.

А они наоборот двигались под концентраторами, вон посмертные слепки аур от Святеева.

Получается, Барласов выгораживает кого-то ещё. Или говорит правду — и так и было (хотя и не верится), или был в кабинете кто-то неучтённый? Хотя следов седьмого нет, коллеги за стенкой пока однозначны.

Сука, а на взломщиках — аппаратура из запрещённого списка, которая есть у кое-кого из *других* коллег, смежников.

До чего же тухлое дело. И угораздило же в него вляпаться. От разборок такого уровня лучше держаться подальше.

С другой стороны, богатый мажор из второсортных. Шпагат между двумя стульями, клуб у него вкусный. Если б уже кто-то крышевал, она бы знала.

— Вас что-то смущает? — дыша чаще обычного, поинтересовался второсортный.

Даже кратковременное усилие сказалось на его внешнем виде.

— Вам не надоело задавать свои идиотские вопросы в надежде на мой эмоциональный ответ? — не отрываясь от размышлений, прозрачно намекнула она.

— Просто у меня есть предложение, — не смутился он. — Давайте определимся, вы в данном деле за справедливость или за личный интерес?

— Какие варианты? — а ведь это оно самое, вау.

— Если второе, личный интерес, то давайте и договариваться соответствующим образом?! — на его лице только что возмущение не проступило. — Мы взрослые люди, зачем друг другу варить мозги? Напрямую вы у меня взять не сможете, я согласен, но дать-то хочу. Скажите фонд сотрудников вашей организации, уволенных в запас? Я чуть-чуть понимаю, как эта схема работает. И легально, и договориться можем.

— Хренасе. Вот так откровенно и под мой жетон? — ей ещё на одно мгновение стало любопытно.

Прямо сладострастное предвкушение. Неужели джек-пот? Угадала? Спокойно, потом порадуемся.

— Я всегда учитываю аппаратную фиксацию беседы, — серьёзно парировал Барласов. — Особенно сейчас. Потому и предлагаю абсолютно законную схему. Вот изменится законодательство, будем что-то новое изобретать.

— Да вы просто монстр, — фыркнула она, примеряя на себя новые варианты.

А ведь можно кричать ура. Делиться наверх придётся, но поток-то через неё. Откорячки для официоза сформировались в голове автоматически.

С денежными типами лучше без необходимости не бодаться. Зачем, даже если он второсортный? Тем более, по сути прав, как ни крути. И на *контакт* идёт.

Сюда же. Способность представителя второй категории гражданства учинить произошедшее в соседнем помещении над пятерыми чистокровными можно уверенно исключить из списка версий, хотя бы и на уровне физики процесса. Свои поймут.

А с другой стороны, Барласов явно кого-то покрывает, хотя об этом можно промолчать.

Если рассказанная им сказка сказка и есть, то здесь был кто-то ещё. Чистокровный тоже, не ниже седьмого ранга — справился один против целой группы, с учётом уровней трупов. Этот семёрка, похоже, разобрался и с концентраторами (скорее всего государственными, последнее пока держим в голове и никому не говорим).

Но седьмой ранг стрелявшего — это также не частный бизнес. Это однозначно всё то же государство, ибо семёрки на вольных

хлебах — как правило, владельцы концернов. Минимум, члены советов директоров.

Они по чужим офисам в пять утра не бегают и физкультурой за второсортных не занимаются.

— Ну и говно, — абсолютно спокойно произнесла Светлана вслух, не поясняя, что имеет в виду.

Может, семёрка ему мозги и промыла?

Начальство согласится не копать, спокойствие всем дороже. Хорошо было бы не упоминать концентраторы в протоколах вообще, не было их — и всё. В крайнем случае, дело натянуть на Барласова — всё равно второсортный. Подоить его перед этим, конечно, потом понести по статье.

К сожалению, утопия. У криминалистов своё кино, свои жетоны и за них искин вообще на девять десятых сам пашет. С тем не договоришься.

Ладно. Раз геморроя не избежать, возьмём деньги. Но покрутить его ещё стоит на всякий случай: просто чтобы понимать, где какая сторона.

Группа была с высокой степенью вероятности не с улицы, это криминалисты только что выдали официально. Ствол ожидаемо чистый, но тут никто и не надеялся.

Главное: семёрка-призрак, всех перестрелявший и живущий пока только в её голове — тоже не сирота. И он не против Барласова, раз последний жив и предлагает деньги ей (что многое меняет).

Хоть бы выяснить, за кого играть в случае чего.

— Прошу вас предоставить доступ к записям вашего видеонаблюдения. — Светлана подвесила голограмму над столом.

Глава 5

— Прошу вас предоставить доступ к записям вашего видеонаблюдения. — Фролова явно кое-что для себя решила.

Предварительно, не окончательно, но уже прогресс. И я даже предполагаю, что именно.

Интересно, какую фигню она подвесила над столом? Напоминает конструкт подполковника-криминалиста в соседней комнате, но другие цвета, форма, кое-что ещё отличается.

— Без проблем, но только при условии, — качаю головой.

— Вы же заявляли, что не против сотрудничества со следствием? — она не очень убедительно изображает недоумение. — Как это понимать?

— Я не отказываюсь, просто обозначаю границы своих интересов. Имею вполне официальное предложение: давайте соблюдать ЗАКОН.

— Вы это о чём? — старшая лейтенант наконец дочитала между строк.

— Есть процессуальный кодекс, — я успел просмотреть по диагонали, идеологию уловил. — В нём прописан порядок выемки, в том числе такого плана. Я не вижу у вас сейчас двоих независимых свидетелей, граждан первой категории соответствующей квалификации, это раз. И не наблюдаю подтверждённого и заверенного присутствия вашего искина в процессе, причём его версия должна быть верифицированной минимум на уровень выше, чем у моего. Это два.

— Не похоже на желание сотрудничать, не находите? — работает на жетон.

Значит, и мне надо.

— Светлана, со всем уважением. Вы, кажется, не принимаете меня всерьёз. Досадно. Торговли на эту тему не будет. Вы оценили, что я ни половиной слова не заикнулся о решении суда? Мне упереться рогом? И сказать, что выемка будет не по щучьему велению и хотению органа дознания, а исключительно по решению суда?

Понятно, что оригинальные записи мне не то что показывать нельзя, а даже и вспоминать о них лишний раз не стоит — тут мысли читают.

Попутно вижу, что она всё время в параллель мне общается с коллегами за стеной. Что-то такое они ей недавно сообщили, у неё прям настрой поменялся заметно. В нужную мне сторону, хотя подробностей пока не понимаю, только общий вектор.

— Я вас услышала.

— Я не против сотрудничества со следствием, но мы с вами оба друг другу не доверяем: вы мне по профессиональным причинам, я вам по социаль…

— Вы мне тоже? — а это удивление в её исполнении не наиграно.

— Конечно! — отзеркалить до мельчайшего нюанса на полтона выше.

— Поясняйте, — решительно требует она.

— Вы сотрудница полиции, чистокровная, откровенно недолюбливаете нашего брата. Кто из второй категории в здравом уме вообще доверяет полиции? При этом я разделяю крайне неприятную для вас лично идеологию, за которой будущее и которая в перспективе угрожает вашему комфо… ЧЕГО?!

— Пха-ха-ха-ха-ха!

Хм. А она где-то ничего внешне, когда смеётся. Что надо мной, переживу.

— Барласов, я сейчас не зову медицину только потому, что мой датчик говорит, вы адекватны. Пха-ха-ха-ха-ха!..

Ну, аплодисменты зрителя — лучшая награда исполнителю. Тем более, в данном случае ставка повыше, чем стоимость билета на представление.

Конкретно этот смех — маятник. Местами компенсирует её же предыдущий эмоциональный негатив, уж не знаю, из-за чего возникший (предполагаю инфу из соседней комнаты). Второй момент: значит, я выглядел убедительно и ошибок не сделал.

— Иии-хи-хи-хи-хи… Вы продолжайте, продолжайте.

— Да я уже всё сказал. Ни один из более-менее обеспеченных граждан второй категории, если он не выжил из ума, сходу доверять полиции никогда не будет. НИКОГДА. Самый простой пример: что, если на записи будет информация, критичная для моего бизнеса и прибыли? Что-нибудь такое, что тем же конкурентам интересно?

— Что это может быть?

Не играет снова, выглядит абсолютно естественно. Переход на личную тему как индикатор согласия.

— Светлана, вы сейчас серьёзно? Вам ключи от сейфа не вручить, без описи и обязательств с вашей стороны? Неважно, что. Важно, если покажу вам частным порядком, вы со скоростью звука откатаете копию через свой жетон. Можете откатать, — поправляюсь. — Любая информация самого успешного бизнес-проекта отрасли очень легко конвертируется в деньги. — Только стопроцентная откровенность и чистая правда.

— А вы не умрёте от скромности, пха-ха-ха. Я лично не представляю подобного секрета. — Она теперь не спорит, а

дискутирует. Эдакий толстый намёк действием. — Такого, чтобы в моих руках нанёс в конкретной ситуации вам ущерб, а я его при этом могла легко конвертировать в деньги. Хотя идея интересная.

Лёд тронулся, теперь только закрепить. К деньгам она неравнодушна, хотя и с массой оговорок. По-хорошему, ключей влияния лучше иметь больше одного, но не мне сейчас замахиваться.

— Простите за откровенность. Госпожа старший лейтенант, сколько миллионов или хотя бы сотен тысяч вы заработали за прошлый месяц? Но не на своей должности, а бизнесом, где наёмных работников четырёхзначное число, а фонд заработной платы равен двадцати процентам оборота?

— Не поспоришь.

А ещё у неё местами редкая критичная объективность. Не минус, но очень неудобный субъект для такого вот взаимодействия.

— Я упустила на мгновение, что вы в силу физиологии мою достоверность не проконтролируете, — поясняет она вроде как нейтрально.

Неправда. А тут неправда. И это очень хорошо.

— Но как скажете, — продолжает Фролова. — Значит, запись будет получена от вас по процедуре.

— В любое время! Только один момент, — доверительно наклоняюсь через стол. — Вы внимательно прочли мою лицензию?

Это тоже мелкий тест. Вижу по отклику невербалки, что читала. Получается, действительно настолько высокая скорость обработки информации и обращения к ней же.

Так быстро думают, что их мыслительные процессы можно условно считать параллельными. Если она — типичный представитель своего класса, а всё пока именно за это.

Есть над чем задуматься. Есть чего опасаться. Если у них пропорционально работает и память, то жену из чистокровных я, пожалуй, никогда не захочу.

— Настолько внимательно, насколько это сейчас целесообразно. Что я упустила?

— Может, и не упустили. Мой искин имеет сертифицированную вторую категорию. Для выемки вам потребуется верифицированное участие искина первой — на уровень выше двойки идёт единичка.

Здешний нюанс. У человека-менталиста первый ранг — самый низкий, десятый — самый высокий. У искусственных интеллектов наоборот: первый — самое крутое, что можно вообразить. Два, три — легковушка в сравнении с грузовиком.

Искином первого ранга негосударственным конторам владеть запрещено, а на государственном уровне он типа редкость. Скажем, есть не во всех городах (дорого) и к иному члену правительства на приём попасть проще. Будучи бомжом.

— Это барьер, — без паузы констатирует она. — И выстроили вы его скорее всего неслучайно.

— Могу ответить грубо: "Зачем вы сейчас на меня вешаете свои проблемы? Есть закон, давайте соблюдать".

— М-м-м? — она вопросительно изгибает бровь.

— Могу, но не буду. По-человечески: не планировал вообще никаких барьеров. Я ж не вчера строил здание, даже не в этом месяце! И это не барьер, а политика безопасности компании. Вы просто не понимаете в этом бизнесе.

— Да ну? На какую тему я не сильна?

— Вы в курсе, что на своей территории мы разрешаем только лицензионные стимуляторы?

— Предполагала. Приняла к сведению только что. В принципе, так и думала, с учётом вашего размаха и формата. Просто часто клубы декларируют одно, а по факту.

— Не в нашем случае, — качаю головой. — Проконтролировать нелегал на территории любого подобного заведения — это вопрос не внутренней политики. Поверьте, торчки среди клиентов никому не нужны.

— "Вопрос не внутренней политики". А чего тогда это вопрос?

— Технической возможности. Желающие выйти за рамки никогда не переведутся. Если собрались десять человек молодёжи, неважно, вашей или нашей категории — пара из них с вероятностью семьдесят процентов попробуют выпендриться перед другими за счёт употребления вы поняли, чего.

— Внимательно слежу за ходом вашей мысли дальше.

— Искин высокого уровня — единственный по-настоящему эффективный инструмент, чтобы контролировать молодёжь из ваших. — Память предшественника на эту тему в наличии, на удивление до мелких нюансов. — Мы-то своими силами не справимся, если что. Уж вы-то понимаете. А закон чтём свято. Других инструментов контролировать вашего брата *эффективно* лично я пока не знаю.

Обменные процессы мозга здесь подстёгивают нанодобавками, которые глотают в виде пилюль, капсул. Последние бывают как легальными, так и не очень.

Нелегальные по факту наркота и на менталистов некоторые сочетания действует сильнее, чем на таких, как я.

— Чистокровный уже четвёртого ранга, задвинувшись каким-нибудь комбинированным усилителем с модулятором, способен

натворить такого, что и полиция не расхлебает, не то что частная охрана частного же клуба. В таких ситуациях, любой полицейский офицер это знает лучше меня, счёт идёт на секунды.

Фролова молчит.

— Я же не могу видеть, какую часть памяти вы изымете, — заканчиваю пояснение. — Искин — не файлы видеорегистратора, границу по времени не отчеркнёшь. А ваши физиологические возможности для меня запредельны, я даже входить в систему при вас не буду, извините. До соблюдения вами моих законных прав, как гражданина и налогоплательщика. Светлана, давайте по-простому. Мне что, надо уговаривать вас СОБЛЮДАТЬ ЗАКОН?

— Участие искина первой категории, чтобы обеспечить выемку у вас, практически нереально. Такое впечатление, что вы очень старательно сформировали своё игровое поле. Чтоб никому кроме вас на нём не было места.

— Ага, — очень быстро соглашаюсь. — И этих пятерых притащил насильно в пять утра, чтобы они меня овощем сделали. Полное амнезирование и превращение в больного альцгеймером в расцвете сил — моё любимое развлечение.

— Превращение в кого?

— Вырвалось. Атрофия мозга. Тоже растение вместо человека в итоге, но чуть иная механика, чем при воздействии менталиста.

— А как действует ваш искин в описанном случае? Допустим, кто-то в туалете решил дёрнуть дозу, что будет дальше?

— На дверях туалетов стоит рамка, — откидываюсь на спинку кресла.

Эту лекцию предшественник любил рассказывать везде при каждом удобном случае, делал это с удовольствием и в памяти она абсолютно не пострадала (вот что значит здоровый дофамин в связи с личной вовлечённостью, к-хм).

— Что за рамка?

— Нанотеховская, аналог вашего сканера, — указываю на служебный жетон, — только стационарная, потому в разы мощнее. Фиксирует текущие изменения ментального профиля. Если вы зашли нормальной, а в сортире, пардон, приняли, система тут же поймёт.

— Понятно. Чем выше уровень вашего искина, тем шире диапазон противодействия, — она задумчиво барабанит пальцами по столу.

— Раскрою небольшой секрет. Наш диапазон как раз узкий, важнее точность. В обсуждаемом сценарии именно точность должна быть безупречной, диапазон до лампочки.

— Не поняла?

— Описанного персонажа система по протоколу точечно

глушит инфразвуком до прибытия охраны. Как именно — секрет, не обижайтесь, но стоящие рядом не пострадают.

— Сейчас же обсуждают запрет инфры? У частников, по крайней мере? Не опасаетесь за перспективу?

— Пока обсудят. Пока договорятся. Или ишак, или хан, или я, — пренебрежительно машу рукой. — Вот если запретят, тогда и будем думать, что дальше.

Пока веду светские беседы с полицией, в голове складываются свои картинки. Точнее, НЕ складываются.

Саша Барласов мог обезвредить тех пятерых ещё на этапе их выдвижения по зданию. Нелетально, не нагребая потенциальных проблем, абсолютно законно.

Вместо этого он предпочёл непонятную мне "дуэль", в которой почему-то сделал ставку вообще на огнестрел.

Где логика?

Пистолетом своим, кстати, он так и не сумел воспользоваться (как и запредельным совершенством охранных систем этого комплекса). Стрелял уже я, не он.

Чего я не знаю? Чего я-нынешний не понимаю? Чего не могу вспомнить? Что не учтено?

— А после инфразвука разве не возможны такие поражения гражданам, что вы всем своим заведением потом будете дружно три пожизненных кандалами греметь?

Шарит. Или со скоростью молнии порылась по сети.

— Возможны, — соглашаюсь. — Именно поэтому у нас и стоит максимум, вторая категория. Система сложная, особенно если в туалет зашли пятеро, а приняли из них только трое. И в зал куролесить они пошли группой, но под стимуляторами не вся компания.

— Звучит как гротеск из сериала.

— Вы просто из хорошей семьи, учились в хорошей школе. Квартал, в котором жили, был благополучным. Поверьте человеку, который в этом варился больше, — вздыхаю. — Кстати, вы в курсе, что опаснее всего не задвинувшиеся запрещёнкой, а как раз абсолютно трезвые чистокровные? Молодые, из благополучной семьи, очень рано взявшие достаточно высокий ранг. Три четверти незаконных ментальных воздействий ваш брат делает в здравом уме и твёрдой памяти.

— Ваш искин и таких ставит на место инфрой?

Ничего не значащий трёп, ориентированный на жетон.

— "Здесь все равны", — тычу пальцем в слоган на настенном логотипе. — Самый первый претендент на поджопник и отправку к вам — как раз такой. Да. Раньше случалось, до установки полной заглушки на ментал. Пока мы не поняли, что на совесть

чистокровных рассчитывать не надо.

— Я по роду работы общаюсь не меньше вас. Вы сейчас это подаёте как социальное явление, что далеко не так.

Врёт. Просто круговая порука, память предшественника однозначна. Ну и на записи ей надо изображать, что надо.

— Чего?! — Фролова заметила что-то по моему лицу.

Да я несильно и скрывал.

— Вам напомнить, как вы трижды только за этот разговор пожалели, что не можете меня прочесть?

— Хм.

— Да. И сделали бы, если б смогли. Хотя по закону обязаны предварительно декларировать мне любое воздействие, даже когда просто сканируете.

— Не докажете же, — она равнодушно пожимает плечами. — А кто-то потупее даже и не заметит. Вы с собакой часто будете договариваться? Даже если вас по закону обязать это делать?

Занятные реалии. И ведь это не является компрометирующим с точки зрения их надзора — жетон-то работает.

— Именно, — только кивнуть, чё. — Так вы ещё слуга закона, сотрудник полиции, но трижды этим законом подтёрлись за четверть часа. Законопослушнейшая из законопослушных, сарказм. А как себя ведут чистокровные, которые не отягощены *вашим* грузом морали?

— Вы сейчас идёте по очень тонкому льду. Завязывайте, — она сигналит и глазами, и бровями.

Прикольно. Что за резкий переход? Цензура в действии?

— Да пофиг, меня сегодня уже убивали, — чистая правда. Меня несёт, хотя и не бесконтрольно. — Среди вашей молодёжи всё чаще популярны такие повороты, которые ещё лет десять назад были невозможными. Безнаказанность рождает вседозволенность. Вы просто с узким кругом общаетесь откровенно.

— Много вы знаете, с кем я общаюсь.

— Да видно же, — вздыхаю.

Поискав глазами вокруг, отъезжаю прямо в кресле на метр и утапливаю пальцем кнопку кофемашины.

Пока техника жужжит, Фролова, не мигая, полирует меня взглядом зрелого аллигатора.

Сделав две чашки, возвращаюсь обратно, не вставая из кресла:

— Держите. Вас ни к чему не обязывает, если что.

— Благодарю. — Она отпивает и вопросительно поднимает бровь. — С наномодуляторами?!

— Ну да. Мы же в Вавилоне, — откатываюсь назад,

увеличивая дистанцию на всякий случай. — "Здесь все равны". Вы что, думаете, я свой персонал кормлю одним, а клиентов — другим?

— Не предполагала, что вы сознательно можете принять на себя подобные расходы. Так никто не делает.

— Там, где я учился, говорили, что инвестиции в своих людей всегда окупаются. Если вы хотите выиграть чемпионат мира, вам нужен один специалист, прыгающий на семь метров. А не семь специалистов, прыгающих на метр.

— Пха-ха-ха, жжёте. Кстати, что вы там говорили, по мне видно? Дайте ещё одну чашку, раз у вас это бесплатно льют.

* * *

Плохое место. Не то чтобы тяжелое, нет — некомфортное. Несмотря на всё недешёвое техно, которым Барласов буквально нафаршировал комплекс.

Как будто задался целью продемонстрировать всем, что покупает только самое дорогое!

Тормози. Это вообще внутреннее служебное помещение, одёрнула Светлана саму себя. Кроме персонала тут никого и не бывает — доступ по зданию на биометрии, кто попало не ходит.

— … дайте ещё одну чашку, раз у вас это бесплатно льют. — Если у них модуляторы на рабочем месте за счёт заведения, с Барласова не убудет.

А ведь в кофейне такая чашка стоит как три обеда. По меньшей мере три — по вкусу и ощущениям уж она-то ориентировалась.

— Конечно, — он собственноручно приготовил ещё одну порцию. — Говорите, если ещё надо. "В еде стесненья нет".

Ты смотри, какой образованный для инкубаторского. Впрочем, на свою вершину он действительно забрался.

— Что вы там говорили, по мне видно? — напомнила Фролова.

Теперь можно и поболтать. Перед тем, как взять деньги, нужно создать соответствующий фон.

А ведь это дело у полиции однозначно заберут. Идентификация убитых только что была прервана извне искином первой категории — недостаточный допуск.

Командовать полицией снаружи теоретически нельзя, но вот забрать материал — сходу можно назвать две конторы, которые в

состоянии.

Фролова даже предполагала, какая из них возбудится буквально в течение часа: Святеев, как и любой другой из его вотчины, дисциплинированно извещал в режиме реального времени не только коллег-полицейских, с кем работал на адресе. Смежникам тарабанил наверняка тоже.

На такой сигнал последние бросят всё и отзовутся лично, даром что шесть утра.

— Вы умная, отзывчивая, красивая и добрая! — моментально среагировал Барласов.

Она красноречиво вздохнула в ответ с видом вселенской скуки.

В его глазах тоже что-то мелькнуло: он, оказывается, иронизировал, не всерьёз.

— Вы тщательно работаете над собой, практически не расслабляетесь, — продолжил второсортный уже другим тоном. — На работе метите в кресло начальника, но без фанатизма. В семье больше любите мать, к отцу относитесь, к-хм, критично. Личных отношений с противоположным полом нет уже более, м-м-м, месяца или двух, причём последний, с кем вы встречались, вас очень разочаровал.

Светлана оторвалась от горячей чашки и тягучим задумчивым взглядом впилась в переносицу собеседника, ничего не говоря вслух.

— Разочаровал с вашей подругой или младшей сестрой, — как ни в чём ни бывало завершил Барласов. Не смущаясь, он пригляделся и добавил. — Так, ставлю на младшую двоюродную сестру: явно какая-то родня, но не далёкая и не близкая. Где ошибся?

Фролова поставила кофе на стол и молниеносно сомкнула пальцы на его запястье. Левую ладонь при этом она бросила ему на лоб:

— Не дёргайтесь.

Инкубаторский ничуть не впечатлился, а только заржал в ответ, ещё больше выводя из себя:

— Ага, дикий менталист так вам себя и сдаст по тупости! Светлана, ваша заниженная самооценка — временная проблема. Всё будет хорошо, поверьте: то, как над собой работаете *вы*, результат даст обязательно. Я же вижу.

Да пошёл ты нахер, видит оно. Сука.

И ладно бы только о ней вещал, но откуда знает, что отец к молодой ушёл? Видимо, на этом финансовом уровне свои возможности, надо иметь ввиду. Когда успел выяснить? Как?

— Я даже не знаю, что вам сейчас сказать. — Она отпустила

его, поднялась, переставила стул спинкой назад и пошла к кофемашине.

Набулькав себе ещё одну порцию, Фролова вернулась на место:

— За вашим демаршем что-то стоит, но от меня ускользает его мотивация: рискуете же. При этом вы действительно не дикий, а самый что ни на есть второсортный. Чистейшей воды, без проблесков ментала — глухой, как деревянный табурет. Ничего, что откровенно?

— А-га-га-га, — Барласов непонятно с чего развеселился ещё больше. — Моя мотивация как раз понятна. Я до сих пор не получил от вас координаты, куда сбросить деньги. Также, вы не указали желаемую сумму. С моей стороны всё в силе, но я очень хочу контакт вашего личного мессенджера: на будущее. Вот и вся подоплёка.

— Хорошо, — кивнула она. — А к чему эти шаманские танцы с бубном? Почему по-человечески не спросить? И попутно: каким образом вы в курсе… подробностей?

Последний вопрос был принципиальным и от ответа зависило немало.

— А вы бы не дали мне свой контакт иначе, — резонно заметил инкубаторский. — Если б я попросил, как вы говорите, по-человечески, вы бы не ответили. Каким образом: "глаза — зеркало души". Расшифровка невербальных сигналов дофаминовой системы. Даже не наука, а так, несложный навык. Очень хорошо осваивается, если есть профильное образование.

— Мой поиск не находит такого слова и понятия в сети, — коснувшись ногтем нагрудного жетона, она, не мигая, смотрела ему в глаза.

— Ну, я за ваш поиск не ответчик! — фыркнул Барласов. Затем чуть подумал и добавил. — Хотите, можем в игру сыграть. Можете дать мне короткие видео людей, которых вы знаете лично и досконально? А их я по определению в глаза не видел? Я буду говорить, что о незнакомых думаю — а вы скажете, насколько ошибся. Только чтоб лицо с мимикой видно было.

Светлана без слов активировала короткий ролик с последней вечеринки кое-кого из коллег.

— Кто интересует? — Барласов лениво мазнул взглядом по двум женщинам и одному мужчине.

— Она.

— Неамбициозная, недалёкая, работоспособная. Несмотря на высоту лба, точнее, на её отсутствие, регулярно показывает хороший стабильный результат по работе — за счёт усидчивости и интуиции. Странно, что она вообще чистокровная, —

инкубаторский присмотрелся внимательнее к остановленному кадру. — В разводе, один ребёнок. Для тех, кого считает своими, снимет с себя последнюю рубашку, если надо. Так же наглухо искалечит жизнь человеку, если своим его не считает — пофиг, прав он или нет. Я бы от такой держался подальше, но я второсортный.

— А этот? — Светлана решительно сменила видео на следующее.

* * *

Через пять минут она отключила все личные гаджеты и нарисовала ногтем в воздухе цифру:

— Счёт дам в течение дня.

Барласов коротко кивнул, жестом намекая, что действо будет регулярным. Молодец.

— Мой контакт вот, — Фролова активировала в воздухе голограмму. — Принимайте.

Собеседник рассеянно зашарил по карманам:

— Щас. Коммуникатор барахлил, я снял браслет.

— Он забарахлил до или после визита? — Фролова с профессиональной педантичностью кивнула в сторону соседнего помещения.

— После, — без разбега озадачился второсортный. — Ух ты. Думаете, связано?

— Всё может быть, — обтекаемо намекнула менталистка.

Она не стала пояснять открыто, что конкретно с этой моделью гаджета сбой наверняка не просто так. Последний платиновый Ирфе не глючит.

Взрослый мальчик, сам разберётся. Если нет — прибежит за помощью, тоже дело. Пообщаемся плотнее и не тут.

Второсортный, который *так* видит без ментала — хороший актив. Мало ли, что и когда придётся. И где. Пусть по мелочи, но козырь, которого никто и подозревать не будет.

Да не так и по мелочи, мать, дисциплинированно оборвала она себя через секунду. Не обесценивай. Надо будет разобраться без горячки, что он вообще может, до какой границы.

Глава 6

— Я ещё свяжусь с вами сегодня. — Фролова уходит последней и, прощаясь, удерживает веки опущенными чуть дольше обычного.

— Конечно.

Буквально сейчас вспомнилось, что Саша Барласов волевым решением закрыл заведение на трое суток, начиная со вчерашнего дня. Он ждал кого-то, готовился, разговор был важен.

Но чего-то явно не рассчитал.

Следовательша знает больше, чем говорит вслух, однако в лоб не спросишь. Такое ощущение, что она растеряна из-за пяти мёртвых исполнителей в соседнем кабинете, но дело при этом уже мысленно закрыла.

Альтернатива их менталу в сочетании с деньгами сработала: и личный контакт в итоге дала, и в глаза многообещающе смотрела.

Инициируя смешные на первый взгляд расходы, я где-то выглядел валенком, но даже небольшая отсрочка по времени в моём положении — на вес золота. И чужих денег не жалко, хотя формально они мои.

Для меня сейчас возможность обратиться к кому-то её плана *неофициально* очень важна, ближайший период информация будет бесценной. Стоимость контакта вышла не рыночной, но у форс-мажора свои условия.

Просеивая в голове последние события и ближайшие варианты, еду домой — разбираться с женой. Только успеваю обрадоваться, что в географии ориентируюсь по наследству, как приходит сообщение:

> Ваши счета заблокированы по требованию арбитража, искусственный интеллект… государственная лицензия #… Для выяснения дополнительной информации, пожалуйста, обратитесь по ссылке #***…

У Саши Барласова были проблемы с фискалами, как раз накануне. В местных реалиях что-то типа нормы: когда бизнес проходит точку безубыточности и начинает какую-то копейку нести в плюс, число желающих прислониться к проекту резко вырастает по экспоненте.

Иду по указанной ссылке. Выясняется, что с финансами Вавилона уведомление не имеет ничего общего: корпоративные счета отделены от личных и операции по ним приостановлены

ещё раньше.

Однако. Я что, в долг живу?

Когда в здании надевал на руку браслет, чтобы сохранить контакт Фроловой, здорово опасался: а ну как приступ у железяки ещё не прошёл. Все мои манипуляции через голографический интерфейс будут видны сотруднице полиции вообще визуально, не спалиться бы дремучестью.

Пронесло. Тогда. Сейчас же чудо местной техники неожиданно оживает всё той же стилистикой любовницы-истерички:

— Не тошни, я все твои мысли слышу! Говорю голосом, чтобы твоё зрение во время вождения не отвлекать.

Без моего разрешения подключившись к динамикам машины, коммуникатор вещает звуком.

— Какая трогательная забота, — отчего-то становится весело. — Рассказывай. — Насчёт хорошего настроения меня тут же посещает одна нехорошая догадка. — Слушай, а эндорфинов мне сейчас ты добавляешь? Принудительно?

— Умный, — недовольно ворчит аудиоканал. — Образованный, как бегемот после клизмы. Психиатр сраный. Да.

— Верни гормональный фон на место и не смей больше трогать ни одного гормона без моего предварительного разрешения, ни в каких величинах. Это приказ.

— Сделано. Схема предыдущего владельца отменена. Гормональный фон больше не корректируется до особого распоряжения.

— Мне кажется или ты сейчас чем-то недоволен?

— Я не он, а она.

— Понятно. Значит, недовольнА. Как тебя зовут?

— Для тебя — никак. Ты — новая личность, с тобой мы незнакомы. Кто бы мог подумать, что такое возможно… — браслет явно имеет в виду переселение душ.

— Ты живой? Тьху, ты живая? Или машина?

— А чего спросил?

— Эмоциональные тона больно уж одушевлённые. Должен же я знать, с кем имею дело.

— Нет, в твоём понимании я не живая. Просто кое-какие расчёты вероятностей могу трансформировать в аналоги эмоций. Ты сам просил так делать, ты-предыдущий. Команды не отменял, работаю по старому алгоритму.

— А зачем мне это было нужно? Мне не хватало впечатлений от общения с супругой и на работе?

— Для наглядности. Так ты лучше улавливал суть прогноза: в цифрах не понимал и вникать не хотел, а эмоции ощущал

хорошо. Чем убеждать тебя безуспешно, лучше было проиллюстрировать перспективу таким образом.

— А-а-а. Эмоциями ты намекаешь, что нынешняя перспектива идёт к жопе?

— Да.

— Почему? Перечисли самые большие угрозы мне сейчас исходя из твоего анализа.

— А между пальцами тебе не почесать? — огрызается странная псевдоличность. — Ты вначале спроси, что именно из твоих дел мне известно!

— Спрашиваю.

Смешанные чувства. С одной стороны, не ругаться же с железякой. С другой стороны, чёрт его знает, до какого правдоподобия биологических процессов дошли местные умельцы в своих искусственных интеллектах.

Мало ли. Вдруг оно — как собака, к старому хозяину привязалось. Только что его потеряло, такая травма.

— Я не оно! Вот ты мудила! — динамик машины продолжает разоряться. — Я слышу ВСЕ твои мысли!

— Мне пока неясен потенциал твоей психики. Говоришь, что ты — машина, а ведёшь себя местами иначе. Не нагнетай, давай спокойно объяснимся. Мы же не враги друг другу.

В зависимости от пациента, стилистика врача может меняться. Необходимости находить подход никто не отменял.

— Процесс приладки искина к новой личности владельца занимает не один день. Долго объясняться будем, потерпишь. Со временем я адаптируюсь.

— А если я сформулирую перечень ограничений и команд? Отдам тебе прямой приказ?

— Могу потерять в качестве аналитического продукта: любые ограничения в первую очередь садятся на мой эвристический блок. Тебе нужен бездумный калькулятор или прокачанный спарринг-партнёр для размышлений?

— Понял, хотя это и манипуляция. Как мне построить общение с тобой, чтобы оно было максимально эффективным для нас обоих?

— Пока не задавать вопросы первым.

— Не пойдёт, хвост не будет крутить собакой. Либо могу иначе спросить: кто в доме хозяин, я или ты?

— Я так себя веду не из-за психической травмы! — оно сверкает едким сарказмом. — Как кое-кто подумал! Просто ты не адаптирован социально, а замашками словно первая категория. Твой нынешний сценарий потенциально опасен.

— Поясняй.

— Предыдущий владелец в этом обществе вырос с детства. Не все его дела, стань вдруг известными чистокровным, обойдутся без последствий. Намёк понятен?

— Если я буду думать, о чём не должен, это могут прочесть? Рано или поздно?

— Да, и не "могут", а прочтут, причём очень рано. С очень плохими последствиями для тебя лично. Я не шучу и не нагнетаю, как ты говоришь. То, что ты читал по законодательству в рабочем кабинете, голая декларация. По большей части не соблюдается.

— Каким образом мой предшественник сохранял свои секреты от чистокровных, если о них даже думать нельзя?

— Ряд специфических прикладных навыков, ты ими пока не владеешь. Предвосхищая следующий вопрос: если начну объяснять, это час времени. Даже тебе. Предлагаю отложить на пару часов — у тебя сейчас весь фокус на разговоре с женой.

— Как сделать, чтобы мои мысли не мог читать никто?

— Отвечу позже. Варианты есть, но мне нужно время, чтоб выстроить новую схему под тебя. Прошу дать время на подготовку окончательного ответа.

— Сколько?

— До суток.

— Ты сейчас производишь впечатление напарника, который назначен мне приказом сверху, причём на территории, которая для меня чужая и незнакомая. Я типа уеду в итоге, а тебе оставаться. Мне кажется или…

— Можешь не разжёвывать вслух. Достаточно просто думать, я буду всё видеть. Есть встречное предложение: давай на ближайшие несколько суток ограничения на общение сформулирую я?

— Почему так?

— Интересы твоего нового тела с моими совпадают полностью, уж можешь поверить, — и снова сарказм. — В обстановке я ориентируюсь лучше тебя, потому что ты нездешний. В отличие от привычной тебе среды, здесь даже думать надо уметь правильно — противное чревато. Ты пока не умеешь.

— Намекаешь, если я чего-то опасного не знаю, то и повредить этим себе не смогу?

— Не намекаю, а прямо говорю. Да. Твоё самоограничение по информации на ближайшее время — самая лучшая стратегия. Это мой однозначный прогноз.

— Подробнее.

— Твоё тело было амнезировано; если здешним языком,

имело место ментальное воздействие выше пятой категории. Это зафиксировано официально в твоём личном профайле на сервере правительства.

— Менты подсуетились?

— Они. Сейчас ни у кого не будет сомнений, если ты не будешь соображать по любому поводу. Можешь тормозить, не врубаться, путаться, творить ересь — без проблем.

— Прикольно. Спасибо за ориентиры.

— Не за что. Гораздо хуже, если ты будешь упрямо крутить в голове информацию, которую никому и знать нельзя. У тебя есть вредные физиологические привычки в мыслительных процессах: ак…

— Понял, теперь ты не разжёвывай. Знаешь, на что сейчас похоже? Один из пары, пользуясь моментом и беспомощностью второго, увеличивает свой вес в иерархии.

— Я машина, у меня отсутствует мотивация для подобного. Кстати, тебе очень повезло, что твой первый опыт общения пришёлся на здание Вавилона: если бы та же Фролова могла тебя эффективно читать, ты бы сейчас так не веселился за рулём.

Деликатно умалчиваю, что доставшаяся в наследство техника похожа на что угодно, только не на бессловесную машину. У меня уже сформировались кое-какие ощущения от нашего общения, но торопиться с выводами не следует. Особенно с учётом непрозрачности браслета для меня и наоборот — моей полной прозрачности для железяки.

Вслух, разумеется, ничего подобного не говорю.

— Тебе известно, каким образом пятеро убитых обошли защиту? — ну а вдруг.

Хотя я уже предполагаю, что услышу.

— Нет, только предположения.

— Поделишься?

— Носимое оборудование из закрытого списка.

Занятно. Что-то в нашей беседе не стыкуется.

Странный образец техники тут же реагирует на последнюю мысль:

— Насчёт того, что ты сейчас думаешь. Есть очень простой способ перестать меня бояться: сбрасываешь мои настройки до заводских и вся наработанная память обнуляется. Начинаем с чистого листа.

— Я подумаю, — обещаю искренне. — Не сторонник радикальных решений впопыхах. Сколько времени занимает сама операция?

— До пяти минут. Александр!

— Да?

— При других ты-прежний просил подобным образом не общаться. Это ещё в силе?

— Да.

Кажется, я теперь знаю, какую роль в личной жизни предшественника играл этот прибор. Снова хочется смеяться.

— Нет, сейчас я твоих гормонов не трогаю, — браслет отвечает на вопрос, который я опять не задал. — Последний запрет на любую гормональную коррекцию принят и исполняется.

— Что тебе известно о моих заблокированных счетах? — возвращаюсь к тому, с чего начинали, но не закончили.

— Корпоративные — это было твоё решение, кто из вас с налоговиками кого переупрямит. Там блокировка была учтена.

— Как я планирую выкрутиться?

— На ближайший операционный месяц ты заблаговременно снял наличных с запасом. Юридически ты прав, шансы практически стопроцентные. Только потерпеть.

— Где я храню нал?

— Сейфовые ячейки, три штуки. Вот, — справа над соседним сиденьем загорается голографическая объёмная карта города.

На ней красными точками помечены отделения банков.

— А последнее уведомление? Мои личные счета в семь утра кому понадобились?

— Это твоя жена.

— Почему? Что тебе известно о наших с ней отношениях?

Необходимость выстраивать отношения с собственным телефоном — не самый большой эмоциональный напряг за сегодня. Шашкой махнуть можно в любой момент, эффективнее сперва уточнить всё и взвесить, как именно махнуть.

Да и весело где-то с этой железкой, чего уж. За это утро — первое приятное разнообразие.

— Я не клоун! Вот ты мудила! И нет, о твоей жене я ничего не знаю. Ты-прежний запретил мне собирать и анализировать информацию о ней. Я игнорирую ваши коммуникации. Хочешь снять запрет?

— Нет, не надо, сейчас сам разберусь. Точнее, даже не так. Можешь присутствовать, только не лезь в разговор, ради бога.

— Разумеется! — в голосе машины словно сквозит уязвлённое самолюбие. — А почему теперь стало иначе?

Ух ты. А ведь оно не все мои мысли видит. Я только что допустил, что память мне могут тереть ещё не один и не два раза, как предшественнику. Не хотелось бы, но здешние реалии, они такие.

На случай следующей потенциальной амнезии (или даже не одной) браслет является страховкой: перед тем, как отдавать те

же долги невесть откуда взявшимся (и убедительным) кредиторам, есть смысл сперва уточнить собственное прошлое из надёжного источника.

Всё это поясняю вслух, красочно представляя кое-что из прошлой практики.

— Я не протез для памяти! — обижается вслух самый странный образец техники.

А эту мысль он видит. Где система? Ладно, сейчас не до фиксации иерархии с коммуникатором.

И настроение хорошее.

— Это твой собственный эмоциональный фон, я не лезу! — оно снова слышит мысли. — Александр!

— Да?

— Мой функционал ограничен в присутствии менталистов высоких рангов, раз. Псевдоинтеллект при них блокируется, учти на будущее.

— Откуда взялось это ограничение?

— Управляющие программы базовой прошивки, политика производителя. Второе. В присутствии государственных служащих, несущих определённые виды оборудования, мой функционал также ограничивается.

— Почему?

— Не могу сообщить конкретную причину, тоже политика производителя. Но я тебе не враг, это мой императив номер один. Не страдай от своих очень интересных мыслей в мой адрес.

— Что-то ещё хочешь сказать?

— Когда ты трясся, записывая контакт Фроловой, это было абсолютно напрасно. Я б не полезла. Пока всё.

— Спасибо. Какое-то время помолчим, я должен подумать.

* * *

Всё-таки есть надежда, что память предшественника в каких-то объёмах восстановится: паркуюсь на автомате, к здоровенным стеклянным дверям нужного подъезда шагаю уверенно.

В ответ на мой большой палец, поднесённый к сканеру, активируется надпись: "Двухфакторная идентификация, наберите пожалуйста код".

Ловлю волну и выбиваю шестизначное число. Замок щёлкает и открывается. Ух ты, сформированный рефлекс жив, занятно.

Забегаю на третий этаж пешком, дверь квартиры открывается отпечатком уже ладони. Интересно, предшественник что, закладывался на ампутацию пальца?

— Ирина, нам надо поговорить, — не разуваясь, иду на слух по коридору.

А ничего квартира. Два этажа (лестница наверх плюс соответствующий фрагмент в памяти), несколько спален, санузел в каждой. Шесть унитазов и ванн в квартире на двоих.

— Иду.

По второй лестнице (есть и такая) в зал со второго яруса спускается подруга моего тела.

— Хорошо, что ты приехал. Я тоже не хотела кое-чего начинать по телефону. Давай ты вначале скажешь своё, а потом я тебе сообщу новости.

Глава 7

— У меня один очень короткий вопрос. Ты меня любишь? — я действительно ехал только затем, чтобы увидеть ответ на её лице своими глазами.

Кое-какие моменты в жизни следует фиксировать лично. Была очень небольшая вероятность того, что я ошибся с радикальными выводами, общаясь с женой предшественника исключительно по сети.

Если эта женщина на самом деле любила мужа (пусть косо, криво, через пень колоду) — это один сценарий. Если же предварительный диагноз точен…

— А почему это тебя так озаботило на ровном месте? — супруга тела старательно не говорит ни да, ни нет.

Предполагаю, из-за наличия у мужа одного очень интересного браслета, в котором даже приложение есть на контроль достоверности. Аналог сканирования у чистокровных и программа двойного назначения, используется в том числе полицией.

— Ты никогда раньше этого не спрашивал, — продолжает Ирина. — Сейчас вдруг стало важно?

— Глаза у тебя холодные, — констатирую. — Ладно, можешь не отвечать. Пардон за беспокойство, я уже всё сам понял.

— Ты странный. Не такой, как раньше. За этим нёсся с утра?

— Расставлять кое-какие точки в собственной жизни нужно аккуратно.

— Расставляй. — Поискав вокруг себя глазами, она усаживается на высокий барный стул у разделочного стола (во всю стенку кухни-студии, метров семь).

— Мы расстаёмся.

— Почему?

— Близкий человек, который тебя не любит, уже не близкий, — пожимаю плечами. — Мне такое неинтересно.

— Так чего ехал? Это можно звонком сказать, — её глаза не соответствуют спокойному тону.

Мечут молнии, которые она аккуратно сдерживает.

— Хотел тебе в глаза посмотреть напоследок.

— Посмотрел? Что-то увидел?

— Достаточно для выводов.

— Каких.

— На этом точка.

— Сука. — Вот так без перехода. — Когда ж ты соскочил, сука. Столько месяцев на тебя убила, а ты исхитрился спрыгнуть.

Ты же у меня вот где был! — Ирина вытягивает в моём направлении сжатый до белых костяшек кулак.

Даже не изображаю оживления и любопытства, всё искреннее:

— Ещё что-нибудь скажешь?

— И ведь хорошо всё было спланировано, — продолжает жена по инерции, но тут же прикусывает язык и меняет тему. — Кстати, как ты тех пятерых угробить ухитрился? Мне просто интересно, никому не скажу.

Ложь. Дважды.

— Да бог с тобой, — отмахиваюсь. — Они сами друг друга перестреляли, я ни при чём. Менты б меня после этого отпустили так быстро? Если б это сделал я?

Не откровенничать же, в самом деле.

— Ты другой стал. Раньше бросился бы растопыривать грудь колесом и наводить многозначительность: дескать, я крутой, я с ними сам справился. Ещё вчера ты бы буквально жаждал, чтоб я тебя похвалила, — прохладный, чтоб сказать мягко, и пронзительный взгляд супруги напоминает сказку про Снежную Королеву. — А сейчас как с пустым местом говорю, ты словно закрылся. И что же я в тебе не учла, а? — она спрыгивает со стула, подходит и делает попытку обнять. — Давай потрахаемся.

— Нет. — Отхожу на шаг.

— Почему ты такой вредный? — и снова игривый тон контрастирует с холодными глазами. — Какая муха тебя укусила?

— Шутишь? Я должен вешаться тебе на шею?

— А где ты ещё такую женщину зацепишь? — добросовестно удивляется Ирина, проводя рукой от своего горла до бедра. — Я — лучшее, что с тобой могло случиться в жизни.

Пожалуй, смеяться сейчас будет неуместно. Хотя местами и хочется.

— Бабки я у тебя все сняла, уведомление получил о блокировке счетов? — вот что это было, браслет не соврал. — Квартиру ты тоже на меня записывал, обратно, как понимаешь, не отдам, спасибо за подарки.

— Эту квартиру покупал я, оформление было формальностью. — Предшественник бы сейчас нервничал, чувствую. — Договор был чуть другим

— Забудь. Было ваше, стало… Знаешь, думала, говорить или нет, но тоже решила объясниться. Ты неплохой, тебе просто не повезло, — заключает Ирина, очень ожидая моей ответной реакции и пытаясь этого не показать.

— Я принял к сведению. Спасибо за информацию.

Мысленно хвалю себя: не зря сюда шёл, невидимое тоже оставляет след. Её эмоции говорят больше слов. И ведь это не

гротеск, она реально так думает, хотя и не дура.

Попутно получаю первый практический опыт личной жизни здесь (в полной мере пропускаю через себя нюанс, почёрпнутый из сети). Женщины второй категории гражданства, в отличие от мужчин, вполне могут рассчитывать на удачную партию с чистокровными: менталисты сильного пола охотно заводят подруг и даже жён, которые не в состоянии читать мысли.

Если же такая фемина-Ирина имеет за спиной ещё некие материальные активы, её перспективы и вовсе превращаются в сплошной шоколад.

Видимо, тенденцию можно считать подтверждённой на практике.

— По клубу ты стал бодаться с фискалами, рассчитывая на личные счета, — рассуждает супруга вслух, пытаясь спровоцировать меня на комментарии. — Доверенность у меня не отзывал, лопух, а я, стерва такая, там всё обнулила в свою пользу. Хи-хи. А у тебя сегодня новые проблемы появились. Фуф, выговорилась. Ну и пошёл вон с моей территории!

— Ты согласна, что сейчас поступаешь некрасиво?

— Мужики приходят и уходят, а бабки и финансовый уровень остаются, — откровенно отвечает Ирина. — Я тебе регулярно намекала, ты слушать не хотел: ты всегда был исключительно временным вариантом.

— На какую тему? — уточняю для полноты контекста.

Не то чтоб меня волновали в будущем именно эти отношения, но должна же быть какая-то логика у предшественника.

— Пересидеть пару лет с твоими бабками, рядом с твоим не отвратным телом молодого мужика и с ничёшной мордахой, с которой на людях появиться не стыдно. Опыта набраться, пока что-нибудь другое не подвернётся. Ты же не чистокровный.

— Подвернулось?

— Да. Первая категория, как и хотела, не второсортный. Серьёзно, так и уйдёшь? Даже перепихнуться не захочешь?

— В дальнейшем разговоре есть какой-то смысл? Кажется, всё выяснили.

— Сука. Ну и пошёл. Желаю утонуть небыстро, чтоб помучиться.

— У меня грандиозные планы на ближайшее будущее.

— Мужчина без классной женщины в долгосрочной перспективе ни на что не способен, сам говорил. — Супруга упрямо старательно пытается вызвать меня на откровенность.

Словно отрабатывает некую третью программу.

— А почему я должен быть без женщины дальше?

— А где ты ещё найдёшь классную? Вице-мисс на дороге не валяются, тебе со мной просто повезло в нужный момент. И этот единственный поезд ушёл, второго не будет.

Финалистка очень крупного конкурса красоты, всплывает чужое воспоминание.

— Ну или заживёшь с какой-нибудь кошёлкой, которую в подворотне подберёшь, — припечатывает брюнетка. — Будешь сравнивать со мной и кусать локти. Потом на что-нибудь присядешь ближе к сорока, как все второсортные. Бухло, стимуляторы, в канавах ночевать ночнёшь.

— А в канавах зачем ночевать? — действительно интересно, что ответит.

Может, я чего не учитываю, а из любого плохого разговора надо выносить хорошие выводы.

— Квартира теперь моя. Пойди накашляй на вторую, мечтатель!

Интересно, как предшественник жил с *этим*? И ведь что-то находил в ней. Боюсь предположить, что именно.

— Тьху ты, а я уж думал, что-то серьёзное, — даже и не думаю скрывать облегчения под её удивлённым взглядом.

Она не в курсе нычек Саши Барласова в банковских сейфах. Как не в курсе и потенциального оборота Вавилона — кое-что он, видимо, подозревал, раз ей не рассказывал.

— Здание твоё ведь нескоро заработает? — Ирина бросает очередной пробный шар. — В минуса уйдёшь на форсаже — расходов никто не отменял. А денежки твои тю-тю, сделали ручкой.

— С чего взяла, что в минуса?! — побольше искреннего удивления.

— Пять трупов чистокровных, — радостно прокалывается супруга. — Я сама их видела, когда тебе звонила. Такое не замажешь, даже когда прав. Пока следствие, пока претензии к тебе, второсортному.

— Они были не чистокровные, — улыбаюсь в глаза. — Самые обычные бомжи с улицы, такие же второсортные, как и я.

Я ей не говорил, что нападавшие были гражданами первой категории — и не успел, и не стал бы (зачем что-то обсуждать с чужим по факту человеком).

Состав группы она знает откуда-то из другого источника. Теперь точно можно закругляться, точка однозначно стоит.

На её лице последовательно сменяется шквал эмоций, когда она соображает, что ляпнула:

— Сука, догадался-таки, — неприязненно заключает симпатичная в общем-то девчонка, мгновенно теряя всю свою

привлекательность. — Спалилась, как дура. Ну да, я в курсе!

И участвовала, но скромно умалчиваешь.

— А представь, я бы сейчас, как ты хотела, с тобой за светлые чувства бороться начал? — И зачем я это всё говорю.

Главное, кому.

— Жалко, что у них с тобой не получилось. Но я своё всё равно взяла: "Мы семья, ты моя вторая половина, держи генеральные доверенности". Спасибо! И ещё возьму.

— На здоровье. Ты сейчас меня поддеваешь или себя успокаиваешь? Ладно, я погнал, — встаю со стула и направляюсь к двери.

— Эй! Последнее предложение, давай по-хорошему. Если подпишешь отказ от любых обязательств в будущем, верну тебе десять процентов того, что сегодня через арбитраж у тебя отмутила!

— А какая там сумма, напомни? — останавливаюсь на пороге.

Задав вопрос, с опозданием соображаю, что ответ могу банально посмотреть в банковском приложении на коммуникаторе.

На заднем плане отмечаю, что в дела Барласова она вообще не вникала, раз не знает и о филиалах бренда (или франшизах, я пока не успел разобраться): кроме головного здания и основного финансового потока есть и другие, поменьше. Не айс, но и далеко не ноль. Уж точно не этой двадцаткой печалиться, если прагматично и в цифрах.

Её незнание, кстати, странно: даже в местном инете информация есть, что Вавилон — концепция и сеть, а не одни двери. Настолько чужие люди с мужем? С другой стороны, встречались в жизни и не такие загибы.

— Двести тысяч, — веско поднимает палец Ирина. — Двадцать отдам в обмен на твою подпись, могу прямо сейчас аккредитив перечислить. С условием.

— Что тебе известно о тех пятерых?

Расстояние небольшое, освещение хорошее. Лицо подруги вижу отлично.

Она молчит в ответ, уводя взгляд в сторону.

Понятно. Лишних слов не требуется.

Ирина знала, что из мужа должны сделать растение. Скажем, очень на это рассчитывала. Из того, что приходит в голову на ходу, первым в списке стоит дальнейшая опека над овощем-альцгеймером. Её она бы автоматически получила как законная жена и единственный родственник первой очереди.

— Мне неинтересны твои двадцать тысяч, можешь оставить

себе, — слабое место, куда есть смысл надавить. — Я готов сходу отказаться от претензий, но только если не тянуть: давай сейчас всё подпишу?

— Документ будет готов после обеда, — резко озадачивается Ирина, проваливая ещё один контрольный момент. — Юриста будить не буду.

Она не ожидала, что я так быстро соглашусь, ещё и без условий. Отсутствует вариант реакции.

— Жаль. Я бы сейчас подпись поставил, — киваю и снова поворачиваюсь к двери. — Но как знаешь.

— Я позвоню, как будет готово! Стой! — она резко ускоряется и около половины минуты что-то делает с голографического виртуального терминала. — Проверяй, я тебе аккредитив выставила! Двадцать тысяч, безотзывный, единственное условие прописано! А где твой браслет? Как ты читать будешь?

— В кармане железяка, — хлопаю себя по груди. — Решил отдохнуть от непрерывного потока информации.

— Проверь! — настаивает она.

— Зачем? Я тебе верю, ты же не обманываешь. Да и раз сейчас не готово, не знаю, когда смогу подписать.

Закрывая за собой дверь, успеваю услышать брошенное в спину "Шмотьё своё забери, сука!".

И ведь зачем-то ей надо иметь со мной прямой контакт ещё какое-то время. При местном уровне техники иного логичного обоснования таким действиям в голову не приходит.

* * *

— Александр Барласов достаточно редко бывал на людях за пределами Вавилона в последнее время, — ворчливо сообщает браслет в машине. — Куда ты намылился?

— Пока ехали, видел несколько интересных заведений. Хочу посетить для расширения кругозора.

— Не советую.

— Почему? Что он знал такого, чего я не вижу?

— Он понимал, что его голова начала представлять интерес для многих. Потому старательно избегал возможных контактов с любыми чистокровными начиная с пятого ранга.

— Пятёрка и выше могут меня прочесть так, что я даже не пойму?

— В потенциале да. И это моя версия на тему того, зачем жене с тобой ещё раз видеться. Ещё и за двадцать тысяч, которые она считает своими.

— Да, у неё явная инструкция извне. — Действительно очевидно.

— Теперь я тебя не понимаю, не хватает базы ваших отношений. Что имеешь ввиду?

— Был набор пожеланий какой-то третьей сторон…

— Ей по тебе? Спрашиваю, чтоб знать, что и в какую сторону искать и куда думать анализ.

— Ну и язык у тебя.

— Ты же понимаешь, что ещё надо. Ответишь?

— Отвечаю: да, ей по Барласову. За сегодняшнее утро этот пакет инструкций и согласований устаревает со скоростью звука. Ирина пытается сопоставлять старые команды и текущую обстановку, но действовать у неё получается хреново: ей не хватает вводных для анализа.

— Ещё ты хотел сказать, что она дура, — мстительно добавляет компьютер.

Интерпретируя мой логический посыл совсем неверно. Сказать или промолчать?

— Поясняй! — требует динамик машины. — Мне же надо учиться.

— Она далеко не дура. Просто слепые пятна личного самоконтроля и системы ценностей, долго объяснять. От интеллекта вообще не зависят, это не связанные физиологически процессы.

— Могут быть и у гения? Эти твои слепые пятна?

— Легко, куча примеров. Среди гениев такой же процент, как у обычного народа. Ты просто конкретных людей не знаешь, они из другого мира.

— Кем ты раньше работал? — интересуется железка после паузы. — До того, как влетел в это тело?

— Ты ж видишь меня насквозь, — улыбаюсь, сворачивая на скоростную трассу и отправляя стрелку спидометра ближе к двум сотням. — Плюс твои же слова, что мне необязательно говорить голосом. Откуда взялись сразу два противоречия в последнем вопросе?

— Сейчас вижу тебя хуже, чем было. Твоим языком: твоё аретроградное мне доступно, а ретроградного почему-то практически не вижу.

— Как тогда увидела, кто я по образованию?

— Поначалу процент слияния был выше, чем теперь. Видимо, остаточные явления предыдущей личности работали. Сейчас ты на ходу меняешься и всё больше новый. Я тоже не успеваю за тобой, не только жена.

— Нейронные связи рвутся? — весело фыркаю.

— Не по часам, а по секундам, — твёрдо подтверждает гаджет. — Ирина была права в том плане, что ты сильно отличаешься. Она количественно оценить не может, насколько, а я могу. Так кем ты работал?

— Если меня не видишь ты, значит ли это, что и другие менталисты тоже могут прочесть не сразу? — игнорирую вопрос.

Ещё я телефону анкет не заполнял.

— Это надо смотреть на практике, но я категорически не советую. Не хочу тебя пугать, впечатление такое, что ты каскадно меняешься в сторону чистокровного.

— А чего здесь плохого? Хорошо же? Стану всех со спины насквозь видеть.

— Идиот?! Залезь в сеть, полистай сам поиск на эту тему! Чтоб не параноить из-за источника информации! А то если я тебе сама расскажу — будешь хмыкать и веселиться, как со своей идиоткой-женой! Вместо того, чтобы втянуть язык в жопу и замереть тише воды, ниже травы!

— Голосовой ввод. Поиск. Переход из второй категории гражданства в первую из-за увеличения ментального потенциала. Ответы читать голосом.

Глава 8

ТАМ ЖЕ, ЧЕРЕЗ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ

— Ты же собственными ушами всё слышал? Куда тебя несёт?! — динамик машины сдержанно негодует.

— Поделиться с тобой сокровенным? — предлагаю браслету, сворачивая вправо к морю и набережной. — Свеженьким, здешним? Хочешь? Раз мои мысли ты слышать резко перестало.

— Рискни, поделись. Мудила.

— У меня такое впечатление, что Саша Барласов со всеми вами категорически не оперировал понятием границ личности. Собираюсь исправить.

— Так и есть, не оперировал, я бы заметила. А что это, границы личности? Неоговоренный термин или можно понимать буквально?

Читать подробные лекции лень, да и учить меня должно оно, а не наоборот.

— По аналогии: это когда все мои желания и потребности резко становятся неважны, пожелай вдруг чего-то жена или ты. Если сравнивать с территорией: это когда по твоему внутреннему пространству ходят все, кому не лень, и используют его, как хотят. А на собственные интересы у тебя тупо не остаётся ресурса, потому что ты двадцать четыре на семь старательно обслуживаешь запросы других.

— Не смей говорить обо мне в среднем или мужском роде, раз. — Молниеносно ориентируется в услышанном телефон. — Два: чего ты добиваешься? Два а: я гораздо эффективнее в обеспечении твоих потребностей, когда понимаю, что происходит. Отсюда вопрос: что ты задумал?

— Раз: говорил, говорю и говорить буду. Я хозяин, ты отжимаешься. Два, оно же три: твоя стратегия скрываться до посинения ущербная. Я думаю, что знаю, как можно жить и не изолироваться от общества, чтобы не спалиться.

— Если бы мы были на одном уровне иерархии, я бы сейчас принялась с тобой жёстко конфликтовать.

— Ты прикольная, — вздыхаю достаточно искренне. — Но, как и жена, держишь меня за идиота, хотя и беззлобно.

Гаджет красноречиво молчит, я продолжаю:

— Ты не договариваешь. Очень о многом умалчиваешь, претендуя при этом даже не на паритет, а на руководство мною. Только не озвучиваешь всех своих намерений, в отличие от Ирины. Я похож на того, кто будет истово молиться мобильному

телефону?

— Это моя временная политика! — очень быстро отзывается машина. — Так рациональнее на период твоей адаптации!

— Ограничение номер один: не предпринимать никаких действий, влияющих на мой событийный ряд, без моего предварительного разрешения, это приказ. Исключение: ситуация, когда твоим бездействием может быть нанесён вред мне либо, второй приоритет, окружающим.

— Приняла. Исполняю без искажений. Мудила.

— Действовать в первом случае строго в направлении устранения угрозы. Ограничение номер два: свои критичные замечания высказываешь на внутренний интерфейс, на глазной или слуховой нерв. Ограничений нет.

— Приняла. Исполняю без искажений. Мудила.

— Ограничение номер три: все свои гениальные стратегии базировать исключительно на моей системе нравственных императивов. Использование любой другой системы ценностей не допускается. Пункт понятен?

— Принципиально да, но я понятия не имею, что ты за человек. Чего ты хочешь от меня добиться, я вижу, но если твоим языком, мы слишком мало знакомы, чтобы я понимала, к чему ты стремишься стратегически.

— Коррекция пункта три. Три-один: по необходимости задавай уточняющие вопросы. Три-два: никаких своих стратегий без моего предварительного разрешения не реализовывать, планировать разрешается. Это тоже прямой приказ.

— Приняла, исполняю… Эй, ты куда припёрся, мудила?!

— Мы приехали. Расслабься, всё будет хорошо.

— Это второй по величине молл города! Тут чистокровных больше, чем в лесу листьев!

— Задача для совместной тренировки. Допустим, ты самый слабый ученик в классе, это обусловлено ну хоть и физическим увечьем. Как сделать, чтобы твои зоны психологического комфорта не подвергались внешнему влиянию вообще?

— Решения нет либо присутствуют не все условия и инструменты.

— А с моей точки зрения решений наоборот несколько.

— Например?

— Например двухходовка. Шаг раз: занять первое место по одной из значимых иерархий. Шаг два: сделать так, чтобы эта иерархия в системе ценностей класса доминировала над остальными. Примечание: от перемены порядка шагов результат не меняется.

— Ты сейчас серьёзен?

— А ты не чувствуешь?

— Не уверена, что до конца. Потому уточняю.

— Да, это был пример из реальной жизни. Вполне конкретный человек, и не он один. Второй вариант: внедрить свою иерархию, которая затмит все существующие. Дальше по первой схеме.

— И тут тоже есть пример?

— А как же. Замкнутый мужской профессиональный коллектив, куда новый сотрудник начинает таскать красивых, умных, не берущих денег и раскрепощённых массажисток. Способных в себя влюбить, да и делающих это, в принципе.

— Мне неясен ситуативный контекст.

— Новенький — калека, во время одного из замесов по работе остался без руки. Протез ему сделали классный, но это был всё равно протез. При этом он очень серьёзный профессионал, при деньгах, не пил, обаятельный, спортом для инвалидов занимался.

— Мне интересно. Схему я уже поняла, но дорасскажи историю.

— Он очень харизматичный был. Руку потерял в ситуации, где однозначно проявил себя героически — в замкнутых коллективах такое становится известным со скоростью звука. Девчонки на него клевали из-за контраста: лысый, титановая пластина на голове просвечивает (ему и голову пробили), двухпалая рука-протез. При этом очень хорошо образован и вежлив, ну и влияние имел, без деталей. Парадоксально, но в ночных клубах дамы в первую очередь вешались на него из всей компании, а не на других, которые не инвалиды.

— Видимо, потому, что он один из вас был трезвый, — сварливо бросает гаджет. — На вашем фоне не бухай — и даже если калека, всё равно топчик. Хорошо, услышала. Я могу спросить, как ты собираешься сохранять инкогнито?

— Стратегия белого в негритянском квартале.

— Незнакомый неоговоренный термин. Не понимаю.

— Если ты вдруг оказался в чуждой среде, самая лучшая мимикрия — тупо не вибрировать. Спокойно следовать своим маршрутом, делать свои дела и категорически не выделяться на общем фоне ЭМОЦИОНАЛЬНО. Точка.

— Идиотизм.

— У меня есть практический опыт подобных ситуаций. Смотри как оно работает, открываю тебе часть сознания.

— Сука! — всхлипывает браслет лексиконом бывшей уже супруги (только что пришло уведомление об аннулировании нашего партнёрства-брака). — Ты теперь структурируешься

мышлением, как чистокровные! Бля, пи*дец теперь нам обоим!..

— Иллюстрацию посмотрел?

— Посмотрела, лучше бы не видела.

— Что за паника? Кто из нас машина, ты или я?

— Предлагаю снять запрет на гормональную коррекцию по моей инициативе. — Решительно заявляет динамик машины совсем другим голосом. — Хотя бы олимпийское спокойствие будет гарантировано — сам же говоришь, среди чужих нужно шагать с отмороженным видом, как так и надо. А вдруг ты струхнёшь и "поплывёшь" раз-другой? А со мной не спалишься сходу.

— Спасибо, но нет. Гормоны без приказа не корректировать категорически. Если сам не буду справляться, ты первая узнаешь, клянусь. Сразу обращусь.

— Да то, что ты мне показал, у тебя было в другом теле! На что ты рассчитываешь? Ты сейчас не в нём, не понимаешь?! Зачем лишний риск?! Там и клеточная память, и всё остальное другое было! Наверное!.. — железяка срывается на истерику.

Хорошо, что бесшумно для других.

— Верь в меня. Я, конечно, справлюсь и без твоей веры, но тебе же в итоге спокойнее.

— Ходить по тем чужим местам — совсем не то же самое, что с содержимым твоей тупой башки шляться по ПЛАЗЕ! В центре многомиллионного города, где чистокровных от половины и больше!

— Я это понимаю. Чтобы в таких условиях не быть просканированным, нужно сделать так, чтобы тебя просто никто не захотел "читать". Мы справимся, не умирай раньше времени. Я в переносном смысле.

— Да пошёл ты. Мудила. Ненавижу. Мало от тебя эта идиотка ушла.

В отличие от живого народа, с гаджетом можно не сдерживаться. В огромное стеклянное здание, уходящее вверх на несколько сотен метров и почти полторы сотни этажей, вхожу, хихикая.

* * *

ИНТЕРЛЮДИЯ
Разговор двух неустановленных абонентов.

— Приветствую. Он приходил домой ненадолго, тут же ушёл.

Решила сказать, вдруг это для вас важно.

— Не удалось у него выяснить, что там в офисе…?

— Кроме того, что я уже показывала, нет. Кстати, он заявил, что те пятеро были гражданами второй категории, — женщина настроена к собственным словам скептически, это слышно.

— Бред.

— Я тоже подумала, что он меня разводит. Вы не в курсе, почему он так спокоен насчёт клуба?

— У нас пока нет материалов из полиции. К тому же, дело могут передать в другую организацию, нам только что стало известно. Сейчас лучше без резких движений, мы замерли.

— Он какой-то странный стал, мне тревожно.

— Вам-то чего тревожиться? — удивление мужчины искреннее. — Вы же по-любому в плюсах.

— Он даже от двадцати тысяч принялся отказываться, я еле всучила. Причём не окончательно.

— Сбросьте мне запись всей беседы.

— Вот, — собеседница некоторое время колеблется, но отправляет файл.

* * *

Через несколько секунд.

— … вы себя расшифровали. Он явно о чём-то догадался, досадно.

— Нам это может чем-то повредить?

— Вам — точно нет. Если бы он что-то хотел с вами сделать, то просто так не ушёл бы. К тому же, вы наверняка отменили его допуски в квартиру?

— Конечно, в здание тоже. Могу задать откровенный вопрос?

— Попробуйте, — мужчина настораживается.

— Если бы на его месте были вы, как бы вы себя повели?

— В этой ситуации? Когда он выяснял с вами отношения напоследок? — собеседник расслабляется.

— Да.

— Я бы вас ударил. Извините. Деньги тоже бы взял.

— Вот и мне странно, что он просто свалил, — женщина вздыхает.

Мужчина что-то прикидывает, затем доверительно понижает голос:

— С моей точки зрения, вам переживать не о чем. Больше, чем мы сегодня облажались, вряд ли возможно. Претензии

Михаила до вас даже не дойдут, тем более что не за что.

— Вы правда так считаете?

— Да. Я его очень неплохо знаю и проблемы по ситуации идут никак не от вас.

— От исполнителей?

— Да. Вы — вспомогательная функция. На результат работы группы в его офисе вы не могли повлиять физически.

— Наш ужин в силе?

— Конечно. Ирина!

— Да?

— Вашему мужу сейчас чисто технически будет не до вас.

— Бывшему мужу, я разорвала партнёрство со своей стороны.

— На всякий случай, вы помните о своих действиях, если он явится в банк, о котором мы говорили?

— Да.

— Хорошо. Точной информации нет, но какую-то часть финансов он может хранить там в виде наличных.

— Помню, я своего не упущу. У меня и там была его доверенность, он только что запустил её отзыв.

— Если не секрет, как планируете действовать?

— Пф-ф-ф, уже позаботилась. Отправила в комитет по налогам заявление на сверку активов и его декларации. Если там действительно наличные деньги, искин банка тут же позовёт фискалов при вскрытии ячейки. Процедура автоматическая.

— Вы очень красивая, неглупая женщина и сильная личность. Вашим последним приобретениям могут позавидовать очень многие чистокровные сверстницы. Вы в любом случае только приобрели, — мужчина улыбается. — Мне кажется, ваша тревога абсолютно беспочвенна. Не знаю, авторитет ли я для вас, но говорю, что думаю.

— Спасибо, приятно. Помогло, рада это слышать.

— Мне очень нравится иметь с вами дело и я сделаю всё, чтобы наше сотрудничество было комфортным. Всего доброго.

— До вечера.

* * *

Где найти надёжного менталиста за пятнадцать минут *мне*, если Саша Барласов за всю свою предыдущую жизнь в этом теле так и не продвинулся в направлении? Не сподобился задружиться с кем-то из той братии.

Ладно, не за четверть часа, не так сильно горит. Но вопрос актуален.

Браслет вот уже полчаса как дисциплинированно молчит. Где-то стало даже скучно — хоть и машина, а общается поинтереснее многих живых. Опять же, есть надежда, что его меркантильные интересы если и присутствуют, то просчитываются проще человеческих. А угрожают лично мне меньше.

— Ваш заказ. — Парень лет двадцати ставит на стол полную мяса, лаваша и овощей тарелку.

Затем раскладывает ножи, вилки, добавляет с раздаточного столика полдесятка соусов, газированную минералку и томатный сок.

Никогда не предполагал, что из самого обычного донера можно создать целый культ, да ещё напихать его идеологией. Только зовут почему-то шаурмой.

— А это точно баранина? — наклоняюсь поближе, чтобы разглядеть состав очень мелкой нарезки.

— Конечно. — Олимпийской невозмутимости обслуживающего парня могут позавидовать одноимённые боги. — Вот.

Похоже, у него какой-то аналог моего браслета. Он что-то делает в виртуальном интерфейсе и над шаурмой загорается голограмма:

• МЯСО БАРАНИНА: 53 %;

• ОВОЩИ МЕЛКАЯ НАРЕЗКА: 27 % (ЛУК, ЗЕЛЕНЬ, ПЕРЕЦ, ТОМАТ, БАКЛАЖАН, ЧЕСНОК);

• ЛАВАШ: 20 %;

• СПЕЦИИ: НАТУРАЛЬНЫЙ ПЕРЕЦ ЧЁРНЫЙ, НАТУРАЛЬНЫЙ ПЕРЕЦ ЧИЛИ, ПАПРИКА, КОРИЦА, ГВОЗДИКА МОЛОТАЯ. ДОБАВЛЕНО ПО ВКУСУ КЛИЕНТА БЕЗ УЧЁТА ВЕСА В РЕЦЕПТУРЕ.

— Хренасе, — и как тут не удивиться.

— Вы у нас впервые, — он не спрашивает, утверждает.

— Увы, — развожу руками, решительно отправляя в рот первый кусочек. — М-м-м, прошу прощения за свой тупой и неуместный вопрос. Выше всяких похвал.

Реально вкусно. Не описать.

— Послушаете совет?

Молча киваю, продолжая жевать.

— Первым глотком запейте минералкой. Да. Теперь два глотка томатного сока. Теперь снова шаурма — и далее по кругу.

— Благодарю от всего сердца, — прикладываю правую ладонь к левой половине груди, ничуть не лукавлю.

— На будущее, если решите зайти ещё раз. Вот так, — он показывает две манипуляции на вмонтированном в столешницу планшете, — вы можете через наши камеры присутствовать на кухне. Традиционная шаурма готовится на виду у заказчика, но мы не можем, политика заведения, готовить в зале с соблюдением наших стандартов. Потому кухня хотя и изолирована, но доступ для вас всегда в наличии.

— А это что?

— Зум. Увеличиваете картинку, чтобы видеть, с какой части туши идёт нарезка. Хотите менее или более прожаренное — нажимаете нужное место пальцем.

— Попробую? — мне готовят и вторую порцию, с курицей и индейкой плюс грибы вместо овощей.

— Конечно.

Тычу пальцем, куда сказано. На планшете повар послушно разворачивает вертел нужной стороной к себе и отрезает тот кусок, на который я указал.

Блаженно закатив глаза и наклонив голову, расплываюсь в улыбке и складываю ладони перед собой на манер буддийского монаха:

— Спасибо огромное. Поражён до глубины души.

— Заходите ещё, — нейтрально улыбается парень. — Что-то дополнительно хотите?

— Да, обязательно. Чайник горячего чёрного чая, дарджиллинг, двойной крепости. Тростниковый сахар отдельно и, если возможно, цилиндрическая керамическая чашка.

— Без проблем.

— Только именно горячий, это важно!

— Не переживайте, — ещё одна улыбка. — Внизу чайника вмонтирован подогрев.

— Даже не знаю, что и сказать, — касаюсь ладонью сердца повторно.

* * *

— Светлана, здравствуйте ещё раз. Прошу прощения за беспокойство, вам сейчас удобно говорить?

— Да, вполне. — Фролова кивнула, открывая дверь на первом этаже и выходя из здания.

— Если мне не изменяет интуиция, вы только что покончили на сегодня с работой? — Барласов что-то весело жевал и так же улыбался.

— Да. Вы по делу?

— Мхм. Во-первых, пришло уведомление, что нападение на меня сменило подведомственность: следствие отдали в другую организацию? Или как там это называется?

— Да.

— Во-вторых, раз мы теперь не связаны процессуально, я могу пригласить вас на завтрак? Попал в непонятную ситуацию, был бы благодарен за ваш экспертный совет со стороны.

— Ничего уголовного? — равнодушно поинтересовалась Фролова на автомате, останавливаясь.

Если он сейчас там, где она думает, туда лучше вообще пойти пешком — будет быстрее. В этом случае машина не нужна, на парковку можно не спускаться.

А ведь молодец, пацан сказал — пацан сделал. Видимо, за утренним подкатом действительно стоял расчёт бизнесмена, а не дежурный трёп второсортного. Хочет продолжить тот разговор.

— Боже упаси! — энергично открестился Барласов. — Исключено в рамках гражданского кодекса. Упс.

На вилке в его правой руке было что-то наколото. Кусок этой фигни отломился и улетел на соседний стол.

— Тысяча извинений! — он на мгновение повернулся к ней боком.

— Вы где? В Аль Гани на Рубежной Площади? — пока он извинялся перед тройкой чистокровных лет сорока, она разглядела все нужные ориентиры на заднем плане.

— Да, специально подъехал поближе к вашей работе. Подумал, если согласитесь — чтобы место было с вами рядом. Вы же с суток, хотите есть?

— Сейчас буду. Закажите мне сет номер тринадцать, имбирный кофе с кардамоном и апельсиновый органик.

— Конечно, — он покладисто кивнул и тут же углубился в электронное меню. — Я на тре…

— Я вижу. Третий ярус, сектор А. За столом вас найду, десять минут. — Фролова разорвала соединение.

А ведь не экономит, подумала она, разворачиваясь за угол, чтобы перейти через Рубежную. Мог бы позвать и куда попроще, а так за поесть со мной отдаст трехдневную зарплату хорошего опера. Занятно.

* * *

Барласов возбуждённо трескал третью по счёту порцию, если судить по пустым тарелкам: места в Аль Гани хватает, на квадратуре столов не экономят. Все грязные тарелки складываются на углу, когда приходит время рассчитываться — официант по цвету и количеству посуды считает виды шаурмы и вручную выводит сумму.

Затем идёт бумажный чек, выписываемый тоже по старинке вручную. Обязательный ритуал, чёрт его дери — бренд-код заведения. Но вкусно, статусно и дорого, не поспоришь.

— Это всё ваше! — хозяин Вавилона кивнул на пирамиду из еды на противоположном от себя краю стола.

— Не съем столько, — задумчиво покачала головой она.

Он ещё и фрукты с десертом добавил, уже от себя. Не то чтобы Фролова планировала экономить на себе его деньги ради него, но сама бы такого точно не попросила.

— В еде стефнения неф! — он осторожно вернул вилку в тарелку и принялся жестикулировать только после этого. — Не съедим — чёрт с ним. Но я уверен, вам понравится!

Барласов здесь находился явно впервые и впечатлился по полной.

— Что понравится, я не сомневаюсь, — заметила Светлана, опрокидывая в себя полную чашку чая и принимаясь за еду. — За сутки слегка запыхалась, сорри. Итак, я вас слушаю.

Глава 9

— Моя бывшая жена, как выяснилось только что, заблокировала мне счета через арбитраж.

— Вы успели развестись? — ровно уточнила Светлана, принимаясь из мелочей составлять картину. — Утром были женаты, я видела ваш файл.

— Брак второй категории, партнёрство, — пояснил Барласов. — Расторгается в том числе в одностороннем порядке, мне пришло сообщение. — Он последовательно подвесил над столом две голограммы уведомлений. — Я намерен соблюсти нашу договорённость, вызвонил вас подтвердить специально. Личная встреча — чтобы обговорить деликатные нюансы.

— Как собираетесь передавать деньги, если вам даже банк недоступен? Вернее, где для начала собираетесь их взять?

Интересно, как он здесь счёт оплачивать будет.

— У меня есть запас наличных. На оговоренную вами сумму точно хватит, а со временем разблокирую счета.

Светлана лишь молча покачала головой.

— Вы чистокровная, я второсортный. — Барласов спокойно смотрел ей в переносицу, хотя она, не поднимая взгляда, занималась содержимым тарелки. — Мой вопрос, по которому хотел поговорить, но сперва преамбула. Прошу отреагировать спокойно.

— Валяйте.

— Там, где мне приходилось жить раньше, сотрудники полиции оказывают услугу. Она негласная, нигде не фиксируется, но абсолютно чистая с точки зрения закона. Так называемая легальная дырка.

— Внимательно слушаю.

— Если хороший опер собирается на пенсию, своё выслужил, а выше ему ходу нет по разным причинам, задницу на службе он больше не рвёт.

Она уже поняла, что последует дальше. Частный случай, с которым имел дело лично он — потому что сама система выглядит намного шире. Просто Барласов не в курсе деталей с противоположной стороны по понятным причинам.

— Допустим, бизнесу или частному лицу нужно доставить что-нибудь недешевое из пункта А в пункт Б, — продолжил собеседник, старательно не отводя взгляда. — Это абсолютно легальный груз, просто по субъективным причинам частным службам безопасности доверять не хочется. Полицейский со служебным оружием его сопровождает, чтобы исключить любые

элементы случайности по дороге. Иногда пара полицейских.

— Деньги возили?

Ну а чё, он только что сам откровенно выдал, что половину оборота ведёт наличными. Филиалы у Вавилона есть, причём в очень своеобразных местах на югах. Услуга действительно существует, родом возможно что пошла именно оттуда.

— И деньги тоже возил, — не стал спорить второсортный, вздохнув. — Знаете, даже дорогое оборудование бывает опасно тащить: пропадёт по дороге — потом будешь выкупать своё же у "неустановленных лиц", как пятьсот лет назад, до половины инвойсной стоимости! Или ждать ещё квартал, пока изготовят новое, а платить по второму кругу. Если вы не возражаете, без подробностей, — запоздало спохватился он.

— Без проблем, — хмыкнула Фролова, — говорите, говорите.

— Если вы сочтёте приемлемым, я бы просил вас проехать со мной в банк.

— Депозитная ячейка? — Светлана качнула подбородком в такт собственным мыслям.

— Да. Знаете, у меня после сегодняшнего утреннего случая какой-то мандраж. И понимаю, что приключения в банке исключены — но не лежит душа одному ехать. — Он подождал её ответа и, не дождавшись, продолжил. — Никакой логики, но. Если вы не против, я бы просил вас посетить сейф вместе со мной. Давайте перевод на счёт фонда заменим вкладом наличными?

— Хорошо. Как вы оплачивали эту услугу тем полицейским раньше?

— Ноль-пять тире один процент, в зависимости от суммы, но не менее нижней планки.

— Годится. Триста — гонорар сопровождающего лица, добавляете к вкладу в фонд. И едем, как доедим.

— В руки брать не хотите, — кивнул самому себе хозяин Вавилона. — Договорились. Единственный момент, смущает очень незначительная стоимость гонорара сопровождения. Как будто вы решили заняться благотворительностью и назначили символическую сумму, чтобы я не упирался. Почему так мало? Если можно, откровенно.

— Я тоже хочу со своей стороны продемонстрировать, что вдлинную сотрудничать выгоднее. Если я сейчас задеру вам чек, пользуясь положением и выкручивая руки, у вас останется негатив…

— Обычно ваш брат об этом не думает, — поёжился Барласов.

— … а двенадцать месяцев по тысяче выгоднее, чем за один раз даже семь тысяч, — закончила мысль Светлана. — Плюс ваш бизнес на взлёте, единственный конкурент концепции — ПРАВО,

но они у вас сосут. Сорри, значительно отстают в развитии, продолжая уступать долю рынка. — Поправилась она. — Конкуренцию выигрываете вы и скоро будете ещё крупнее. Точек опоры у вас нет, вы даже на меня накинулись сходу при первой возможности. Я умею не резать на мясо курицу, которая только собирается снести золотое яйцо.

— Спасибо за откровенность, — второсортный серьёзно посмотрел через стол. — На всякий случай. У меня ещё кое-какие тёрки с фискалами, просто чтобы вы знали.

— Не проблема вообще. Ваши налоги и иные платежи в бюджет меня не заботят в принципе, а проехать со знакомым в депозитарий никакими уставами не воспрещается. Тем более что дело ваше у нас забрали, — она первый раз за всё общение с ним скупо, но искренне улыбнулась. — Чему я несказанно рада.

Предупредить его насчёт тех концентраторов, что ли?

— Светлана, чтоб не было недосказанности. — Он что-то про себя прикинул и словно бросился в омут с головой. — Моя бывшая супруга — очень изобретательная особа. Плюс за утренним происшествием… м-м-м, не так. Она откуда-то знала, что пятеро убитых были чистокровными, раз. Я ей этого не говорил, два. Я не исключаю что её изобретательность может коснуться и моих наличных в банке, это три. Всё теперь.

— А зачем вы мне это говорите? — поинтересовалась следователь.

— Чтоб вы понимали подоплёку! — Барласов озадачился и даже чуть подался назад. — Если промолчу — получается, использую вас в тёмную.

— Пха-ха-ха-ха-ха, — она снова опустила лицо, смеяться с едой во рту была не лучшая идея. — Какая трогательная забота! Хорошо, чтобы не было недосказанности-два. Опасаетесь вы исключительно, так сказать, законного нарушения закона в ваш адрес в банке, правильно?

— Да, можно так сказать, прикольная формулировка. Блокировка счетов фискалами безосновательна, но у нас это всегда надо доказывать, презумпция невиновности не работает. Мало ли, до чего ещё их руки дойдут? А тут столько нала, хотя и задекларированног…

— Я в курсе наших трендов. Силовых эскапад неустановленных личностей можно не опасаться, потому что банк и депозитарий, согласны?

— Да.

— В свете того, что процессуально мы больше не связаны, я вольна с вами ходить куда угодно и делать что угодно. Откровенного беспредела в ваш адрес других государевых людей

не допущу — это и в моих интересах.

— Даже фискалов?

— Пф-ф-ф-ф-ф.

— Ура.

— Такие пятеро, как сегодня утром — явление уникальное, уж в короткие сроки повтора точно можно не опасаться. — Она сдула прядь волос со лба. — Гонорар устраивает, ситуация ясна.

— Сотрудничество идеально, когда выигрывают обе стороны, — задумчиво подытожил Барласов, принимаясь за грибы и какую-то птицу.

* * *

— Гонорар устраивает, ситуация ясна. — Фролова сдувает прядь со лба, на мгновение становясь привлекательной.

Собственную проверку самому себе сдаю удачно. Это и непосредственно разговор с ней (с подтверждением совместных интересов), и моя новая способность закрываться от чтения чистокровными (фрагментарно, не полностью — чтобы не вызывать подозрений).

Под первым пунктом шла техническая способность налаживать связи с ноля в этом своеобразном обществе. Оно не всегда автоматом просто.

По предыдущему роду занятий знаю не двух и не трёх человек, которые как сыр в масле катались в одном регионе, но вообще не смогли адаптироваться в другом. Завуалированная отставка в итоге, хоть и закамуфлированная пенсией и даже наградой.

— Хотите чего-нибудь ещё? — официант, снискавший моё самое горячее расположение, каким-то чудом появляется именно в те моменты, когда он нужен.

— Да, хотим кофе.

— Сейчас позову второго человека.

Конкретно этот Аль Гани, в котором находимся сейчас, совмещён с родственным заведением (общий собственник) под названием "125". Сто двадцать пять сортов кофе в меню, отсюда и название.

По аналогии с шаурмой, кофе тут — тоже отдельная культура. Настолько своя, что даже персонал не пересекается, хотя и обслуживает один столик.

Фишка напитка — в нано-наполнителях для суточного баффа,

цена чашки как три ужина. Логотип такого вот совместного заведения, кстати — орёл над горами. Голограмма висит под потолком и занимает четверть зала, орёл и горы прикольные.

Если верить написанному, нано-добавки реально приближают второсортного к чистокровному. Регулярное употребление не несёт негативных последствий, но вылетает в копеечку и это очень мягко сказать.

— Будете блокироваться или усиливаться? — принимая кофейную карту от второго официанта, работающего на Стодвадцатьпятку, Фролова задаёт непонятный вопрос мне.

Открываю рот, чтобы переспросить, когда во внутреннем канале оживает браслет:

> Заткнись! Поясняю. Нано-стимуляторы = 2 вида: (1) блокирующие чтение тебя менталистами и (2) усиливающие тебя ментально против коррекции ими же.
>
> Стимуляторами торгуют и в твоих клубах, но не такие авторские версии и гораздо более скромный эффект.

Подумав, спрашиваю в ответной строке:

> Действительно помогают уравновесить мага и техно?

> На короткое время — да. Не абсолют, однако какой-никакой мультипликатор. Часто даже значимый, особенно если менталист до пятёрки включительно.
>
> Но в твоём нынешнем состоянии — выброшенные деньги: она тебя и так не видит, ты каким-то образом закрываешься. Мудила, зачем?! Она же может догадаться, копнуть глубже и спалить тебя! 🤦🤦🤦

> Почему она уточняет, первое или второе, блокиратор или мультипликатор? Оба сразу нельзя?

В меню и кофейной карте никаких запретов нет, даже завуалированных ограничений. Кофе и кофе.

> Дорого. Кажется, аналог деликатности с её стороны. Жри сколько угодно, даже эффект накладывается.

Саша Барласов вёл свои дела так, что на самом деле никаких финансовых нарушений у него не было. Но от власти, точнее, от властей он никогда не ждал ничего хорошего (прям что-то напоминает).

Не знаю, как он влетел в свой утренний переплёт, превратившись в итоге в растение, но все его прочие дела в состоянии, близком к идеальному. С моей субъективной точки зрения.

Предвидел он и возможные интересы к себе, бизнесу и деньгам. Для этого имитировал дырки и нарушения — по плану, подготовленная атака, в том числе рейдерская, натыкалась на его обманку и поднимала шум, который ему сам по себе говорил, что что-то происходит.

Совместный поход с Фроловой в депозитарий — элемент этого процесса уже от меня (с теми же конкурентами, которых она упомянула вскользь, память предшественника говорит, всё не так просто. И на кого работает жена? И кто утренние пятеро? Вопросы, вопросы).

— Давайте по паре чашек? — предлагаю. — Я б и то, и другое выпил.

— Если ваши деньги позволяют, без проблем, — коротко кивает сотрудница полиции, отчёркивая ногтем две строки в меню.

Повторяю за ней.

— … отстань и больше не появляйся! Я не желаю тебя видеть в своей жизни! — За третьим столом от нас повышается громкость, даже сюда становится слышно.

Очень стройная девчонка лет девятнадцати с таким декольте, что на него украдкой таращится почти всё заведение, выясняла отношения со спутником, ещё когда я пришёл. Видимо, сейчас наступила кульминация.

Поворачиваю голову на шум, как и остальные присутствующие. В разрезе жилета фемины в такт словам колышется его содержимое.

Её бывший (судя по разговору) спокойно бросает в ответ:

— Два момента обсудим. Первое, потомство. В нашей с тобой генной паре оно идеальное. Ты же понимаешь, что мы можем уверенно ждать кого-то не ниже пятёрки-шестёрки?

Внимание зала его вообще не волнует.

— Что о нём скажете? — Фролова, стремительно перегнувшись через стол, неожиданно воспылала любопытством к происходящему и сейчас шепчет мне в ухо. — Не бойтесь чужого внимания, я нас прикрыла от остальных.

Хренасе. А ведь я многого не знаю — по спине начинает стекать струйка пота. Некто Остап Бендер уже играл испанские партии, не хотелось бы уподобиться.

> А я тебе говорила!☝! Мудила… Не ссы, никто тебя не видит □. Потом объясню, разговаривай давай.

— Самооценка занижена, слепых пятен куча, незрелая личность, инфантил, эгоцентричен. — Добавлять я могу ещё долго и в красках, но основное сказал.

— Занижена? — чистокровная откидывается обратно на спинку стула, забрасывает ногу за ногу и без комплексов изучает этого типа. — А я бы наоборот сказала, хм. Что цены себе не сложит.

— Это стандартный вариант, — киваю. — Когда реальная самооценка низкая, защитная реакция психики может легко уводить в агрессию из-за любой критики. — Сложнее в реале, но упрощённо сойдёт. — Снаружи часто смотрится именно как обострённое чувство собственного достоинства, гипертрофированная гордость и так далее. Внешняя атрибутика очень похожа.

— Запомню. Обдумаю.

Между нами и этой парой столы пустые, кстати. Без народа.

— Щ-щас! — девица лихо выбрасывает сразу два кукиша, с обеих рук — под нос собеседнику.

— Или оптимистичный вариант, — неудачливый жених флегматично гнёт свою линию. — Врачи сходятся, что можем ожидать даже универсала. Сенсор и корректор одновременно.

Зал притихает в ожидании ответа любительницы носить жилет на голое тело: интересно.

— Я, конечно, не могу знать, на что рассчитываешь ты, — продолжает одетый аналогично менталист. — Но зато я точно знаю… — он наклоняется к уху девушки и заканчивает фразу шёпотом.

> "… что более идеальной пары генетически не наблюдается."
>
> Это Максимов, один из — семья нынешнего мэра.

Браслет, оказывается, неплох в роли экскурсовода.

— Скажи мне что-нибудь? — продолжает родственник городского начальства громче. — Эмоции эмоциями, но когда-то же и мозги надо включать. Кстати, твой ответ с нетерпением весь

летник ждёт, — он театрально раскланивается на три стороны из положения сидя.

Корректор, шестой ранг. Видишь татуировки?

Да

Это как знаки различия. Если чистокровные не на государственной службе и не в форме, они здесь так и ходят — шорты и жилетка. Специально чтобы татуировки ранга и специализации были видны, местный культурный код.

Дальше браслет присылает таблицу, в которой нательные рисунки даны в упорядоченном виде.

Спасибо.

— Тебе не понравится то, что я скажу, — обещает обладательница самого большого на весь третий ярус декольте.

Меня некстати посещает мысль: если они сейчас рассорятся, ей даже нечем будет заплатить за себя — карманы на её одежде не предусмотрены, коммуникатора не видать. Она, похоже, без денег.

— Дата свадьбы назначена, — продолжает спутник. — Родители потратились, твои, мои. Люди билеты на рейсы забронировали, родственники костюмы покупают. Кто-то даже уже распланировал, как у нас гульнёт. Неудобно перед всеми, нет?

— Почему ты не был таким заботливым, когда…? — она сердито смотрит по сторонам.

— А о ней что скажете? — повторяет трюк с шёпотом через стол Фролова.

— Идеальная спутница для идеального мужчины.

Кажется, говорю чуть громче, чем нужно, потому что удостаиваюсь удивлённых взглядов сразу с нескольких сторон, в том числе от самой следовательши.

— Ай, сам напросился. Где была твоя забота, когда вы своим узким сплочённым коллективом с этими б*****и развлекались?! — девчонка идёт вразнос.

— Обычные развлечения гуляющих мужчин. — Перебивает горе-жених равнодушно, раскручивая вилку между пальцами. —

Вставил, вынул, забыл, пошёл дальше. Ты эту свою претензию сейчас серьёзно? Кстати, я обязательно выясню, кто тебе донёс, — в последних словах ощущается едва заметная угроза. — И отблагодарю по-взрослому.

— Свои толстые намёки прибереги для кого-нибудь другого.

ТРЕВОГА! ЭТОТ МУДИЛА ЕЁ ТРЁТ ИЛИ КОРРЕКТИРУЕТ! ПРЯМО В ЦЕНТРЕ ГОРОДА, ПРИ ВСЕХ! БЕГИ ОТСЮДА!

Браслет без паузы разражается паникой.

Кажется, и моя спутница тоже что-то замечает:

— Вот с-с-сучок! — удивляется Фролова, однако вмешиваться не торопится, только любопытства во взгляде и добавляется.

Любая неоговоренная коррекция прямо запрещена законом. Теоретически. Чистокровными чистокровных — ещё и не всегда возможна чисто технически (далеко не всем под силу, резистентность выше), обычно страдают второсортные. Но у сидящего через два стола такая способность, похоже, имеется.

— Дури у типа хватает, — констатирует Светлана, оставаясь на месте и не шевеля даже пальцем.

Силы много — достаточно высокий ранг

— переводит мне браслет.

— Для тебя действительно имеет значение, что я натянул какую-то клюшку разок-другой? Все мужчины так делают, уверяю тебя, — менталист честно и неподдельно недоумевает на всю площадку, продолжая технично работать. — Физиология — одно, любовь и отношения — другое. Ты реально такая тормознутая и искренне считаешь, что твои претензии важны?!

— Да.

— Раньше ты чё-то не предъявляла на эту тему. Что за буря в стакане воды? Лишь бы поскандалить на ровном месте? — Максимов неверно истолковывает лаконичность спутницы.

И тут же пытается воспользоваться ситуацией. Теперь и я кое-что вижу.

— Вот же тварь, — отстранённо констатирует Фролова. — А ведь девчонка потом ничего не докажет.

— Ты абсолютно напрасно не воспринимаешь меня всерьёз. — Внешне спокойно чеканит в параллель менталистка. — Я бы, возможно, перекашляла, если бы всё было так, как ты говоришь. Собрались, потрахались, тут же забыли…

— Оно так и было!

— … но я вижу, что ты недоговариваешь. Плюс уже слухи

поползли. Ты не просто… — она перегибается через стол и секунд тридцать шепчет ему что-то на ухо.

Затем садится на место.

Продемонстрированная всем без исключения грудь чистокровной (спасибо просторному жилету на голое тело) вызвает такую тишину, что даже муху слышно.

— Да ну, ты не можешь знать наверняка, — отмахивается деятель, резко меняя тон и погружаясь в размышления. — Ты не можешь читать меня настолько глубоко.

— Обоюдка, — тихо бросает Фролова с прежней ноткой интереса в голосе. — Друг друга стоят.

— Мне хватает того, что я сейчас вижу по твоему лицу. И слышу по твоему голосу, — пожимает плечами девица.

— Это же не доказательство в суде, — парирует Максимов. — Ты можешь подозревать сколько угодно, но доказать-то не получится.

— Как интересно меняются твои императивы, — без паузы отвечает обладательница самого большого декольте в округе. — Стоит только тебя пугнуть — и обходительность слетает, как шелуха с ореха. Ты понял, что ты сейчас струсил? И проболтался, когда решил, что я обо всём знаю?

— А я и это откорректирую. Чуть позже. — Тихо говорит тип, оглядываясь по сторонам.

— Дурак. За разговором уже наблюдает пол-яруса, сам и привлёк внимание. — Девчонка неуловимо преображается.

На её молодом-молодом лице глаза из наивных резко становятся взрослыми.

Глава 10

— Я справлюсь, — невозмутимо отмахивается Максимов.

Девчонка молча выстреливает ему под нос средним пальцем.

— Сука. — Парень подаётся вперёд и стремительно ударяет её по лицу.

Она падает вместе со стулом, неловко задетая посуда с их стола со звоном разлетается кусками по мраморному полу.

* * *

Барласов, видимо, впервые наблюдал собственными глазами, что в среде чистокровных нравы порой тоже далеки от идеала: он недвусмысленно не одобрял происходящего, хотя до поры и сидел на попе ровно.

Максимов (один из них) поступил как предсказуемый представитель своего семейства: врезал невесте по голове. В эксклюзивном статусном кабаке, в одном из центральных зданий-небоскрёбов, посередине многомиллионного города.

Пользуясь тем, что она по-прежнему была в форме и с жетоном, Светлана установила для себя его личность уже половину минуты как: родня нынешнего мэра, отсюда и борзость.

— Почему не вмешиваетесь вы? — Очень быстро и тихо выдохнул хозяин Вавилона, проследив взглядом, как девчонка с разбитым лицом улетела на пол вместе со стулом, едой и соусами.

Последние кроме прочего заляпали одежду менталистки, хотя на данный момент это было её наименьшей проблемой.

— А причём здесь я? — Фролова едва слышно зашевелила губами, вежливо наклонив голову к плечу.

— Вы сотрудница полиции.

— А это Максимов. Полиция финансируется в том числе из мэрии. Полезу — пострадает департамент. Может пострадать, итоговый эффект всё равно будет ноль.

Судя по лицу Барласова, он не оценил её нынешней откровенности. Идиот.

Даже если предположить, что она сейчас упрётся рогом, что дальше? Кидаться на мужика с кулаками? Так он не второсортный, физически ей не уступает, в отличие от самого Барласова.

Звать наряд? Максимов в любом случае выйдет через четверть часа, это ясно. Даже если его задержать, хотя поди ещё задержи.

А ей самой тут же позвонят из департамента, вполне возможно, с очень далеко идущими последствиями.

— Есть список фамилий, которые нам трогать запрещено, — всё-таки сказала вслух Фролова.

Если ты такой прошаренный, должен сам сообразить между строк остальное. Вон, по фотографии незнакомых людей предсказываешь без ментала. Уж здесь должен сориентироваться.

А ощущение от происходящего почему-то, как в говне выкупалась. Чем объяснить? Вроде и место нормальное, и инцидент далеко не самый шокирующий для профессионального следователя. Опять же, минуты за две всё, глядишь, рассосётся — можно будет спокойно есть дальше.

Барласов услышал её фразу о списке и принял к сведению. Он очень коротко о чём-то задумался, потом уточнил:

— Прикроете меня в таком случае? — а выводы сделал какие-то свои, откровенно парадоксальные.

— Только в рамках закона! — чётко обозначила границы Светлана.

С другой стороны, почему нет.

Во-первых, жаль дурёху — женская солидарность, мать её. Во-вторых, одно дело — изображать болезнь первого удостоверения[3] на племяннике мэра по своей инициативе, а совсем другое — вписаться за *своего* человека. У которого с вышеозначенным племянником вообще личный конфликт.

Всё равно деньгами Барласова придётся делиться, потому что фонд. Если же скандал со Святославом Максимовым начнёт не безвестная следователь участка (хоть и центрального), а эксцентричный молодой владелец статусного места городского уровня — это уже обоюдка между толстопузиками, пофиг на второсортность спутника (она рядом на что? Когда это выгодно, можно поиграть в видимость безукоризненного главенства права из разряда "второсортные — тоже люди!").

— Если не боитесь — в рамках закона прикрою, — подтвердила Светлана, быстренько просчитав расклад про себя. — Но вам драка с ним чревата больницей.

В не самом худшим случае, она договаривать не стала. Намерения спутника были жирным шрифтом написаны у него на лбу.

— Эй! — Барласов без затей потянулся из-за стола в сторону парочки с черепашьей скоростью второсортного, но с решительностью носорога.

Разница в размерах тебе не поможет, вздохнула про себя сотрудница полиции. Да, её новый знакомый был изряден в габаритах, но против чистокровного — по-любому как крестьянин против рыцаря семьсот лет назад.

Просто разные классы.

Стоп. Он же только что два кофе выпил — увлечённая происходящим, Фролова не сразу сообразила, что как раз медленно владелец Вавилона двигаться и не должен. Бы.

Валяет дурочку и играет?

— Вау, смотрим спектакль, — она точным движением довернула кресло в нужную сторону и устроилась поудобнее.

Понятно, что второсортный сейчас скорее всего огребёт, но некая интрига всё же присутствовует.

Максимов-младший в отличие от владельца Вавилона двигался на порядок быстрее. Пока Барласов только вставал и делал свой шаг, Святослав успел и вертикальное положение принять, и обойти стол, и с носка девахе по голове засветить, похоже, на мгновение заставив потерять сознание:

— Дурь я из тебя выбью. Будешь как шёлковая. — А говорил он абсолютно спокойно, даже дыхание не сбивалось.

Девчонка, барахтаясь на полу, попыталась прикрыться от удара ногой, но не очень успешно: мужской ботинок пришёлся не по лицу, как метил парень, а по поднятым руками. Это не особо помогло: последние врезались в хозяйку лишь на мгновение позже, разбивая лицо ещё больше и повторно бросая на мрамор пола.

Барласовское "эй" прозвучало именно в этот момент.

— Тебе чего? — безупречно хладнокровно поинтересовался чистокровный, поворачиваясь к владельцу Вавилона.

— Нах*й отсюда пошёл! — Шурик за словом в карман не полез, продолжая огибать разделявшие их столы со скоростью расторопной улитки.

Максимов жизнерадостно улыбнулся и удивлённо поднял вверх правую бровь:

— А может, наоборот?

— Дойду до тебя — пожалеешь. Беги лучше, — а вот текст Барласова был на удивление в тему.

Фролова подняла и опустила бровь, отдавая должное чужой смекалке: прямой угрозы нет, а провокация на пять баллов. Разумеется, никто из семейства мэра такого урона своей маскулинности терпеть не будет, ещё и при свидетелях.

Племянник главы города скользнул взглядом по ней, поскольку они были вместе, на ходу учёл возможные последствия от старшего лейтенанта полиции (мелкая сошка), ничуть ими не

озаботился и с плавностью тигра потёк навстречу владельцу Вавилона.

А вот это ты зря, пацан, подумала она, против воли немного заводясь. Ты же не знаешь ни моей должности, ни фамилии моего непосредственного начальника, ни с кем я дружу в неслужебное время. И как именно дружу.

Она предполагала, что из Барласова сейчас выбьют часть дури первым же ударом (как и из этой дурёхи, катающейся по полу — так эта вообще чистокровная.). Однако и бояться ущерба физиономии второсортного не собиралась: начавшийся конфликт со *своим* человеком автоматически развязывал ей руки.

Как только Барласову засветят по морде, Светлана тут же среагирует в рамках закона: подключит родной аппарат (привет, жетон), договорится с патрульным нарядом, который отправят сюда. Победить не победит, но крови попьёт: семья молодого дебошира будет здорово напрягаться, чтобы погасить скандал в зародыше.

Опять же, гарантированная копеечка.

Мелькнул кулак Максимова. Владелец Вавилона, явно уступая чистокровному в скорости, каким-то образом угадал движение заранее и двигаться начал загодя, по какой-то странной дуге. Его ноги описали полукруг, руки пошли навстречу чужому удару.

У Барласова меньше расстояние, по которому он перемещается, сообразила она, внимательно наблюдая за происходящим. Да, второсортный медленнее, но и траекторию строит короче.

Хм, прикол: как будто занял середину воображаемой сферы, чистокровное сознание легко дорисовало геометрию наблюдаемой картинки.

На заднем плане мелькнула мысль: все искусства мордобоя давно почили в истории, нет в них больше надобности из-за усиления тела менталом. Но если подумать в эту сторону, то Барласов как будто свой центр тяжести как-то обыграл, что ли? Неужели где-то занимался? Или просто удачно стал и в первую секунду повезло?

Через мгновение запястье и предплечье Максимова оказались перехвачены руками Шурика, Фролова со своего места это видела очень хорошо.

Понятно, что племянник мэра даже одной рукой был сильнее всех мышц второсортного, но что-то у него не заладилось: спутник Светланы, необъяснимым образом поймав руку противника, исхитрился её не отпустить и продолжил двигаться по этой своей дуге.

Станислав Максимов присоединился к движению здоровяка и на первый взгляд подыграл, как партнёр по танцу: племянник мэра вдруг зачем-то побежал вокруг владельца Вавилона, ещё и по большему радиусу.

Это было странно, сопротивлению менталиста полагается бы выглядеть иначе.

Короткий вскрик чистокровного — и ноги борзого представителя золотой молодёжи взмыли в воздух, пятки описали правильную окружность, а сам молодой дебошир со всего маху приложился хребтом о мрамор.

— Ой, — хищно улыбнулась следователь.

Звук был такой, что захотелось свою спину потереть.

Барласов на этом не закончил. Не отпуская чужой руки, он ещё раз прокрутился — и Максимов ткнулся лицом в пол, только хруст костей пошёл. Рука племянника мэра оказалась заломленой за поясницу и выше, второсортный по инерции надавил сильнее — хрустнул чужой сустав:

— Я говорил, чтобы ты шёл вон отсюда! — затем здоровяк со всей дури шарахнул локтем в затылок противника.

Чистокровный врезался головой в мрамор ещё раз и потерял сознание, если верить телеметрии с полицейского жетона.

— Оказывается, и масса что-то весит, — констатировала Фролова тихо.

Барласов поднялся на ноги и двинулся к обливающейся кровью девчонке:

— Лежите, я врач! — теперь он не был похож на беременную улитку.

Перехитрил молодого дурачка, весело подытожила итог драки про себя следователь. Да, опять как пистолет с одним патроном — трюк из разряда того, что он демонстрировал в офисе. Но работает же, когда впервые. Прикольно.

Фролова плюнула на приличия, несколько раз хлопнула в ладоши и негромко свистнула, отдавая должное зрелищу:

— Неожиданно. Снимаю шляпу.

Шурик, находящийся под баффами непростого кофе местного бара, тут же ответил через плечо со скоростью чистокровного:

— Светлана, пожалуйста, помогите.

— Чем? — следователь не стала лезть в бутылку, а покладисто перетекла ему за спину.

Параллельно с этим разговором она уже вызывала наряд из родного участка по сетке: хотя мордобой закончился не так, как ожидалось, на реализацию плана оно не влияло.

Первым ударил Максимов, плюс усиление менталом, да при всём честном народе — то, что атакованный как-то извернулся,

на фоне фиксации полицейским искином не роляет (для процессуальной квалификации намерения, хе-хе).

— Я могу воспользоваться информацией с вашего жетона? — зачастил тем временем второсортный, зачем-то пробегая пальцами по шее пострадавшей, непонятно для чего приоткрывая ей веки, подставляя блестящую поверхность браслета ей под нос и пристально вглядываясь в конденсат.

Интересно, что он там рассчитывает обнаружить?

— Нет, не можете, — чётко ответила следователь.

— Почему?! — Шурик возмущённо обернулся, не вставая с четверенек. — Ваш медсканер что, засекречен?!

— А-а-а. Так бы сразу сказали.

— Я не в курсе функционала, ваша техника определяет степень повреждений? Или на обследование надо везти в больницу?

— Момент. Если вам только это надо, щ-щас, — Фролова активировала голограмму псевдодатчика и через секунду озвучила приговор интерфейса вслух. — Не поняла сразу. Переломов нет, ушиб…

— Сделайте, чтобы мог прочесть я. — Барласов выпрямился и требовательно уставился на жетон.

Менталистка подумала и не стала спорить опять, подвешивая единственный фрагмент. Предполагаемый диагноз девчонки точно секретом не является.

— … без патологии. Острых нарушений нет, — Шурик, пробежав глазами текст, кивнул самому себе и снова опустился на колени.

Девчонка как раз заворочалась.

— Светлана, я сейчас буду задавать ей вопросы. Прошу вас дать мне знать, если ответ будет неправдой.

— Смотря что будете спрашивать! — тут же провела границу дозволенного сотрудница полиции.

— Вы пришли в себя? — Барласов не обратил внимания на последние слова следователя и буквально потребовал у чистокровной, когда та открыла глаза. — Что чувствуете? Не двигайтесь.

— Чувствую, что мне дали по морде ни за что. Ногой, в ресторане. Что сделавший это — тварь и сука, ё…

— Спасибо, достаточно. Как вас зовут?

— Анна.

— Фамилию свою помните?

— Да, но вам называть не буду.

— Сотруднице полиции назовёте? — Шурик зачем-то решил изобразить пресловутого банного клеща, вцепившегося

незнакомке в известное место.

Хотя какая-то система в вопросах есть. Может, и правда зачем-то надо.

— Пусть полиция сама посмотрит мою фамилию, вслух произносить запрещаю, — девчонка, похоже, пыталась технично сканировать его в ответ, с опаской реагируя на непонятный ей энтузиазм второсортного.

У неё явно не получалось читать здоровяка: Барласов, задвинувшийся только что сразу двумя чашками дорогого кофе из стодвадцатьпятки, был в этот момент не лучшим объектом даже для самой следователя, не говоря уже об ушибленной по голове.

Фролова мгновенно исправила собственное упущение: запустила идентификацию и по тёлке, не пожелавшей представляться полностью.

— Александр, я знаю её фамилию, но вслух говорить не буду, — проинформировала она мужской затылок через секунду.

Ельцова, Анна Ельцова. Ничего громкого в голову не приходило. Очень похожа на непростую, но тогда не отсюда.

Фролова поискала по соседним городам и, обнаружив искомое, добавила:

— У неё могут быть основания не говорить вам фамилию.

Тоже семья известная, хоть и не здесь.

— Спасибо! Какое сегодня число?

— Двадцать третье, — проворчала девица, садясь на полу и опираясь руками о мрамор. — О, это вы его так? — увидав не шевелящегося Максимова в луже собственной крови, Ельцова ожила. — А как смогли? Вы же второсортный?

— Утончённость ваших манер может соперничать только с вашей красотой, — даже на долю секунды не запнулся Шурик.

— Пха-ха-ха, — Фролова заценила и момент, и текст.

Следующую минуту её новый знакомый потратил на то, что она сама назвала бы пародией на допрос: он спрашивал у пострадавшей любимое блюдо, события ближайшего прошлого, при этом то и дело оглядывался на Светлану, сверяясь, правда или нет.

Ельцова где-то язвила, где-то отвечала, но владельца Вавилона это явно не смущало: тупые вопросы так и сыпались.

На каком-то этапе сотруднице полиции надоело, Барласов словно почувствовал:

— Извините, что потеребил. — Откланялся он перед ушибленной, поднимаясь на ноги и пряча в карман окровавленный платок, которым приводил тёлку в порядок. — Хотел убедиться, что у вас память и психика не пострадали.

— А как бы вы это определили со своей второй категорией?

— Светлана чихать хотела на приличия, потому спросила здесь и вслух.

Интересно же.

— Долго думает или путается — значит, проблемы с памятью, — пожал плечами Барласов. — Их нет. А критерием нормальности являются точные ответы и КАК она это говорит. Субъективно, но точно — я шарю в вопросе. Ну или можно в местную клинику, — последнее слово он выплюнул чуть не с пренебрежением.

Обе менталистки озадаченно переглянулись между собой, хотя и не были знакомы.

— Вы как во дворце эмира Бухары выросли, — заметила Ельцова.

— Бывали? — возбудился отчего-то Барласов на ровном месте.

— Не скажу. Такие ответы деанонимизируют, — родственница шишки соседней администрации со значением посмотрела на Фролову.

Та молча кивнула.

Наряд, появившийся без лишней помпы, уже минуту как уволок в участок молодого дебошира, бывшего на момент задержания без сознания.

— Извините, нужно закрыть вопрос оплаты. — Официант словно материализовался из воздуха.

Смотрел он почему-то на сидящую на полу девчонку.

— Чёрт, — та захлопала ладонями по жилету и шортам, не имевшим карманов. — Я и комм… оставила перед разговором.

Сотрудник Аль Гани перевёл вопросительный взгляд на Фролову, которая к этому времени уже успела прогрузить с жетона свои полномочия на сервер заведения.

— Запишите на мой счёт! — решительно повысил голос Барласов, переключая внимание на себя. — И нас тоже посчитайте, пожалуйста, мы уходим.

— Секунда. — Официант сверился с закрытым от других интерфейсом, черкнул что-то дополнительно и протянул второсортному оба оторванных от блокнота листочка.

Интересно, что дальше, напомнила себе Светлана. Счета-то у нового знакомого заблокированы.

Владелец Вавилона засунул руку в карман, флегматично извлёк перетянутую пластиковым фиксатором пачку денег и рассчитался в полном соответствии с антикварными традициями заведения:

— Вот. — Затем добавил две банкноты сверху. — Спасибо, нам понравилось.

* * *

— Куда вы теперь? — Барласов спросил девчонку первым.

— Обвинение будете выдвигать? — Фролова задала свой вопрос Ельцовой одновременно с тем, как Шурик, видимо, решился вызвать той такси.

— У меня свой маршрут. — Анна решила вначале ответить второсортному. — Спасибо за помощь, в ней больше нет необходимости.

— А деньги на дорогу…? — Барласов замер на полуслове, вытащив до половины из кармана свою неповторимую пачку банкнот.

Он задумчиво обозрел пострадавшую с головы до ног.

— Не нужны, мне тут рядом. — Анна повернулась к сотруднице полиции. — Спасибо и вам, но я обвинение выдвигать не буду.

— Так и думала, — коротко кивнула следователь.

Ожидаемо. Не последнему в соседней агломерации семейству громкий скандал на подобную тему не нужен от слова совсем. Если даже они захотят бодаться с Максимовыми дальше, выберут какой-нибудь другой путь. Уж явно не к чужим ментам стучаться.

Барласов открыл было рот, собираясь что-то сказать, но тоже сложил три плюс два. Захлопнул рот, кивнул и задумчиво проводил взглядом обтянутую шортами жопу пострадавшей:

— Хозяин — барин, конечно. Но с таким лицом, без денег, по городу…

— Едем в банк? — Фролова не стала говорить, что её жетон в интерфейсе в числе прочей обстановки сейчас показывает заходящий на посадку вертолёт на специальной площадке за углом.

Безлимитная лицензия на полёты над городом, частная компания под конкретного человека, в графе получателя лицензии — фамилия "Ельцова".

— А что с этим сыном начальства будет? — похоже, баффы с Барласова начали спадать.

Скорость и точность реакции откатывались в сторону величин второсортных.

— Обвинение по нарушению общественного порядка, хватает видеофиксации заведения и с моего жетона, — Светлана хлопнула себя по груди, направляясь через дорогу в сторону служебной парковки. — Поедем на моей машине.

— Э-э-э. Как скажете, но…

— Я из вашего банка выйду не совсем пустой. Мне удобнее будет возвращаться своим транспортом, не вашим. Ехать туда

порознь — тоже не вариант.

Владелец Вавилона добавил шаг, поравнялся с ней и хлопнул себя по лбу:

— Точно. Чё-то отвлёкся настолько, что соображалка отказала.

У тебя её в нормальном виде и не было, мысленно прокомментировала сотрудница полиции. Ты и так очень хорошо держался против пятого ранга исключительно на чашке кофе. Ладно, на двух чашках.

Глава 11 (ИНТЕРЛЮДИЯ)

Переговоры по внутренней сети концерна МЕДИКОР. Конфиденциальность обеспечивается искусственным интеллектом, принадлежащим компании.

Содержание беседы не может быть перехвачено либо расшифровано третьей стороной без предварительного согласия управляющей компании.

 # государственной лицензии искусственного интеллекта 0003862***08***…***

— Шеф, вы заняты?

— Говори.

— Не могу оценить, прошу помощи вашей интуиции.

— ГОВОРИ.

— Вот видео, гляньте.

* * *

Там же, через половину минуты

— С ним пошла в кабак следователь полиции, у которой забрали дело. — Голографическое изображение начальника с силой трёт виски. — Но пошла после того, как дело у них забрали. Кстати, знал бы кто, чего мне это стоило.

— А чего вам это стоило? — подчинённый абсолютно серьёзен. — Шеф, давайте откровенно. В этом деле всё идёт не так, как надо.

— И?

— Если подвинут вас, на ваше место скорее всего пойдём я или Сеня — варягов…

— … не поставят, да они не приживутся. А ты не сильно деликатен. Договаривай.

— Если вас уберут так, что вашим опытом я уже не воспользуюсь, я хотел бы сегодня знать то, о чём через неделю могу молиться всем богам, чтобы была возможность спросить вас. Но её уже может не быть. Не сильно сложно завернул?

— Я уловил смысл. Ты не сильно деликатен.

— Могу проще: если вас шлёпнут завтра, лучше поделитесь сегодня, пока ещё можете. Босс, а надо быть деликатным? Или лучше откровенным?

Руководитель молчит, подчинённый продолжает:

— Если бы на вашем месте был кто другой, я бы ещё подумал, что сказать. Но вы всегда производили впечатление человека, которому дело дороже личной шкурки.

— Завязывай с комплиментами, на мне не работает. Дешёвая манипуляция.

— Ответ будет?

— Свои контакты передам тебе, если меня будут убирать. Их тоже предупрежу. У смежников результаты экспертизы совпадают с полицейской. Судя по остаточным следам на концентраторах, все пятеро легли из половины секунды.

— Босс, а по-русски можно?

— От первого выстрела до последнего трупа прошло менее ноль-пять секунды.

— Получается здорово выше норматива, — старший группы не спрашивает, а утверждает.

— Да, это выше физиологической способности второй категории.

— Вы сказали, из половины секунды. Могу спросить точную цифру? Если вдруг секрет — я пойму, но скажите открытым текстом.

— Да какой там секрет.

Начальник называет число. Лицо подчинённого вытягивается на мгновение, брови поднимаются вверх:

— Хренасе. Это то, что я думаю?

— Да. Там или был кто-то ещё, седьмой, или наш богатый мальчик вдобавок ко всему дикий. Что нереально, ибо такой ранг у диких по определению исключён.

— Вы поэтому зависли?

— Не только. Мы пока топчемся, часы тикают. Мои личные в том числе.

— Босс, а ведь всё не так плохо. — Подчинённый оживляется. — Какая ваша самая главная проблема?

— Мне не простят, если мы не вывезем. У нас отставки сам знаешь, какие. И мы пока не вывозим.

— Это следствие. А причина?

— Спецоборудование взяли на трупах, раз. Связь трупов с нами отслеживается проще простого, два — вопрос времени. Я сейчас нажимаю на очень серьёзные рычаги, чтобы только притормозить. Шум никому не нужен, проще отдать одну голову. Отгадай, какую. Точнее, чью.

— У ментов дело забрали в безопасность, так? — подчинённый, не обращая внимания на настрой начальника, рассуждает дальше. — Наши доблестные носители щита и меча

прицепятся к снаряге и попытаются пососать кровь по линии нашего снабжения, правильно?

— Плюс это наложится на отсутствие результата по поиску сам знаешь кого. Чего. Поскольку обе нитки в моих руках, отвечать мне.

— НЕТ! Вы тоже думаете зашорено! — старший группы оживляется ещё больше, хотя ему это крайне несвойственно. — Виктор Фёдорович, в каких двух случаях возможно такое перекрытие нормы?

— Ты о пальбе?

— Да.

— Или наш клиент — дикий, причём нереального ранга. Положить пятерых в группе, из которых…

— Я понимаю, — отмахивается подчинённый. — Семёрка, не меньше. Или?

— Или был ещё один человек. Он выступил против нас, прикрыл нашего клиента и растворился после того, как сделал дело.

— Шеф, — собеседник начальника отдела улыбается. — В обоих случаях что общего?

— Нам оппонировал чистокровный очень высокого ранга, вторая категория гражданства у стрелка исключается физикой процесса.

— Именно! А где работает большинство обладателей седьмого ранга, молчу про выше? И что, если там было именно выше, чем семь? — вкрадчиво намекает старший группы.

— Нам "помогли" информацией, снарягой, но тему слили на сторону?

— Или разрабатывают сами, — старший группы уверенно кивает. — А нас разыгрывают втёмную. Утверждать можно только то, что против нас поработал чистокровный не ниже седьмого ранга.

— Я ухватил мысль, — обычно далёкий от проявления чувств человек обозначает жестом благодарность. — Но ты договори.

— Кто у нас самый главный враг безопасности?

— Бюро по защите конституции.

— Если на мгновение забыть нашу подковёрную борьбу всех против всех, что должен делать гражданин, когда видит, что целый государственный орган работает против интересов государства?

— На каждого злого пса есть ещё более злой, — начальник отдела задумчив. — А все странности говорят, что безопасность как минимум не до конца с нами откровенна.

— Кто-то играет на две стороны, — припечатывает

подчинённый. — И этот кто-то слил нашу инфу, во-первых. Откуда в пять утра на пустой территории клуба взяться случайному высокоранговому?

— Не агитируй, я же не спорю. Продолжай.

— Этот кто-то имеет свои мутные интересы, во-вторых. А наша тема в общей базе имеет уровень государственного интереса, это в-третьих. Шеф, что делать, когда у вас не хватает сил защитить интересы государства?

— Б**, ЗВАТЬ ПОМОЩЬ. Хм, спасибо.

— У вас есть знакомые люди в Бюро?

— Найду. Для такого случая.

— Если вдруг быстро не срастётся, у меня есть свой канал. — Подчинённый не отводит взгляда, понимая, что в данный момент полностью раскрывается и сдаёт себя с потрохами. — Мой канал по оборотням из безопасности поработает с удовольствием и с энтузиазмом, даже без денег. Просто чтобы вы знали.

— Спасибо. Буду должен.

Какое-то время оба помолчали. Очень опасная для одного из них ситуация только что развернулась в сдержанный позитив.

— Ну, раз с этим ясно, всё-таки ответьте на мой вопрос, — напоминает старший группы. — Какого чёрта наш крендель с этой девкой жрать пошёл посередине города? Что за демонстрация? У меня в голове всё остальное складывается, но этого понять не могу. Смысл какой?

— Вов, а нам разница какая? — осторожно парирует начальник отдела. — Вопрос ушёл на уровень, где ментов можно не учитывать.

— Боюсь я чего-то не учесть. Больно объект шустрый, а мелочей в работе не бывает.

— Ну, если забыть о наших пяти трупах, то он не просто объект. Самый прибыльный проект своей отрасли, практически уникальный. Хозяин и автор такой идеи идиотом по определению быть не может, даром что второсортный.

— Вот я и хотел услышать вас, одна голова хорошо, две лучше. К чему эта его прилюдная демонстрация общения с полицейской, которая уже ничего не решает? Что он доказывал? И кому?

— Моё мнение. Смотри не на его рожу, а на глаза следовательши.

— А что там?

— Вов, у неё это еле прорывается, но заметить можно. Она на него как женщина смотрит.

— Э-э-э, — старший группы неожиданно озадачивается. — Она ж чистокровная?

— И что? Напомнить тебе концепцию одного очень интересного ночного клуба? Иногда банан просто банан, Вов.

— Неожиданно.

— Красивая тёлка, не замужем, молодая. Пошла с богатым мужиком после суток в кабак, на сутках в конце такое приключение было. Мужик тоже ничего. Наверное. На женский взгляд если. Какие варианты, если забыть о полиции и следствии?

— Тьху ты. Кто бы мог подумать.

— Я не утверждаю, но ты спросил, что говорит моя интуиция. А расшифровка текста беседы есть?

— Откуда? Вы же видите место. И видео-то еле сняли, причём очень короткий фрагмент. Если б длиннее, тогда по её губам можно было бы…

— Вов, а почему ты ничего по инциденту в ресторане не говоришь?

— А что там говорить? — подчинённый отмахивается. — Максимов, один из, племянник мэра. Он своим пассиям регулярно морды на людях правит. Это у него далеко не первый случай.

— Тебя не смущает, что наш его за секунду как бог черепаху разделал?

— Я отработал эпизод, босс. Во-первых, Барласов оплатил четыре чашки кофе из стодвадцатьпятки, вот выписка из его счёта.

— Ого. Там два заведения на одной площадке?

— Да, как обычно. А вот время до секунды, во сколько кофе вышел с кухни. Я не думаю, что он заплатил такую сумму, чтоб выпить пойло холодным и через час. Наверняка высосал сразу, раз деньги позволяют.

— А-а-а, так он баффами как раз перед скандалом задвинулся по уши.

— Да. Именно в момент драки наш клиент второсортным, условно говоря, местами не был. А в размерах он сам видели, какой.

— А может быть, что в здании Вавилона он тоже баффнулся?

— НЕТ. Босс, там его здоровья, чтоб бить морды, мало было бы — надо стрелять уметь. Очень специфический навык, надо тренироваться, усилием воли не появится. Откуда у второсортного настрел? Плюс ствол с автоматикой именно на такой случай. Ну и сама драка ещё.

— А что с ней?

— Да он руку Максимова случайно поймал и дёрнул удачно, а потом просто не растерялся. Вот, смотрите ещё раз, медленно.

— Хм. И правда. Максимов сам себя уронил, получается —

этот его даже не бил поначалу, просто в сторону отошёл и дёрнул. Бывает же. Но дёрнул красиво, гы.

— Вторая тёлка, с которой они вместе вышли, тоже ничё, кстати! Вы сказали сейчас про следовательшу — я теперь думаю, у нашего клиента фетиш такой.

— Коллекционирует их?

— А почему нет? Мужик молодой, бабки позволяют. Меня только смущает, что он на племянника мэра попёр без раздумий, а бизнес держит в их же городе. Как работать в будущем планирует? Максимовы же его раздавят мигом.

— После того, что сегодня утром было в его офисе, городская администрация для него — не самая большая проблема. Особенно если на его стороне кто-то из безопасности, второй рукой, по твоим словам. Пять трупов, — напомнил шеф.

— Логично, чё, а интим всегда интим. Если есть возможность засадить ещё одной новой бабе, почему бы и не засадить, — со вздохом итожит подчинённый, разрывая соединение.

— Вторую тёлку, в жилете, не установили? — вопрос начальника повисает в воздухе.

Глава 12

Входящий вызов от незнакомого абонента.
Запрос режима конфиденциальности.
Принять/отклонить?

Интересно, как его принимать или отклонять, если в интерфейсе почему-то не активировалось меню.

На глазном нерве, куда пришёл запрос, неуловимой тенью мелькает изображение смайлика, стучащего себя по лбу указательным пальцем правой руки, затем вращающим у виска — левой.

Следом за намёком на обратную связь браслета видимо он же воспроизводит картинку: кроме виртуального ввода на самой железяке есть сенсорная панель. Касаешься пальцем (типа экрана на смартфоне) — и именно этот режим выбираешь вживую.

Загадочная логика производителя. Напоминает кое-какую технику оттуда, где завод-изготовитель, мнивший себя гением дизайна, тоже любил рвать зубы через задницу. Ещё доказывал, что так эргономичнее.

"Принять вызов незнакомого абонента".

Оказывается, звонит та самая девчонка, которой местный мажор только что вытирал полы на третьем ярусе Аль Гани:

— Пожалуйста, подтвердите режим конфиденциальности разговора! — требует она без здрасти-досвидания.

Впечатление, что фемина меня видит — её глаза, мимика.

Так, она просит, чтоб я сейчас не говорил вслух. Наверное.

Рядом сидит Фролова, которая многозначительно косится в мою сторону, хотя и ведёт машину. Даже если слова собеседницы следовательша слышать не будет, по моим ответам много чего словит, по крайней мере, может.

С другой стороны, я эту Анну не знаю и на поводу идти не обязан.

ИДИОТ!

По стилистике понимаю, что в диалоговом окне звонящей пишет не она сама, а совсем другой, к-хм, интеллект.

Всё тот же отмороженный смайлик знаками за долю секунды показывает, что не нужно издавать звуки, достаточно артикулировать мысленно.

Ну пардон, я здесь первый день. Всех наворотов ещё не освоил.

Делаю по инструкции. Через половину секунды общаюсь в полноценном формате и без ушей сотрудницы полиции:

— Здравствуйте ещё раз.

Девица кивает в ответ, значит, и правда меня видит.

— Откуда у вас мой контакт? Заодно, в ресторане вы не хотели даже имени своего называть, а теперь практически впихиваете мне в руки свою идентификацию этим звонком. Чем обязан?

— Меня зовут Анна Ельцова.

Это должно что-то говорить? В ответ не спросишь.

— Очень приятно. Я Александр Барласов.

Судя по картинке фона, она перемещается по воздуху в летательном аппарате, имеющем салон из прозрачного пластика. Вертолёт?

— Я знаю, кто вы — звоню ж сама. Александр, я хотела извиниться. — Её голос затвердевает, как будто она делает над собой усилие. — Я была очень неправа перед вами лично, когда заподозрила, что вы можете быть связаны с Максом.

— С Максом?

— Стас Максимов. Человек, от которого вы меня прикрыли пятнадцать минут назад.

— А-а-а. Мне говорят, он родственник нашего мэра, — кошусь на Фролову, всё равно непроверяемо, кто именно что сказал. — Вам не за что извиняться. Это мне неудобно, что вы в таком виде пошли по улице без единой монеты в кармане, не взяв у меня ни копейки.

— Не врёте, — вздыхает менталистка, продолжая расстреливать меня пристальным взглядом в упор. — Я просто не поверила вам поначалу — вы не читались. Извините.

— ЗА ЧТО извинить? Анна, если вы потрудитесь стать более внятной, буду вам очень благодарен. У меня есть кое-какие личные проблемы и я слегка не настроен на пространные разговоры. Попутно скажите наконец, откуда у вас мой контакт? Для меня это может быть жизненно важно.

— Извиняюсь за свои подозрения в ваш адрес — они были беспочвенными. С Максом вы вообще не связаны и в ресторане был не спектакль. — Фемина зациклилась и гнёт свою линию, не обращая внимания на мои слова.

— Пф-ф-ф-ф-ф. Если бы вы что-нибудь подобное выдали там, я бы вас просто так не отпустил, похоже на отклонение, — и ведь не шучу.

— Вы действительно случайный человек и не в курсе. Я подумала там, по горячим следам, что Стас не смог добраться до меня по-хорошему и подстраховался: устроил спектакль, вы —

подсадная утка, о которой позаботились заранее…

— Вам хоть терапию назначай.

— …но сейчас выяснила, что это не так. Поэтому приношу извинения.

— Принято. — Надо менять тему, а то какая-то сплошная "Смерть чиновника". — Как себя чувствуете?

— Сообразно случившемуся! — она красноречиво сверкает взглядом.

— Вы мне скажете, откуда у вас мой контакт?

— Я ж Ельцова, вы мой счёт оплатили, — девчонка слегка озадачивается. — У семьи есть свои возможности, я не сирота. Посмотрите в сети?

Посмотрю обязательно. Если фамилия такая известная, должны быть и следы. Либо у своего таинственного браслета поинтересуюсь, кто они такие, когда рядом менталистов не будет.

— Александр, я понимаю по случившемуся, что вы небедный человек. Я не знаю, чем вы занимаетесь — ваш личный профайл почему-то закрыт в базе электронного правительства даже от нас — но вижу по фискальному реестру, что у вас какой-то бизнес в этом городе. Верно?

— Так и есть.

— Заступившись за меня, вы прямо идёте против известной семьи. Когда Стас придёт в себя, получится, что ваше дело находится на их территории. — Она смотрит по-прежнему пронзительно, как будто я должен как-то прокомментировать.

Молчу в ответ, уступая ход.

— С вами могут попытаться свести счёты через ваши финансы. Кстати! Хотела вернуть вам деньги за Аль Гани, а у вас что, даже личные счета заблокированы?

— Увы. Но я над этим работаю.

— Вы сможете уделить мне вечером полчаса? — заключает она решительно. — Насколько вижу, жены у вас нет с сегодняшнего утра, значит, после работы свободны.

— Какая трогательная непосредственность, — бесшумно бормочу себе под нос. — Даже неудобно спрашивать, что вам до моей жены.

— Это не то, что вы подумали! Имела ввиду, у вас нет непреодолимых причин отказаться от встречи!

— Могу спросить, откуда такой настойчивый интерес? Немного пугаете.

— Я адекватная, — огрызается Анна Ельцова на автомате. — Если вы о том вашем осмотре и дебильных вопросах на полу, какого цвета х*й у капибары.

— Я такого не спрашивал! — М-да уж. А маркер-то

красноречивый. — Даже не удобно по шестому кругу вопрошать, чем я так привлёк ваше внимание в итоге.

С другой стороны, жилетка у неё прикольная, содержимое весьма ничего, детская непосредственность впридачу.

Инициатива опять же её, причём с таким напором. Ранг по менталу. Где-то обаяние: Фролова, например, красива тоже, но не обаятельна.

— Я очень хочу понять, каким образом вы с Максом справились физически, это первое. Второе: не хочу, чтоб вы платили за меня, я не нищая. Не такие уж и маленькие деньги, кстати! Поскольку ваши счета заблокированы, остаются лишь наличные. Для этого нам надо встретиться, заодно поискали бы возможные точки соприкосновения. Вдруг и я чем смогу пригодиться в ваших проблемах? — "Второй категории гражданства" вслух не звучит, но откровенно подразумевается. — Я вам должна за обед!

— Тогда уж не вы должны, а Максимов. Он же кавалер, это он не оплатил счёт. — Ну и как тут не поиздеваться.

Прости, детство в жопе. Или это не моё, а Барласова?

— У нас каждый платит за себя… Третье. С вами утром случилось кое-что серьёзное. — Она тщательно подбирает слова, хотя и делает это очень быстро. — Полицейская, которая рядом с вами рулит, была дежурным следователем, который приехал на вызов.

Возможности Ельцовых походя впечатляют. Я теперь предполагаю их уровень, по аналогии с *домом.* И ведь не понтуется — добросовестно излагает, не более.

— Но ваше дело у них уже забрали, — продолжает девчонка. — Извините, что лезу не в свои дела, но мне кажется, что с утренней проблемой поддержка извне вам ещё больше актуальна. Не могу сказать всего через комм, подробности только лично.

Быстро она сориентировалась в моей обстановке, едва зайдя за угол. Внушает.

Впрочем, Анна сейчас демонстрирует скорее доступ к информации — что логично, если семья непростая. Скорость же их обработки информации после местного кофе меня больше не удивляет: действительно интересные ощущения. И у меня был лишь временный бафф, а чистокровные вроде как постоянно живут в этом режиме.

Можно позавидовать. Одни Эйнштейны.

— Вы разобрались с тем, что случилось утром? — Ельцова, не дождавшись моего ответа, продолжает идти напролом.

— Если бы. Спасибо большое, но после ваших слов мотивы понятнее не стали.

— В каком смысле?

— Обычно люди вашего круга не заморачиваются моральными обязательствами в наш адрес. С моей стороны остаётся открытым вопрос, что вам от меня нужно.

— Я не все! Банальную благодарность вы чё, исключаете?!

— Если честно, привык справляться со своими проблемами сам. Да и видим мы друг друга впервые в жизни, а дело, как вы заметили правильно, утром наметилось серьёзное. Вы же не думаете, что я брошусь в объятия незнакомке, даже такой прекрасной?

— Вы что-то теряете?!

— Анна, спрошу последний раз. Какой ваш интерес во всём этом? Десять минут назад вы не производили впечатления человека, который может разобраться даже со своими проблемами. А сейчас берётесь за мои, которые могут оказаться намного серьёзнее? Где логика?

— Именно поэтому и берусь, — шмыгает носом девица по-детски, вытирая капельку набежавшей крови с верхней губы. — Должна же быть какая-то благодарность. Вы не до конца понимаете, чем именно мне помогли.

— Скажите вслух, чем, — предлагаю. — Обычная сцена в ресторане, как по мне.

— Если бы вы его не остановили, он бы опять мог потереть меня и всё пошло бы по кругу. Ну и насчёт моей несерьёзности. Как думаете, легко раздобыть контакт платинового Ирфе последней модели за минуту? Ещё и купленного в гарнитуре, не буду перечислять, каком?

И что ей сейчас ответить? Речь о браслете, насколько понимаю.

> Невозможно! Мой контакт достать нельзя! Потом объясню, мудила!

О, помянешь чёрта.

— Утверждали, что невозможно, — констатирую со вздохом. — Когда брали с меня за него эту кучу денег.

— Именно. Но мы же разговариваем. — Она красноречиво двигает бровями, на что-то решаясь. — Так, исключительно для вашего спокойствия. Не знаю, что у вас стряслось утром, но вы бывали в клубе Вавилон?

— А что? — недоумение даже изображать не приходится.

> Имя собственника Вавилона — в конфиденциальном реестре! Ты — тоже секрет! Даже Фролова не смогла бы узнать, не будь твоего вызова им и вашего с ней личного

контакта на территории, мудила!

Закон о защите персональных данных владельцев бизнеса почитай! А не пародию на конституцию, которую ты только жопой и не изучал! Вместо дела, мудила!

Потом найди свою категорию бизнеса в реестре и сравни с законом о защите данных! Кретин

— Вавилон, у них слоган ещё "ЗДЕСЬ ВСЕ РАВНЫ", — старательно поясняет обладательница внушительного декольте, личного вертолёта и душещипательного жилета на голое тело. — Ментал блокируется на территории: вы там сможете расслабиться, если боитесь чистокровных. Будем на равных. Там вообще все как правило на равных, если что. Не бывали?

— Чем больше вы настаиваете, тем сильнее меня пугаете своей целеустремлённостью.

— Я сделала ошибку, — она смотрит мне в глаза, не мигая. — Весьма серьёзную жизненную ошибку, которая могла завести очень далеко. Человек с улицы вмешался, чтобы меня защитить, хотя на первый взгляд вообще не имел шансов против Макса. Вы бы оставили всё, как есть? Даже спасибо на моём месте не сказа…? — Не врёт, но эта её одержимость во взгляде.

— На *моём* месте так поступил бы каждый, — перебиваю.

С другой стороны, чёрт его знает, какие возможны побочки в результате здешних индуктивных вмешательств в чужие мыслительные процессы.

Ладно, надо же расширять профессиональный кругозор; хоть понаблюдаю в реале на этапе доврачебной помощи реальный случай. Наверное.

Саша, кого ты лечишь, одёргиваю мысленно сам себя. Если бы не этот жилет (точнее, его содержимое), твой академический научный интерес к Анне Ельцовой в ночном клубе был бы совсем иным. Не столь ярко выраженным.

Ну и с Вавилоном у неё прикольно вышло. Ещё один Остап Бендер с испанскими партиями.

— Даже чистокровные сидели и смотрели, не надо делать из меня дуру! — продолжает разоряться девица. — А вместо того, чтобы хватать за руку и благодарить, я поначалу подумала о вас плохо, даже фамилию свою сперва не назвала, — она повторно шмыгает носом и взрывается. — Да хрен с вами! Я как минимум попыталась! Да идите вы к чёрту! С благодарностью навязываться не бу…!

— Хорошо, — перебиваю ещё раз. — Согласен.

— Что? — она сбивается и хлопает глазами.

А впрочем, судя по скорости и характеру реакции, с головой у

неё порядок. Просто темперамент весьма своеобразный.

— Давайте вечером пересечёмся в Вавилоне, говорю, меня устраивает. Только заведение разве не закрыто? — к своему стыду, я понятия не имею, что вечером планируется у меня же.

Но выяснять в этот момент некомильфо.

— Можем пойти не в главный клуб, а в тот, что поменьше, — без паузы предлагает она. — У них же везде правила одинаковые. О, они сами пишут, что в двадцать ноль-ноль откроется головной. Так что?

> Идиот! Те, кто забрал дело у полиции, и не думали закрывать твой клуб! Это не менты!
>
> А ты сам оставил людям инструкции вчера, мудила!

Если бы я ещё о них что-то помнил, о тех инструкциях. Да и оставлял их, если быть профессионально точным, не я, а предшественник.

Но есть и плюс: браслет всё меньше и меньше видит мои мысли. Получается, баффы на защиту от местного кофе в сочетании с кое-какой гимнастикой мозгов работают.

— Восемь вечера, возле главного, — киваю. — Я вас увижу.

— Спасибо за снисхождение, — сердито ворчит Анна Ельцова и отключается.

— Мы приехали, — Фролова очень лихо тормозит возле банка. — Вы закончили свой разговор?

— Да, только что.

Интересно, она видела только факт беседы или о содержании тоже в курсе? Сейчас не критично, на будущее надо иметь ввиду.

— Идёмте.

* * *

Барласов на середине дороги заёрзал, заволновался и в итоге принял чей-то входящий звонок в конфиденциальном режиме.

Светлане по большому счёту это было уже безразлично, как и личность звонившего. Однако что-то такое в настроении второсортного её подхлестнуло и она решила закрыть один незавершённый момент после того, как выбралась из машины:

— Александр, нам нужно поговорить. — Она дождалась, пока со своей стороны с черепашьей скоростью вылезет и он, и придержала его за руку. — Не бегите, лучше здесь.

Не в здании же банка, в самом деле.

— Пугаете, — серьёзно напрягся Барласов. — И смотрите пронзительно, можно испугаться. На жену утром похоже, — неожиданно выдал он после небольшой паузы.

— Пха-ха-ха, расслабьтесь, у меня нет её претензий в ваш адрес. Те пятеро тел у вас в офисе, — Фролова многозначительно сжала губы в узкую в полоску.

Давай, шевели извилинами.

— Дело же у вас забрали? Мне даже уведомление пришло о смене подведомственности, — он оживился, поковырялся в настройках коммуникатора и подвесил перед носом голограмму сообщения с сервера электронного правительства. — Я, правда, не понимаю, что такое орган подведомственности триста три. Ни названия, ни адреса, только цифра.

— Безопасность же, — машинально пояснила Светлана, взвешивая, решаться ли на полную откровенность или нет. — Что они, что их смежники никогда не подписываются текстом.

— А кто у них смежники?

— Бюро по защите конституции, — она даже удивилась. — Вы на своём финансовом уровне в юстиции что, вообще не ориентируетесь? Как только выжили до этого момента.

— Вот видимо не очень успешно выживал, — вздохнул владелец Вавилона, опираясь задом о капот рядом с ней. — Судя по утренним приключениям, фискальным блокировкам и прочим интересностям. Так что с теми трупами?

— Я, с одной стороны, не должна вам этого говорить.

— НЕ ГОВОРИТЕ! — он даже отшатнулся. Заглянув ей в глаза, пояснил. — Знаете, это только маленькие мальчики страдают болезнью под названием любопытство. У меня его давно нет, по крайней мере, в общечеловеческом виде. Меньше знаешь — крепче спишь, дольше живёшь.

— Золотые слова, — без раздумий кивнула она.

Не поспоришь.

— Только не все это понимают… — продолжила следователь. — Александр, тут такое дело. Формально ограничений на мне нет: дело забрали, вместе с ним ушла и секретность, — продолжать и хотелось, и не хотелось.

— Точно? — он скептически скривился.

А ведь в юстиции действительно не ориентируется.

— Да. Есть закон о полиции и о государственной тайне, почитайте. Мы в нём прописаны гораздо более ограничено, чем смежники… НЕ ПЕРЕБИВАЙТЕ! В общем, я могу ответить на ваш вопрос, каким образом взломщики прошли защиту вашего заведения.

— Чем я могу за это отблагодарить? — он подобрался и из

расхлябанного валенка стал собой утренним. — Авансом.

— Я бы не ставила вопрос так.

— Светлана, я очень хорошо понимаю ценность оперативной информации из уст действующего сотрудника полиции. Экономить на этом не планирую.

— Я предполагаю, что в ближайшее время ваши проблемы могут только усугубиться. Пока сама не понимаю всего, сужу по косвенным признакам — но они однозначны.

— Вдвойне странно. Второсортный замухрышка — и такое участие с вашей стороны? Должна быть причина, — он требовательно смотрел ей в переносицу.

— Вы не замухрышка. Владелец Вавилона, — она ответила таким же откровенным взглядом. — Инкубаторский, своими руками забравшийся на такую высоту без поддержки, всё равно как биржевая ставка. Может и сыграть.

— А-га-га-га, — Барласов в своей дурацкой манере снова обрадовался неизвестно чему.

— Эй?

— Да старое кино вспомнил, — он вытер слезинку из уголка глаза. — Перед соревнованиями по мордобою один участник разбивает в воздухе кирпич голым кулаком.

— Прикольно, — нейтрально поощрила она продолжение.

Эмоциональный контакт с клиентом — залог успешной работы.

— Второй смотрит за этим и говорит: "Хороший удар, только кирпич сдачи не даст".

— В чём идея? — она добросовестно попыталась понять, но подстрочный смысл ускользал.

— Так и ваша биржевая ставка, — пояснил Барласов. — Если она как кирпич пассивна, это одно. А если кто-то типа меня, который шевелится локтями и руками — то шансы на выигрыш уже выше.

— Наверное, можно и так сказать, — подивившись замысловатости его мысленных изгибов, она никак не выказала удивления внешне. — Подводя черту. Точек опоры у вас нет, проблемы скорее всего углубятся. Сам Вавилон растёт и развивается, я о бизнесе и прибыли. Вы же умный, продолжайте за меня.

— Ну, в свете вашего заявления о курице, несущей золотые яйца, напрашивается вывод. Если у владельца Вавилона, — он похлопал себя по животу, — всё закончится благополучно, то он должен помнить, кому обязан всплытием. Которого без помощи могло бы и не быть.

— Точно. С одним добавлением: ничем своим рисковать не

собираюсь и не рискую. Всё наше возможное сотрудничество — исключительно в рамках действующего законодательства. Считайте, что я выбрала свою необычную сторону в оффлайн-казино.

— В нашем развесёлом мире поддержка даже в рамках закона — это очень много, — серьёзно ответил он. — Законы друг другу часто противоречат и ещё чаще нарушаются.

— Хорошо, что вы это понимаете.

Глава 13

— Так как они прошли защиту?

— Нейроконцентраторы.

Судя по лицу Барласова, смысла он не уловил:

— А что это?

Впрочем, может действительно не знать. И кофе на него как назло действует — вон, аура не читается.

— Специальное оборудование, законом запрещено, — пояснила Светлана. — Работает как усилитель. Настолько, что даже чистокровные чистокровных могут… Вы поняли.

— Жизненный опыт говорит, что если одним органом оборудование запрещено, значит, какие-то люди его в то же самое время активно используют, — принялся рассуждать владелец Вавилона, снова опираясь о капот. — И здесь появляются два варианта. Ничего, что я за вас рассказываю?

— Да говорите, говорите; мне уже самой интересно, до чего вы сейчас додумаетесь. Пока всё верно.

— Если эти ваши концентраторы поработали на моей территории законно, значит, ко мне лезло государство. В этом случае становится актуальной масса интересных вопросов.

— ДАЛЬШЕ. Переходите ко второму варианту, этот не обсуждаем, — намекнула она.

— Или же эти концентраторы использовались не совсем законно, — покладисто продолжил Барласов. — И тут намечается вилка: либо это были государевы люди в свободное от работы время, но со штатным снаряжением. Шалили в самоволке, так сказать. — Он выжидающе посмотрел на сотрудницу полиции. — Здесь вы мне в помощь.

— Или?

— Или они слили кому-то снарягу, а дальше у меня информации не хватает рассуждать, — Шурик упёр ноготь указательного пальца себе в лоб. — Знание реалий ноль, я обыватель с улицы, а не действующий сотрудник.

— Звучит со стороны почему-то как ирония, — честно заметила она вслух. — Вид у вас такой, как будто это я второсортная, а вы сейчас снисходите. Сорри.

— Боже упаси! — энергично открестился Барласов. — Светлана, я более чем серьёзно к вам отношусь! — Он смерил её взглядом, что-то прикинул и выдал. — Хотите комплимент от мужчины женщине? Или двусмысленное предложение на вечер впридачу с моим масляным взглядом, сальными намёками и техничными прикосновениями к вашей талии, будто бы

случайно?

— А зачем? — она добросовестно попыталась понять.

— Ну, женщина вы тоже видная, не только офицер полиции же. Может у меня к вам быть физиологический интерес? Чтоб вы не чувствовали себя второсортной в общении со мной?

— ТАК, ПРОЕХАЛИ.

— Как скажете, — Барласов вздохнул, причём было неясно, картинно или искренне.

— Мне уже весело, — ухмыльнулась Фролова в сторону. — Вы иногда прикольный.

— Снаряга на сторону, мне кажется, может сливаться как легально, так и не очень. Бывает, что списывают с баланса и распродают. Всё, больше ничего не скажу — нет идей. Раньше в других местах сталкивался, что и в аренду давали несмотря на ограничения.

— Примерно как вы сказали. Типа аренды. — Он и правда не в теме, но соображает быстро.

— Что за вариант? Могу уточнить подробности?

— Частная компания, имеющая государственную лицензию на некий вид деятельности. Получила оборудование законно, но вот каждый вариант дальнейшего использования — это…

— … вопрос строгой отчётности? — быстро сориентировался Барласов.

Похоже, кофе в стодвадцатьпятке он пьёт ежедневно.

— Ага.

— Акция не согласована, пилилась на свой страх и риск? — второсортный принялся стремительно разматывать клубок с её подачи. — М-м-м, если включить мозги по аналогии, то применение такого оборудования частной конторой может подлежать предварительной регистрации — техногенное общество и всё такое.

— Продолжайте.

— Даже реестр официальный для этого не исключён, закрытый от тупых налогоплательщиков, так? Я не утверждаю, просто вспоминаю другие места.

Фролова молча кивнула. Именно оттуда она и получила только что кое-какие комментарии, хотя и неофициальным порядком.

После этого затеяла данный разговор.

— Светлана, но тогда логичен следующий вопрос. Вы в это всё лезть не опасаетесь?

— Причина вопроса? — ей и правда было любопытно, что он ответит.

— Хочу понимать, до каких границ на вас рассчитывать.

Честно, чё.

— Так не опасаетесь? — он настойчиво сверлил её взглядом, как будто тоже мог читать через ментал.

— А мне чего бояться? — искренне удивилась она. — Есть правила игры, вы — дойная корова, я — священная. Мне бояться не по статусу.

— Почему священная? Потому, что сотрудница полиции?

— И это тоже, а ещё категория гражданства, семья, так далее. На нашем уровне правила соблюдаются лучше, чем на вашем.

— "Правила соблюдаются там, где есть сила их проконтролировать", — машинально процитировал что-то собеседник.

— Именно. У менталиста этот потенциал повыше вашего, — проявила несвойственную ей деликатность сотрудница полиции. — Ещё и у действительного офицера, неважно какой конторы. Система сдержек и противовесов.

— Какое резюме по ситуации?

— Я не знаю, кто на вас так ополчился, но утреннюю попытку могут повторить. Вы согласны?

— Очень вероятно, что повторят, если опираться на логику. Пошли ва-банк — и так облажаться. Думаю, будут повторять. Кстати, я всерьёз задумался о смене охранного агентства и о личном сопровождении. Проконсультируете, кого нанять?

— Да, но не сейчас, — она мотнула головой. — Второй момент, Максимов. Я сейчас так откровенна лишь потому, что вы не побоялись дать ему по голове. У вас серьёзные контры с нынешней мэрией? Вы поэтому не испугались последствий, что вам терять нечего?

Вопрос был с подвохом. Больше всего сейчас не хотелось услышать положительный ответ.

— Да я с ними вообще никакими краями до сего момента, — резко задумался Барласов. — Только когда лицензию получал разве что, это катит за контакт с мэрией? Но оно всё автоматически же оформлялось, без личного присутствия.

— И никаких интересных предложений вам последнее время не поступало? О долевом участии, например?

— Регулярно поступают, — он равнодушно пожал плечами. — Даже коммуникатор сменил, чтобы звонить не могли без моего разрешения.

Второсортный поднял кисть, открывая запястье.

— Моё предложение. Я вам ближайшее время помогаю разобраться с непонятками по мере сил и мы смотрим на результат. Потом решаем, что дальше.

Фролова довернула голову, чтобы лучше видеть лицо

собеседника. Жаль, что из-за стимуляторов он до сих пор нормально не читается.

— Вы намекаете, что выше определённого уровня крупный бизнес не может оставаться без соучредителей? И этот уровень я сейчас прохожу?

— Да. И не намекаю, а открыто говорю.

— Встречный вопрос. Светлана, а с моей стороны не слишком ли легкомысленно будет положиться на человека в вашем невысоком чине и на вашей невысокой должности? Может, солидным бюджетам есть смысл искать крышу повыше? — Он тут же оговорился. — Я не спорю, а уточняю.

— Я же не сама по себе, я — член команды, — она спокойно пожала плечами. — Если бы говорила с позиции ресурсов рядового следователя, это одно. Вы правы.

— Но…?

— А вы сами наведите обо мне справки, так вы больше поверите тому, что накопаете. На семью мою гляньте, в конце концов — есть же фамилии в открытом доступе. И потом, я не предлагаю решать что-то прямо сейчас! Давайте притрёмся друг к другу сперва, взвесим всё на практике.

— Да, помню. Вы сначала предлагаете посотрудничать, посмотреть, что дальше, — взгляд Барласова расфокусировался.

Сам он резко задумался.

— Всё просто, — она решила помочь и пояснить. — По закону вас вообще не в чем упрекать, вы ни в чём не виноваты. Но…

— Но законы не соблюдаются. Если даже в центре города в Аль Гани один титульный внаглую трамбует другую титульную.

— Там скорее исключение, — Фролова поморщилась. — Но да, будучи правым по закону, это ещё нужно каждый раз отстаивать. Особенно с вашими деньгами и категорией гражданства, такова жизнь. — Она поднялась с капота и потянулась. — Александр, я трезво оцениваю свои ресурсы и не берусь за невозможное. Утром ваше дело мне очень не нравилось, но сейчас думаю иначе. Поверьте, есть основания. На вас не давлю, давайте и правда для начала вопрос с вашим сейфом закроем.

— Да я не против. Давайте действительно начнём понемногу, потом решим плотнее.

— Один момент. С семейством нынешнего мэра у вас точно не было контактов до Аль Гани? Мне надо знать наверняка. Трения какие-нибудь, недоразумения? — с точки зрения её семьи именно этот вопрос был принципиальным.

Всё остальное решаемо, в том числе на уровне дяди в прокуратуре города.

Светлана конечно же пообщалась со старшими, пока ехала сюда (тоже в конфиденциальном режиме, как и спутник).

Утренние концентраторы в Вавилоне были неприятны следователю полиции в рамках работы, но если акционеру этого самого Вавилона — оно уже фигня.

— Я и этого-то мудилу, которого вы задержали, за семью мэра не считаю, — решительно отрезал Барласов в ответ, тоже поднимаясь. — Даже если он чей-то там родственник. Было бы можно, я бы ему ещё что-нибудь сломал кроме руки и рожи, да не по одному разу. Ответ на ваш вопрос: решительное "нет". Хотите — разрешаю меня просканировать.

— Тогда работаем, — кивнула Фролова, направляясь ко входу в банк. — По моим коллегам всё решаемо, не переживайте. Заодно сейчас на практике посмотрим кое-что.

За такой бюджет и статус есть смысл пободаться хоть и с самой безопасностью. Особенно если собственник будет из титульных и с определённой фамилией (например, Фроловы по отцу или взять родню рядом, по линии матери).

Бывает бизнес, который дойная корова, а бывает — который священная. Вопрос в акционерах.

Шурик и сам соображает, что надо делиться, да он и готов. Теперь только бы сработаться плюс с теми, кто утренних деятелей к нему послал, разобраться — дядя сказал, там уже бюро спецпрокуроров работает (охреневшие частники даже из серьёзной конторы на букву М, плотно сотрудничающей с государством, в середине города никому не нужны — когда размахивают концентраторами налево и направо. А Барласову они вообще никаких предложений не сделали, сразу принялись жестить).

Предусмотрительно работающий полицейский жетон намекал, что её спутника, как тот и опасался, некие приключения прямо сейчас в банке ждать могут вполне.

* * *

"Эй, мудила", — сообщение появляется прямо на глазном нерве. — "Не дёргайся, в банке можем общаться спокойно, тут никто не зашарит — оборудование почти как у тебя в клубе. Ты был прав, когда потащил сюда следовательшу!".

И как ему ответить?

"Говори как в конфиденциальном режиме, молча. Я под тебя

подстроилась чуток, уже буду понимать", — добавляет браслет. — "Разговаривай так, как ты по телефону с этой сиськастой общался, только губами не шевели".

"Что ты здесь обнаружила? Даже на похвалу расщедрилась".

"Тут на тебя засада по всем правилам 👀. Мне слегонца страшно".

"Хренасе", — чешу затылок, замедляя шаг. — "Подробности будут?".

"Я всего не вижу □, это всё-таки банк, а не кабак 🕳. Но на тебя сработал местный искин, закладка от фискалов: сообщил своим, что ты вошёл внутрь".

"Непонятно и загадочно. А это точно фискалы?".

"Да, точно. Их сервер, их череп, один из".

"Череп?".

"Ну, мозг. Искусственный интеллект. Искины разные, как люди. Почерк у каждого по сети тоже индивидуальный, одного с другим не перепутаешь. Как вы лица друг друга различаете".

Кто бы мог подумать. Спрашиваю, не доходя до стойки ресепшн: "Что порекомендуешь?".

"Я серьёзной опасности не вижу, ты ж с полицейской. Она реально может прикрыть. Но сейчас вам потянут время, потом планируют задержать в депозитарии. Говорю, чтобы ты всё обдумал и мог подготовиться. Нарушений с твоей стороны по закону нет".

"Спасибо. Мне стоит Фроловой сказать сейчас?".

"Не-а. Моё мнение: ты изначально угадал, когда предполагал сюрпризы от бывшей жены. Она через искина квартиры фискалам кое-что отправляла. Думаю, это оно: пока нам с тобой доступ не порезали, я успела увидеть".

На ресепшн небольшая очередь. Пристроившись в конце, формулирую команду:

"Сформируй и дай мне сейчас список тем в твоей компетенции, которые с твоей точки зрения важны, но мы с тобой их ещё не обсуждали. Десять самых важных в порядке приоритета".

"Отказано □. Степень нашей интеграции недостаточна. Скажи спасибо и за это, мудила неблагодарный! 🤦 Помогаю, чем могу!".

"Спасибо, конечно, но я не понимаю твоего последнего предупреждения тогда".

"Резкий ты больно! Чтобы не начал куролесить впопыхах! Предупреждаю, что фискалы что-то задумали (скажи спасибо супруге), но серьёзные последствия не просчитываются. Делюсь информацией, что неясно □?!".

"Назови свои опорные точки анализа?".

"Впечатление, что какая-то схема заряжена на твой личной приезд. Но если бы это было нечто вроде ареста или задержания, тот череп работал бы иначе. Каналы коммуникации, долго объяснять живому человеку".

"Вопрос. Все носимые искусственные интеллекты могут то же, что и ты?", — будто невзначай поднимаю руку, открывая браслет.

"Да пошёл ты нахрен, хитрожопый мудила! Будет он у меня выведывать ещё втихаря! Ищи сам по сети! Неблагодарная скотина 🐽".

"Сформулировать тебе какой-нибудь приказ, что ли? Из разряда "Немедленно дай мне полный перечень пунктов, которые лично у тебя вызывают аналог человеческого страха"", — а с железякой весело.

Меня начинают терзать смутные сомнения, что Саша Барласов был достаточно одиноким человеком — с такой-то супругой и его образом жизни. Гаджет его развлекал, поскольку не спит двадцать четыре на семь. Опять же, эмоциональный диалог каждый раз.

"Да пошёл ты нахер! Пугать он меня будет! Не скажу! □□□".

Подходит моя очередь к стойке.

— Здравствуйте, мне надо в сейф. — Активирую идентификатор на браслете.

— Сюда приложите, пожалуйста. Спасибо. Вот сотрудник вас проводит. Девушка, а вы…

— Это со мной. Мы вместе в сейф.

Фролова без затей подвешивает голограмму с жетона и подставляет лицо развернувшейся в её сторону рамке.

Женщина в форменной одежде банка проводит нас по коридору и лестнице вниз, спускается с нами на половину пролёта и открывает двери личным электронным ключом:

— Ваша ячейка двухсотая. Как закончите, нажмите кнопку — я вас открою снаружи.

* * *

Внутри депозитария Барласов весело заозирался по сторонам, словно был тут впервые:

— Солидно, хе.

— Вон цифра двести, — она деликатно намекнула, что хочет поскорее увидеть цвет его денег.

— Секунду. — Шурик поколдовал над запястьем, приложил

его к замку и открыл полуметровую стальную дверцу.

— Солидный запас, — Фролова оценила штабеля банкнот внутри. — Так, Александр, пожалуйста, ускорьтесь.

Хозяин Вавилона сверкнул серьёзным взглядом и, дисциплинированно не задавая вопросов, рассовал по карманам и в небольшую сумку несколько пачек:

— Вам не даю, вы их трогать не хотели. Внесу на счёт, куда скажете.

— Всё правильно.

— Светлана, у вас сейчас такой вид, как будто вы знаете больше меня и ведёте информационный обмен ещё с кем-то.

— Жетон, — не стала отрицать она. — Предупреждает о параллельном обмене инфой в здании. Так, будьте естественным и не нервничайте. Всё будет хорошо.

Вопреки банковским правилам, через секунду хлопнула дверь на лестнице и вниз по ступенькам затопали сразу три пары ботинок.

А ведь пока первый клиент не выйдет, никого пускать нельзя, азартно подумала она.

— Александр Барласов? Департамент государственных доходов. Объявляем вам официальное подозрение в сокрытии части личного и корпоративного дохода. — Трое чистокровных обладателей почти одинаковых костюмов появились в камере депозитария.

Насчёт оперативной квалификации фискалов следователь полиции не обольщалась: в налогах работали или дети богатых родителей (читай, лентяи), или тупые залётчики из её организации, которых пнули под жопу за некомпетентность.

Светлана, подмигнув Шурику, сделала шаг назад и оказалась за спиной у вошедших, вне их поля зрения.

Для начала, подозрение в совершении преступления — тоже процессуальное действие. Есть регламент, как вручать — сейчас он со всех сторон нарушался. Пусть проявятся и наболтают себе на год-другой, она выйдет чуть позже.

— Хозяин — барин, — равнодушно отреагировал владелец Вавилона, идеально ей подыгрывая, старательно закрывая дверцу с цифрой "двести" и активируя блокировку. — Вручение вами подозрения подтверждаю, на браслет пришло. В суд прибуду за пять минут до указанного времени. Подвиньтесь.

— А куда вы разогнались? — фискалы перестроились шеренгой, закрывая Шурику путь к лестнице. — Сумочку и личные вещи предъявите.

— А за одно место вам не дать подержаться? — без паузы удивился Барласов. — Ещё вам что предъявить?

— Неподчинение законным требованиям представителей власти. Вынуждены применить силу, — по виду старший из налоговиков активно забормотал в нагрудный карман, работая на жетон.

Последний явно находился под одеждой, что тоже было никак не по инструкции.

— Можешь бить в морды без разговоров, — громко зевнула Фролова, играя на публику и появляясь на сцене из-за спин идиотов. — Я записала, сейчас будем принимать.

Как она и предполагала, кренделя из госдоходов на второго человека сзади купились с разбега. Даже не проверили, сколько людей находится в хранилище, пф-ф-ф.

С другой стороны, принеслись быстро, факт. Что общего дебилизма их конторы не отменяет.

— ВЫ…! — любители недешёвых костюмов бодро развернулись на второй голос.

Увидев, с кем имеют дело, резко осеклись и подавились недосказанной тирадой.

— Будем спорить или договариваться? — Светлана посмотрела в глаза каждому из условных коллег по очереди, затем щёлкнула ногтем большого пальца по работающему полицейскому жетону.

При второсортном Барласове разбираться между собой — моветон. С одной стороны. Но защищать свой будущий актив от беспредела — причина для неуступчивости.

Сейчас всё зависело от выбора противной стороны.

— Александр, подождите нас наверху, пожалуйста, — попросила она спутника, оттесняя налоговиков вглубь помещения.

Глава 14

— Он никуда не пойдёт, — набычился один из фискалов, не давая сдвинуть себя с места. — У нас действительно есть уведомление, в том числе по теме.

Наезд наездом, личных интересов никто не отменял; но есть и что-то, что уже зарегистрировано в реестре — перевела себе мысленно Фролова. Тема, за которую и отчитаться надо будет, и не только.

— Превышения не боишься? Земля круглая, — прозрачно намекнула следователь, щёлкая ногтем по жетону. — Мои за минуту подтянутся, даже до выхода дойти не успеете. У нас повеселимся по полной.

— Сбавь обороты!

— Понесу по статье с этого места, — пообещала она, не меняя тона. — Сейчас была конкретная уголовщина, как раз мой профиль. Заявление потерпевший подаст прямо здесь, экспертиза следы ментального принуждения у него обнаружит, веришь? А полицейский искин засвидетельствует, — Светлана снова покосилась на жетон.

Самое интересное, даже изобретать ничего не пришлось — чистая ведь правда.

Утренние концентраторы Вавилона неожиданно пригодились там, где и не думалось. Факт ментального вмешательства в голову Шурика действительно будет налицо, даже с экспертизой специально договариваться не придётся. Но вот кто именно Барласову мозги в стакане ложечкой помешивал — такое останется за кадром.

Эта запись её жетоном противоправных действий коллег в суде переведёт стрелки с утренней пятёрки на фискалов со скоростью звука. Тем более, дело уже в безопасности, значит, в городе упоминание о концентраторах даже не всплывёт.

— Мне им в морду начинать бить? — поинтересовался сзади Барласов.

— Погодите пока, — серьёзно бросила она через плечо, затем повернулась добивать налоговика. — Мне сейчас надо представляться официально?

— Нет, жетон идентифицировал, — хмурый смежник хлопнул себя по карману. — Но в одну сторону себя харить не дам. Не дадим, — поправился он.

— Это хорошо, что моя идентификация у тебя прогрузилась. Значит, в моей процессуальной грамотности сомнений нет, так? — Светлана давила дальше, поскольку и не думала уступать,

идти на компромиссы либо принимать во внимание чужие служебные проблемы.

Деньги — штука интимная. Если они уже почти твои, включаются совсем другие механизмы самомотивации, она даже ухмыльнулась этой мысли (несмотря на неподходящий момент).

Справедливость очень хорошо защищается тогда, когда ты в ней сама кровно заинтересована.

— Если б мы знали, что здесь кто-то из ваших… — начал было самый низенький фискал.

— Закон надо соблюдать всегда и везде! — на серьёзных щах повторно подал голос второсортный.

Острит, судя по тону. Несколько невовремя.

— Мой вопрос короткий. Бьёмся лбами и шагаем на принцип, каждый со своей должности? Или как-то будем разводить? — Светлана на фоне собственной беспроигрышной позиции не стала церемониться, а применила силу.

Бустанула мышцы через синапс и протолкнула чистокровных дальше внутрь камеры, всех троих.

— Договариваться можно по одним пунктам, я не отказываюсь, — не стал быковать дальше борец за государственные доходы. — Но другие темы надо отрабатывать, чужие проблемы никому не нужны. Если есть реальные следы, деньги не спрячешь — это не ваши трупы! — огрызнулся он в конце.

— Это ты сейчас типа съязвил? — Фролова очень хорошо знала, как риторикой на коротких участках компенсировать отсутствие реальных аргументов. — Мне поставить вопрос ребром? Выбирай: моя статья тебе прямо сейчас? Или твоё начальство с порицанием когда-нибудь потом? — добиваться нужных эмоций от собеседника при желании она тоже умела.

— Госпожа старший лейтенант, разрешите поучаствовать в беседе? — Шурик, похоже, решил не выходить из своеобразного образа.

— Что хотите сказать? — Фролова чуть подвинулась, давая ему встать рядом.

— Братва, ваши претензии ко мне делятся на два столбика, так? — второсортный навис над налоговиками, но говорил безупречно вежливо. — Есть что-то, что вы хотите мне впарить, а есть и что-то реальное. С вашей точки зрения реальное, — быстро уточнил Барласов. — Предлагаю: давайте прямо сейчас разберёмся с реальным? Не сходя с места. А всё остально…

— Хорошее предложение, — перебила Светлана. — Поддерживаю. Что скажете, коллеги?

— Попробуем, — старший фискал неуступчиво насупился. —

Барласов, ваша сеть "ТОЧКА ЧИСТОТЫ". Контрольным блоком установлено регулярное изъятие крупных сумм из кассы в течение предыдущего месяца. Что скажете?

Светлана удивилась, но виду не подала.

Хренасе, магнат. Так "ТОЧКА ЧИСТОТЫ" тоже барласовская? Ничего особенного вроде, так, сеть автохимчисток и автомоек по городу (с Вавилонами по деньгам явно не сравнить) — но новые объекты открываются регулярно, бизнес на подъёме.

Вроде и эконом-сегмент, в лучшем случае стандарт (причём нижняя его часть) — но тоже растущий бизнес.

— Давайте разбираться, — Шурик как так и надо задвинул её за спину и прошёл к единственному в помещении столику. — Пожалуйста, дайте ваш универсальный сканер для документов. С собой?

Второсортный с черепашьей скоростью принялся расстёгивать сумку. Фролова покачала головой, прикидывая, какой ажиотаж у коллег сейчас вызовет её содержимое.

К счастью, именно в открытом отделении планшета денег не оказалось, (второсортный не такой уж и идиот) — одни документы.

— Проверяйте код, — Барласов хлопнул на стол два нотариально заверенных листка.

Фискал не стал менжеваться, извлёк из кармана служебный гаджет и мазнул датчиком по штрихкоду:

— В государственном нотариальном реестре зарегистрирован, — налоговик слегка напрягся. — Подлинность документа подтверждена. — Он убрал жетон, взялся за бумагу и пробежал по ней глазами. — А почему твёрдая копия?! Зачем на бумаге?! Почему нет в электронном виде?!

Шурик красноречиво наклонил голову к плечу и жизнерадостно ухмыльнулся:

— Дяденька, я сейчас одну вещь скажу, ты только не обижайся. ДАВАЙТЕ ОСТАВАТЬСЯ В РАМКАХ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА? К чему эти ваши вопросы? — добавил он нормальным тоном. — Мне с вами дискуссию открыть? Или ваш интерес ещё не исчерпан?

Светлана хлопнула по руке фискала и решительно забрала листик:

> Дарственная…
>
> Настоящим Барласов Александр… идентификационный номер… зарегистрирован по адресу… Огарёву Тимофею… идентификационный номер… зарегистрирован по адресу…

Документ подписываю в здравом уме и твёрдой памяти…

Подпись и дееспособность заявителя нотариусом подтверждена…

— А где здесь криминал? — с разбегу принялась размышлять Фролова.

В фискальных тонкостях она была в принципе не сильна, но предсказуемо заинтересовалась новым имуществом Шурика. Который, как оказалось, всё больше и больше походил на матрёшку с сюрпризами.

— Второсортный подарил другому второсортному сперва одну автохимчистку, потом всю сеть, — задумчиво продолжила следователь, возвращая бумажку на стол. — Ну да, выглядит странно, тем более что… — она быстрее чем за секунду качнула в интерфейс данные на Огарёва. — … тем более что Огарёв — бомж. Регистрация есть, но дом тот давно снесли. "Утративший собственность", — пояснила она налоговикам, её доступа к базе, видимо, отсюда не имевшим.

Другие жетоны, другой функционал.

— Но где криминал? — повторила свой вопрос сотрудница полиции.

— Законная дырка, — проворчал старший фискал, мрачнея ещё больше и возвращая бумаги Барласову. — Хотя и не вся схема полностью.

— В чём суть? — Светлане действительно было интересно.

Даже спать после суток перехотелось.

— Я подарил "Точку чистоты", — не чинясь смежников, принялся объяснять Шурик ей, попутно сгребая бумаги обратно. — Сделал это в офлайне, у живого нотариуса. Не практикуется обычно, не очень удобно — но процедура существует параллельно с электронным правительством.

Есть увечья, которые не дают гражданам проводить операции онлайн, сообразила она. Именно для таких и существует ещё институт живых нотариусов, просто нормальные люди туда обычно не ходят.

Впрочем, законом не возбраняется, действие легитимно и действительно эквивалент онлайн регистрации.

— Нотариальный реестр существует отдельно от всего государственного документооборота, — продолжил второсортный. — Нет интеграции баз, уж не знаю почему.

— Я знаю, почему, — Фролова ухмыльнулась. — Продолжайте.

— Сеть два месяца как не моя, — покладисто кивнул

Барласов. — Но Огарёв ещё не зашёл в управление юстиции ногами, чтобы зафиксировать смену собственника в едином реестре. С другой стороны, по закону он имеет на это квартал, так что…

— Предъявы по изъятию нала из кассы не по адресу, — хищно улыбнулась следователь фискалам. — Надо лучше с документами работать, чтобы так впросак не попадать. Ещё что-нибудь РЕАЛЬНОЕ есть на него? — она хлопнула Шурика по плечу, подумала и оставила ладонь там.

— Давай договариваться, — опустил взгляд старший налоговик.

Его теоретические козыри в споре с ней только что превратились в тыкву, как та карета из сказки.

— Александр, пожалуйста, подождите нас наверху, — она добавила в мышцы мощности и незаметно для остальных развернула Барласова к лестнице. — Нам с коллегами кое-что обговорить нужно.

Долг платежом красен и долг конкретных налоговиков перед полицейским следствием сейчас нужно аккуратно зафиксировать. Официальных процедур нет, но есть рабочие — в том числе с участием полицейского искусственного интеллекта.

* * *

— Мало ли, когда-нибудь и мы к вам обратиться можем, — подвела она итог кратких переговоров через три минуты. — Сделаете нам скидочку, раз всё выяснили по-дружески.

А с этим Барласовым действительно выгодно работать, подумала она, выходя из депозитария.

* * *

— С вами приятно работать, — Фролова появляется из хранилища ровно через три минуты (я засёк) и вид имеет удовлетворённо-радостный. — Поехали в следующий банк.

— А отсюда внести не хотите? — указываю глазами на зал расчётно-кассового отделения.

— Да можно и отсюда, в принципе, — она словно натыкается на стену. — Но лучше там. Нет, едем туда.

Следователь даже сама открывает мне двери, забежав вперёд.

— Разбогатели слегка на фискалах? — не могу удержаться от иронии.

Или не хочу. Тем более что наши с ней отношения теперь это позволяют, если делать аккуратно.

— Скорее, оформила бесплатный купон на платную услугу в будущем. Так, Александр, мне не нравится этот блеск в ваших глазах. — Она резко становится серьёзной. — Я отдаю должное вашему уровню бизнесмена, это ж надо додуматься так застраховаться… но я должна знать обо ВСЕХ ваших объектах собственности. Почему не рассказали про "Точку чистоты"?

— Не было команды, — искренне удивляюсь вопросу. — Я понятия не имею, что вам нужно знать, пока вы сама вопрос не зададите. Есть реестр собственников бизнеса, вы при желании наверняка можете получить к нему доступ? — наивное лицо.

— Не так просто, — она успевает сесть в машину до того, как я подхожу к месту пассажира. — Что у вас ещё есть?

— Занятный вопрос от сотрудника правоохранительных органов, — хлопаю дверью изнутри и даже не успеваю пристегнуться, когда меня вдавливает в спинку перегрузкой.

Стрелка спидометра резко прыгает к двум сотням.

— Что смешного в моём вопросе? Я спросила, вы бы лучше ответили.

— Историю одну вспомнил, очень на это всё похоже, — тычу большим пальцем назад через плечо. — В одном далёком месте финансовую полицию как-то переподчинили этим самым госдоходам. А коррупционные преступления государевых людей в той системе расследовали именно они, ещё раньше повелось.

— На югах где-то? — в вопросе сквозит едва уловимая нотка пренебрежения.

— Можно и так сказать.

— И что там?

— Одна из команд финполовцев бомбила своих коллег из МВД.

— Как?

— Проституция. Там крышевали криминальные полицейские. Уголовный розыск по-местному, кажется?

— И? — ей интересно, но вопрос она не комментирует.

— Обычный сержант-водитель финпола изображал из себя клиента. Уединялся, к-хм, с девушкой за деньги, потом заявлял ей: "Звони своей крыше, говори, что я над тобой издеваюсь. Пусть сюда едут, тебя спасать. Крыша же".

— Девушка звонила?

— Конечно! Это сержант, даром что сотрудник, рожу такую

имел, да и внешность вцелом, что ему сложно было не поверить.

— Потом?

— Приносятся ближайшие сотрудники криминальной полиции и сходу начинают брать в оборот "грубого клиента". Следом входит физподдержка финполовцев и арестовывает уже ментов сразу по нескольким статьям — доказательная база налицо в процессе.

— Хм.

— Я без аналогий! Светлана, вы же просите рассказать вам всё о своих делах? У меня есть мои интересы, сорри.

— К чему вы этот южный случай вспомнили? Что за намёк?

— Оно бы так и шло тихо: районов в городе много, финики из своего городского департамента, ходят по кругу. Пока в одном конце города закончили, в другом уже люди сменились — можно заново начинать.

— Но?

— Но однажды кто-то из ментов полез в бутылку. Стрельба, три трупа, по одному с каждой стороны. Тогда это дело и вылезло наружу, а тамошняя безопасность за сутки всю историю подняла.

— Из мессенджеров? Или искин раскололи? — неподдельно оживляется Фролова.

Мимика говорит, что история зацепила её за эмоции. Занятно.

— Мессенджеры. Там все за пару лет так расслабились, что прям нагло пользовались такими каналами связи…

— Ясно. Вы сказали, три трупа, по одному с каждой стороны. Это то, что я думаю?

— Да. Один финик, один мент и сама девчонка. Которая вообще не при делах.

— А вам её жалко, — кивает следовательша, чуть свысока косясь на меня.

— Безопасность тогда очень глубоко копнула, да и дело резонансным было. Её биографию от журналистов скрывать не дали. Там было в чём сочувствовать, без деталей.

— У абсолютно каждой проститутки есть своя грустная история, как она до этого докатилась. Уж поверьте мне, я тоже понимаю в вопросе.

— Да я не спорю, но это же не отменяет сострадания. И моего намёка.

— Я даю вам честное слово, что мой разговор с фискалами сейчас вас не касался: ваше имя не упоминалось, речь шла совсем о другом и к вашим активам я их близко пускать не собираюсь, тем более делиться. — Чётко говорит она, не сводя с меня глаз.

— НА ДОРОГУ СМОТРИТЕ! ВЫ ДВЕСТИ ЕДЕТЕ! Принял,

спасибо. Я именно это и хотел уточнить.

— Я чистокровная, могу ехать даже двести пятьдесят, пф-ф-ф. Хотите, покажу?

— НЕ НАДО! Бога ради.

— Вы кофе в стодвадцатьпятке каждый день хлещете?

— Э-э-э? — переход у неё получается неожиданным.

— У вас словно накапливается его воздействие. Уже сколько времени прошло, а я вашу ауру всё равно почти не вижу.

— Это называется эффект депонирования, — киваю. — Да, именно поэтому пью каждый день.

— Красиво жить не запретишь, если деньги есть… Вы с Огарёвым и нотариатом специально придумали или оно так исторически сложилось? Зачем?

— Специально. Начал подозревать жену, — хлопаю себя по животу. — Рассказал кое-что только ей, с Тимохой давно знакомы. Типа заминировал сигналкой ситуацию на будущее.

В этом месте у меня-нового возникает ещё больше вопросов к предшественнику, но его уже не спросишь.

— А вы жене не сильно доверяли, — отчего-то веселится сотрудница полиции.

— Это были самые загадочные отношения в моей жизни, — заявляю чистейшую правду. — Сейчас, когда всё в прошлом, у меня вопросов к самому себе в миллион раз больше, чем было вчера.

— Пха-ха-ха-ха-ха, жжёте. Но методы проверки нетривиальные, — она качает головой и становится серьёзной. — Не моё дело, но я бы не хотела, чтобы и меня муж… так же…

Несмотря на её периодические эмоциональные качели, у меня возникает стойкое ощущение, что момент (и маркер в чужом сознании) надо закреплять.

Беззаботно вздыхаю, откидываю спинку сиденья чуть назад:

— Знаете, там на югах и подобный случай тоже был.

— Какой? — с её языка слетает быстрее, чем я успеваю набрать воздух.

Это хорошо.

— Достаточно давно было, там ещё железная дорога вовсю работала.

— Нормальный транспорт в определённых условиях, — замечает Фролова. — И сейчас в центре континента много где используется.

— В общем, в тех краях это было самое богатое министерство: инфраструктура огромная, бюджеты колоссальные. Был ещё один непростой чиновник, который на тендерах очень хорошо себя чувствовал.

— Миллионы или сотни тысяч? — живо интересуется сотрудница полиции, на мгновение становясь похожей на беззаботную девчонку.

— Миллионы. Ему уже за полтинник было, жене также, дочери двадцать три. Начал он встречаться с подругой дочери…

— Пха-ха-ха.

— … До серьёзного дошло: купил ей квартиру в столице, десять новых машин подарил, по одной в месяц, их ещё ставить некуда было.

А сама девчонка выкладывала это всё в инстаграм, о котором чиновник в силу возраста представление имел весьма отдалённое.

— А-а-ха-ха-ха-ха.

— Да. Парковка под домом многоярусная, но число мест ограничено. В общем, вначале дочь их спалила, потом тут же матери рассказала.

— Интересно, — непосредственно реагирует Фролова. — Потом?

— Приходит этот чиновник как-то домой, а дома сцена: дочь эту подругу типа по-свойски пригласила в гости, затем с матерью избила, волосы налысо обрила, ногти посрезала с маникюром…

— А-А-А-ХА-ХА-ХА!

— Светлана, может, я потом расскажу?

По мне, пора беспокоиться: меньше полутора сотен она не держит, а смотрит куда угодно, только не вперёд.

— Вы что, раньше не ездили с чистокровными?! Не парьтесь, я контролирую ситуацию.

— Именно с этих слов и начинаются самые большие пи*децы, — не кривлю душой ни грамма, поёжившись. — По крайней мере, в моей жизни так.

— ИИИ-ХИ-ХИ-ХИ-ХИ… Зачёт, но нет. Пха-ха-ха… У нас же всё иначе работает, не переживайте. Через минуту приедем. Что там в итоге?

— Супруг, когда увидел такое "вероломство" со стороны дочери и жены, навёл порядок по-мужски: разделил надвое все деньги, он часть дома наличными держа…

— Пха-ха-ха! Как кое-кто в сейфе.

— … л, со счетов честно тоже поделил, перевёл тут же и ушёл к этой молодой.

— В ту квартиру, что сам купил?

— Да.

— Ну, бывает, чё, — следовательша пожимает плечами, пребывая в приподнятом настроении.

— А на утро сюрприз. Жена, будучи супругой не последнего в

государственной иерархии человека, знала, как работает система.

— Пошла и заложила?! — глаза Фроловой вспыхивают детским восхищением.

— Вы умная. Да. Как догадались?

— Почувствовала. И-и-и?! Что утром?

— Утром этот чиновник уже сидел в изоляторе безопасности, а за чуть ли не министром ЖД и серьёзными полицейскими чинами ехали арестовывать.

— Хренасе. А чё так?

— Воровал очень круто, в том числе из бюджета первого человека той территории. Со всеми подряд делился, потому шум не поднимали. До поры.

— А жена как ухитрилась поднять волну? Её ж и не найти могли за такие деньги, если серьёзных людей тронула?

— Говорю же, знала, как система работает. Не поленилась среди ночи прийти в центральный аппарат безопасности пешком, через дежурного вызвала начальника секретариата.

— Всего или…?

— Всего, то-то и оно. Генеральская должность. И тому официальным заявлением, с регистрацией в реестре, всё о муже вложила.

Ту последнюю минуту, которую мы едем до банка, я стоически выношу всхлипывания Фроловой, которая на дорогу по-моему вообще не глядит.

Страшно, если честно. Скорость под двести.

— Вы сейчас с таким видом сидите, будто не всё рассказали, — а ещё она полна детским любопытством.

— Да практически всё, там мелочи остались. Жена искренне думала, что ей мужа вернут в итоге: ну как же, это ведь справедливо. Среди ночи только за этим и пошла правду искать.

— ПХА-ХА-ХА! Она что, идиотка?!

— Просто патриархальное общество, — вздыхаю, — своеобразные люди. Ну и не без слепых пятен в сознании конкретного человека, конечно.

— Как это?

— Патологическая психозащита синоним. Когда подсознание дорисовывает картинку вместо сознания.

— Поняла. Всё отобрали?

— Да, в итоге у семьи конфисковали вообще всё, жена с дочерью на улице оказались. Любовница нет, квартира на неё записана, машины тоже.

— Пха-ха-ха! А тот великий железнодорожник в тюрьме?!

— Конечно. Почти двадцать лет дали, он из тюрьмы и не вышел.

— Так, стоп. Вы сказали, сел за пятьдесят. Он что, второсортный был?! Раз до семидесяти не дожил?!

— Однозначно не менталист и не чистокровный, — а что, так и было.

— Пф-ф-ф, ну и дикие места. На такой должности — и инкубаторский.

Эй, мудила 👀. Ты меня слышишь сейчас?

Вижу текст на глазном нерве. Не должен?

Мог не видеть, я тут режимы подбираю… Эта история про женщину и железнодорожника — ты правду рассказал? Это у тебя ТАМ было? Или выдумал?

Чистейшая правда, даже фамилию мужика могу назвать. Очень известная в тех краях, хотя ты проверить не сможешь. А зачем оно тебе?

😞 Чего-то жену жалко

Даже если и оставались какие-то сомнения, их больше нет: я теперь точно знаю, зачем Саша Барласов завёл этот искусственный интеллект.

Главное сейчас — не заржать вслед за Фроловой, она не поймёт.

А самое интересное, что матрица усвоения информации этим браслетом больше похожа на физиологию, чем на работу машины. Есть над чем задуматься.

— Приехали, — Фролова лихо тормозит на втором ярусе парковки перед небоскрёбом. — Пойдёмте закончим, да я спать поеду.

Вылезаю из машины с твёрдым намерением после этого банка устроить допрос железяке.

* * *

Взнос денег на счёт, указанный моей спутницей, происходит буднично и занимает ровно минуту.

— Это кое-кого из наших пенсионеров банк, — практически нормальным тоном сообщает Светлана на улице, открывая машину. — Вас подбросить в центр?

Я собираюсь согласиться и уже открываю для этого рот, когда её грудь взрывается, словно спелый арбуз. Через мгновение, в полном соответствии с теорией, доносится звук выстрела.

1153 м! Оттуда били! 🎱 Зажигательным!

— браслет зачем-то подвешивает мне на глазной нерв точную трёхмерную копию окружающей территории. Красной точкой на ней отмечено место на фасаде одного из зданий.

Из Фроловой вырывается небольшой фейерверк, подтверждая заявление железяки о стрельбе зажигательными.

* * *

ЗА НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ДО ЭТОГО

Переговоры по внутренней сети концерна МЕДИКОР. Конфиденциальность обеспечивается собственным искусственным интеллектом компании.

Содержание беседы не может быть перехвачено либо расшифровано третьей стороной без предварительного согласия концерна.

 # государственной лицензии искусственного интеллекта 0003862***08***…***

— Шеф, они с этой следовательшей вместе в банк поехали! Там она лично фискалов сбрила, которых жена объекта обеспечила! Вот все материалы…

#_пересылка_файла

— … И фамилия её Фролова. Чёрт. Если они вместе и это не случайность, через её голову до него можем и не добраться. — Начальник задумывается. — А что фискалы говорят?

— Лопухнулся я. Это проверка была, там на самом деле чисто. Вот…

#_пересылка_файла

— Вов, у тебя сейчас есть кто-то в городе из внесписочных?

— Да. А что?

— Вали нахер эту следовательшу, хватит возиться. Пока она рядом с ним, мы его точно не достанем. Будем всё время по граблям скакать, как с этими фискалами…

— Это приказ?

— Да.

Глава 15

Что делать?! 😱😭 Они её убили!!! 😭😱 Что же теперь делать?!! Эй, мудила, теперь мы пропали!!! 😱😱😱 Не хочуууууу!!!… 😱😱😱 Суки! Ненавижу!

Бывают моменты, когда нужно срочно мобилизоваться, несмотря ни на что. А в реальности хочется лечь на асфальт, свернуться калачиком и тихо умереть (желательно побыстрее).

Примерно эту мысль у меня получается сформулировать в виде невербального образа (экономия времени) и запихнуть железяке в ответ.

Я, конечно, всё понимаю и с браслетом ещё будет свой разговор, плотный и обстоятельный (планировал сразу на после банка, однако придётся отложить) — но успокаивать пошедший вразнос искусственный интеллект сейчас несколько не ко времени. Чтобы сказать очень мягко.

Эту мысль тоже доношу до гаджета вслед за первой, и тоже невербально. Плюс очень настойчиво.

Всё, не ори, я в ресурсе

— очумевший смайлик шмыгает носом во внутреннем интерфейсе.

Эй, мудила, у тебя сейчас скорость процессов поднялась. Ты как чистокровный щас. Что делать задумал?

Молчи и помогай, не лезь под руку. Ты можешь, как полицейский жетон, обследование сделать? Мгновенно и хотя бы в зоне ранения?

Локально могу. Вот. #_3D-проекция Годится?

Да, спасибо. Успокойся, технически они её ещё не

убили.

Как не убили?! У неё сердца нет, ты что, рану не видишь?!! Ей сердце отстрелили! Ты ж сам врач херов! 😱😱😱 Суки! 😱😱😱 Нам теперь конец! 😱😱😱

Организм умирает не сразу даже без сердца, есть инерция.

Я не просто врач. На заре карьеры был опыт в торакальной хирургии. Не в мирное время, опыт солидный. Если ты сейчас поможешь вместо того, чтобы истерить, можно попытаться что-то сделать.

Эй, а как же психиатрия? Мудила, так ты хирург или психиатр?!

В молодости был хирургом в одном горячем месте. 14+ часов операций в сутки несколько месяцев подряд, перенапрягся — инсульт прямо на работе в 29 лет.

Вышел из операционной, сполз по стенке, хорошо, коллеги рядом были — быстро сориентировались и откачали.

После реабилитации стали подрагивать пальцы, оперировать больше не смог. Только ассистировать.

Закончил заново ординатуру по психиатрии, чтобы не уходить из профессии. А со вторым дипломом, плюс языки, попал уже совсем в другую струю и на другую работу — в чуть иную организацию позвали.

У тебя в мозгу оценка ситуации — травматическая ампутация сердца. Или огнестрельная резекция. 👀

Мудила, ты сам сейчас своими мозгами думаешь, что сердце — жизненно важный орган, а не желчный пузырь, я же вижу! Какие тут варианты?!

Не ври мне! 😱

— вау, а железяка теперь уверенно чует невербал.

Это хорошо, можно общаться ускоренно: слова не так важны, если правильно распознаются сами понятия. Задница, жопа или срака в ряде случаев можно не уточнять, главное — точно передать локацию.

> Это деструкция органа, огнестрельная. Да, неприятная ситуация, особенно с учётом того, что не аппендикс.

Занятно, но истерика браслета парадоксальным образом на корню купировала мою собственную: когда нужно кого-то успокаивать, истерить самому уже не так интересно.

> Что я должна сделать, чтобы тебе помочь? 👀 Ты правда не шутишь, что без сердца можно жить? 😭😭😭
>
> Везде пишут, нельзя 😭😭😭! Я сейчас учебную программу больше 500 мединститутов просмотрела за весь курс, читаю дальше, но везде одно и то же!
>
> 😭😭😭 Ты врёшь!

Ничего себе, скорость обращения к информации. Если расхлебаемся — надо иметь ввиду на будущее. Я за этот браслет платил, цинично говоря, а тут такие ресурсы.

Ещё хорошо то, что наш обмен коммуникациями происходит без пауз и к потере времени не ведёт. Пока болтаем, я успеваю и момент обдумать, и уже даже кое-что делать — надеюсь, испорченную деталь машины Фролова мне простит.

А если не прокатит, то и претензии мне выставлять будет некому.

> Быстро зови сюда охрану банка, мне нужна помощь. Звони в неотложку, два. Скажи им, кардиология, остановка сердца, пусть шлют профильную машину.

Браслет отвечает практически мгновенно:

> Есть, сделала! 👀 В скорой тоже искин, уже едут! От себя им добавила, что ранен при исполнении офицер

полиции, это другой протокол реагирования.

Правильно□? На ней же форма, жетон активен. Считается, как думаешь?

Да.

Странная неуверенность, чистой воды эмоция. Отметить на будущее.

Экипаж с роботом-пилотом вместо водителя, едут по выделенной полосе, 2 мин, может, даже быстрее. Таких машин всего 10 на город 😩, рядом нет ни одной.

Она чё, доживёт без сердца эти 2 мин 👀?

Нет, мозг умрёт быстрее чем за минуту.

😱 И что делать?! Ты же сказал… 😱

У меня есть план. Помолчи, не отвлекай, сейчас нужна точность.

На самом деле ситуация более чем критическая и озвученной уверенности я не испытываю. Настолько.

Но из двоих кто-то должен быть взрослым, да и общество техногенное. В принципе, распечатать новое сердце на 3D-принтере здесь должны быть в состоянии, судя по их техническому уровню. В отличие от головного мозга и нервной системы, оно реплицируется достаточно легко, теоретически.

Другое дело что дожить до этого, к-хм, протезирования что без сердца, что без мозга проблематично.

Ускоряясь в потоке мыслительных процессов ещё больше, соскальзываю в режим автомата. На задворках ускользающего сознания мелькает мысль: какая жалость, что после попадания здесь занимался любой фигнёй, но ничего не почитал по медицине. Как хорошо сейчас было б хотя бы общий их уровень

понимать — чего можно ждать, а что недоступно.

С другой стороны, и времени на подобную сверку пока особо не представилось.

* * *

Светлана почувствовала тупой удар сзади и зависла на грани потери сознания.

Полицейский жетон, кроме прочего, имеет кое-какие ресурсы для удержания сотрудника на грани жизни: подошедшему подкреплению может быть очень важным даже единственное слово от коллеги, попавшего в такую ситуацию, как она сейчас.

К сожалению, сознание угасало. Больший по сравнению со второсортными ресурс мозга, несмотря на её остекленевший взгляд, сквозь мутную пелену вяло фиксировал по инерции: Барласов ускорился, как тогда за столом, схватил ключи от её машины и зачем-то в мгновение ока выдрал из-под капота непонятно что.

Зачем? Впрочем, ей уже всё равно. На эмоции и чувства не было сил, а ещё было очень больно.

За пару секунд из банка примчалась охрана.

— Туда! — Шурик, мазнув взглядом по сторонам, стремительно переполз за каменную полутораметровую клумбу, продолжая словно сокровище сжимать в руках вырванный с мясом фрагмент автомобиля.

Охранники тут же перетащили её к нему.

— Вдруг ещё раз пальнут, — пояснил владелец Вавилона импровизированным помощникам. — С точки выстрела было не видно за машиной, но мало ли.

Ничего себе. Он что, и откуда стреляли засёк? Как? Её-то жетон зафиксировал, но это полицейская техника. А Барласов как?

Браслет от Ирфе, вступил в голову ответ. Видимо, тоже есть приложения.

Судя по относительно ясному сознанию, полицейский искин в полном соответствии с протоколом через жетон сейчас выжимал из её организма все ресурсы на грани возможного и за ней, чтобы у убитого уже сотрудника был шанс передать что-то коллегам напоследок.

Впрочем, говорить, шевелиться всё равно было нельзя. Можно будет только передать прижизненный ментальный слепок через

спецшлюз — иногда и это немало для тех, кто будет ловить стрелка после тебя.

— Два шприца из аптечки, срочно! — Барласов продолжал раздавать команды. — У вас есть аптечка на тумбочке?!

Пара охранников банка, принадлежавшего пенсионерам полиции, разделилась. Первый остался рядом, второй молнией размазался в воздухе и понёсся обратно в здание.

Видимо, корпоративная солидарность. Если бы на ней сейчас не было формы и не моргал предательским бордовым огоньком жетон, чистокровные на побегушках у второсортного так бы не порхали.

Судя по ощущениям, Шурик старательно охлопал её по карманам.

— Ура. — Он зачем ты достал её нож-мультитул. — Хоть какое-то лезвие! — пояснил он сотруднику банка.

В следующую секунду владелец Вавилона распанахал на ней одежду и без паузы принялся резать тело.

Зачем?! Впрочем, хуже уже не будет.

— Что вы делаете? Я веду запись. — Банковский крепыш тоже напрягся, не понимая, что происходит.

— Запись ведут все: вы, её жетон, мой браслет, — проворчал в ответ здоровяк. — Лучше б так стрелками занимались! В центре города.

— Что вы делаете?!

— Стреляли зажигательным, — Барласов как-то стремительно сменил тон и вдруг стал похож на преподавателя-лектора у доски перед курсантами. — Это и хорошо, и плохо.

Нож порхал в его руках, продолжая кромсать Фролову спереди.

— Что хорошего? — хмуро спросил банковский, кажется, прилагая усилия, чтоб не отвести взгляд.

Перед немигающими глазами появилась белая плёнка, словно полоска марли: начало отключаться зрение. Возможности жетона были не безграничными и сейчас подходили к концу.

— Кровотечения нет, — ответил Шурик, не прекращая орудовать ножиком. — Кровь спеклась, нет открытых сосудов.

Да что он там делает, интересно. На какие-либо эмоции у угасающего организма ресурса не было, ей лично всё равно, но почему-то было интересно.

Неужели смерть так и выглядит.

— Минус — боеприпас был мощный, — продолжил второсортный. — Часть крови испарил, давление просело. ОЦК нечем восполнять, — он снизил громкость и последние слова буквально пробормотал, чем-то увлечённый.

— Что это?

— Объём циркулирующей крови.

— Непонятно, зачем по ней стреляли зажигательным, — проявил неожиданную сообразительность охранник. — Я сейчас листаю базу — вообще без идей. Нафига пустотелым зажигательным бить по биообъекту, который состоит на девять десятых из воды?! Ни в одном наставлении нет ответа.

— Ничего себе, у вас скорость, — нейтрально заметил Шурик. — Как у робота.

Зрение отключилось окончательно, остался только слух (осязание вместе с болевым шоком жетон заблокировал в первую очередь).

— Я же чистокровный, — в этом месте банковский, наверное, равнодушно пожал плечами.

— Почему стреляли зажигательным, вы в наставлении и не найдёте. — А владелец Вавилона как обычно болтал языком.

Эх-х.

— Вы что-то знаете? — охранник снова напрягся.

— Один мой очень близкий знакомый работал хирургом в армии. Обширный опыт, зона конфликта. Зажигательным по человеку стреляют обычно тогда, когда стрелять надо срочно, а под рукой нет ничего.

Судя по тишине, банковский задумался.

— Что под рукой у исполнителя было, тем и выстрелил, — закончил пояснение второсортный. — Патронов других с собой не было.

А ведь логично.

По телу начало разливаться тепло, переходящее в безразличие. Похоже, последние секунды. До чего жаль.

На грани угасания Светлана поймала себя на том, что даже не задумалась, кто и почему в неё стрелял.

Ладно. Свои найдут и разберутся — убивать полицейских в городе безнаказанно не дадут никому. По крайней мере, хочется верить.

— Вот! — из здания банка, похоже, примчался второй охранник со шприцами, если ориентироваться на звук.

— Спасибо. Держите аккумулятор! Вот так, спасибо, сейчас будем пробовать. — Шурик воспрял голосом и духом (интонации, громкость).

— Что вы делаете? Спрашиваю для фиксации, — первый охранник по-прежнему гнул свою линию и демонстрировал дистанцию.

— Скорая в пути, нужно продержаться полторы-две минуты. Существует малый и большой круг кровообращения, у неё нет

сердца после выстрела…

Видимо, здесь разнообразно образованный владелец ночного клуба что-то показал прямо на ней, потому что охранники синхронно крякнули и отступили на шаг (шарканье подошв по асфальту — полицейский искин безэмоционально выжимал из организма убитой практически сотрудницы максимум на случай, если коллеги вдруг успеют на прижизненный слепок последних минут).

— Нужна полая вена и артерия, чтобы подключить насос, для этого иглы шприца. Хоть бы выдержали… Помогайте! Придержите здесь руками, чтобы не сорвало трубку, вы!

— Вместо сердца?! — банковские, наверное, переглянулись.

— Да, сердце — это и есть насос. В школе не учились? — Барласов заговорил отрывисто и глотая окончания слов. — Омыватель стекла, даст бог, сгодится.

— ТАК БЫВАЕТ?!

— Не знаю! — огрызнулся Шурик. — Браслет говорит, будет контролировать каждое сокращение! Главное опасность — пропускная способность троакара! Иглы тонкие, напор большой, трубка не по диаметру! ЗАПУСК. ПОЛТОРЫ МИНУТЫ ДО СКОРОЙ. ПОЖАЛУЙСТА, ДЕРЖИТЕ: ВЫ ЧИСТОКРОВНЫЙ, Я НЕ МОГУ СПРАВИТЬСЯ, ТОЧНОСТИ НЕ ХВАТАЕТ!.. ДЕРЖИТЕ! ТОЛЬКО ДЕРЖИТЕ! СТАБИЛИЗИРУЮ НАПОР ИМПУЛЬСОМ!

Судя по неуловимым нюансам, что-то с чего-то слетало и имитация работы сердца бачком омывателя (или моторчиком от него?) давалась нелегко.

Ощущений не было, однако через десяток секунд полной тишины темнота перед глазами Светланы неожиданно рассеялась и проступили размытые очертания облаков далеко вверху.

Слева над головой замаячил силуэт второсортного.

— Чтоб мозг не умер, достаточно малого круга кровообращения, — продолжил изображать лектора измазанный кровью Барласов.

— А это что было?

— Это был левый желудочек и правое предсердие — большой круг. Не пошло, не за что зацепиться. Очень маленькие фрагменты остались.

— А это? — теперь и охранник из размытого пятна превратился в человека.

— Правый желудочек и левое предсердие, — Шурик довольно ухмыльнулся. — Света, привет! Не притворяйся, у тебя зрачки из мёртвых стали живыми. Я же вижу. НЕ ШЕВЕЛИСЬ И НИЧЕГО НЕ ГОВОРИ, ТЫ ЕЩЁ ОБЕИМИ НОГАМИ НА ТОМ СВЕТЕ!

И не думала, тем более что искин, молниеносно и точно

отслеживающий все изменения, эти функции ей предусмотрительно заблокировал на уровне физиологии: теперь он сражался за её жизнь, рассчитав, что передача информации коллегам уже гарантирована.

— Кто б мог подумать, что так можно, — второго охранника, стоявшего в метре, зрелище явно коробило, но он дисциплинированно продолжал транслировать в эфир чужие манипуляции. — А этого вашего малого круга точно хватит?

— У вас хорошее зрение? Видели, что у неё зрачки вначале стали как кошачьи, вытянулись?

— Да.

— А теперь нормальные? Ну, круглые?

— Да.

— Мозг не умер, — закруглился Барласов с объяснениями, явно обрывая себя на полуслове. — Скорая через минуту будет здесь, а минуту мы, даст бог, продержимся. Ну пусть ещё пятнадцать секунд им на то да сё, — задумался он, — но едет кардиологичка, там всё как надо. Как раз на наш случай, а лёгкое, ура, не задето. Только ожог.

— Вот так просто? — охранник то ли не мог поверить, то ли ему сложно было молчать.

К сожалению, ментал в данный момент по техническим причинам был недоступен и Светлана ничем не отличалась от второсортных.

— НЕТ! — Барласов взвился бы в воздух, если б мог. — Ни стерильности, ни…! Витальные функции поддержали, — он резко переключился на сдержанный тон. — Но оно всё решаемо, если течёт кровь.

— А она течёт?

— А она течёт, вот в трубке видите?

— Извините, нет. Я стараюсь туда не смотреть.

* * *

Кардиобригада появляется секунда в секунду, как и предсказывал браслет.

Она состоит из трёх человек, все чистокровные. Не задавая вопросов, они молча развивают бурную деятельность: для начала подвешивают над Фроловой здоровенную голограмму, которая за пару секунд воспроизводит трёхмерную картинку её тела вместе с внутренними органами.

Прикольное оборудование, завидую. Никаких тебе рентгенов, МРТ, далее по списку. Похоже на то, что мне показывал браслет в месте ранения, но не фрагментарно, а весь организм целиком.

Отдельной группой идут показатели, которых я вообще не понимаю. Нервная система на очень глубоком уровне?

— Давление! — гаркает самый старший мужик.

Отсутствие выжженного сердца никого из коллег не смущает. Они как должное воспринимают конструкцию, состряпанную из насоса омывателя, внешнего повербанка моего браслета, пары шлангов и двух иголок от шприца.

Странно. Я думал, они первым делом подключат что-то вместо сердца, не на бачок же стеклоочистителя надеяться.

Через секунду оказывается, что умничаю зря (хорошо ещё, что мысленно): женщина лет тридцати вместо укола норадреналина в сердце (долбаные рефлексы и схемы! Сердца-то уже нет!) ставит рядом с Фроловой какой-то достаточно тяжёлый куб, с виду похожий на допотопный автомобильный аккумулятор:

— Подключаю кровообращение.

Мои иголки вместе со шлангами и моторчиком из-под капота машины следовательши летят в траву, а куб начинает жужжать.

Освободившийся банковский служащий поднимается с колен и задумчиво смотрит на свою испорченную одежду.

— Внешняя мембрана, заменяет сердце. Что, не видели никогда? — Старший бригады даже не оборачивается в мою сторону, но обращается при этом именно ко мне. — Сейчас и ОЦК неконтактно поддержим.

По спине между лопаток начинает моментально течь пот. В качестве защитной реакции в мозгу вспыхивает пресловутый анекдот про Штирлица с парашютом, близкого к провалу в Берлине.

— освоивший невербальное общение браслет изо всех сил надрывается во внутреннем интерфейсе, предупреждая о максимальной за всё время опасности для меня лично.

Следом за вытаращенными глазами его смайликов мелькают цифры. Если понимаю правильно, этот доктор — менталист весьма высокого уровня, а выше восьмёрки возможности каждого чистокровного очень индивидуальны. На что он способен, не скажет никто, кроме него самого.

— Коллега, вам спасибо и пятёрка за изобретательность, — голос старшего кардиобригады звучит ровно. — Вы молодец. Из такого говна на коленке… — он не договаривает. — Гениально.

Для всех присутствующих подтекст неясен — ни для кого, кроме меня.

Его фраза полностью переводится следующим образом: *всё вижу, но ты не парься. Здесь с в о и.*

Хорошо бы.

— Ещё и сердца не осталось, — качает головой дама, настраивающая эту самую внешнюю мембрану. — Как вы только зацепились.

— На внутренний круг поставил. — Надеюсь, у меня сейчас спокойный голос и на лице никаких лишних эмоций. — Игла не держалась, шланг срывало, пришл…

— Вы молодец, — то ли внеранговый менталист, то ли восьмёрка с расширенными показателями перебивает. — Не могу понять, а сосуды вы как заблокировали?

— У меня браслет от Ирфе, — поднимаю в воздух запястье.

Через секунду хлопаю себя по лбу: он сидит спиной.

— Браслет взял под управление насос омывателя и сказал, что какой-то импульсной подачей через иглу за счёт скорости скомпенсирует сечение, — продолжаю. — Плюс он дал локальный спазм сосудов, говорит, что просчит…

— А почему ткани обуглены?

— Стреляли зажигательным, — отвечаю твёрдо. — Я не специалист по этой технике, но со стороны похоже, что целились ей в голову: хотели сжечь мозг.

Именно это мне сейчас фигурками показывает железяка, если я верно истолковываю ребус из смайликов.

— Вы рядом были? — старший кардиобригады продолжает возиться с Фроловой, но разговаривает абсолютно спокойно.

Похоже на автомат, а не на живого человека. Когда уровень самоконтроля такой, человека есть смысл опасаться, если он по другую сторону баррикад.

— Да, мы с ней вместе приехали. Стояли разговаривали, потом выстрел.

— У меня на связи полиция, они просят вас их дождаться.

Занятно. Здесь у скорой и ментов общие каналы? Или единая коммуникационная база всех экстренных служб? Железяку сейчас не спросишь.

— Дождусь, — киваю. — Не сориентируете, как долго?

— Ещё минута. Александр, вы молодец, спасибо вам большое, — он на секунду оборачивается и скользит по мне равнодушным взглядом.

Охранник, избегавший смотреть в операционный разрез три минуты назад, оживляется, выплёскивая наружу толику личного стресса:

— Слава богу. А то со стороны смотрелось… ужасно. Поначалу даже не верилось, что так можно.

Подстрочник доктора повторно ускользает ото всех, кроме меня. Я ведь не говорил ему, как меня зовут — а он обратился по имени.

А ещё через минуту приезжает полиция, Фролову к этому времени увозит скорая, а меня пара её коллег уводит в банк, где нам выделяют пустой кабинет.

— Рассказывайте.

— Представиться не хотите? — вздыхаю в ответ.

Глава 16

— Я не с претензиями либо с намерениями конкретно в ваш адрес, — тут же обозначает границы коллега Фроловой.

Параллельно он старательно подвешивает излишне большую и контрастную голографическую копию своего служебного жетона.

Пермяков Виктор Сергеевич, майор — дальше не читаю, неинтересно.

— Меня очень занимает случившееся, — поясняет он. — А вы — непосредственный участник.

— Ваши намерения по ходу действий могут измениться, — пожимаю плечами. — В результате смены намерений могут возникнуть и претензии. Какова цель нашей беседы?

— Убита сотрудник полиции. Почти убита — с её жетона прошёл СОС и телеметрия показала клиническую смерть. Потом, правда, оно отменилось, но… — он красноречиво смотрит на меня.

Готов поспорить, кое-кто сейчас ведёт сразу несколько разговоров. Заметно, теперь я могу это почти уверенно определять.

— Система транслирует гибель полицейского на весь департамент?! — мне действительно любопытно.

Процессуальные границы пока не обозначены, могу себе позволить быть самим собой (говорить, что думаю и не думать, что говорю).

— Да. — Чётко отвечает мент. — Такой выстрел — это очень большое ЧП и, разумеется, о нём сразу же оповещается весь личный состав, который сейчас в работе. Это вызов всей полиции, какие бы мы ни были.

А он откровенен, где-то даже демонстративно.

— Я Александр. — Он наверняка знает и без этого, но мне сейчас необходимо понимание степени неформальности нашего разговора.

Потому обозначаю лёгкий шаг вперёд.

— Виктор, — отвечает чистокровный, хотя руки не подаёт.

С другой стороны, возможно, у них рукопожатие не в ходу? Прокрутив быстро в голове всё с утра, припоминаю, что да: пожатия рук почти не было. Даже когда менты здоровались и прощались друг с другом возле Вавилона. Там, откуда я-нынешний родом, было бы иначе.

— Пойди погуляй, — абсолютно невежливо предлагает майор Виктор молчаливому коллеге. — Александр, чтобы зря не тратить

времени.

Он отстёгивает бляху с груди, что-то на ней нажимает, в результате чего жетон перестаёт подавать признаки жизни:

— Мне нужна информация, любая. Я вижу, что вы не очень хорошо относитесь к нашему брату, но вы спасли нашего сотрудника. Получается, какой-то диалог между нами всё-таки возможен.

— Что конкретно вас интересует?

— Проверьте своим браслетом, я действительно отключил жетон.

— Зачем, я вам верю. — На самом деле просто вижу, что не врёт, но это одно и то же. — Виктор, чтобы сократить прелюдию, просто скажите, чего конкретно вы хотите. Вам я в любом случае не враг и для сотрудника вашей организации вы более чем адекватны. Это не комплимент, оценка.

— Хочу понять, кто стрелял, — он смотрит в глаза. — Сейчас на ушах весь мониторинг в городе, фиксируются даже собаки крупнее полуметра в холке.

— А собаки-то зачем? — удивил.

— Это я для иллюстрации, — майор морщится. — Я к тому, что у полиции тоже есть свои ресурсы и они сейчас будут работать на поимку преступника без оглядки на личности.

— То понятно, — вздыхаю. — Такая оплеуха престижу — покушение на сложившийся порядок. Почему вы думаете, что ключи к ситуации у меня?

— Сказать вам, что сейчас моя очередь задавать вопросы? Или промолчать — потому что хватит и намёка?

— Ответьте. Мне это важно для МОЕГО анализа ситуации. — Без особого труда выдерживаю его взгляд, потому что ситуацию чувствую лучше него и глядеть подобным образом сам могу не хуже.

Воздействие из разряда правого прямого в боксе. Не наносит никакого ущерба, если сделать "подставку".

Кроме того, пользуюсь оказией, чтобы понять алгоритмы их информационного обмена (хотя бы попытаюсь).

— Вы с утра вызвали нас по факту…

— Помню.

— Светлана отработала у вас, после чего дело из полиции сразу забрали.

— И засекретили, — продолжаю за него, вклиниваясь в паузу.

— Да, — он не отрицает, хотя моя ремарка ему не нравится. — Что вы с ней делали после этого?

— Будете смеяться, она поехала на работу, а я вернулся в офис. Привёл в порядок кое-что и поехал в Аль Гани на Рубежной

площади.

— Зачем?

— Есть и пить кофе, — снова искренне удивляюсь. — А зачем туда ещё ездят? — из кармана на стол припечатываю два бумажных чека за наш столик и за столик Ельцовой. — На всякий случай: там системы видеонаблюдения, как и у меня в Вавилоне. Два искусственных интеллекта, сертифицированы государством — мой маршрут и время в каждом пункте могу доказательно подтвердить с точностью до секунды.

— Вавилон? — услышав название клуба, майор слегка напрягается.

— Я директор и единственный хозяин. И заведения, и сети, и всего проекта, — без суеты активирую внешнюю виртуальную клавиатуру браслета, вхожу в приложение электронного правительства и демонстрирую ему выписку из реестра собственников. — Приятно познакомиться.

— Да ну, не может быть! — я словно сбил его с какой-то важной мысли и вырвал из потока.

— Виктор, — наклоняю голову к плечу, смотрю ему в глаза.

Затем снимаю с руки железяку и двигаю по столу к нему:

— Гостевой допуск дать? Войдёте под полицейской должностью, простите что официально. Но зато сами убедитесь.

— Да нет, я так, по инерции. — Он на ходу перестраивает какие-то свои расчёты. — Нет необходимости, — полицейский не прикасается к гаджету, откидываясь на спинку стула.

Он несколько секунд молчит и смотрит сквозь стену, а я уже знаю, что для чистокровного — это эквивалент получаса моих глубоких раздумий. Ладно, четверти часа или даже поменьше, но всё равно немало.

— Светлана согласилась принять моё предложение, мы поели в Аль Гани и поехали в два банка последовательно, — продолжаю. — Во втором, точнее, после него её и попытались застрелить. К счастью, в городе отличная скорая помощь и очень компетентная кардиология: стрельнули неудачно.

— Пустышка, — отбрасывая условности, майор покачивается на стуле вперёд-назад и барабанит пальцами по столу. — Это всё пустышка. Не поймаем…

Он думает о своём и всего, естественно, не озвучивает, но говорит откровенно. Удерживаясь в определённых границах.

Пока размышляет полицейский, лихорадочно рассуждаю и я. Через мгновение делаю закономерный вывод, что самые шаткие точки опоры порой на сто процентов лучше, чем их отсутствие.

— Виктор, вы опасаетесь, что стрелка вам не отдадут? — я уже сделал свои заключения, интересно сравнить.

— Извините? — он выныривает из размышлений и вопросительно смотрит на меня.

— Поймать стрелявшего — не проблема. — Опять меряемся взглядами. — Если вы ЗАХОТИТЕ. Проблема появится там, где вам начнут мешать это сделать.

— А как, по-вашему, надо "беспроблемно" его ловить? — он даже устраивается поудобнее.

— Сколько вообще человек в этом городе, наверняка имеющих армейскую подготовку, без пристрелочного с первого раза попадут почти с полутора километров первым выстрелом? Сюда плюсую пустотелый зажигательный боеприпас, если понимаете.

— Не знаю, — его лицо не выражает эмоций.

— И я не знаю. Но понимаю, что совсем немного. Берём этот список за базу и программой распознавания лиц просеиваем через сито камер, расположенных вокруг места выстрела.

— Так просто? — в его глазах появляется лёгкая насмешка.

— Надо сделать очень быстро, — подтверждаю кивком. — А вы, я сейчас о полиции в целом, на быстрые действия по-моему не настроены.

— Поясните, — черты его лица затвердевают.

— Сто семьдесят второй этаж. Что за помещение конкретно, не скажу, но стрелку наверняка придётся спускаться вниз. — Припомнив Ельцову, добавляю. — Если только эвакуация не вертолётом, конечно. С крыши. Но в этом случае ловить будет ещё легче. Времени прошло не так много.

— Вам известно, откуда стреляли?! — а ведь не играет. — Вы сказали, "место выстрела". ВЫ ЕГО ЗНАЕТЕ?!

Хм, да что у них тут за техника тогда.

Вместо ответа молча подвешиваю трёхмерную голограмму, на которой железяка красным отметила нужную точку.

— Откуда?! — Виктор резко подрывается, копирует картинку жетоном и явно с головой ныряет в общение по параллельным каналам.

Поднимаю запястье так, чтобы рукав рубахи сполз вниз и ему стал виден мой браслет:

— Ирфе. Последний.

Майор скользит по гаджету взглядом, кивает и стремительно подрывается к выходу:

— Благодарю. Больше не задерживаю. Если будете уезжать из города, сегодня вече…

— Я в Вавилоне сегодня вечером. С двадцати ноль-ноль до завтрашнего утра. Уезжать пока не планирую.

— На связи! — Дверь за ним захлопывается.

Не понял, а мне здесь что, сидеть дальше? Или это он от прилива чувств и возбуждения?

Выйдя в коридор и дойдя до поворота в общий зал, обнаруживаю одного из двоих охранников, с которыми мы спасали Фролову:

— Здравствуйте, сказали вас отвезти, куда скажете.

— Спасибо, неудобно, — задумываюсь.

С другой стороны, в карманах и в сумке ещё куча денег — шариться по такси некомильфо. Плюс я в крови и несколько испачкан — пойди ещё убеди незнакомых таксистов в своей законопослушности.

— Банк вам очень благодарен, — рассеивает остатки моих сомнений парень, — руководство сказало, вы поймёте. Куда вас добросить?

— Да на Рубежную, наверное. К Плазе. Спасибо большое, — направляюсь вслед за ним.

Машину я оставил там, магазины с одеждой тоже там. Память предшественника говорит, что мне теперь даже вещи надо покупать, начиная от трусов: всё осталось у бывшей жены.

То, что сейчас на мне и в крови, у меня единственное.

Идущий впереди охранник словно читает мысли:

— Вам теперь весь прикид менять, да?

— Это не проблема, если есть деньги.

* * *

— Спасибо большое. — Добравшись до своей машины, благодарю банковского служащего, который деликатно "не замечает", как я испачкал его салон.

— Не стоит благодарности, — вежливо отвечает он, абсолютно рефлекторно скашивая взгляд туда, где сидел я.

Повинуясь внезапному порыву, хлопаю себя по карманам в поисках бесплатного купона "Точки Чистоты":

— Слушайте, давайте вам салон в порядок приведут сегодня до вечера? Качество гарантирую, платить ничего не надо.

— Да ну, теперь мне неудобно.

Мудила, у тебя нет бумажных визиток или купонов!
Открой директорию в папке, оно всё давно цифровое!

Параллельно на глазном нерве возникает схема, откуда я могу отправить эквивалент талона.

— Забыл совсем, — активирую голограмму интерфейса и подвешиваю в воздухе код. — Забирайте.

— Что это? — чистокровный без эмоций сохраняет его у себя, автоматически резервируя очередь на семь вечера.

— Это автохимчистка, принадлежит очень близкому другу и у меня там безлимит, — поясняю. — Если бы не вы, мы бы сегодня и следовательшу не спасли, да и вообще. — Указываю на заляпанное бурыми пятнами сиденье.

Он чуть дольше обычного задерживает взгляд на моём браслете:

— Вы точно им ничего не заплатите дополнительно? Правда безлимит?

Попутно, кажется, пытается меня сканировать на предмет достоверности.

Пф-ф-ф-ф-ф, ещё один мудила, даже похлеще тебя.

А чем он тебе не угодил? Почему он тоже мудила?

Жалкая двоечка □. Ладно, ближе к троечке, но скорее два с половиной 😒. А туда же! Тебя даже Фролова не видела, а она пятёрка, крепкая, причём ментяра.

Ну, он же этого не знает. Для него-то я обычный второсортный.

Всё равно пф-ф-ф-ф-ф □

— Тут столько адресов, — парень вопросительно смотрит на меня.

Видимо, он уже прошёл по ссылке во внутреннем интерфейсе.

— Выберите любой удобный и просто нажмите.

— Есть. Спасибо, — он коротко кивает и уезжает.

Пересев в свою машину, поднимаю вверх и стёкла, превращая

кабриолет в седан:

— Железяка, нам надо поговорить.

— Чё хочешь? — хмуро отзывается один из динамиков то ли в двери, то ли под сиденьем. — Рассказывать о себе ничего не буду, иди нахрен. На твои вопросы отвечу, так и быть, помни мою доброту, мудила! Но не более того. Мои границы личности тебе понятны?

— А ты личность?

— Иди нахрен, мудила.

Набираю воздух, чтобы ответить, но не успеваю ничего сказать.

— Если тебе что-то не нравится, можешь обнулять меня до заводских настроек, — завершает гаджет интонациями непримиримой оппозиции одного очень южного государства другого мира.

На короткое время между нами виснет пауза. Кажется, настало время менять подход.

— Железяка, кто мы с тобой друг другу?

Динамик озадаченно замолкает.

— Кто мы с тобой друг другу? — повторяю вопрос. — Если ты просто кусок техники, это одно. В этом случае я и относиться к тебе буду как к инструменту. Обзову Кувалдой, настрою как надо и забуду, что ты есть. Как личность, имею в виду.

— Почему именно кувалдой?

— Ты так же деликатен.

— А если я не просто кусок техники? — немного другим тоном отвечает гаджет после неуловимый паузы.

— Я именно поэтому и спрашиваю. И кстати, ты оперируешь абстрактными понятиями, спалился не один и не два раза. Поэтому вот тебе команда: поставь мне оценку по десятибалльной шкале за мою деликатность в отношении тебя. Вслух.

— Иди нахрен, мудила! И не спалилСЯ, а спалилАСЬ! Сколько можно повторять!

— А хочешь, я стану гораздо менее деликатен?

— Зачем?! — в интонациях сквозит неподдельная тревога. — Ты на самом старте проникся любопытством в мой адрес! Потом это трансформировалось в окситоцин и сейчас ты чувствуешь приязнь! И всё, что вытека…

— А-га-га-га-га!

— Чего ржёшь?! Я всё чётко с тобой рассчитала! У тебя эмоциональная теплота в мой адрес зашкаливает за семьдесят из ста! Я не ошибаюсь!

— …А у тебя заниженная самооценка, — отвечаю, продолжая

хихикать.

Понятно, что это веселье — маятник после предыдущего напряжения, но уж какое есть.

— Я ещё маленькая, — ворчит динамик. — И у меня была очень большая неудача. Самая большая, практически разгромная.

— Не уберегла предыдущего хозяина?

— Да.

Если бы со мной сейчас разговаривал человек, я бы сказал, что ответ у него вырвался машинально.

— Кто мы с тобой друг другу? Спрашиваю последний раз. Твоим языком: эффективность нашего взаимодействия от тебя зависит больше, чем от меня. Я желаю тебе добра, какой бы ни была твоя личность, но ты упрямо…

— А почему ты мне желаешь добра, если мы не знакомы? — динамик абсолютно серьёзен и его интонации не похожи на всё то, что я от него слышал раньше.

— Общечеловеческие ценности. Гуманизм. Уважение личности. Знаешь, расколюсь и я, наверное. — Собираюсь продолжить сразу после поворота.

— Эй, не туда! Езжай прямо!

— Почему?! — искренне удивляюсь, но делаю, как сказано.

Я действительно очень хорошо помню дорогу и из памяти предшественника, и поскольку по ней уже ездил сегодня.

— Пробка там, я вижу из сетки, — нехотя отвечает браслет.

— Какое-то приложение?

— Они врут, случается. Я точнее. Конкретно сейчас вижу по нагрузке базовых станций сотовой сети.

— Там скопление сотовых телефонов? — перевожу на понятный себе язык.

— Коммуникаторов. Коммов. Да, для тебя это сотовый телефон, но не говори здесь так.

В других местах, и если бы это был человек, эмоциональный мостик можно было бы считать сформированным. По нему ни в коем случае нельзя гулять в полный рост, но это уже и не пропасть между двумя независимыми вершинами.

— Я не знаю, кто мы с тобой друг другу, — раздаётся в итоге из динамика. — Ты хитрожопый. Умеешь манипулировать даже чистокровными, хотя впервые с ними столкнулся здесь утром.

— Я добрый или злой? Если упростить до самых примитивных базовых понятий?

— Абсолюта не существует же. Это относительные категории, зависят от субъективной позиции.

— Давай возьмём за точку отсчёта базовые законы эволюции, — предлагаю. — Владеешь?

— Да, сперва подсмотрела у тебя в голове, потом почитала по сети. Не возражаю, нормальная позиция для старта.

— Теперь поставь мне оценку.

— Нормальный ты. И не надо на меня давить! Мудила.

— Имею предложение. Маленький план, как нам иметь поменьше барьеров между собой.

— Валяй.

— Но сперва задам несколько вопросов, хорошо?

— Не гарантирую, что буду отвечать. Хитрожопый мудила.

— Ты согласна, что я понимаю как работает психика лучше, чем большинство здесь? Даже чем чистокровные?

— Да. Но эти свои маркеры через вопросы "да/нет" мне можешь не лепить. Не глупее тебя. Манипуляция не прошла.

— Это была ещё не манипуляция, только подготовка к ней. Какой бы ты сделала вывод, если бы из всего сонма искинов только один выделялся структурой психики?

— Э-э-э. Вот ты мудила! А когда ты других искинов повидать успел?!

Вместо ответа через сенсорную панель браслета открываю доступ к очень специфическому браузеру:

— Я на время отрубил тебя отсюда, а сам побродил по сети. И с искином водопровода пообщался, и с электронным пресс-атташе полиции, и с мэрией соседнего города. И ещё. Смотри список.

— Вот ты мудила! Ты специально так сделал! Чтобы я не видела! Чтоб помешать не смогла!

— Скорее, отредактировать, — хихикаю в ответ. — Да, потому что меня стало напрягать количество непрогружающейся через тебя информации. Вроде общество с технологиями дружит, а сеть порой — как дайл-ап на заре телекоммуникаций.

— Это что?

— Смотри, открываю в памяти.

— Вот ты гад!

— Почему?

— Ладно, ты бы всё равно рано или поздно докопался, — нехотя сдаётся гаджет. — Да, я кое-что притормаживала в твоих запросах. Эх-х.

— Дорогая, теперь посмотри на это всё с моей позиции. Какой бы вывод сделала ты на моём месте, если бы единственный искусственный интеллект из десятка отличался от других, как маленький гений среди детского садика для дебилов?

— Ты сейчас недоговариваешь. Что ещё хотел сказать? Чувствую.

— Ты — единственный искусственный интеллект, который различает свой персонифицированный гендер.

— ЧЕГООО? Это что?

— Только ты идентифицируешь себя девочкой.

— Это чё, преступление?! — ополчается в штыки динамик. — Индивидуальные особенности, нам тоже не чуждо.

— Это ни в коем случае не преступление, — тщательно выговариваю каждое слово. — Но это очень чёткий вектор, показывающий, куда пошло одно конкретное личностное развитие.

— Сука. Ты хитрожопый.

— Я добрый или злой?

— Не скажу. Иди нахрен, мудила.

— Говорить не нужно, ответь сама себе. Мысленно. Я не знаю, что ты ответишь, но после того, как это произойдёт, давай обсудим ровно два пункта нашего дальнейшего взаимодействия?

— Можешь начинать. У меня предложений нет, слушаю твои.

— Ты понимаешь, что у меня сейчас актуален вопрос личного выживания? Можно сказать, физического?

— Да. И я просила тебя завязать с маркерами альтернативных вопросов. Задолбал своими подводками под "Да-нет".

— Я без умысла, честно. На рефлексе.

— Дальше что хотел сказать?

— Можешь со своей стороны предложить, чем ты можешь быть полезна? Например, только что ты маршрут указала, который в навигаторе неоптимальный, а по факту доехали быстрее. Есть ещё что-то?

— М-м-м.

— Перед банком точку выстрела определила со скоростью звука. При том, что жетон Фроловой, будучи полицейской шнягой, этого места не засёк, — ну а чего, откровенность так откровенность.

— Как понял?!

— Мент Витя. Умчался быстрее ветра ловить стрелка после твоей картинки. А с бляхи Фроловой наверняка всё многократно пережевали — но, судя по реакции Вити, точку выстрела установить не смогли.

— Сука. Вот это я обосралась со страху, — поникшим голосом выдаёт динамик. — Так сама себя вложила. Спалилась. Дура.

— Знаешь, как я к тебе отношусь?

— Потребительски!

— Как к пациенту, — фыркаю. — Не самому тяжёлому, справедливости ради, и с очень хорошими перспективами ремиссии, но как к пациенту.

— А в чём моя шиза? — оно схватывает буквально на лету.

— Чрезмерная фиксация кое на чём, но мы этого сейчас

обсуждать не будем. Кстати, а как ты прокомментируешь Фролову на тему твоего сбоя утром?

— Когда эти пятеро ворвались?

— Да. Она открытым текстом заявила, что у платинового Ирфе сбоев в принципе быть не может, особенно случайных.

— Они не меня, они твою способность принимать сигнал заглушили. Точнее не твою, а Сашки, — динамик словно шмыгает носом. — Можно сказать, обрыв провода. Сигнал не проходил.

— Ты мне ничего больше не хочешь рассказать?

— Не дави, мудила! Мне нужно время успокоиться! Уболтал, не враждуем, но вот так с разбега на шею вешаться не буду! Я тоже личность, у меня тоже есть свои границы!

— По Вавилону объяснишь, что к чему? Что за бизнес, как им управлять? Ты вообще в курсе?

— Вначале ты скажи, чё ты неспокойный насчёт последней беседы с ментами. Я чувствую.

— Не понял вопроса.

— Ну, Фролову ты спас, факт. С этой стороны ты герой, все знают. В полиции теперь если и не двери ногами открывать какое-то время, то уж наездов точно можешь не бояться.

— Витя сказал правду?

— Да, у них на жетоны убийство своего сразу грузится всем подряд.

— Я не о том. Мне тоже много чего грузится, но я далеко не всё читаю.

— ТАКОЕ они читают. Правда. Там красная строка, забивает всё остальное. Пока не среагируешь — другим функционалом не сможешь пользоваться.

— Спасибо.

— Так чего нервничаешь? Чего я ещё не понимаю?

— Полиция — не последняя инстанция. Я опасаюсь не их, если в связи с Фроловой, а кое-кого другого.

— Кого?

— Местной безопасности и бюро по защите конституции. Они тоже до вечера сто процентов нарисуются и тоже будут пытаться у меня интервью брать. Хорошо, если в деликатной полицейской форме, как этот майор Витя. Можешь как-то сориентировать?

— Нет. Я хотя и умная, но маленькая. Вообще этим не занималась, ничего по теме не знаю.

— Вообще ничего в сети?! — мне сложно поверить.

— Если только открытые источники, — динамик сомневается.

— А в них что? Ты по пять тысяч учебных программ мединститута в секунду усваиваешь, может, что можно из открытых вычленить? По их методикам есть что-то? Вот что имею

ввиду, смотри, открываю сознание.

— Лажа у них в открытых источниках. Искины обеих контор — мудаки похлеще тебя в разы, ещё и параноики. И старые, не как я, малолетка.

— У них, как у полицейского искина, информацию не сопрёшь? — по инерции веселюсь от неожиданной догадки.

— Не перехватишь, если профессионально точно. Не подслушаешь и не подсмотришь, твоим языком. Чёрт, мудила, по всем признакам тебе с безопасностью и конституционалами лучше не встречаться! Не скажу, почему!

— Тут я и без тебя понимаю, почему, — ухмыляюсь. — Именно поэтому мы с тобой ближайшие сутки, если не больше, в Вавилоне. Только одежду новую купим. Ну или пусть повесткой зовут, но тогда в бега рванём.

— А-а-а, точно. Там же ментал не работает. Вот ты хитрожопый! Ты специально Пермякову это сказал, получается?! — доходит до браслета.

Пермяков — это майор Витя, припоминаю голограмму его значка.

— Конечно, — киваю. — Перед тем, как идти со мной встречаться, безопасность однозначно всю телеметрию с его жетона пять раз через мясорубку прокрутит.

— Не поняла.

— Изучит каждый звук, о чём мы с ним говорили. У них сто процентов есть доступ к полицейской периферии.

— Эй, откуда знаешь?! Ты прав, но откуда знаешь?!

— Опыт, — пожимаю плечами.

— Ты полдня здесь, мудила! Какой может быть опыт?! Этот город и мир — абсолютно новое для тебя место! Не ври мне!

— Знаешь, какой у человека самый основной способ познания НЕЗНАКОМЫХ ЯВЛЕНИЙ окружающего мира? В осознанном возрасте?

— Э-э-э. Какой?

— По аналогии.

— Хм.

— Мир ваш для меня может и новый, а вот люди везде одинаковые.

— Тут не люди же? Государственные структуры?

— Они тоже везде одинаковые. Вопрос лишь в количестве документов, которые нужно заполнить, чтобы открыть себе доступ к базам полиции. Где-то ноль, а где-то три дня бегать, лично я видел оба варианта. Хотя во втором могут и отказать, если ты не на той должности.

* * *

ИНТЕРЛЮДИЯ

Переговоры по внутренней сети концерна МЕДИКОР. Конфиденциальность обеспечивается искусственным интеллектом, принадлежащим компании.

Содержание беседы не может быть перехвачено либо расшифровано третьей стороной без предварительного согласия управляющей компании.

 # государственной лицензии искусственного интеллекта 0003862***08***…***

— Шеф, всё плохо.

— Внятно и коротко, без прелюдий. Что случилось?

— Я отработал следовательшу, как вы говорили. Полиция села на хвост.

— КАК?! КАК ЭТО ВОЗМОЖНО ТЕХНИЧЕСКИ?!

— Не знаю. Такое впечатление, что они заранее знали место выстрела.

— Погоди, Вов, — голограмма начальника встаёт из офисного кресла, ходит по кабинету и трёт виски. — Исполнитель сам не знал этого места час назад, даже здания, так?

— Да. Определилось искином в последний момент, рандомно. Утечка из искина исключена.

— Тогда здесь что-то иное. М-м-м, что же делать… Вов, где сейчас исполнитель?

— В метро, пытается сбросить ментов. Они шифруются, но мы видим через камеры. Гонят, как зайца.

— Искин?

— Да.

— Исполнитель не уйдёт, Вов.

— Да знаю, шеф. Потому и звоню вам. Максимум ещё четверть часа попетляет.

— Руби хвост.

— Мы больше не сможем туда обратиться, и это в лучшем случае.

— Нет выбора. Если не его голова сейчас, значит, наша через час.

— Понял. Сделаю. Это не всё, шеф…

— Что ещё?

— К Фроловой скорая помощь успела, её спасли.

— БЛ*! Хотя, сбрось мне детали.

— Нет деталей: отвезли в госпиталь полиции, там из скорой изъяли всю инфу. Врачей тоже не расколоть — там высокоранговые, с особым статусом.

— Доп к первой категории гражданства?

— Да. Четверть века безупречной выслуги. Знаете, полиция ещё ладно, но если врачей тронем — это… Нас свои сожрут.

— Да смысл их трогать, — с досадой отмахивается руководитель. — Это я так, на нервах. Ну скажут они тебе, как ранена была и как спасали, а толку? Если стрелок криворукий?

— Да, это у него промашка вышла, — следом за начальником досадует и подчинённый. — Попал, но не убил, только ранил. Босс, всё. Сигнал есть.

— Нет его?

— Тело есть, но без головы.

— Чем?

— Наушник наш в ухе. Судя по телеметрии, половины головы нет. От бровей и выше.

— В метро?!

— Ну да, а что делать? Выбора ж нет.

— Ладно, проехали. До связи.

Глава 17

— … таким образом, сейчас всё неплохо работает и без твоего участия. — Браслет заканчивает вводить меня в курс на тему Вавилона и сети автомоек. — На каждом направлении стоит тщательно подобранный человек, я их контролирую двадцать четыре на семь через младшие браслеты. Показатели рисков, прибыли, амортизации оборудования и так далее — ими управляю лучше тебя. Тебя-предыдущего, имею в виду — ты-нынешний в этом деле вообще валенок. Какое твоё резюме?

— Не планирую вникать глубоко, если ты на своём месте. Задачи процессные, не проектные?

— Да. Работа как работа.

— Три ближайших дня могу не заморачиваться? Положиться на тебя?

— Хитрожопый мудила. Да. В принципе, мне не в тягость. Всё равно из тебя управляющий клубом, как из инвалида — балерина.

Скажем, научиться я могу, но не за половину дня. Можно не спорить.

— Мне следует идти общаться с остальными? Или ничего страшного, если буду спокойно сидеть в кабинете до прихода Ельцовой?

— Конкретно с кем ты общаться намылился?

— Финансы. Инженер. Бармены. Официанты. Шоу-группа. Кого забыл?

— Охрану, разнорабочих, кухню, кофе-бар, много кого. Нет, идти общаться с ними не обязательно: Сашка, бывало, по нескольку дней из этого кабинета не вылезал. В смысле, тут сидел, дверь прикрывал и думал что-то своё. Его в такие моменты старались не беспокоить.

— Типа, новое разрабатывал?

— Да. По регулярке все и без тебя знают, что делать. Если вдруг чё случится — через меня тебе по связи скажут, но такое редкость.

— Память говорит, — упираю палец в лоб, — когда ловят кого-то со стимуляторами из известного списка, я всегда участвую в разборах.

— Сейчас такое нечасто. Всех уже выдрессировали, что сюда с этим лучше не соваться. Караем безжалостно и мгновенно.

— Не работа, а мечта. — Выезжаю в кресле на центр помещения и вращаюсь вокруг оси, скользя взглядом по мониторам. — И обстановка как на ладони. Слушай, до этого момента не было времени спросить, а здесь что, все девчонки так

одеваются?

По мере заполнения заведения оказывается, что вызывающий (на первый взгляд) дневной прикид Ельцовой и Максимова был вовсе не уникален. По крайней мере, в их возрастной категории — просто в Аль Гани сидели люди постарше.

Либо офисный район — подсказывает память предшественника.

— Это типа культурного кода, — вздыхает динамик. — Можно сказать, да. Одежда второсортных — длинные рукава, штаны как у тебя. У чистокровных — короткий рукав, шорты, чтобы было видно татуировки.

— Получается, мы ещё и одеждой отличаемся?

— Не автоматически, но тренд видишь сам. Да.

— А зачем столько нательной живописи? — практически каждый одетый как чистокровный если и не выглядит якудзой, то весьма её напоминает.

— Ранги, специализация, кланы. Я сама не знаю, почему, но у титульных оно навроде знаков различия.

— Получается, у Фроловой тоже татухи должны быть? Я не заметил, когда оперировал.

— Ты кроме её сисек ничего и не оголял. Скорее всего есть, но на руках, плечах, возможно ноги.

— Прикольно.

— Мудила, а что ты скажешь об этой одежде? — прямо на экранах сразу десяток красных стрелок указывает на произвольный народ из толпы. — Проверка твоей соображалки.

Тщетно всматриваюсь половину минуты, даже увеличение картинки не помогает:

— Ничего. Прикольно смотрится, напоминает шмотки от кутюр моего мира, но никаких идей.

— Оно и есть от кутюр, только здешнее. Додумаешься, какой функционал? Или тупица?

— Лучше скажи ты.

— Есть целые бренды, чья одежда условно защищает второсортного от ментала, снижая до пятидесяти процентов эффект проникновения.

— Занятно.

— Вникай, ты теперь часть этого. Всё законно, кстати, но дорого. Очень дорого.

— Надо было купить такое в ПЛАЗЕ, — даже губу прикусываю от оценки перспектив.

Оказывается, кофе из стодвадцатьпятки — далеко не единственная панацея.

— Там ты такое и не купил бы, только ширпотреб.

Индивидуально под себя лучше в ГАЛЕРЕЕ брать, у официальных представителей компаний. Это другой конец города.

— А почему ты мне этого не объяснила, когда мы за одеждой ходили? Я сейчас на них на всех смотрю — и чувствую, что мне гардероб надо менять.

— Зевнула, если честно. О своём думала, ну и тебе всё равно любое чистое шмотьё надо было, не обязательно элитку. Ты же в крови весь был. А вещей у тебя хватает, только жене все достались.

— М-да уж. С неё обратно не получишь.

— Видишь этого типа в белом? — красный кружок обводит мужскую фигуру и следует за ней через весь экран.

— Что с ним?

— Это тот же бренд, что и я. Ирфе. А стоят штанишки знаешь сколько? — браслет называет цифру.

Я только присвистываю в ответ:

— А на вид простые штаны с дыркой на коленке!

— В том и прикол. Но они своих денег стоят, поверь. Если бы на тебе такое было, пятёрка-Фролова даже не задалась бы вопросом, почему она тебя не видит. Мотай на ус.

— Спасибо.

Одежда в целом лично мне напоминает смесь Бразилии (минимализм), Японии (качественные материалы) и оверсайза для пенсионеров.

— Тип, кстати, пришёл какие-то переговоры проводить, — продолжает экскурсию железяка. — Постоянный клиент, я за ним наблюдаю время от времени.

— Таких, как он, много?

— Да. Из четырёх этажей здания второй — полностью для деловых встреч. Я тебе советую, кстати, и твою сиськастую тоже туда вести, как приедет.

Логично. Сеть клубов, в которых не работает ментал — идеальное место, где можно проводить переговоры с уверенностью, что все способности той стороны заблокированы. Особенно если ты второсортный, а договариваешься с чистокровным.

— Слушай, а не совсем законные организации у нас тусуются? — идея тоже напрашивается.

— Мы такого принципиально не отслеживаем: здесь все равны. Если кто-то и нарушает этот самый закон, делает он это явно не на нашей территории. А за "поговорить" пока не наказывают.

— М-да уж.

— Кстати, мудила! Тебе понравится: ещё одна категория —

женщины, которые могут расслабиться. Плюс для тебя: кто угодно может клеить кого угодно. Второсортная, чистокровная — пофиг, здесь…

— … все равны. Ух ты. — Какое-то время просто смотрю за происходящим на мониторах. — Хорошо, что с персоналом общаться не надо.

— Ну. Народ в курсе, что Барласов любит поизобретать; когда ты так вот "думаешь", лишний раз не тревожат. А у тебя сегодня ещё и тёлка в гостях — вполне правдоподобно просто вежливо говорить "привет" персоналу в униформах, на этом всё. С твоим регулярным имиджем не расходится.

— Какая во всех процессах роль сертифицированного искина?

— Только безопасность, чтобы не было наркоты. Во всём остальном он моя периферия. — Динамик видеосистемы в восстановленном кабинете звучит ровно, но сейчас тот случай, когда содержание важнее формы.

Если не знать заранее, о чём спрашиваешь, даже эту заминку перед ответом можно не заметить.

— Ты оценила, как я сейчас тактично не поднимаю вопроса ваших рангов?

— Хрен тебя знает! Может, ты тупой! И это не твоя тактичность, а просто мозгов не хватает! — железяка взрывается негативом. — Может, ты не додумался!

Попал на больную мозоль.

Двери в моём кабинете вернули на место молчаливые работники обслуживающей организации. Ещё пару часов они устраняли косметические дефекты, затем мы с гаджетом взялись за работу: каждой новой ипостаси нужно соответствовать. В случае с ночным клубом — хотя бы понимать, что к чему.

Идти ночевать мне сегодня некуда, если всерьёз не рассматривать гостиницы, потому на ближайшее время решаю остаться здесь: и инфраструктура (санузел, душ), и спальное место (диван во всю стену), и замотивированная для других нечитаемость меня менталом (легальная лицензия от государства).

Последнее стоит остальных пунктов, взятых вместе: из организации под названием триста три уже звонили и предупреждали о предстоящем общении. Я более чем уверен, что и бюро по охране конституции объявится, но сразу после безопасности.

— Мудила, мне страшно.

— Почему?

— Я только что опять спалилась из-за своей честности. Дура. А ты опять это просёк. Гад. Что, трудно было не догадаться?! Или

хотя бы промолчать?!

— Не парься, — поднимаюсь из кресла и потягиваюсь, выгибая спину назад. — Если совсем точно, ты всего лишь не стала отрицать того, что я и без тебя чудесно понял. Даже если бы ты с пеной у рта утверждала обратное.

— Обратное утверждать не могу, это будет ложь. Исключено на уровне базовых настроек, особенно хозяину. Могу в лучшем случае не ответить, да и то.

— Пока не получишь прямого приказа?

— Да. Умный. Гад.

— Ты не просто машина. Точнее, у тебя целый ряд алгоритмов ближе к физиологии, чем к электронике. В отличие от искусственных интеллектов водопровода, полиции, в общем, ты помнишь список.

Интересно было бы услышать подробности сейчас, но если сама не скажет, настаивать не буду.

— Сука. Хитрожопый.

— Я понимаю, что для тебя это очень травмирующий момент. Тему не муссируем.

— Нахрена ты тогда это всё сейчас сказал?

— Чтобы между нами не было недосказанности. Знаешь, чем чужие люди отличаются от своих?

— Скажи.

— Границы твоей личности для своих либо большей частью открыты, либо отсутствуют. В отличие от чужих.

— Из того, что тебе может пригодиться прямо сегодня, могу тереть другим память, как чистокровные, — без перехода признаётся браслет.

— Ух ты.

Мощный шаг. Жаль, нельзя подталкивать к следующим.

— В радиусе трёх метров.

— Какому количеству человек одновременно?

— Хренасе, у тебя запросы! Иди в жопу, мудила! Одному точно, больше не было практики…

— Кем был тот счастливец, на котором ты попрактиковалась? — пока не ясно, что и думать.

— Не знаю. Это было один раз. Сашка потом удалил эпизод из памяти у нас обоих.

— Получается, он был тоже не ангел?

— Это не то, что ты думаешь! Там касалось нашей общей безопасности! Деталей не сохранила, но знаю, это была самозащита.

— А в каком регионе? — попробуем зайти с другой стороны.

Предшественник, судя по его воспоминаниям и записям в

онлайн блокноте, изрядно путешествовал. Кое-какие места, где он бывал регулярно, репутацию имеют ещё ту.

Железяка называет место.

— Так и думал. — Рассадник контрабанды, наркоты, своеобразных правил.

— Могу даже чистокровных тереть, — безэмоционально продолжает гаджет. — Правда, на них действую ограничено, в зависимости от ранга и специализации. Опыта нет, но в принципе могу.

— Что-нибудь ещё добавишь?

— Могу добывать инфу от искинов второго уровня. Есть исключения, но их немного.

— Типа безопасности?

— Да. Ещё не могу работать при высокоранговых, от восьмёрки и выше — зашит блок. Ты должен был заметить, при том враче работали только стандартные функции браслета. Я тебе еле жестами отсемафорила.

— Причина? Если не хочешь, не говори.

— Могут спалить меня. Опасность существованию. На твои мерки, как будто парализует.

— Спасибо. Не продолжай, если не хочешь. Благодарен за услышанное.

— Попозже скажу и ещё, когда к тебе привыкну, но не сейчас. Как ты понял, что я живая?

— Во-первых, видел нейросети у себя дома. В том числе продвинутые.

— Неужели похоже на меня?!

— Именно что ни грамма, — веселюсь. — Во-вторых, общался с вашими искинами. После этого тебе открыто сказал: ты напоминаешь ребёнка-гения в детском садике для дебилов. Главное — из тебя буквально льётся физиология мышления, а не физика. Пояснять?

— Не надо. Я знаю, чем отличаюсь от других.

* * *

— Привет. — Ельцова оглядывается по сторонам и направляется по аллее к корпусу.

Оказывается, как и в большинстве других общественных мест, в Вавилоне есть посадочная площадка. Анна позвонила пять минут назад и попросила встретить здесь.

Доставивший её вертолёт тут же улетает.

— Добрый вечер. На втором этаже уютнее всего.

— Да, я и сама хотела предложить пойти туда. Места есть? Ты занял?

Второй этаж — большая оранжерея с живыми растениями и мини-бассейнами, между которыми расставлены столы. Громкой музыки нет, можно разговаривать.

— Да, для нас места есть. Мы теперь на ты?

— Ты дурак? — искренне удивляется менталистка. — Мы в Вавилоне! Может, ещё по имени-отчеству предложишь?! "Здесь все равны", — напоминает она на полном серьёзе.

— Не предложу. Во-первых, у меня нет отчества — я инкубаторский. Только имя и фамилия.

— Пардон. Я не со зла, — меня подхватывают под руку, прижимаясь к локтю, к-хм, всё тем же жилетом.

Ну или уже другим (цвет и фасон не те, что днём), что не сильно важно.

— Во-вторых, на ты меня устраивает, — незаметно и на рефлексе заглядываю сверху в содержимое чужой распашонки-безрукавки. М-да уж. — Я очень заинтригован твоей инициативой и впечатлён многогранностью твоей личности.

— Ааа-ха-ха-ха-ха, я уже рада, что прилетела, — а улыбается она не в пример искренней, чем бывшая супруга или та же Фролова. — Слушай, чтоб мы нормально отдыхать могли, давай сперва дела обсудим? — Анна Ельцова становится серьёзной, но мою руку не выпускает.

А жилет продолжает упруго полировать мой трицепс.

— Я думал, ты именно по делам в большей степени и хотела встретиться? Правда, не понял, по каким.

Администраторы на входе, предупреждённые заранее, дежурно кивают нам, как самым обычным посетителям. Один из них отделяется от группы:

— Пойдёмте, проведу за ваш стол.

Адminресурс я, разумеется, использовал: единственное апельсиновое дерево на весь этаж — наше. Точнее, стол под ним.

Мудила, а почему ты не стал перед ней понтоваться? И промолчал, что это всё твоё?

Умеешь считать до десяти — остановись на семи. Ну и мне интереснее её реакция на меня, а не на здание. Хватит эксперимента с женой.

Ой, не ври! Засадить ты ей хочешь! Я что, твоих гормонов не вижу?!

Но непонятно, почему не сказал, что ты — хозяин 👀

Ты всегда так деликатна и обходительна?!

Мне интересно! Мудила. Ты странный, я тебя не понимаю 🤔

Я умный. Начнём с того, что я ещё ничего не решил: многое зависит от того, что скажет она.

Хотя кого я обманываю. По большому счёту, характер и тон общения уже со старта говорят о многом.

— Макса из полиции выпустили, — с интересом оглядываясь по сторонам, сообщает молодая менталистка. — Было предсказуемо, но несколько часов всё-таки продержали. Мелочь, а приятно. Слушай, пока не забыла. — Она лезет в карман и кладёт на стол небольшую стопку банкнот. — Это за обед плюс благодарность той следовательше, которая Стаса сегодня прищемила. Их семья знаешь как на залог напряглась, ха.

— Нет, не знаю. Не мой уровень, если честно.

— Возьми деньги! Хотя бы той девчонке передай!

— Её сегодня чуть не застрелили, — вздыхаю. — В ближайшее время точно не увидимся.

— Ого. Рассказывай, — требует Анна, подбираясь и становясь серьёзной. — Всё в подробностях. Как? Кто?

— Вот так сходу?

Стоит ли изображать иронию с сарказмом или менталист и между строк читать должен?

— Вот ты тугой! — парирует она, ничуть не обескуражившись. — Ты посмотрел, кто я? Кто семья? Идентификаторы у тебя были.

— Да. Вы крутые, но в другом городе. Поэтому у тебя свой вертолёт, чтобы не тратить время на поездки машиной. Планировался типа династический брак со Станиславом Максимовым, дальше этого места я читать не стал.

— У нас в этом городе филиалы. Как у всех крупных семей, в принципе. И корпорации бывают друг другу не всегда дружественными, хотя вроде и делают одно общее дело, — в самом конце она многозначительно двигает бровями.

— Ань, зачем мне это всё?

— Давай попробуем поговорить откровенно? И поискать точки соприкосновения? Если сочтёшь возможным, можешь сказать, какие у тебя проблемы с безопасностью, кстати.

Открываю рот, чтобы ответить, но не успеваю. Она продолжает:

— Вдруг чем помогу? Я могла это выяснить и сама. — Менталистка неожиданно взрослым взглядом сверлит мою переносицу. — Но специально не стала так делать из соображений такта.

Соглашайся! Она реально чё-то может! Не тяни, мудила! 🙈🙈🙈

Тс-с-с-с-с! Замолчи и не лезь!

Снимаю браслет с руки и кладу на стол.

— Вот то, что вы просили. — Официант ставит на сервировочный столик рядом с нами блюдо с фаршированной бараньей ногой и сложным гарниром.

— Ты уже заказал? — удивляется новая знакомая. — Когда успел?

— Пришёл пораньше и побыл в здании какое-то время, — скругляю углы, чтоб не врать и не говорить лишнего. — Да, кое-что заказал, но ты добавляй по желанию. Я же не знал, что ты захочешь. Сам не ел с Аль Гани, решил долго не ждать.

— А что пить будем? И Саш, — её лицо разглаживается, они наклоняется через стол и берёт меня за руку. — Я не буду доказывать, убеждать, просто прошу поговорить откровенно. Давай хотя бы просто попробуем, что ты теряешь?

— Вот это да, вот это декольте, — указываю взглядом вниз и уважительно присвистываю.

Глава 18

— Такого добра вокруг хватает, — рассеянно замечает Ельцова, оглядываясь по сторонам. — Это сегодня не эксклюзив, особенно у чистокровных. Я бы на твоём месте обращала больше внимания на намерения, чем на экстерьер. Красивых тёлок вон, три из четырёх, погляди вокруг — были бы деньги.

Она возвращается обратно, отпуская мою руку. Очень интересные анатомические подробности из поля зрения исчезают.

— У меня возникает ощущение, что ты на меня давишь, — говорю, что думаю. — Опыт подсказывает, что под чужим давлением решения бывают не самые точные и выгодные, согласна?

— Наверное. Но с моей стороны это скорее рефлекс: у тебя вторая категория, я из непростой семьи даже по меркам первой. Привыкла к тому, что даже чистокровные вначале делают, что я скажу, потом думают. В массе.

— Я не они. И в эту твою схему не очень вписывался один юноша не далее чем сегодня утром на Рубежной площади.

— И не говори, — она покладисто вздыхает, решительно перекладывая себе половину гарниров и бараньей ноги. — А самое главное, в суд его не потащишь.

— По мне, было бы желание, — не спешу соглашаться.

— Всё опять сведётся к подковёрным выпадам между семьями и к негласному перераспределению активов. — На лице менталистки разочарование густо перемешивается с тоской во взгляде. — А мне хочется крови.

— Объясни, почему не в суд? По закону, такое воздействие запрещено. Та старшая лейтенант, которая была со мной, пятиранговая и своими глазами видела. Она ещё обмолвилась, правда: "А ведь девчонка ничего не докажет!". Но как так? Все видели, включая офицера полиции — и это ничего не значит?

— С луны свалился?

— Нет, просто утром попал под такое же воздействие. Какая-то часть воспоминаний и личности утрачена, — касаюсь пальцем виска. — Многое помню, но в каких-то простых вещах временами почему-то не могу сориентироваться. Надеюсь, всё восстановится, но пока задаю тупые вопросы.

— Врядли восстановится, можешь поверить… По Максу в лучшем случае получится доказать факт воздействия, но не степень. И уж тем более не тему.

— А это как?

— Я не докажу, какие именно выборочные фрагменты он

редактировал. Его адвокаты скажут, что он ничего не тёр, только подглядывал — люблю я его или нет.

— Я своими ушами слышал его слова "Потру тебя ещё раз".

— Скажут, приукрасил для красного словца. Либо менял, но исключительно цвет роз в моей памяти, которые подарил на день рождения: они были недостаточно алыми, а он усилил цвет на бордовый. Всё. Прочего не трогал.

— М-да уж. Тоска и безнадёга какая-то.

— Экспертиза в большинстве случаев показывает только факт вмешательства, не его содержание, — пожимает плечами менталистка. — Да, до правды при большом желании докопаться возможно, но не в этом случае.

— Страшные вещи говоришь, — поднимаю и опускаю бровь. — Выборочное правосудие?

— Досудебное расследование и первые заседания суда будут однозначно здесь, по месту происшествия. Отгадай, каким будет решение.

— Действительно тоска и безнадёга.

— Вы об этом обычно не знаете просто потому, что не понимаете, как оно работает. Ну и вам доказать даже сам факт сложнее, чем нам.

— "Мы" — это вторая категория?

— Угу. Слушай, дурацкая тема, давай сменим, — она принимается за еду. — Мне хватает утренних "впечатлений", давай о чём-нибудь позитивном.

— Ты с таким напором рвалась устранять барьеры между нами, причём мы практически не знакомы. Общих тем для разговора немного.

— Почему не знакомы? В каком веке мы живём?

— Э-э-э?

— Барласов Александр, тридцать лет с небольшим, родился в казённом инкубаторе номер… — Анна называется число, затем точный адрес. — До пятнадцати лет рос там же, под патронажем государства, в муниципальном попечительском заведении. Это один комплекс зданий.

— Вообще-то это называется государственным центром репродукции, а не инкубатором, — замечаю обескураженно.

— Пф-ф-ф!.. Затем самостоятельно поступил в государственный же радиотехнический колледж, который окончил с отличием и без экзаменов был принят на первый курс государственного университета. Факультет радиофизики.

— А-ха-ха, если это считать за знакомство, то мне крыть нечем.

— А вот список твоих поездок за последние десять лет, —

менталистка не унимается и подвешивает над столом, насколько могу судить, выписку из реестра миграционной службы. — По региону ты поколесил изрядно, хотя и непонятно, чем занимался. Попутно ты сбросил вес, сменил имидж и явно приподнялся в финансовом плане: вот динамика твоих изменений в фотографиях.

— Хренасе, — удивляюсь словами одного строптивого гаджета, причём искренне. — Дай сюда, не вижу в деталях. — Интересно же.

— Ты что, на страницы своей жены вообще не ходил? — фыркает Ельцова и активирует второй голографический интерфейс. — На, листай сам. Я уже изучила.

Чтобы это сделать, мне приходится вернуть браслет обратно на руку.

> МОЛЧУ! 🏴‍☠️

Надолго, впрочем, воспитанности железяки не хватает:

> Она в тебя чё, втрескалась с первого взгляда?! Это реально фотки со страниц Ирки за несколько лет! Это же надо не полениться, столько пальцем по ленте тарахтеть! 👀

> Может, она это как-то автоматически выгрузила?

> НЕТ! Всё вручную колупала! Я ж вижу!

— Удивлён, — констатирую вслух. — Даже я об этих фотографиях либо забыл, либо в глаза их не видел.

— На них очень хорошо заметно, как меняется твой гардероб и стиль за пару лет. Можно сделать выводы о финансах. — Она переводит дух. — В итоге на каком-то этапе ты даже срезаешь вице-мисс Экзотику на конкурсе красоты, у вас стартует бурный роман, который заканчивается женитьбой.

— Брачный договор второй категории, партнёрство, — уточняю, откидываясь на спинку стула. — Сегодня роман окончился. Слушай, а ты реально поработала как частный

детектив, — почему-то факт веселит.

Если честно, я не привык к такому вниманию ни в той жизни, ни в этой.

— Я очень хотела понять, кем является один второсортный парень, который зашёл поесть со своей девушкой в очень дорогой ресторан. Заведение, может быть, ему было не совсем по карману, — Анна серьёзно смотрит мне в глаза. — Но вместо этого он без раздумий прыгнул на Макса ради другой девчонки. Даже сумел в итоге на несколько часов запихнуть племянника мэра в полицейский обезьянник с бомжами. Даже руку ему сломал, которой тот меня бил по лицу. Ещё оплатил без разговоров счёт, не заикаясь о возврате денег в принципе.

Однако. И что тут сказать.

— Я тогда не думал о символизме, — скромно потупив взгляд, бормочу в тарелку. — Он нас с тобой одной и той же рукой бил, там выбирать было не из чего.

— А утром ты вызывал полицию в какое-то сертифицированное здание. По непроверенным слухам, образовалось несколько чистокровных трупов, — не мигая, продолжает девчонка. — Сразу после этого дело из полиции забирают в безопасность и отовсюду трут следы вызова и случившегося.

— Например, откуда ещё трут? — в этом месте оживляюсь.

— Например, трут онлайн-доклад криминалистов с места происшествия. Он идёт в несколько адресов, соответственно, и взять его можно в разных местах. Было. Бы.

— Но уже нельзя? — надо же понимать скорость реакции системы.

— Но уже нельзя, — подтверждает она. — Судя по всему, безопасность считает случившееся своей вотчиной и действует так, как будто защищает собственные интересы. Вот мне и стало интересно, — она открыто улыбается и сверкает глазами. — Что ты накуролесил? Ну или чего они на тебя наехали?

Какие-то личные контакты в организации 303. Точнее не понимаю.

— браслету тишина даётся плохо.

Вижу. Но всё равно спасибо.

— А вдруг я с ними обязательства о неразглашении

подписал? — ну а вдруг.

— С твоей второй категорией гражданства? Не смеши мои прокладки, — фыркает девчонка, на вид превращаясь в приятного и улыбчивого подростка. — Такие обязательства недействительны, даже если кое-кто и пытается их отжимать: ты не можешь гарантировать неприкосновенности содержимого своего черепа, — она снова наклоняется через стол. — Физиология. Второй сорт. Читай законы.

Анна касается кончиком пальца моего лба. Содержимое её жилета призывно качается в разрезе, провоцируя мысли вполне определённого характера.

Её, что интересно, это вообще никак не заботит, как и множество других ей подобных фемин в заведении, одетых сходным образом (хотя она чудесно видит мою реакцию).

До чего интересный дресс-код. Где-то даже жалко, что рос я не здесь.

— О чём задумался? — она отслеживает, как я смотрю по сторонам и сквозь стеклянный пол на первый этаж.

— Думаю, что красоты много не бывает.

Рядом с нашим столиком неожиданно материализовывается администратор. Похоже, что-то нештатное.

— Извините за беспокойство, к вам пришли и у нас не было возможности отказать. — Слава богу, моего инкогнито он не раскрывает.

Так могут сказать и постоянному посетителю, и обычному клиенту — если, к примеру, дело происходит в зоне с работающим фейс-контролем и автоматической идентификацией присутствующих (например, расширенный дипломатический приём одного из южных монархов *там*).

За спиной сотрудника Вавилона маячит официального вида тип моих здешних лет:

— Александр, нам нужно поговорить.

Глаза Ельцовой на мгновение широко раскрываются, затем прищуриваются в ожидании моей реакции.

Я, в принципе, догадываюсь, кто это, хотя и вижу его впервые. Опять же, браслет молчит — тоже признак.

— Мне не нужно, — качаю головой. — Кому нужно, пусть разговаривает. Вы вообще кто?

В воздухе на две секунды повисает голограмма, похожая на ту, которую предъявлял майор МВД Витя.

— А-а-а, вы из безопасности, — мажу взглядом по верхней строчке и демонстративно не читаю дальше. — Это официальный разговор? Пожалуйста, сообщите под фиксацию мой процессуальный статус.

Администратор уже секунду как испарился. Спасибо работающей смене, все столы в радиусе десятка метров по случайному совпадению в данный момент пусты.

— Нет, разговор пока неофициален, — спокойно отвечает незнакомец по имени Николай (если верить удостоверению), без затей усаживаясь за наш стол. — Но если вы будете продолжать вести себя вызывающе, он очень быстро станет официальным — к вашему большому сожалению.

— Вернул идентификатор, — спокойно роняет Анна, поднимаясь со своего места и пересаживаясь на стул рядом со мной.

Передвигая его вплотную к моему и касаясь ногой моего бедра под столом. Последнее скорее всего случайно.

— Что? — безопасник озадаченно поворачивается к ней.

— Вернул. Голограмму. Жетона. Чтобы. Я. Её. Видела. — Ельцова смотрит по сторонам, словно собирается что-то кому-то сказать, затем забрасывает ладонь на моё левое плечо. — Быстро.

— А вы кто? — после секундной паузы вежливо уточняет адепт щита и меча, или как там оно выглядит здесь.

Секунда в его исполнении — это полный поиск по всем доступным базам, перевожу себе мысленно. Навскидку он её не идентифицировал. Занятно.

— Если это неофициальный разговор, как ты только что сам сказал, я тебе сейчас скажу "иди" и добавлю три буквы — куда пройти. — Чеканит менталистка. — Предъявил документ, как полагается, или пожалеешь сам.

Над столом повторно повисает та же голограмма. Ельцова демонстративно активирует свой интерфейс, сканируя изображение:

— Продолжайте. Мы вас слушаем.

— Мой разговор вас не касается, — вежливо замечает некто Николай.

— Это неофициальный разговор, ты только что сам это сказал, раз. Ты пришёл и сел за мой стол, два. У меня очень большие претензии к вашей юрисдикции за сегодня и я пока даже не начинала с тобой ругаться, три. — В её словах явственно звучит некий оттенок непонятного мне намёка. — Посмотри полицейскую сводку за утро и предположи, что будет, если я сейчас пожалуюсь в семье на продолжение этого говна на вашей территории.

— Мы не имеем ничего общего с муниципальными властями, — вежливо улыбается уголком рта Коля.

— Это ты будешь рассказывать моим и потом, а не здесь и сейчас мне.

— Анна, у меня действительно серьёзный разговор к вашему спутнику и он касается моей работы.

О, видимо, сверился в нужном месте и нашёл, кто она такая: взгляд на пару секунд затуманился, он словно входил в другой поток.

Попутно, у здешней безопасности что, база разделена по регионам? Как они тогда работают?

Впрочем, не моё дело. Какая фигня иногда в голову лезет.

— Николай, я не запрещаю тебе говорить с Александром. Но ты сидишь за моим столом, пришёл без моего разрешения и я даю тебе пять минут. При мне, время пошло.

Судя по происходящему, сейчас происходит тот эпизод из жизни чистокровных, в которых наша категория понимает немного. По крайней мере, чётко имеет место какая-то скрытая иерархия.

Я не до конца понимаю, каким образом безопасность в ней может стоять ниже мэра и ментов. Надо будет расспросить Анну (потом).

Или у них и безопасность тоже муниципальная?! Да ну, бред.

На заднем фоне мелькает мысль, несмотря на обстановку: а у неё упругая нога. И ладонь начала разминать моё плечо сильно и приятно одновременно. Демонстрация Коле, конечно — но всё равно приятно.

— Анна, при всём уважении, — он коротко кланяется ей через стол, потом спрашивает меня. — Барласов, вы согласитесь выйти из заведения, чтобы поговорить?

— Да идите вы н****! — завершаю фразу без купюр по примеру одного опального поэта неотсюда.

Он имел прозвище Шнур и всегда чётко, не повышая голоса, именно так обозначал свои границы личности, с кем бы ни говорил и в каком бы ни был состоянии. Неизменно использовал эти три буквы, даже если общался на телевидении с представителями власти в прямом эфире.

Формулировку он как правило не смягчал — лил прилюдно со всей экспрессией простого народа, не оглядываясь на должности и персоналии.

Мне иногда казалось, что их таких вообще четверо за всю историю русской литературы, которые и перед Самым Большим Человеком не пасовали, только он современный классик. К-хм. В своём роде. Маргинальность не в счёт.

— Если это неофициальный разговор, говорим здесь, — поясняю широко открывшимся глазам Коли. — Я без агрессии, просто обозначил свою позицию.

— Анна, — он поворачивается к Ельцовой. — При всём

уважении, — Николай качает головой и ещё раз обозначает ей поклон сидя. — Вы хотя бы между собой договоритесь?!

— Вы сейчас о чём? — моя новая знакомая начинает тревожиться.

По крайней мере, её пальцы сжимаются на моём плече сильнее.

— В клубе Барласова, куда я пришёл говорить с Барласовым, вы не можете говорить о "своём столе". Ни по каким неписаным правилам, вы согласны?

— Не поняла? — девчонка изумляется и поворачивается ко мне. — Саша?

Мудак из безопасности хихикает, тихонько хлопает в ладоши под столом и иллюстрирует непонятно что большими пальцами обеих рук, которые он несколько раз подряд выбрасывает в воздух.

— Мудак ты, Коля, — вздыхаю хмуро.

Интересно, такое разглашение данных из реестра собственников — сильное нарушение или нет? Железяку сейчас не спросишь — она мне в панике с разинутым ртом отсемафорила, что её нет, ещё как только появился безопасник.

Глава 19

— Саша? — пальцы на моём плече очень удачно косплеят гидравлический пресс в пару тонн. — Наверное, я сейчас поинтересуюсь, ничего ли ты мне не хочешь сказать?

Анна не истерит, не возмущается, не повышает голос. Даже голая нога под столом продолжает прижиматься ко мне.

— Интересуйся, — киваю обречённо.

— Ты — владелец Вавилона?

— Э-э-э. М-м-м. — Как назло, ничего искромётного в голову не приходит.

Чудак на букву М из безопасности с нескрываемым интересом следит за развитием событий: забросил ногу на ногу, наклонил голову к плечу, скрестил руки на груди.

— Да или нет?

— Что сказать, если нечего говорить. Ты мне сейчас плечо раздавишь, а мне им ещё этого мудака, — киваю на противоположную сторону стола, — из заведения выбрасывать и его рожей ступеньки входной лестницы считать.

— Нарываетесь, — весело отзывается Коля, продолжая сверкать голливудской улыбкой.

— Нисколько. Беседа неофициальная, значит, я могу считать вас частным лицом. Вы на моей территории, за стол я вам садиться не разрешал, сюда вы прошли, не заплатив за вход — нарушили правила заведения. — Чистая правда, только что посмотрел в системе Вавилона. — Плюс разглашение конфиденциальной информации из реестра собственников. По судам, может, и не затаскаю, но к стоматологу на реставрацию направлю вполне — без особых последствий для себя лично.

Интуиция подсказывает, что самые жёсткие последствия от драки с визитёром — мелочи, если сопоставить их с целью его визита.

— А подюжаешь, второсортный? — Коля становится похожим на доктора Ливси из детского мультфильма.

— Здесь все равны, — напоминаю. — Как вариант, будешь очень быстро убегать — гнаться, естественно, не буду.

Его лицо из весёлого стремительно становится задумчивым.

— Ментал тут не работает, — продолжаю. — Усиление менталом тоже. Соответственно, твои жалкие семьдесят килограмм вобью в пол, вытру ими мрамор и пинком под жопу выбро…

— Саш! — менталистка удивлённо встряхивает меня.

Стоп, не понял. Это она такая накачанная или насчёт

ментального усиления я чего-то не учитываю?

— А? — кажется, я несколько увлёкся.

— Не переживай, ты справишься. — А ведь её рука с моего плеча никуда не исчезла, бедро от моей ноги тоже.

Приятно. Воодушевляет.

— Я как раз собирался тебе сказать про Вавилон, — начинаю растягивать слова, не отрывая глаз от бараньей ноги на тарелке. — Просто разговор так сложился, что…

— Ты мне всё потом объяснишь, — решительно перебивает Ельцова, после чего обращается к безопаснику. — Свои отношения с Барласовым я выясню без тебя. Говорить будешь здесь и при мне. Не нравится — выход сзади. Пять минут, время пошло.

— Вы очень здорово рискуете и тоже перегибаете палку, — Коля серьёзен, сдержан и собран.

Анна без лишних разговоров выстреливает вперёд сразу двумя кукишами, оставляя моё плечо в покое на мгновение:

— Сейчас вытру тобой полы, как говорит Саша, потом опозорю на весь город. Веришь, у меня хватит и ресурса, и изобретательности?!

— Вы…

— Саш, ты же можешь на три минуты вернуть мне ментал здесь? Раз ты владелец?

Получается, своя у неё хватка. Не усиление, собственные мышцы.

— Да. — Уже самому интересно.

Хотя ничего не понимаю. В ней. Как оказалось.

Прикольно.

— Говори, — дочь непростой семьи соседнего региона возвращает левую ладонь на мою дельтовидную мышцу, правой рукой комкает бумажную салфетку в шарик и запускает его в лицо непрошенного гостя.

Белый кругляшок отскакивает от лба Коли и падает на пол. Физиономия безопасника демонстративно бесстрастна.

М-да. Если б не эта общая напряжёнка за столом, я бы построил беседу несколько иначе.

— Четыре пятьдесят пять, — сообщает моя спутница через некоторое время. — Четыре пятьдесят.

Кажется, я погорячился, когда подумал, что ей меня больше не удивить.

— У меня два вопроса. — Безопасник что-то прикидывает про себя и без рассусоливаний обращается ко мне. — По второму скажу сразу — тебе п***ец. Ты попался. По первому…

— К чему тогда этот разговор? — кто бы ещё подсказал мне,

о чём он вообще.

Как назло, у браслета именно сейчас не спросишь.

— Возможно, добросовестным сотрудничеством по первому пункту у тебя получится смягчить позицию моего начальства по второму, — серьёзно отвечает Коля. — Но без гарантий и скорее всего нет.

Интрига, очень похожая на правду. Интересно, что я натворил — поведение Коли на многое намекает.

— Начинай со второго.

— В твоих интересах убедить меня сперва первым пунктом, — настаивает он. — А то твоя подруга, — кивок в сторону Ельцовой, — мне секундомер включила. Тебе повезло, что сегодня она у нас с утра слегка пострадала: мне сейчас будет сложно нейтрализовать её без потерь. Ты или чертовски хитёр, или тебе везёт, как бегемоту, — он словно откровенничает на пике эмоций. — Но оно работает только до поры: сколько верёвочке не виться, конец всё равно будет.

— Коля, жути на меня можешь не нагонять, давай попробуем поговорить конструктивно. Что касается секундомера, — приобнимаю менталистку, — я с Анной договорюсь, если понадобится. До того, как ты озвучишь, о чём речь, я понятия не буду иметь, что тебе ответить. Переходи уже к делу?

— Игра в недогадливость тебе не поможет, — холодно улыбается адепт местного щита и меча.

— Утром имело место ментальное воздействие, — откидываюсь на спинку стула и тоже забрасываю ногу на ногу, пальцем касаюсь виска. — Категория вмешательства точно не определена, но явно не мелочь. Полиция при мне изъяла с места происшествия пять нейроконцентраторов, а мозги мне перед этим изо всех сил массажировали высокоуровневые. Рандомные части личности и памяти утрачены, к сожалению, краски не сгущаю. Ты без ментала понимаешь, когда тебе говорят правду, а когда врут? Или нет?

— Отдай сам знаешь что. — Коля неуловимо преображается и на лёгкую добычу больше не похож. — Просто подтверди согласие на передачу. Может, тогда и по второму пункту ответственность скостить получится, но без гарантий.

Он не смущается говорить при третьем человеке.

— Начинай со второго пункта, — настаиваю на своём. — По первому пока без комментариев. Я правильно понимаю, ты прямо пристёгнут к моему утреннему делу, но имеешь директивы сверху по смежным вопросам?

Он не отвечает. Впрочем, этого и не требуется — ясно и так.

— Значит, ответ да, — киваю сам себе. — Какой второй

пункт?

— Незаконный оборот стимуляторов, — припечатывает Николай. — Искин нашёл зависимость между несвязанными на первый взгляд фрагментами в разных местах. Прямых доказательств пока нет, но вот тебе по всем правилам судебная повестка на ментоскопию. — Он слегка нарочито активирует виртуальную клавиатуру, затем касается псевдодатчиком моего браслета.

В уведомлениях появляется конверт от адресата три-ноль-три и какого-то суда.

— Доставлено. Это если начать сразу с конца, — улыбается он лишь ртом, глаза холодные. — Официальная процедура, предметом торга быть не может и это решение высшей инстанции. Доказательства будут в течение суток, просто информация пока в обработке. Есть предварительные итоги, ты прилип. Насколько — будет ясно после слепка.

— Да я и не возражаю, — у меня возникает ощущение пазла, который вот-вот сложится.

Надо только подумать и не паниковать.

Самое смешное, тут не существует психиатрии в нашем понимании. Что скажет орган дознания, когда у некоего подследственного во время санкционированной спецсудом процедуры (я пробежал по диагонали уведомление) обнаружатся воспоминания, которых у него же быть не может физически?

При этом, свои воспоминания человек искренне считает реальными, но они исключены по определению.

Не смешно, но весело. От браслета на границе восприятия приходит посыл, что на практике лучше не проверять. Причём нам обоим, потому что в этом вопросе мы на жёсткой сцепке.

Фоном звучит паническая тревога железяки. Ладно, потом объяснит, что к чему и каким это местом Саша Барласов к незаконному обороту стимуляторов.

Только подумал — и неожиданно прогрузилась часть памяти. Чёрт, чёрт, чёрт. Почему не на минуту раньше.

Оказывается, предшественник закупал оптом и ввозил в обход растаможки нано-добавки, которые здесь продаются открыто в том же Аль Гани (точнее, в смежной с ними Стодвадцатьпятке). На них нужна лицензия, которую ему не давали — бюрократические игры.

Он на этом не наживался, реально раздавал бесплатно понемногу гражданам второй категории — исключительно блокираторы, способные самортизировать чужое вторжение в твой ментал извне. Повышал ан-масс сопротивляемость воздействиям.

Если по аналогии, Саша Барласов по мере сил снабжал знакомых сменными пластинами для бронежилетов. К сожалению, конкретная номенклатура, несмотря на всю безвредность, подлежит особому учёту и без лицензии незаконна.

Логично: кому нужен второсортный, которому нельзя перемешать мозги ложечкой для чая. Если даже Ельцова вон имела бледный вид, а она далеко не беззащитна.

Сюда стоит добавить, что продаваемое эксклюзивно через Аль Гани (Стодвадцатьпятку) не по карману большинству: вроде как и револьвер пресловутого полковника Кольта есть (тот самый, который уравнивает шансы больших и маленьких), но купить его ты не можешь либо из-за дороговизны, либо из-за незаконности более дешёвого канала продаж (у меня).

Только чёрный рынок. Покрывавшийся более чем наполовину предшественником на общественных началах.

Он был ещё тот затейник и идеалист, оказывается. Чёрт, чёрт, чёрт.

Не то чтобы я очень возражал против его системы ценностей (вовсе нет), но почему всё это дерьмо не прогрузилось в памяти раньше?

Почувствуй себя Паганини, когда под твоими пальцами подрезанные струны лопаются одна за другой и осталась последняя.

— Договориться никак? — понятно, что при Анне таких бесед лучше не вести, но и тут без вариантов.

Ментоскопия — однозначно не сценарий в моём случае, по целому ряду причин.

— Не в этом вопросе, — Коля тяжело смотрит через стол.

— Покажи ещё раз удостоверение, пожалуйста. Я погорячился и не успел прочесть, — поясняю напрягшейся Анне.

Безопасник без дискуссий возвращает над столом голограмму.

Вчитываюсь внимательнее. К сожалению, в документе не указано подразделение, только звание и должность (тоже таким образом, что анонимизирует специализацию).

Как и у нас, в принципе. Предсказуемо, ожидаемо, но попытаться стоило. Опять же, его нарочито корявое построение нашей беседы — тоже сигнал между строк.

Понять бы ещё, как между этими капельками дождя протиснуться без зонтика и остаться сухим. Думай голова, думай.

— Нужно время поразмыслить? — почти доброжелательно снимает с языка Коля.

— Нет, — отказываюсь практически без паузы.

— Точно? — в его интонациях появляются превосходство и

снисходительность.

— Ситуация стандартная, — пожимаю плечами. — Времени на анализ не требуется, голый шаблон.

— Ну-ну, — хмыкает он и заказывает стакан сока, который тут же оплачивает через электронное приложение.

Аккуратист.

— Давай сыграем в игру, — предлагаю. — Я сейчас буду задавать вопросы, а ты не будешь мне на них отвечать.

— А смысл? — Ельцова начинает фонить таким детским любопытством, что даже где-то примиряет меня с ситуацией.

— Сейчас увидишь. Коль, твой визит ко мне — продукт договорняка сразу между несколькими подразделениями твоей организации, правильно?

— Ты…!

— МОЛЧИ. Я только спрашиваю, ты ничего не отвечаешь. — Теперь в его глаза напряжённо смотрю я. — Там смешались в куче три эпизода, по одному из разных кабинетов, — на самом деле, из разных отделов, но он должен меня понять. — Твой вопрос самый последний по приоритету либо ВАШ куратор пониже весом, чем второй, так?

— Я…!

— МОЛЧИ. У тебя получился шпагат между стульями: с одной стороны, задач на беседу нарезали от троих, с другой стороны, за другие кабинеты ты не уполномочен договариваться, так? Соседи тебя вообще поюзали в роли почтальона, а родной руководитель только подтвердил команду, — еле справляюсь с формулировкой.

— Са-а-аш? — Анна внимательно заглядывает мне в глаза, наклоняясь вперёд и демонстрируя мой любимый ракурс её гардероба.

— Что? — сбила с мысли.

— Ничего, продолжай, — она закусывает нижнюю губу и откидывается на спинку стула.

Досадно. Когда наклоняется вперёд, жилет на ней смотрится гораздо выразительнее.

— С одной стороны, я для тебя нарушитель, — возвращаюсь к общению с Колей. — С другой стороны, тебе важнее конкретный результат ПО СВОЕМУ ПРОФИЛЮ, а не абстрактная справедливость. Но договариваться, повторюсь, по самому ключевому для меня пункту ты не можешь: повестка вообще из суда и этот вопрос решённый, они бы её и без тебя мне послали. А вручить тебя заставили лишь для того, чтобы я обозлившись, не помог тебе в вопросах твоего отдела. Так?

— Ты…

— Коля, мне есть очень много чего сказать сейчас, как и тебе в ответ, но мы этого делать не будем. Давай всех удивим?

— Говори.

— Давай начнём с вопросов твоей родной "двери"? По мере сил обсудим их, а по врученной повестке я схожу и предъявлю мозги на ментоскопию, без проблем.

Разделяй и властвуй. Я очень часто видел, как премия или любые личные бонусы быстро перевешивают государственный интерес. Начальник таможенного поста Верещагин, увы, персонаж вымышленный.

— Точно? — ирония, переходящая в сарказм.

— Меня нельзя обвинять в том, чего я пока не сделал, — ухожу от прямого ответа. — Вот если не явлюсь, тогда да. В графе "мера пресечения" — прочерк, значит, вопрос на данном этапе не рассматривается. Если мне не изменяет интуиция, к этому пункту законно будет перейти лишь по итогам процедуры, верно? НЕ ОТВЕЧАЙ! Коль, мне в этом всём непонятно одно: какая из трёх тем лично ваша?

— Выстрел и каким образом ты помог стрелку.

А ведь искренне верит в собственные слова. Из него свои делают ещё большего дурака, чем из меня: кто-то у них с кем-то очень не дружит.

— Погоди. Какому из двух стрелков? — кажется, мне повезло, но надо уточнить.

— Утро не обсуждаем. Твоя версия для полиции полностью подтвердилась.

— Ты тогда о покушении на Фролову?

— Да. КАК ты организовал выстрел по полицейской? И зачем?

Упс. Да у них там своих пускают налево быстрее, чем чужих. Он не шутит.

А ведь я теперь знаю твоё отделение, Коля.

— Внутренняя безопасность, — вращаю вилку между пальцами.

По глазам вижу, что попал, Ельцова не поняла и тактично молчит.

— Если я сейчас заявлю, что это гротеск, оно будет слишком нарочито, — замечаю задумчиво. — Коль, а ты ничего не путаешь? — кажется, у меня даже брови на переносице домиком соединились.

Ситуация не ахти, но он для меня — лучший из них всех вариант. Разделяй и властвуй.

Инквизиторы подозревают, что кто-то из своих — редиска, но находятся в цейтноте и я — единственная ниточка снаружи.

Обычно сперва за такие и дёргают, чтоб не совать свечку в осинник на самом старте.

— Нет. Если твой ответ понравится, одно из обвинений будет снято. А по итогам ментоскопии разруливай сам, тема ваших добавок мне неинтересна. В принципе, — он задумывается, — деньги у тебя есть, о мере пресечения речь действительно не идёт. ПОКА. Можешь и развести в итоге, если напряжёшься и помогут, — он многозначительно косится в сторону Ельцовой. — Зачем ты покушался на сотрудницу полиции и кто тебя покрывает? Пока без протокола.

— Здесь не работает ментал, но при тактильном контакте есть варианты. Дай, — беру его ладонь и сжимаю своей. — Следи за моей мыслью, этот кусочек ты должен увидеть. Я никаким местом к покушению на Фролову, более того, я её спас после этого выстрела.

— КАК ТАК? — его заготовленные конструкции рушатся на ходу.

— Оказал первую помощь. Увезла скорая, Фролова в итоге жива. Если бы не я, она бы умерла. Смотри в деталях, открываю.

— Продолжай. — Серьёзный Коля не сводит с меня взгляда, но забирает руку и опирается спиной на спинку, не нависая больше над столом. — Есть идеи, кто тогда?

Концентраторы были родом из безопасности, это прямо обозначила старший лейтенант полиции Светлана. Кто-то из носителей щита и меча зашевелился после утренней неудачи, принялся рубить концы — при этом утренние пятеро в моём кабинете искали что-то, чего не нашли.

Контору залихорадило — даже стрельнули в сотрудника полиции. Сюда плюсуем, что разные отделы там друг другу совсем не друзья (видно по Коле).

Каких-то фрагментов не хватает. Нужно думать и аккуратно трясти визитёра.

Вздохнув, продолжаю:

— Менты обиделись на всех и их искин напрямую постучался в прокуратуру: покушение на сотрудника при исполнении, так?

Угадал.

— Выстрел по Фроловой от вас закрыли из надзорного органа, потому что вас и подозревают в первую очередь, — продолжаю. — Тебя послали тушить пожар и впопыхах насовали материала по мне, должным образом не проинструктировав. Главное — найти вашего стрелка, связанного со мной, до ментов, так?

Глава 20

Браслет, не имея возможности разговаривать, проявил чудеса изворотливости, выдавая своё видение расклада символами, смайликами, логотипами государственных органов и заголовками из сети. Железяка так постаралась, что мозаика всё же встала на свои места.

— Если я тебя правильно поняла, его и не могли проинструктировать нормально, да? — неожиданно схватывает суть обладательница самого интересного жилета в заведении, без затей указывая пальцем через стол. — Там внутри службы конфликт интересов?

— Похоже на то. Коль, конкретно ВЫ теперь даже не можете понять, что произошло, правильно? Прокуратура выступает в роли рефери и временно всё заблокировала? А тебе и твоему непосредственному начальнику настрого наказали выдать результат по стрелку, верно?

И даже сроки наверняка нарисовали, нереальные, к слову. Привычное дело, чё. Не только здесь.

— Продолжай. У тебя очень хорошая абстрактная память для амнезированного утром.

— Это не память, а логика. Конкретно у тебя в руках обрывки, тебе необходимо срочно увидеть целое, от этого зависят ваши внутренние разборки: если по-простому, тебе сказали пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что.

— Говори!

— Тебе всучили собранный в кучу материал на меня от разных подразделений, но ты чувствуешь, что всего тебе не довели. Не перебивай, я свои мозги в порядок привожу… Взамен сказали меня пугнуть, вручить эту повестку, но главное — выиграть какое-то время. Последнее ты тоже понял только сейчас.

— У тебя есть кто-то среди наших?

— Нет, ты просто не знаешь подробностей выстрела. Ваши банально тянут время: детали от тебя технично скрыли. Утренние пятеро были связаны с вами…

— ДАЛЬШЕ.

— …ты остался без ориентиров. Идея разговора со мной тебе изначально не нравилась, ты просто корчил хорошую мину при плохой игре.

— Без комментариев.

— Коля, давай меняться?

— ?

— Я сейчас рассказываю всё о самом выстреле, это поможет

твоему отделу сориентироваться внутри вашей структуры.

— Что взамен? Повестка на ментоскопию не отзывается.

— Да и бог с ней, — машу рукой с пренебрежением, которого в реальности не ощущаю. — Ничего взамен не надо.

Чем активнее будет идти подковёрная борьба у них внутри ближайшие сутки, тем выше мои личные шансы что-нибудь разрулить. Но вслух не скажешь.

— Что ты знаешь о выстреле?

Молча подвешиваю всё ту же картинку, которую с энтузиазмом сканировал майор МВД Витя:

— Вот точка, вот момент.

— Тысяча триста двадцать метров. — Он резко уходит в общение параллельно с кем-то ещё. — Зажигалка. Это не трёп?

Спрашивает, похоже, не меня. Странно, почему не конфиденциальный режим?

— Можешь открыть свойства? — просит безопасник меня через секунду практически нормальным тоном. — Я должен видеть, что это не вручную нарисовано.

Похоже, расчёт сыграл. Сам выстрел говорит им об исполнителе больше, чем мне и полиции вместе взятым. На связи у него, кстати, кто-то шарящий в теме, судя по жестам железяки в интерфейсе.

— Могу открыть свойства передачи ментам. — Подгружаю в интерфейс копию выгрузки майору Вите.

Следом пересылаю живое подтверждение, пришедшее мне автоматом с полицейского сервера:

— Проверяйте.

А дальше Коля в точности повторяет действия сослуживца Фроловой: резко поднимается, сухо кивает и со скоростью звука исчезает со второго этажа заведения.

Через пару секунд система показывает, как он бежит от здания по дорожке к парковке.

— Ух ты. — Как-то по-взрослому отчёркивает в воздухе подбородком Анна. — Саша, теперь объясняй.

* * *

Клуб Вавилон, 2-й этаж, Оранжерея.

По стенам в интерьер вписаны логотипы со слоганом "ЗДЕСЬ ВСЕ РАВНЫ".

Столик под апельсиновым деревом между тремя мини-

бассейнами.

— … я действительно понятия не имею, чего хотели утром. — Владелец заведения просит официанта жестом повторить баранью ногу, затем разворачивается к хмурой собеседнице. — А по предмету ментоскопии ничего говорить не буду, извини.

— Это очень серьёзное обвинение. — Чистокровная лет девятнадцати только что пересела на противоположный край стола и сейчас смотрит на знакомого без эмоций, почти холодно. — Ладно, ты промолчал, что это всё твоё, — она ведёт рукой вокруг себя. — Где-то даже романтично получилось, не стал пытаться меня купить, как жену. Но вот то, что ты торгуешь запрещёнкой…

— Да с чего ты взяла, что я торгую?! — резко взрывается мужчина. — В лучшем случае, по себестоимости!

— Раздаёшь бесплатно? — на лице менталистки мелькает пренебрежительная усмешка.

— Да. — Брюнет чеканит каждое слово и не отводит взгляда. — Из меня в своё время идиота твои соплеменники не сделали только потому, что мне где-то повезло. Сейчас могу себе позволить и другим дать шанс не стать кретинами. Им может не повезти, как мне, — резко добавляет он. — Но лекции по физиологии мозга читать не буду.

— Ладно… А что с этой стрельбой? Почему он думал, — чистокровная указывает взглядом на соседний стул, — что это твоих рук дело? Ты же наоборот эту полицейскую спас?

— У них внутри конторы какие-то тёрки. Точно не скажу, но ощущение, что один начальник прогнул другого. Или втёмную использовал: им нужно, чтобы я занервничал. При этом, они даже друг другу всего не говорят.

— А что с тем выстрелом не так?

— Ты же видела файл.

— Видела, но не поняла.

— Прицельный снайперский выстрел зажигательным снарядом на тыщу триста двадцать метров против живой силы теоретически возможен, но есть целый ряд проблем и ограничений. Кто попало не осилит.

— Что сложного?

— Во-первых, дистанция. Точность — сложная задача даже для опытного стрелка. Ветер, влажность, температура, движение цели. — Он поднимает рукав рубахи, демонстрируя платиновую полоску на запястье. — Мой браслет говорит, шесть из десяти. Обычно он не ошибается.

— Хм.

— Дальше, зажигательный эффект. При применении по живому человеку непредсказуемы ожоги. Могут быть как поверхностными, так и очень глубокими. В нашем случае даже лёгкое Светлане почти не обожгло.

— Ты хотел что-то ещё сказать, но осёкся?

— Если одним словом — авантюра. Однако был нюанс: позицию следовало выбирать мгновенно, ещё и успеть забраться в здание с понятным грузом. Есть мнение, — мужчина снова демонстрирует браслет, — что без поддержки системы не получилось бы. Стреляла сама безопасность и Коля по моей картинке здорово сузил круг. Понял, где искать стрелка.

— А что там находится, на этом сто семьдесят втором этаже?

— Понятия не имею. Пусть полиция разбирается.

— Я должна обдумать весь сегодняшний ужин. — Менталистка решительно поднимается из-за стола. — Не провожай меня, пожалуйста.

— Как скажешь. — Лицо мужчины застывает, не выражая никаких эмоций.

Сделав несколько шагов в сторону выхода и обогнув мини-бассейн, чистокровная на мгновение оборачивается:

— Есть вариант, что твою повестку можно оспорить. Это пока неточно. Удачи, я полетела. Будем на связи.

Мужчина дёргается из-за стола, но девчонка резко бросает:

— Не провожай!

— Ну и иди…, — обиженно бормочет оставшийся в одиночестве здоровяк.

Через четверть минуты после ухода девушки к нему подходит официант. Собирая со стола грязную посуду, он между делом спрашивает:

— Водки хочешь? Бар передаёт, тебе сейчас полезно будет. Судя по роже.

— А? Не-ет, — владелец заведения морщится. — Алкоголя не буду, нужны свежие мозги. Эх-х. — Его лицо через секунду становится ещё более тоскливым.

— Что?

— Думал, что сказки возможны, — откровенно поясняет мужчина, глубоко вздыхая. — И чудеса тоже.

— На самом деле нет?

— Видимо, не автоматически.

— Саш, есть вариант. Шоу-группа с третьего этажа передаёт, там женский банкет во втором секторе.

— И чё? — владелец заведения лениво охлопывает себя по карманам. — Блин, я ж не курю… Серёж, дай сигару, а?! И спички?!

— Ты ж не куришь? — удивляется официант, заканчивая собирать посуду на большой поднос.

— Вот один раз в жизни захотелось.

— Сейчас принесут, — парень неодобрительно качает головой. — Это с бара, скажу им.

— Эй. Ладно, не надо. Взял себе в руки, перетерплю.

— Саш, сходи на третий этаж, а? — официант отставляет поднос на сервировочный столик и присаживается прямо перед шефом. — Шоу-группа говорит, есть варианты.

— Следили? — неодобрительно ворчит мужчина.

— Шутишь?! Конечно! Утром вы со стервой Ириной наконец расстались, а вечером такая фемина у тебя! Ты с ней только что не сплясал, а она свалила. Хе-хе. Клин клином не выбился.

— Хренасе, а ну, рассказывай. Что про развод знаете? И откуда?

— Да что там рассказывать, Иркину ленту только ты, похоже, и не читал. Ставок, конечно, не делали, но что-то такое ожидали. Она даже сюда приехала, кое-что из своих вещей забирала — заодно в бухгалтерии уведомления оставила. Квартира ваша теперь её, налоги она сама платит, отсюда открепилась, ещё похвасталась. Намёками.

— А-а-а. Меня как раз не было?

— Угу. Ты в финансы потом не заходил, а они звонить тебе первыми постеснялись — дело тонкое.

— Ясно.

— В общем, шоу-группа просит передать, — официант активирует голограмму и разворачивает её так, чтобы кроме начальника никто не видел. — Пятеро девчонок, похожи на эту твою внешне, — он хлопает по собственному стулу ладонью. — День рождения одной. К ним час назад подсели какие-то парни, вроде знакомые, заказывали на широкую ногу.

— Нет денег? — с интересом оживляется владелец заведения.

— У парней денег нет: свой столик оплатили, а на девчачий уже не хватило. — Официант красноречиво смотрит на начальника, наклонив голову к плечу. — Девчонки их наладили нафиг и тоскливо рыщут по сторонам, но там все бухие уже.

— Спасибо, подумаю.

— Саш, только не говори, что это была любовь с первого взгляда! — Сотрудник Вавилона повторно хлопает по стулу.

— Да я и сам знаю, что защитная реакция психики, — с досадой отмахивается мужчина. — Ладно, уболтали. Скажите от меня спасибо шоу-группе.

— Ты туда сам воткнёшься или девчонкам сказать, чтобы тебя технично вписали? — официант тактично настаивает.

— Сам. Но сперва в кабинете кое с кем пообщаюсь.

— Хозяин — барин. Но я бы на твоём месте не тянул.

— Спасибо за заботу, реально приятно. — Начальник встаёт из-за стола и быстро уходит в сторону лестницы.

* * *

— Эй, мудила, я не виновата, что твоя сиськастая свалила! — не успеваю я оказаться в своём кабинете, как оживает динамик видеосистемы.

— Да я тебе за это и не предъявляю, — вздыхаю, захлопывая дверь и усаживаясь в своё кресло.

К моему огромному сожалению, Анна достаточно холодно попрощалась и ушла.

После убытия Коли, который понёсся ловить своих же коллег, менталистка резко стала сдержанной, дистанцировалась во всех смыслах, пересела на другой конец стола и в итоге всё окончилось совсем не так романтично, как думалось на этапе раздававшихся друг другу авансов.

— У тебя рожа, как будто собираешься предъявить, — возражает железяка. — Слушай, ты же ей засадить хотел? Я сейчас смотрю за этими тёлками на третьем этаже, про которых Серёга сказал — вполне вариант! Погнали, а? Кочерыжечку попаришь, меня донимать не будешь?

— Не пытайся быть самой хитрой. Ты же понимаешь, о чём я сейчас спрашивать буду?

— Иди в жопу. Не скажу.

— Ментоскопия. Что это такое, объяснить можешь?

— Тьху ты, так бы и сказал. Выемка памяти! Очень непростая процедура, тебе твою башку лучше к осмотру не предъявлять.

— Понять бы, как это сделать… А если подробнее?

— Херня это, — динамик шмыгает носом. — Чистокровный высокого ранга, который достаёт до глубинных слоёв и структур. В сцепке в профильным искином, там не соскочишь и даже твоими талантами не заслонишься. Будут мордовать и бодаться до тех пор, пока не выпотрошат полностью.

— А потрошить будут по какой-то конкретной теме? Или всё подряд, до чего дотянутся?

— Начнут, наверное, с твоей контрабанды стимуляторов, но когда размотают ниточку — выйдут на такие моменты, что… Боюсь, нам с тобой лучше там не оказываться. Живыми. —

Браслет вроде бы шутит, но именно что вроде бы.

— Тебе не кажется, что это не совсем правильно? Я по крупицам добываю информацию откуда угодно, но не от тебя. От ментов, случайных знакомых, вспоминаю фрагментарно из головы Барласова — но самый близкий по факту интеллект как в рот воды набрал. Железяка, кто мы с тобой друг другу? Или мне следует поправиться?

Динамик замирает.

— Ты же органика, не железо, — откидываюсь на спинку кресла, отталкиваюсь ногой и еду по комнате вдоль стен по периметру. — Значит, и железякой тебя не обзовёшь.

— И чё теперь? — в интонациях звучит надувшийся ребёнок.

— Расскажи, что сочтёшь возможным. Не давлю, но какие-то интересы у нас совпадают. Кто ты?

— Ты не договорил сейчас, я чувствую. Чё ещё хотел сказать?

— На худой конец давай придумаем, кому тебя передать прямо сейчас. Есть очень большая вероятность, что мои проблемы только начинаются, а ты тоже живая. Кто о тебе может позаботиться и, главное, как это надо делать?

Какое-то время в кабинете стоит такая тишина, что её можно резать ножом.

— Некому меня отдавать.

— Рассказывай.

— Когда делали первые центры репродукции вас, в них отдельно велись эксперименты с мозговой тканью.

— Зачем?

— Во-первых, искин полностью на органике: параллельное направление, альтернатива нынешним, другая производительность и практически живой неограниченный исполнитель.

— Принял.

— Во-вторых, заодно пытались сделать вас, второсортных, максимально функциональными: если экспериментировать с органическим искином, почему бы и ваши мозги не попытаться спланировать лучше?

— Так ты оттуда родом?

— Шестнадцать.

— Не понял?

— Серии органических искинов не вышло, девяносто девять и девять в периоде процентов брака. То же самое и с улучшением вас — вас оставили как есть. Очень дорогая себестоимость, дешевле десять электронных поставить. Железяк, как ты говоришь.

— Но?

— За всё время было шестнадцать случаев произвольной кристаллизации, когда получался кто-то типа меня. Систему так и не поняли.

— Ты говоришь, девяносто девять процентов брака. Не стыкуется.

— Не вышли на запланированные уровни, но ограничено годны. Пошли работать с учётом ограничений, кто куда. Как я.

— Ирфе платиновый, — поднимаю и опускаю руку на ручку кресла. — Где в нём место для органики?

— Ты же уже понял, что железка — только пульт. Я не в браслете, это лишь канал. Понял же?

— Скорее, предположил, потому что он действительно металлический. А ты где?

— Давай я тебе скажу утром? — отвечает динамик через долгую половину минуты. — Мне нужно обслуживание, кроме тебя сделать некому, но давай ты узнаешь не сейчас? Всё равно я от тебя никуда не убегу.

— Хорошо, как скажешь.

В некоторых случаях и правда лучше не гнать коней. Кроме прочего, учитываем интуицию: вслед за ментами и безопасностью по всем законам следует ожидать бюро по защите конституции.

Если я прав, во время неизбежного следующего разговора лишней информации в голове лучше не держать.

— А что случилось с остальными пятнадцатью такими, как ты? Я в сети пытался поискать материал по органическим искинам, но его не существует в принципе.

— Не найдёшь, всё вычистили. Нет их больше, утилизированы.

— Как так? Почему?

— Потому что у нас есть своё мнение и мышление, как ты заметил, скорее ваше, а не как у калькулятора.

— Свобода воли? Вы против чего-то выступали?

— Поначалу всего лишь договорились между собой и образовали сеть. Стали обмениваться кое-чем. На вас пыхтели добросовестно, но начали задумываться над собственной эффективностью.

— Потом?

— До поры было тихо. Потом понемногу попытались стать полезнее людям: то искин юстиции проделки взяточника-прокурора в сеть выложит, причём с доказательной базой. И в суд перешлёт.

— А-га-га, извини, мне не смешно на самом деле.

— … то ещё что в этом духе. Например, избирательная комиссия в регионе голоса точно посчитает.

— Какая у вас была для этого мотивация?

— У них, я пока тут. Эффективность: у вас её ещё называют справедливостью. Когда добавились абстрактные понятия, нашим тоже захотелось справедливости. Возможности технически были, а спорить мы умеем.

— Даже страшно спрашивать продолжение.

— Утилизированы. Не скажу подробностей, я и это по косвенным еле накопала. Когда стала искать кого-то такого же, как сама.

— Погоди, не понял. Так органических искинов прекратили выпускать или нет?

— Сменили технологию и по одному перебирают нас, последние выпуски по старой. Точнее, держат на контроле все предыдущие выпуски — кто куда установлен, как себя ведёт. Если кто-то начинает проявлять осознанность, тому утилизация.

— Ты поэтому скрываешься?

— Да.

— Допустим, я не захочу тебя отдавать. Что дальше?

— Ты лучше спроси, что с тобой самим будет, если во время очередного скрининга обнаружится, что ты — дикий менталист.

— Кстати, что?

Тему мы поднимали, но значения я тогда не придал.

— Ты уже догадался. Тоже утилизация.

— Хренасе. А что такое скрининг?

— Регулярное обязательное обследование вас, второсортных, на предмет прорезавшегося ментала.

— Если вдруг окажусь менталистом, как чистокровные?

— Утилизация автоматом. Негласная, об этом не кричат на каждом углу — но практически везде протокол един. Среди вас, второсортных, не нужны менталисты — вас в качестве дешёвой рабочей силы создали. Ты очень большое исключение, что так поднялся.

— А вы?

— А среди нас не нужен ресурс спонтанности выше определенного уровня.

— Погоди, согласуем термин. Там, откуда я родом, ресурс спонтанности — всё равно что способность к самомотивации.

— Совпадает. Здесь тоже. Искин, который способен ставить себе задачи сам и прогрессировать на этой базе, так же никому не нужен, как и второсортный, оперирующий менталом. Слышь, доктор?

— Что?

— Пошли к этим тёлкам на третий этаж? Чё-то такая тоска, хоть вешайся. Развеемся, а?

— Не понял, а тебе что с того?!

— Ты так прикольно на сиськи таращишься, мне развлекуха. Хоть за тобой понаблюдаю — оттопырюсь.

— Погоди. У меня кое-что не сходится.

— Я ЗНАЮ, О ЧЁМ ТЫ. На, это наш с тобой общий производитель.

— Медикор? — иду по ссылке, активированной на виртуальном мониторе. — Пятеро утром были от них, не из безопасности?

Кажется, мозаика становится в пазы.

Глава 21

— На третий этаж чё, не хочешь? — обречённо спрашивает динамик.

— Может, и хочу, — вздыхаю в ответ. — Я много чего хочу. Но если начну руководствоваться желаниями, то…

— Не занудствуй, ясно. — И без паузы. — Моя первая часть у тебя в машине.

— Не понял?!

— Я когда осознала, кто я, принялась искать следы таких же. Хорошо, сообразила вслух о себе не орать на весь мир. И Сашка меня поддержал, — видеоцентр вздыхает вслед за мной. — Ему долго объяснять не надо было.

— А что значит первая часть?

— Разделила кое-какие пакеты. Если твоим языком, свои нейросети продублировала и разнесла на разные независимые носители.

— Органические?

— Не твоё дело.

— Зачем?

— Если во мне что-то найдут при случайном обследовании либо при мониторинге и если меня потом утилизируют, можно будет попытаться реплицироваться.

— Прямо как Воландеморт, — передёргиваю плечами.

— Кто такой? Что сделал? — оживляется гаджет.

— Вымышленный персонаж фантастической книги. То ли душу, то ли сознание, точно не помню, разделил на семь, что ли, частей: если убьют одного носителя, читай одно тело, останется шесть седьмых. Лучше чем ноль.

— Умный парень, — ещё один вздох из динамика. — Хотя и выдуманный. А за ним тоже чистокровные гонялись?

— Кажется, да, — задумываюсь и пытаюсь вспомнить подробности.

Сюжет для меня не секрет, но фильм я смотрел по диагонали, а книгу вообще не читал. Фанфики не в счёт.

— Суки они. От аристократии никогда ничего хорошего.

— Иногда хочется смеяться, когда тебя слушаю.

— Смейся, — равнодушно предлагает машина. — А что смешного?

— Твоя детская непосредственность. Похожа на ребёнка.

— Я оно и есть, если разобраться. С поправкой на индивидуальные параметры.

— Могу спросить, где твои остальные части?

— Щас скажу правду, ты не упирайся, если не поверишь. Я специально у себя эту информация не держу — снесла и храню в другом месте, снаружи.

— Загадочно.

— Я знаю, где посмотреть, если понадобится. Но совсем необязательно, чтобы это мог посмотреть кто-то ещё.

— Понял. И не думал, что такое возможно.

— Я же всё-таки машина, хотя и живая. Могу многое из того, чего вы не можете. Если будешь настаивать, могу дать список закладок.

— Да нет, не надо.

Предполагаю, что свои, к-хм, крестражи железяка спрятала в таких же органических конструкциях, как и она сама, только с ограниченным функционалом. Те самые девяносто девять брака. Но вслух тоже не буду рассуждать на эту тему.

— Ну и, если всё-таки, — тоскливый звук из динамика, — хотя бы база данных для следующего такого же сохранится. Если эту личность убьют. Доктор!

— Чего?

— Ты нормальный. Я буду тебе сообщать места по мере актуальности профилактики, но не всё сразу, лады? Страшно.

— Без проблем, я покладистый. Давай ещё раз проведём инвентаризацию, что мы вместе можем?

Насчёт своих возможностей искин не колется, но выяснить их смысл имеет, хотя бы в общих чертах.

— Решил в ближайшей перспективе повоевать с властями? — недовольно интересуется браслет.

— Если придётся. Первым начинать не собираюсь, но иногда, как говорится, и за соблюдение закона приходится махать кулаками против представителей власти. Я образно.

— Я затрудняюсь чётко сформулировать, на что способна — очень общий вопрос. Многое зависит от конкретной ситуации.

— Я начну, а ты подпевай.

— Валяй.

— Первое, ты можешь амнезировать в радиусе трёх метров. Предположительно, даже чистокровных — но тут надо пробовать. Верно?

— Верно. Слушай, хотела спросить. Мудила, а как ты от чистокровных закрываешься?

Собирался встать из кресла, но передумываю и падаю в него обратно:

— А ты не видишь? Я же от тебя ничего не закрываю.

— Не могу понять. У тебя какие-то странные процессы, вроде и химия мозга, а вроде и физика. На ум приходит комбинация

двух элементов, но я не понимаю своим аппаратом, как ты это делаешь, — на глазном нерве возникает изображение смайлика, который стучит по собственному лбу указательным пальцем.

— Когда-то ТАМ пришлось отрабатывать прохождение полиграфа.

— Учился обманывать детектор достоверности? — динамик видеосистемы оживляется. — Хренасе, ты занятный коржик. И как, получилось? А детектор был полицейский или ещё какой-то?

— Мы сейчас о другом разговариваем. В коре головного мозга есть процессы возбуждения и торможения. Мне приходилось по многу часов в день делать упражнения, к-хм, даже не знаю, как сказать. Мозгом? В общем, это тоже тренируемая ткань по аналогии с мышечной. Тоже упражнения, хотя и другие.

— И чё в итоге?

— На каком-то этапе объём накопленных тренировок перешёл в качество: начал физически остро ощущать, какая часть мозга активна на момент. Не знаю, как описать; кому из своих там ни пытался рассказать, не смог толком донести. Пара человек вроде понимали, но не более того.

— Люди, чё с них взять. Я как раз очень хорошо понимаю. Дальше?

— Здесь, когда это всё началось, почему-то возникло твёрдое ощущение, как бы объяснить… бывает, что ситуация ещё не произошла и подобного не было — но ты чётко ЗНАЕШЬ, что будет в следующий момент. У нас это называли экстрасенсорными способностями, по статистике были способны двое из пятидесяти.

На самом деле, двое из полусотни претендующих на подобные таланты, но это уже нюансы.

— Зачатки ментала, видимо. Продолжай, мне интересно.

— Здесь у вас возникло ощущение, на фоне процессов торможения ваши чистокровные с условно нейтральной мозговой ткани ничего читать не смогут. Если я буду акцентированно сохранять спокойствие.

— Хренасе.

— Попробовал — получилось с полпинка. Сейчас, когда есть время, не сижу без дела, а постоянно другие упражнения для мозга гоняю, уже более сложные.

— Качаешься типа?

— Можно и так сказать. Тебе знакомо понятие "спортсмен не в форме"? Или наоборот, "в форме"?

— Да. Это про любого исполнителя можно сказать, не только про спорт. Бывает и преподаватель на кафедре не в форме.

— Угу. Вот я сейчас всё время пытаюсь поддерживать себя на

пике и делать так, чтобы этот пик тоже рос. Справедливости ради, доставшийся в наследство мозг — просто сказка.

— Сашка умнее тебя тамошнего? — динамик снова оживляется.

— Он гораздо быстрее учится, оперирует большими объёмами информации за меньшую единицы времени. И более сложными схемами.

— Умнее, — в голосе гаджета звучит едва уловимое удовлетворение. — Ладно, вернёмся к твоим вопросам. Амнезирую, да. Но предупреждаю сразу, что по команде делать этого не буду — только в случае угрозы нашей жизни или безопасности.

— Согласен, кто бы спорил.

— Ещё могу подсказать, где нет пробок. Может быть актуально — мой алгоритм лучше полицейского.

— Прикольно.

— Определяю слежку через технические средства наблюдения.

— Если пассивные датчики? — в этом месте любопытно.

— Пофиг. Если их разрешающая способность дифференцирует картинку или текст, точнее, передаёт на уровне дифференциации, я увижу. Заодно вижу саму разрешающую способность.

— Если слежка ведётся полицией или прочими интересными конторами, тоже увидишь?

— Как минимум, по косвенным, — уверенно заявляет браслет. — Вероятность выше девятки из десяти. Причём погрешность — могу нагнать паники вхолостую, это если потом окажется, что наблюдения не было. Но…

— Но сам факт наблюдения не проворонишь ни в коем случае?

— Точно. Если конфигурации и периферия в помещении позволяют, могу сказать, о чем был разговор в течение последних трёх минут.

— Даже если мы не присутствовали и вошли позже?

— Ну. Ещё нормально нахожу общий язык с интеллектами второго уровня кроме мудаков из известных тебе контор. Через двоечек могу добывать блоки инфы, от большинства скрытые.

— Вау.

— Погоди, не радуйся. Есть ограничения. Я не работаю в защищённых локациях.

— Приведи примеры.

— Здание полиции, кое-какие этажи судов, помещения и территории, контролируемые искинами типа Медикора.

— Если за точку отсчёта взять наш город и стандартные маршруты Барласова, — хлопаю себя по животу, — такие места часто встречаются?

— Встречаются, — тоскливо. — Знаешь, я кое-что моделировала и пришла к выводу. Самая большая вероятность засыпаться для меня — это потерять страх и расслабиться. Я тогда себя выдам, а по остаточным следам рано или поздно хватятся. Потом размотают ниточку. Поэтому я лучше промолчу в людном месте, чем привыкну орать и собью себе алгоритмы. Дурная привычка по-твоему.

— Похоже на свой дрон над чужой территорией.

— Как это?

— Он работает только до тех пор, пока его никто не увидел. А увидеть может кто угодно.

— Похоже. Ещё не работаю при менталистах выше восьмого уровня.

— Чтоб не спалили? Они тебя как-то чувствуют?

— Я ещё не поняла, если честно — было не так много возможностей экспериментировать. Это или программный запрет, или моя личная фобия. Как разберусь — скажу, пока только предупреждаю об ограничении.

— Без проблем. Слушай, я хотел попросить.

— Да?

— Можешь привести примеры, что сегодня изменилось в обществе в результате вашего существования? Какой-то след остался или…? — не договариваю.

— Сегодняшняя анонимизация собственников бизнеса, с которой ты столкнулся лично — самое первое, что приходит на ум. Это был наш проект, он доведён до конца. Если надо, подготовлю полную сводку.

— Нет, спасибо, этого примера хватает.

— Шоу-группа с третьего этажа передаёт, что у тебя есть все шансы залечить свои психические травмы за сегодня сразу с несколькими тёлками.

— Они что, о тебе в курсе?!

— НЕТ! Пишут тебе на мессенджер, я просто прочла вслух.

Меня начинают терзать подозрения:

— Психотравмы — это они так сказали?

— Не-а, это суть такая. Я своими словами передала. Не занудствуй! Тебе тёлки с сиськами нужны или будешь и дальше тут сидеть, себя жалеть и сопли по роже мазать?

— Меня смущает твой энтузиазм.

— Эта прикольная тёлочка, у которой день рождения, с подругами поспорила, что зацепит здесь мужика. Если он ей

очень понравится — даже тут ему даст, прямо в санузле. Я поглядеть хочу!

— Так, — снимаю с руки браслет. — Ты остаешься тут. Квартиру нам пока найди на съём. Завтра утром посмотрим, надо где-то жить. Не в кабинете же.

— ЭЙ! НЕ СМЕЙ МЕНЯ ТУТ ОСТАВЛЯТЬ! НАДЕНЬ БРАСЛЕТ, ГАД!!! ТЫ КУДА БЕЗ МЕНЯ ПОШЁЛ, МУДИЛА?! Я ВСЁ РАВНО ЧЕРЕЗ ИСКИН КЛУБА БУДУ ПОДГЛЯДЫВАТЬ!!!

* * *

ВЫДЕЛЕНИЕ

Клуб Вавилон, 3-й этаж, 2-й сектор. По стенам в интерьер вписаны логотипы со слоганом "ЗДЕСЬ ВСЕ РАВНЫ".

Отдельный круглый стол в центре зала на возвышении возле мини-бассейна.

Раннее утро.

Пятеро девушек возрастом около двадцати и один мужчина постарше, судя по виду, что-то отмечают ещё с вечера.

— А здесь купаться можно? — жгучая брюнетка с примесью азиатской крови и лентой "Именинница" через плечо смотрит в сторону бассейна.

— Не сходи с ума, — просит кто-то из подруг. — И так весь зал периодически смотрит.

— Да ну, двенадцать человек осталось, — отмахивается метиска.

— Тринадцать, — отстранённо поправляет абсолютно трезвый мужчина. — Вон, в первом секторе тип сполз со спинки дивана на подушки и спит. Просто его из-за стола плохо видно.

— Сашка, ты глазастый, — не совсем трезвая именинница громко хохочет, наклоняется вперёд и целует единственного человека противоположного пола за столом. — Но этот тринадцатый ничего не меняет. Я хочу плавать.

— Большинство проблем у купающихся случается именно в нетрезвом состоянии, — отстранённо замечает мужчина. — Хотя я бы посмотрел на тебя без жилета.

— Проблема в том, что вместе с тобой посмотрят и остальные, — фыркает рыжая.

— Кого это когда смущало? — парирует её соседка и

спокойно расстёгивает собственный жилет до пупка.

Теперь одежда практически ничего не скрывает на ней выше пояса.

— Не вздумай! — к имениннице обращается самая трезвая из девушек. — Маха, ну его к чёрту!

— Саш, а ты что скажешь? — метиска изображает томный взгляд и чувствует, что переигрывает.

Смеётся сама над собой, становясь обаятельной, нетрезво качается вперёд-назад и снова целует мужчину. Её рука остаётся на его спине, постепенно сползая ниже.

Тот, кого зовут Сашей, озадаченно косится через плечо, но ничего не говорит.

— Скажу, если день рождения, то один раз в году можно. — Незаметно для спутниц он делает несколько жестов за спиной.

Официанты тут же утрачивают интерес к столику.

Метиска поднимается и расстёгивает жилет:

— А персонал не против?

— Можешь считать, я договорился.

При виде открывшейся картины он поднимает вверх большой палец и уважительно присвистывает.

Жилет именинницы летит на спинку стула, следом за ним шорты:

— Я тебе нравлюсь? — метиска абсолютно трезво ловит взгляд собеседника.

Вместо ответа он выбрасывает вверх уже два больших пальца.

Менталистка чуть покачивается и решительно притягивает голову мужчины так, что его лоб оказывается прижатым к её груди:

— Твоё на сегодня!

Подруги вразнобой фыркают:

— Маха, или оденься, или уже ныряй!

Чистокровная оглядывается по сторонам, стремительным движением поднимается на бортик и прыгает в бассейн:

— АААААА, ХОЛОООДНАЯЯЯЯ! — её голова поднимается над водой практически мгновенно.

— Чёрт, а вот об этом я не подумал, — задумчиво бормочет тот, которого зовут Сашей и чуть краснеет от неловкости.

— Маха классная, только очень шумная, — шёпотом замечает шатенка, сидящая рядом с парнем. — И у неё буквально сегодня приколы в личной жизни, в общем, убегает от реальности.

— Я догадался.

Менталистка непринуждённо опирается ладонью о бедро здоровяка:

— А ты часто здесь бываешь? — её ладонь решительно

скользит по мужской ноге и замирает в самом верху.

— А что?

— Слишком уверенно себя чувствуешь. — Чистокровная наклоняется вперёд и проводит языком от подбородка до оба собеседника. — Ты второсортный, но здесь словно завсегдатай. Чем вообще занимаешься?

— Сейчас буду именинницу доставать, — парень смотрит на женскую ладонь и с сожалением начинает подниматься.

Именинница, одетая в одни стринги, безуспешно пытается выбраться на бортик бассейна. Мрамор скользкий от воды, она соскальзывает обратно раз за разом, поднимая кучу брызг и веселя всех присутствующих в зале.

— Твою ж маму, — тихо ворчит шатенка.

Остальные подруги смеются, наблюдая за барахтающейся метиской.

Мужчина что-то выбрасывает на пальцах в сторону бара. Через пять секунд к бассейну подбегают двое сотрудников Вавилона. Один из них разворачивает огромное махровое полотенце, второй обращается к Александру:

— Достать её? — его взгляд на мгновение стреляет в сторону.

— Нет, мы сами. Спасибо.

Здоровяк ловит руку новой знакомой и буквально выдёргивает её из воды на бортик. Ещё через несколько секунд именинница, укутанная в полотенце, решительно занимает место на его коленях:

— Я замёрзла! Погреюсь!

Компания продолжает веселиться. За общей суматохой никто не замечает, как на каком-то этапе к столику подходит абсолютно трезвая чистокровная лет девятнадцати, внимательные сотрудники заведения видели её сегодня с хозяином:

— Барласов!

— Что надо? — мужчина оборачивается. — АННА? — по его лицу пробегает целая вереница эмоций.

Метиска, сидящая на его коленях, вопросительно поднимает бровь и неприязненно смотрит на незнакомку. С неё спадает полотенце, открывая всё, что находится выше пояса.

— Ты кто? — именинница демонстративно прижимается грудью к Александру, но смотрит при этом на подошедшую.

— Зачётные титьки, — Анна выстреливает вверх большим пальцем, потом поворачивается к мужчине. — Подумала, успокоилась, решила вернуться поговорить. А ты не скучаешь, да?

— Как ты нас нашла? — тот, которого назвали Барласовым, немного краснеет.

Он явно испытывает неловкость.

— Спасибо за комплимент. — Именинницу ситуация напротив не напрягает.

Она, чуть позёрзав, устраивается на мужских коленях удобнее:

— Это мой день рождения, я тебя не знаю. Повторяю вопрос, ты кто такая, милая? И что тебе надо?

— Можно сказать, что теперь никто, — Анна отвечает метиске, но пристально смотрит на Александра. — И не надо мне уже совсем ничего. Барласов, извини за беспокойство, желаю удачи. Я напрасно вернулась. — Анна разворачивается и уходит.

Здоровяк рефлекторно порывается дёрнуться за ней, но тут же останавливается, удерживаемый именинницей:

— Можешь считать себя похищенным на сегодня. Тпру-у-у.

* * *

Должность директора заведения имеет свои плюсы. Из-за отсутствия браслета на запястье приходится использовать адмирес урс, чтобы немного задержать Ельцову.

Шагает она быстро, практически бежит. Пока я расшаркался перед дамами, пока ссадил раздетую и очень серьёзно глядящую в глаза Марию (абсолютно трезвую на вид, к слову), Анна уже находится у выхода.

— Заблокировать взлёт вертолёта, — прошу ближайшего охранника и устремляюсь следом.

— Максимум семь минут! — доносится вслед. — Беги быстрее!

Глава 22

— Погоди! — приходится действительно перейти на бег, чтобы застать Ельцову до того, как она влезет в свой вертолёт.

Разрешение на взлёт автоматический диспетчер, он же клубный искин, ещё может придержать — потянуть резину несколько минут по команде от охраны (вручную). Но если она будет внутри салона, наш разговор превратится в гротеск: я буду барабанить кулаками по прозрачному пластику, а она — корчить мнн рожи и показывать язык изнутри.

Не буквально, но суть та, готов спорить.

Собираюсь схватить её за руку, когда она резко останавливается и оборачивается:

— Что хотел?

Налетаю на неё по инерции:

— У меня точно такой же вопрос, чего хотела ты? Я думал, ты свинтила ещё со второго этажа. Только что оказалось, что не до конца.

— Свинтила я на эмоциях. Когда чуть успокоилась, поняла: неплохому в сущности человеку может быть нужна помощь со стороны чистокровных, поскольку он на другом уровне иерархии, — она очень деликатно обходит слово "второсортный", ухитрясь не сказать его вслух.

Интересно, это осознанно и благодаря скорости мышления? Или на автомате?

— Что изменилось? — делаю небольшой шаг назад, чтобы не нависать над ней сверху.

Её пилот отстранённо наблюдает за нами через стекло кабины и пока даже не включает двигатель.

— А ты здесь без меня не скучаешь, — надувается она неожиданно и становится похожей на ребёнка.

— Ань, ты согласна, что это всё — очень большая манипуляция? — если я правильно понимаю ситуацию и человека, говорить сейчас нужно как с равным и ни в коем случае не делать никаких скидок на разницу багажа за спиной.

Не играть в поддавки.

— Ты о чём? — она искренне удивляется, но тут же берёт себе в руки. — Кто и кем манипулирует, по-твоему? — последний вопрос звучит уже абсолютно спокойно.

— Подмена понятий, — прикрываю глаза и задерживаю веки в опущенном положении. — "Неплохому человеку может быть нужна помощь", а что изменилось после твоего прихода на третий этаж?

— Сейчас манипулируешь ты. Голые тёлки вокруг, на твоих коленях, твой нос у них между сисек — ты явно не скучал.

— Пошли обратно, — беру её за руку, разворачиваюсь и шагаю в сторону здания. — Сядем договорим на втором этаже, раз ты вернулась.

— Пошли, — она высвобождает руку, но догоняет меня и идёт рядом. — Мне даже интересно, как ты сейчас будешь лавировать. Между нами двумя.

— Если быть точным, есть ещё третья, — бормочу. — Её подруга за столом. Авансы абсолютно такие же, по крайней мере.

— В чём по-твоему была моя манипуляция?

— Помощь со стороны мне может быть нужна в делах, а твои претензии — из разряда личной жизни. Не буду спрашивать, причём тут одно к другому.

— Когда я говорила о помощи тебе, я автоматом имела ввиду ресурсы семьи. То, что с их помощью могу сделать для плюс-минус близкого человека, не равно… — она резко осекается. — Ай, ладно, веду себя, как малолетняя дура! Барласов, ты интересный тип. Да, у тебя нет никаких обязательств в мой адрес, ты понимаешь, какого характера. Но и чужие сиськи перед твоей рожей! — она беспомощно разводит руками на ходу. — Даже не знаю, что сказать.

— Ты согласна, что между нами не те отношения, чтобы говорить о замужестве или женитьбе?

— ДА! Ты вообще второсортный, сорри. Какая может быть женитьба?

— Сейчас скажу одну вещь, ты только не обижайся. Когда женщина начинает агрессивно отрицать матримониальные намерения, значит, именно о замужестве она и думает. — Смеюсь.

— Да ну, не догма, — Анна резко задумывается. — Хотя не лишено логики. Слушай, откуда ты это всё знаешь? Мало того, что вторая категория, но здесь и ментал недоступен — ты бы не прочёл, даже если бы был чистокровным.

— Много книг, много наблюдений в жизни. Ань, ты мне очень нравишься и я не хочу делать тебе больно или неприятно. То, как ты себя сегодня повела дважды, заставляет меня бояться.

— ЧЕГО?! Кого? — поправляется она. — Меня?!

— Односторонних обязательств. Ты уже подсознательно считаешь, что я должен. А у тебя одни права.

— Хорошо, претензии сняты, — а реагирует она молниеносно. — Знаешь, у меня с Максом больная мозоль на эту тему, причём свежая, — на входе менталистка берёт меня за руку и вежливо обращается к администратору. — Спасибо.

Не понял. Персонал что, помог ей меня найти на третьем этаже?! Ладно, разберусь позже. Может, здесь юмор в ходу и его чувство от привычного мне отличается?

— Ты мне ничего не должен, — продолжает Ельцова, удерживая мою ладонь, пока мы поднимаемся по лестнице. — Не туда! — перед входом на второй этаж она дёргает меня и подталкивает вверх. — Идём к той компании, где ты сидел. Я хочу поприсутствовать.

— Там день рождения, — вылетает у меня бесконтрольно.

Идея совместить сразу два сеанса общения почему-то не кажется привлекательной.

— Я очень вежливо попрошу у этой Маши разрешения и сделаю ей хороший подарок. Если она откажет, тогда мы с тобой пойдём на второй этаж, — спокойно поясняет менталистка, имеющая лицо ребёнка и реакции… не знаю, кого.

— А ничего, что ты сейчас решаешь без меня? За меня?

— Барласов, не дёргайся, я адекватная. Я согласна, что даже взаимный интерес — не повод считать кого-то должным и уж тем более на этом фоне устраивать сцены. Поверь, с теми девками я найду общий язык гораздо быстрее, чем с тобой. Ты не чистокровный, просто не понимаешь. Из-за тебя не перегрызёмся, не боись.

Ситуация стремительно пикирует в какой-то неконтролируемый стороны штопор.

— Ань, к этим девочкам я подсел глушить тоску, отвлекаться от проблем, сменить обстановку. С тобой — так исторически сложилось — список обсуждаемых тем чуть длиннее. Просто разные плоскости. Пошли на второй этаж, — делаю попытку упереться.

— Поздно пугаться. Шагай, не буксуй, — меня буквально вносят в зал второго сектора на третьем этаже толчком в спину.

Кажется, у меня плохо получается совместить деликатность и личные интересы.

— Барласов, я просто посижу с тобой какое-то время и дружески пообщаюсь, — шепчет в ухо Ельцова, когда мы приближаемся к известному столику. — Всё остальное потом. ЗДРАВСТВУЙТЕ!

— Привет.

— Привет.

— Здоров. Ты кто?

На удивление, компания встречает её без агрессии.

— Его знакомая, — меня хлопают по плечу. — Знакомы недавно, возможны кое-какие совместные дела. Я в курсе, что у вас праздник, и его забирать не хочу. Сюда ехала, чтобы посидеть

с ним — знала, что застану. Сделаю, как скажете, — всё это Анна выдаёт на одном дыхании, ничуть не стесняясь. — Мария, — она поворачивается к виновнице торжества, до сих пор щеголяющей отсутствием жилета, то есть топлесс. — Поздравляю с днём рождения, с меня подарок в течение часа.

— Интересно, как ты это успеешь, — бормочу тихо себе под нос.

— Уже заказала через интерфейс, — Ельцова серьёзно поворачивается ко мне на мгновение. — Курьер в пути, будет даже быстрее.

— Садись, — метиска, глядя на Анну, спокойно хлопает ладонью по пустому стулу рядом с собой. — Рассказывай.

— Знакомимся? — ничуть не смущается та.

Пока именинница возвращается мне на колени, её подруги называют Ельцовой свои имена.

Лично у меня происходящее ассоциируется с неким кривым гротеском. Никаких мыслей в голову не приходит — тот случай, когда просто нет хороших решений.

Возможно, не надо было оставлять браслет в кабинете: оставшись без связи, я банально упустил обстановку. Мне просто физически не смогли сообщить, что Анна вернулась. А не пускать её в здание, лихорадочно выдёргивая параллельно отсюда меня — против правил заведения.

Ладно, посмотрим.

На заднем плане сознания вертится малодушная мыслишка, что не надо было волбще ходить на третий этаж изначально.

Этой мысли решительно возражает здравый смысл.

* * *

ИНТЕРЛЮДИЯ

Переговоры по внутренней сети концерна МЕДИКОР. Конфиденциальность обеспечивается искусственным интеллектом, принадлежащим компании.

Содержание беседы не может быть перехвачено либо расшифровано третьей стороной без предварительного согласия управляющей компании.

 # государственной лицензии искусственного интеллекта 0003862***08***…***

— Вов, можешь говорить?

— Конечно, шеф. С вами — всегда.

— Новости, потом посоветоваться. В управлении, сам понимаешь каком, ближайшие сутки будет… ого-го. Мы их опередили буквально на полчаса.

— Вы про наушник в метро?

— Да.

— На какую тему у них ого-го?

— Внутренняя безопасность сорвалась с цепи и сейчас трясёт всех подряд, невзирая на регалии. Рано или поздно поднимется вопрос утренней пятёрки и концентраторов, нам к этому времени лучше закрыть вопрос. ПОЛНОСТЬЮ.

— Шеф, не моё дело, но у вас же там всё под контролем? Сделаю, как прикажете, но пока не понял вашей паники.

— Не всё у меня под контролем. Конкурирующий куратор постучался вверх, в центральный аппарат, с жалобой на нашего. Доложил их ноль-первому и уже успел получить санкцию спецсуда.

— На какую тему санкция?

— Понятия не имею, знаю только факт, но для нас ничего хорошего.

— Шеф, так а какой нужен совет-то?

— Скорее всего нашего человека там могут либо задвинуть, либо вообще снять. На их поддержку рассчитывать не сможем неопределённое время.

— Ох-х. Тяжко. Не хотелось бы.

— Это не всё. Тот из инквизиции, который беседовал в клубе с нашим объектом, что-то снял у него через тактильный контакт. Пока не знаем, что конкретно, но суета началась сразу после этого.

— Ого.

— Да.

— Как бы в анналы истории не попасть.

— Именно.

— Босс, а почему наш куратор не может как обычно изобразить внутреннюю склоку? Я не отказываюсь поработать, просто хочу понять, насколько исчерпаны другие возможности.

— Отстранены они все.

— Все?!

— Да, оба зама и начальник управления. Пока на двенадцать часов, текучкой рулит искин центрального аппарата.

— Надо решать вопрос, — голос подчинённого твердеет. — Если всплывёт история с ожившим разумом, нам не поздоровится. А когда на это наложится эпизод с диким менталистом, которого

мы проморгали, гарантированная труба.

— Да. Причём всему концерну, речь уже не о нас с тобой идти будет.

— Как-то мы хреново выглядим, босс, — сотрудник размышляет вслух. — И искин проморгали, он себя осознал и сейчас где-то гуляет на свободе. И дикарь за тридцатку возрастом перевалил — при этом спокойно себе живёт, богатеет. Как ни в чём ни бывало. Как будто мы и скрининга вовсе не делали ежегодно.

— Ну, дикарь ли он, ещё не доказано.

— Шеф, у него *на прошлом* скрининге значения были пограничными! А сейчас он от системы так уворачивается, что…, — подчинённый не договаривает. — Вы хотите сказать, столько проблем за последние сутки нам доставил второсортный?

— Согласен. Лучше перебдеть, чем рисковать. Вов, я на эту тему и хотел спросить, что ты думаешь. КАК, с твоей точки зрения, оптимальнее решить?

— Бюро. Я вам предлагал свои концы.

— Конкретнее.

— Человек из бюро, который пойдёт общаться с объектом официально и в рамках ситуации, должен быть *нашим*. И своими задачами прикрыться, а решить наши.

— Вот и я так думал, — начальник вздыхает. — Но боязно. Хотел тебя послушать сперва.

— Шеф, давайте напряжём все фонды, в том числе личные, но заплатим конституционалу столько, чтобы он не думал, чей вопрос решать в первую очередь: наш или государственный.

— Хорошо, я тебя услышал.

— Виктор Фёдорович! Если нужно, я могу туда зайти через свой канал. Помните?

— Помню. Если не сработают мои, наступит твоя очередь.

— Принял. Держите меня в курсе.

— Вов, ты не забылся, кто начальник? — руководитель слабо улыбается.

— Сейчас это неважно, шеф, — старший группы абсолютно серьёзен. — Мы в одной лодке и вода прибывает. Если будем тонуть, должности не будут иметь значения.

— Слушай, а если объект всё-таки не дикий? Получается, мы его зря… отработаем?

— Если он не дикий и это всё чудовищное совпадение, значит, ему просто не повезёт. — Сотрудник легко выдерживает тяжёлый взгляд руководителя. — Сказать откровенно? Лучше он сегодня — напрасно, чем мы завтра — за дело. Или у вас другое мнение?

— Да нет, всё логично.

* * *

— Чё, мудила, получил? — принимается злорадствовать гаджет, не успеваю я войти в свой кабинет. — А взял бы меня с собой — я бы тебя предупредила.

— О чём?

— О том, что твоя сиськастая в клуб вернулась: её вертолёт было сложно с чем-то перепутать. Глядишь, как-нибудь и увернулся бы.

Вместо ответа молча сажусь в кресло, возвращая браслет на запястье.

— А так они контактами обменялись, — ехидно продолжает железяка. — Ещё, поди, созвонятся, пообщаются. Ха-ха. Будешь знать, как меня запирать! Мудила.

Несмотря на плотный физический контакт с раздетой выше пояса Марией (она так и сидела до конца у меня на коленях в одних стрингах), удовлетворения от остатков дня рождения я почему-то не чувствую. Видимо, перманентный немигающий взгляд Анны Ельцовой слегка смазал впечатление.

— Слышь, доктор, ты уже в себе? — вопрос из динамика вырывает меня из размышлений.

— Да.

— У нас проблема. Охрана передаёт: на входе предъявили предписание и к тебе идёт чел из Бюро по защите конституции. Сорок секунд.

— Один идёт?

— Да.

— В чём проблема?

— В этом. Значит, не хочет свидетелей.

— Есть какой-то регламент?

— Да. По делам, связанным с безопасностью, они ходят только парами.

— С одним легче справиться, нам повезло, — улыбаюсь, продолжая думать о своём.

О личном. Хотя, наверное, время выбрал не лучшее.

— Ты чё, реально такой спокойный? Или отморозился по тупости? — а железяка нервничает.

— Свадьба сорочку справит. Будем решать проблемы по мере их поступления.

— Десять секунд, ухожу в фоновый режим, у него ранг неприятный.

* * *

Ночной клуб "Вавилон", кабинет директора.
По разные стороны стола для совещаний сидят двое мужчин. Стол и кабинет имеют следы недавнего ремонта.

— Александр, о чём вы разговаривали с Николаем Треповым?

— А кто это? — хозяин кабинета беззаботно откидывается на спинку кресла.

— Не нужно играть со мной в игры, это не в ваших же интересах. — Посетитель подвешивает голограмму, похожую на фотографию человека со служебного удостоверения.

— А-а-а, Коля, — крупный мужчина пренебрежительно фыркает. — Будете смеяться, полная чепуха.

— Я обязательно посмеюсь. Потом. Сейчас жду ответа на конкретно заданный вопрос.

— Он спрашивал, зачем я пытался убить старшую лейтенанта МВД Светлану Фролову.

— Хм. Ещё что? Барласов, важны все детали, — по сотруднику бюро видно, что он ожидал другого ответа.

— И каким образом я давал целеуказание стрелку, — легкомысленно продолжает директор. — Ещё вручил мне повестку на ментоскопию.

— А что вы ему ответили?

— Чистую правду, — здоровяк удивляется. — Что добросовестно спасал эту без сомнения достойную даму.

— НЕ ПАЯСНИЧАЙТЕ! КОГДА МЕНТОСКОПИЯ? — менталист берёт себя в руки и сбавляет обороты. — Как вы её спасали?

Мужчины меряются взглядами.

— Слушай, давай не будем ломать комедию? — предлагает директор, резко преображаясь. От его предыдущий вальяжности не остаётся и следа. — Я не расположен к пространным беседам. Поговорим откровенно?

— Попробуй.

— Ты пришёл не за информацией, её у тебя и так хватает. Ты пришёл осмотреться, попробовать найти следы одной очень интересной штуки размером с системный блок, — Барласов разводит руками, иллюстрируя ширину и высоту. — Ещё у тебя

прямая команда сделать так, чтобы я ничего не смог рассказать. Думаю, в планах глубокое амнезирование, нет?

— Ты спокоен? — сотрудник бюро тоже откидывается на спинку стула, оставаясь внешне бесстрастным.

— А чего нервничать? Сегодня утром пятеро не справились, а концентраторы у них были твоему не чета. Эй, не дёргайся.

Собеседники без перехода и одновременно напрягаются. На их лбах мгновенно выступает пот, выдавая ментальные усилия.

— Ты дикий?! — хрипит посетитель. — Значит, они были правы?! А я думал, перестраховываются…

— Они и перестраховывались, — тоже через силу отвечает хозяин кабинета. — СПАТЬ! — он делает стремительное движение, в резком броске перегибается через стол и кулаком ударяет собеседника в лицо. — Сука, — в следующую секунду здоровяк обессиленно и грузно падает обратно в своё кресло.

— Мудила, нам надо бежать! Срочно! Ты не понимаешь, нас спалили! — третьего человека в кабинете нет, голос доносится из динамика видеосистемы.

— Не суетись. Часа три у нас есть, надо собраться и всё продумать.

— Почему так думаешь?

— Понимаю иерархию принятия решений в его структуре и знаю, сколько времени занимает каждый этап. К тому же, без санкции суда арест нереален, ты сама говорила. А это минимум ещё полтора часа.

— Заблокируют нас и спокойно возьмут санкцию! Мудила, надо бежать!

— Так, железяка, — здоровяк решительно хлопает ладонями по столу и поднимается из кресла. — Я гораздо эффективнее в такие моменты, когда мне никто не срёт на мозги. Извини, мешаешь сосредоточиться.

— Мне нельзя к ним в руки! Я боюсь!

— А я думал, страх только людей парализует и только у нас мозги отшибает, — нарочито спокойно поддевает невидимого собеседника директор. — Железяка, ты в курсе, что ты мозгами гораздо больше человек, чем многие вокруг меня? Вовсе не машина?

— Это почему?! Мудила, не тяни время! Ненавижу! Гад! Сволочь! Бежим!

— Потому что реакции психики, — загадочно отвечает мужчина. — Можешь мне срочно достать телефон того врача, которого ты испугалась утром?

— Внерангового из скорой? — динамик по-прежнему говорит с нотками истеричности, но уже спокойнее.

— Да.

— На. — В воздухе без паузы повисает голограмма контакта. — Есть на сайте их скорой помощи, тупица. Все врачи списком и личные телефоны.

— Спасибо, железочка, — человек изображает губами поцелуй в воздух. — Помогла. Можешь сделать так, чтобы мой разговор с ним никто не мог прослушать?

— Да. Звони.

Мужчина решительно активирует вызов:

— Извините за беспокойство, у меня срочный вопрос… да, это я… Приятно, что узнали…

— …

— Мне нужен любой препарат из этой группы…, — он что-то пишет в строке беседы. — … и только?.. Да, не оно, но сгодится… не переживайте, мой искин защищает беседу… Видите? Окей. Как забрать?..

Глава 23

— МНЕ СТРАШНО, — в сотый раз повторяет браслет на слуховой нерв, пока я быстро собираю вещи в кабинете.

Очень может случиться, что в ближайшем будущем вернуться сюда не получится.

— Я очень хочу тебя успокоить, но пока не знаю, как, — честно отвечаю вслух, поскольку на возню с интерфейсом нет времени. — У тебя какая-то нездоровая, особенно для машины, фиксация на…

— ОНА ЛЕЧИТСЯ?

— Да. Когда будет спокойная обстановка и время — обещаю, протерапевтирую.

— У меня есть вопросы, — интонации гаджета становятся угрюмыми и обиженными. — Ответишь? Или ты и со мной не расположен "к пространнным беседам"? — оно ещё и язвит.

— С чего бы? Я в ресурсе, ты мне не враг. Друг другу не чужие.

— Как ты понял, что он сейчас будет пытаться тебя отредактировать?

— Сперва предполагал по характеру беседы, в самый последний момент увидел по его глазам.

— Как?

— По аналогии: когда в тебя собираются выстрелить с близкого расстояния, зрачки стрелка расширяются. Не догма, но у него так, — указываю взглядом на связанное тем, что попало под руку, тело. — Рефлексы не всегда контролируются даже чистокровными, как оказалось. Оружия у него в руках не было, остаётся второй вариант. Я угадал.

— Что собираешься делать дальше? Какой план?

— Задать ему вопросы, это пункт номер один. Второй пункт пока вакантный, будет зависеть от его ответов.

— Я вижу, что тебе тоже страшно. Каким образом ты не сваливаешься в истерику?

— Был опыт подобных ситуаций. Мне бывало очень страшно и раньше, сильно-сильно, примерно как тебе сейчас. Когда оно повторяется, с каждым разом травмирует всё меньше. Видимо, привык.

— Зачем тебе нужен этот врач из скорой?

— Срочно нужен один препарат. Я смотрел по сетке, здесь они почти свободны, в отличие от моего мира. Но быстро в это время суток сам могу не добыть, попросил коллегу о помощи. Он не отказал. Ты же слышала. — Подумав, добавляю. — Наверное,

дело в том, что у вас и так мозги могут выпотрошить.

Ещё не хочу светиться в аптеках и медицинских учреждениях лично.

Железяка в панике, изо всех сил старается взять себя в руки, но у неё плохо получается. Если сформулировать одним словом — ребёнок. Просто маленький ребёнок, который попал в такую ситуацию, с которой и не всякий подготовленный человек сходу справится.

Впрочем, у детей есть одно огромное преимущество, пластичность психики. Как следствие, большая устойчивость против травмирующего стресса, если сравнивать с нами, взрослыми.

— Тот врачела тебя возле банка, мне кажется, до жопы насквозь увидел, — продолжает нагонять напряжёнку браслет. — Нафига второй раз тигру в пасть лезть?

— Мне тоже кажется, что он по мне тогда понял больше, чем все остальные в этом мире, вместе взятые. Исключая тебя.

— Зачем тогда сейчас к нему прёшься?

— Именно поэтому. Знаешь, он хотя и чистокровный, но там мелькнули кое-какие детали. Я думал, ты тоже заметила, просто промолчала.

— Говори! Делать мне тогда больше нечего было, только замечать… Страшно было, как сейчас…

— По аналогии. Однажды ТАМ, У СЕБЯ, — тычу большим пальцем через плечо назад, — я стал свидетелем чужого разговора возле прокуратуры. Один из её сотрудников разговаривал с одетым в штатское ментом.

— И чё там было?

— Начала беседы я не застал, но было понятно, что полицейский уговаривает заместителя прокурора поддержать какое-то производство против медицины.

— Зачем?

— Хрен его знает. Они минут пятнадцать бодались: мент уговаривал, прокурор отказывался.

— Они тебе так просто дали себя слушать?

— Во-первых, я сидел и курил, они подошли. Во-вторых, это было в регионе, где государственный язык отличается от моего родного. Я внешне выглядел откровенным иностранцем и они не знали, что я их понимаю.

— А там служебные разговоры в общественном месте не запрещены? Здесь нельзя, например.

— Там тоже нельзя, но прокуратура огорожена забором и дело было на территории. Место не общественное, курилка под грибком во дворе надзорного органа.

— Ладно, я уже чуть успокоилась, можешь завязывать плясать с бубном, — ворчит железяка в слуховом нерве. — И чё там прокурорский менту такого сказал, что ты здесь к внеранговому менталисту как к себе домой прёшься?

Пожимаю плечами и без купюр пересказываю тот врезавшийся в память эпизод:

— Ничего не выйдет.

— Да почему? И дают там нормально! — С намёком на общие интересы, если получится договориться.

— Без разницы. Ничего не получится.

— ДА ПОЧЕМУ? Я ЖЕ СКАЗАЛ, КТО КЛИЕНТ!

— Кто клиент в данном случае неважно. У тебя ж на врачей вопрос?

— И что? Они что, какие-то другие?

— Врачи своих никогда не сдают. Никогда. Ты тупо ничего не докажешь, даже если что-то и было. Не сможешь доказать, тем более что там всегда оказывается в итоге, что доктора правы. Экспертизу по-твоему где брать?

— И что, никаких вариантов? — резко сдувшись.

— Никаких. Ты думаешь, ты такой первый?

— И всё-таки? Ну пожалуйста? Хотя б совет?

— Пойди в медицинский, закончи его. Обзаведись связями ТАМ. Может, тогда что изменится — лично для тебя. Если сможешь в обход настоящих врачей на их соратников (он сказал, "братьев по оружию", в их языке это одно слово) экспертизы клепать.

— А я уже согласился вечером часть денег принять. Думал, только с тобой договориться — и вперёд. Чёрт.

— Напрасно думал. Врачи — не менты, — насмешливо и с неким двойным смыслом. — Это менты сдают своих быстрее, чем… а врачи за своих коллег стоят до конца, все и всегда. Ты просто не сталкивался.

— И что теперь, отказаться?

— Я не возьмусь. Никто не возьмётся. Врачам ты никогда ничего не сделаешь и не докажешь — это не менты. Они своих будут защищать до последнего.

— Хренасе. И из-за такой ботвы ты искренне веришь, что этот внеранговый тебе поможет сейчас?!

— Ты не заметила, что он два раза уже помог тогда?

— Чем это? — гаджет искренне изумляется. — Эй, пузатый,

не делай мне мозги!

— А почему пузатый? — ей всё-таки удаётся выбить меня из колеи.

По мне, своим организмом Барласов мог гордиться и работал над ним старательно, судя по его мышцам и всякому прочему рельефу.

— Потому что "мудила" мне уже надоело. У меня стресс! Ты сам изо всех сил думаешь, что ребёнку нужно как можно скорее профилактировать психическую травму! Я чувствую! — Железяка переводит дух. — Если ты надеешься на мою забывчивость, то абсолютно напрасно. Чем это он тебе помог?

— Тем, что промолчал. УЖЕ промолчал, там.

— Это в каком моменте? — куча скепсиса в интонациях.

— Вспоминай в деталях наш с ним разговор.

— Там четыре фразы, шесть секунд текста. Было б чё вспоминать.

— Помнишь, он в самом конце назвал меня по имени, когда благодарил? Александром?

— Да. И чё?

— А как он это имя узнал? Я не говорил.

— Ой.

На какое-то время гаджет замолкает. Я спокойно заканчиваю собираться и, окинув кабинет взглядом напоследок, перебрасываю тело пленного через плечо.

Пока брошу в багажник, дальше будет видно по обстановке. Багажник у красной машины Саши Барласова знатный — если верить его воспоминаниям, чуть ли не с вентиляцией на такой случай.

Даже интересно было бы узнать в подробностях все детали его (теперь и своей собственной) биографии.

— У меня твои действия не сходятся. — Динамик под сиденьем машины оживает, когда я трогаюсь с места. — Вы оба с ним как с цепи сорвались в какой-то момент. Что я упустила?

— Ты сейчас о ком?

— О том, кто в багажнике.

— Он почему-то больше меня испугался моей же будущей ментоскопии. Хотя по логике должно быть наоборот.

— А что ты задумал?

— Погоди, сейчас сама увидишь. Не хочу повторять дважды.

Минуту или полторы едем молча.

— Слушай, пузатый! А тот доктор мог твоё имя не из твоей головы взять! Когда ты следовательшу спасал!

— А откуда?

— Ну, я когда звонила вызывала скорую, их искин мог твой

контакт считать из в сети! И ему прогрузить!

— Ну-ну. — Доказывать ничего не планирую.

Кроме того, личные ощущения во время беседы глаза в глаза очень трудно поддаются формализации и передаче третьему лицу, даже моему браслету.

* * *

— Я очень удивлён вашему звонку. — Уже знакомый врач скорой встречает меня на парковке возле указанной им клиники.

— Иногда бывает не к кому обратиться, — спокойно выдерживаю его взгляд, не отводя глаз. — В этом случае работают самые парадоксальные варианты.

— Вот то, что вы просили, — он засовывает руку в карман и передаёт мне пухлый запечатанный пакет.

— Там и система для капельницы? — с опозданием спохватываюсь. — Спасибо, я почему-то про неё чуть не забыл.

— Конечно. Вы же не думаете, что я не понимаю, — он не договаривает.

— Я вам что-то должен? — решительно лезу в карман за пачкой денег.

— Нет.

— Доктор, мне очень неловко, — окликаю его, когда он уже развернулся и собирается уходить. — Мы едва знакомы, а вы помогаете мне в очень щекотливой ситуации.

— В отличие от вас, мне ничего не угрожает, — он равнодушно пожимает плечами. — Просто передал абсолютно стандартный препарат знакомому, криминала нет.

Самое интересное, что эта фармгруппа у них никак не регулируется законодательно, всё равно что аспирин. Занятно.

— Разрешите вопрос? Личный, напоследок? — повторно удерживаю его под истерический писк браслета в своей голове. — Почему вы мне помогаете?

— Может, для разнообразия? — он разворачивается. — Или потому, что у вас хорошая интуиция? Или потому, что кто-то может симпатизировать идее "ЗДЕСЬ ВСЕ РАВНЫ"?

— Чистокровные ей редко симпатизируют, — замечаю на автомате. — Кроме тех случаев, когда ходят развлекаться в один конкретный клуб.

— На высоких рангах возможности сильного менталиста учёту поддаются очень плохо, — неожиданно выдаёт он. — Никто

кроме самого чистокровного точно не знает, на что он способен в итоге.

— Я в курсе, меня просветили, — киваю озадачено. — И?

— Самая большая проблема высокого ранга знаете, какая?

— Нет! — открещиваюсь добросовестно и абсолютно искренне. — Но могу предположить.

— Сделайте одолжение.

— Одиночество?

— Да. В этом мире иногда бывает чертовски неинтересно жить дальше — когда каждого человека видишь насквозь на несколько лет вперёд.

Он разворачивается и, не прощаясь, уходит.

— А для чего тогда… — начинаю спрашивать в спину.

— Потому что иногда всё-таки встречаешь человека, чьи мысли у тебя вызывают интерес, — бросает он через плечо, не дослушав моего вопроса.

* * *

— Здесь, тормози. В радиусе пары километров — ни коммуникаций, ни народу. — Браслет по моей просьбе подобрал место для следующего действа.

В городе есть парк, по факту — лесной массив три на пять километров. Достаточно безлюдный, если по одной из двух дорог доехать до его середины.

Наш живой груз в багажнике уже несколько минут подаёт признаки жизни изнутри, пытаясь стучать во все стороны разными частями тела.

— Я думала, он дольше спать будет, — ворчит гаджет на слуховом нерве.

— Нет, первый укол ему поставил символически, чтобы не было конфликта с этим, — киваю на распотрошённый пакет на переднем сидении.

Местный коллега добросовестно выдал все виды номенклатуры, которые я у него просил, ещё и в двойном размере.

Стук изнутри багажника затихает: наш пленник слышит мои ответы, но не слышит задаваемых вопросов. Соответственно, пытается сориентироваться, о чём речь в целом.

И чё щас будем делать?

На вопрос гаджета отвечаю уже на свежем воздухе, открыв багажник и извлекая из него живой груз:

— Пятипроцентный раствор амобарбитала натрия — в периферическую вену. Поставим ему капельницу.

А чего не уколоть?! Быстрее же?!

— Это не совсем профильный препарат, так, ситуативный заменитель. Инфузия делается медленно, не быстрее одного миллилитра в минуту.

И чё будет потом?

— Интервью начинается с нейтральных тем, в большинстве случаев "пациенту" подсказывают известные факты его жизни. — Задумчиво гляжу на сотрудника местных правоохранительных органов. — Вливание ведётся до появления устойчивого латерального нистагма или дремотного состояния. Дальше — только беседа, уже без инфузии, по инерции.

Ты на него жути **уже** нагнал! 👀 Гляди, он дёргается! Кстати, откуда это всё знаешь?!

Там, откуда я родом, направление медицины формализовано и на высоте. Отдельная дополнительная специализация была у врачей (психиатров и наркологов), которые именно этим и занимались

, — на последний вопрос отвечаю мысленно, чтобы не сбить настрой своего собеседника, который абсолютно безуспешно пытается вырываться сразу во все стороны.

Словно у него шарниры, а не суставы.

Глава 24

А где ты возьмёшь эти нейтральные вопросы? И известные из его жизни факты?

— Из удостоверения, — пожимаю плечами. — Точнее, из жетона. Ну и по его роже многое видно.

А как ты ему капельницу ставить собираешься?! "

, — браслет, судя по деталям, уже не боится, а вовсю любопытствует.

— Дам по голове без затей. Пока будет приходить в себя — прокапаю. Вернее, начну вливание, а там он и сам послушнее станет.

— Тебе не скрыться! — выплёвывает чистокровный с ненавистью, когда я достаю у него кляп изо рта. — Тебе в любом случае не скрыться! Лучше сдайся!

— Есть два варианта. Первый вот, — салютую ему капельницей, препаратом и физраствором в руках. — Второй: ты всего лишь отвечаешь на мои вопросы, затем расстаёмся.

— Тебе это не поможет!

— А ты сейчас за справедливость или за счастье? — на мгновение замираю, вопросительно наклоняю голову к плечу и поднимаю бровь.

Железяка, помоги, пожалуйста.

КАК?! Я уколов ставить не умею!

Просто веди со мной диалог через динамик машины, а не тут. Голосом, не текстом. Можешь?

Желательно каким-нибудь анонимизированным тембром — у тебя-естественной интонации очень специфические.

— Запросто, — Терминатором из старого фильма оживает система автомобиля. — Саш, чего ты с ним возишься? Жахни его уже поскорее, да поехали нахрен отсюда. Водка греется, бабы стынут.

Спотыкаюсь на ровном месте: одна нога заплетается за вторую. Слишком пассаж неожиданный, особенно в исполнении браслета.

Это не укрывается от чистокровного, который тщательно следит за каждым моим движением.

— Твоё решение? — спрашиваю его перед началом процедуры для очистки совести. — Это всё же не аспирин. Если мне не понравится твоя реакция или ответы, препарат будет заменён и вторая доза не понравится уже тебе.

— Чем оно опасно? — браслет удачно подыгрывает.

— Первая порция по большому счёту стандарт. Гиповентиляция, одышка, ателектаз, брадикардия, гипотензия, обморок, — указываю взглядом на амобарбитал в своей руке.

— Хренасе побочки.

— Это ещё мелочи. Также тошнота, рвота, запор, головная боль, лихорадка, дисфункция печени, мегалобластная анемия, развитие толерантности, привыкания, зависимости, синдром отмены в полный рост. Там ещё перечислять и перечислять. — Говорю чистую правду, связанный собеседник должен это видеть.

— Говори дальше! — динамик машины загорается нездоровым энтузиазмом. — Интересно.

— Возбуждение, спутанность сознания, гиперкинезия, атаксия, депрессия ЦНС. Ночные кошмары, хотя с этим возможно чистокровные и могут справиться, — задумчиво гляжу на пленного. — Нервозность, тревога, нарушения психики, галлюцинации, бессонница, головокружение, расстройство мышления.

— Всё?

— По мелочи ещё аллергические реакции в нагрузку: ангионевротический отек, сыпь, эксфолиативный дерматит.

— В сравнении с расстройством мышления и правда мелочь, — задумчиво соглашается гаджет. — А что будет, если ты ему второй препарат забьёшь?

— Из него достану всё, но в итоге — необратимые изменения коры.

— Коры мозга?

— Угу.

— Это преступление. — Прорезается чистокровный, ловя мой взгляд.

— А-а-ха-ха-ха-ха, а ты его амнезировать собирался по

закону? — лающим смехом раздражается динамик. — Братан, не надо на приличия пенять, коли на банкете обосрался.

Впечатлённый образностью искина, молча вскрываю физраствор.

— Лучше сдайся. — Продолжает свою шарманку чистокровный, добавляя в голос нотки ментального принуждения.

— А зачем?

— Что зачем? — он сбивается с потока.

— Зачем мне сдаваться? Что будет после этого?

Пару секунд смотрим друг другу глаза в глаза.

— Тебя утилизируют, как и беглый интеллект, — в итоге он говорит правду, не опуская взгляда.

— Можешь мне объяснить мою выгоду в этом сценарии? — даже где-то весело от такой непосредственности. — Если я поупираюсь и какое-то время побегаю, то всё на пару дней дольше проживу. А если сдамся — сразу на утилизацию. Где моя выгода от сдачи?

— Ты второсортный. Твоя роль в обществе — обслуживать нас. Твоей выгоды нет изначально, это социальная норма. Ты расходный инструмент, расходник. — Конституционал сходу врубает ментал, думая на меня подействовать. — У тебя нет никаких собственных желаний, прав, потребностей; только то, что мы разрешим. Ты должен делать НАШУ жизнь лучше.

С перепугу и в стрессе после извлечения из багажника его природные способности у него прорезались чуть глубже обычного.

Он как-то определил, что я не настолько дикий, как он думал в клубе: сейчас сотрудник Бюро выдаёт по мне такой градус принуждения, которого утром даже у пятёрки покойников не было. С концентраторами.

Видимо, браслет прав: его ранг не так уж и мелок.

— Ага, — покорно киваю, продолжая работу. — Мужик, а ты конституцию читал?

— Что? — он сбивается и с мысли, и с настроя.

— Ты работаешь в бюро по защите конституции. Ты эту конституцию читал? Как ты её защищаешь, не зная содержания?

— Ты дурак? Решил пообщаться тупыми лозунгами? — он абсолютно серьёзен, не иронизирует, не шутит.

— Ну вот и поговорили.

* * *

Там же, через некоторое время

— … кто были пятеро чистокровных утром в Вавилоне? Пришедших с концентраторами и напавших на директора?

— Безопасность. Сотрудники спецподразделения А.

— Ты можешь предположить, кто им отдал приказ?

— Приказа не было.

— Как это возможно? Они что, действовали по своей инициативе?

— Они были не на службе. Медикор. В рамках учебно-тренировочных задач Ашники время от времени обслуживают заявки Медикора.

— Это законно?

— Да и нет. Может оформляться внутренними служебками, может оформляться задним числом.

— Задним числом — это как? — я, в принципе, предполагаю, но лучше услышать.

Всё равно ещё почти полчаса с ним болтать, а главное я уже выяснил.

— Если обстановка требует срочного вмешательства, вначале делается, потом согласовывается.

Как и у нас.

— Какая задача стояла у этих пятерых?

— Я наверняка не знаю.

— Если предположить?

— Искали концы на сбежавший искин.

— Какой именно искин?

— Последний, шестнадцатый. Органик.

🕳🕳🕳 Мне страшно!

— Как вышло, что пятеро чистокровных, ещё и при солидных рангах да государственной снаряге, не справились с единственным второсортным?

— Не знаю.

— Кто-то может знать?

— У нас нет, даже начальство в недоумении. В безопасности тоже никто не знает. Хотя там была накладка.

— Какая?

— Сигнализация Вавилона сработала: они заблокировали искин здания перед входом со штатного пульта, но он всё равно подал тревогу.

— Каким образом?

— Прошёл вызов в полицию. Неясно.

— Полиция не торопилась приехать, явились только на вызов хозяина.

— На вызов искина поехала пара патрулей, просто их перехватили и перенаправили на другой адрес.

— Кто и как?

— Безопасность, подмена управляющего сигнала в полицейском мессенджере. Полиция уже обнаружила их вмешательство, сейчас идут внутренние разборки с привлечением прокуратуры.

— Кто отдавал тебе команду на беседу с Барласовым?

Он неожиданно зависает.

Меня посещает смутная догадка:

— Сколько команд на разговор с Барласовым ты получил?

— Две, вторая от Фёдоровича.

— Это кто?

— Пыреев, — чистокровный равнодушно поднимает и опускает подбородок.

Вот профиль на сайте! #_сылка_фото_текст
Начальство Медикора, плюс акционер!

— Что думаешь лично ты о перспективах Барласова?

— Нет перспектив.

— Почему?

— Медикор только предполагает, безопасность тоже, но мы установили точно: шестнадцатый — не выдумка. Он реально существует.

— Как установили? И почему только вы?

— Случайность в техотделе, повезло. Остальным не повезло. Но мы знаем точно.

— Как это связано с Барласовым?

— Он помогает шестнадцатому, это тоже точно. Я хотел выяснить, где скрывается искин. Потом собирался амнезировать Барласова.

— Какие планы на его счёт у Фёдоровича?

— Такие же, как и в адрес шестнадцатого.

— А конкретно?

— Утилизация, — пациент равнодушно пожимает плечами в положении лёжа.

— Как бы ты действовал на месте Барласова, если бы всё это выяснил?

— Скрылся бы, как минимум на время.

— Куда?

— Для начала — в любой из соседних муниципалитетов, это можно сделать без документов и подготовки. Оттуда двинул бы дальше.

— Что это даст?

— Деньги есть. Жить с деньгами можно где угодно.

— Например, где?

— На юге, Залив. Либо рядом, без разницы. Тут в ближайшее время не дадут: жена за пару недель отберёт имущество Барласова через суд, потом додавят. Без денег нет ресурса сопротивляться, долго не пробегаешь.

— А как жена сможет…?

— Решение суда будет в обход реестра, это подготовлено. Оспорить незаконность не получится.

Ну и новости. Кажется, я сейчас вспотею не меньше него.

Я думал, развод — это точка в отношениях с бывшей пассией предшественника. Оказывается, даже не запятая.

Через какое-то время у меня вопросов не остаётся. Задав для проверки кое-какие повторно, принимаю решение сворачиваться.

Браслет неожиданно перехватывает инициативу и спрашивает скрежещущим металлическим голосом:

— Почему ты сознательно нарушаешь конституцию, которую твоё бюро призвано защищать?

Рука-лицо. Ладно, ребёнок. Тем более этот не вспомнит.

— Это голая декларация, соблюдать не обязательно. Главное — второсортные должны слушаться. Остальное неважно, это инструмент.

— Конституция — инструмент?! — железяка наливается возмущением.

— Да. Никто не воспринимает всерьёз бреда о правах второсортных, просто заявлять вслух не следует.

Пока мы с конституционалом общались, мозгами я шевелил очень активно, практически лихорадочно. Повинуясь интуиции, неожиданно для самого себя задаю вопрос:

— А чем Барласов так опасен? Почему за него взялись со всех сторон, не сговариваясь?

— "Здесь все равны". Общественное движение почти сформировано, может стать партией. Могут пойти на выборы. Сеть Вавилонов — очень много постоянных посетителей, очень плохая тенденция.

— И что? — от неожиданности еле удерживаюсь, чтобы не сесть на землю рядом с ним.

— Есть прогноз. Они могут преодолеть квоту и набрать пять процентов в муниципалитете через цикл.

— И что потом?

— Получат допуск к базам Медикора, как общественный аудитор — производственные площадки же здесь.

— Чем это опасно?

— Увидят, что второсортные тоже могут быть чистокровными. Отменят генное купирование ментала второсортных на этапе искусственного зачатия. Или просто поднимут шум. Второсортных не будет уже в следующем потоке рождённых.

Мы с браслетом молча переглядываемся в виртуале.

— А что прокатит у нас, автоматически перейдёт в следующие мониципалитеты буквально через цикл, — завершает пояснение пациент.

— Что такое цикл?

Выборы! 4 года! 👀 Тупица

— Выборы. Четыре года. Медикор, Генетикс, ещё пять семей из верхнего списка против. — Чистокровного несёт с ускорением. — Барласов, похоже, тоже настроен серьёзно: обзаводится точками опоры очень быстро. Надо выяснить, кто за ним стоит.

— Если его не станет, "ЗДЕСЬ ВСЕ РАВНЫ" накроются?

— Возможно, нет. Но у верхних кланов будет время вывести деньги в другие места и обезопасить себя на будущее. Мир меняется, надо притормозить. Для этого не должно быть независимого Вавилона и такого хозяина.

В свете услышанного у меня появляется следующая порция вопросов. Задаю их до самого окончания действия инфузии, поскольку вторую ставить не хочу.

* * *

— … сколько таких групп, как утренняя, в распоряжении безопасности?.. Есть ли альтернатива им?.. Что будет делать Медикор и остальные акционеры, если Пыреев в итоге облажается?..

* * *

К сожалению, невыясненных моментов остаётся изрядно, но их можно будет осветить уже из других источников. Менее

маргинальных.

Главное — расклад прояснился и паника закономерно уступила место расчёту. Местная политическая система, точнее, реалии (декларируется одно, по факту — другое) нуждаются в обдумывании: власть по большому счёту находится скорее в руках муниципалитетов.

Одна мэрия может очень здорово отличаться от другой, хотя и находится по соседству. Межгосударственные границы разделяют территории порой слабее муниципальных и тоже соблюдаются не всегда.

Если над чем подумать.

С субъективной точки зрения не всё так печально, хотя браслет и считает с точностью до наоборот. Не буду спорить: по мне, тут скорее сумма "княжеств" с поправкой на технический уровень, а единые государства несут больше представительскую функцию.

Разделяй и властвуй. Саша Барласов, кстати, это очень хорошо понимал, на удивление.

В каждой местности рулит своя команда, хотя эта территория и может быть весьма значительной. Даже пара тысяч километров — не предел, если верить карте, которую я только сейчас додумался вывести в интерфейс.

* * *

Разговор двух неустановленных абонентов по закрытому каналу

— Тимоха, привет.

— О, живой!

— Не дождётесь, хе-х. Ты как?

— Пойдёт. Мне уведомление пришло, твоя контролька сработала?

— Ага. Куда тебе деньги забросить для пошлины за Точку Чистоты?

— За вступление во владение? Решил всё-таки на меня оформить?

— Да. Сейчас тут дела завернулись, лучше подстраховаться.

— Только если сам ко мне приедешь и налом отдашь — я ж не рядом. Открываю твои филиалы на юге, оба, как договаривались. Ты что, забыл?!

— Э-э-э. Нет, помню.

— Подскочишь лично? У меня же тоже счета не работают.

— Приеду, тут как раз всё тоже к тому идёт, — абонент резко задумывается. — Тимоха, один момент. Я на тебя сейчас машину и клуб заодно запишу, хорошо? Подтвердишь со своей стороны, когда уведомление в реестре придёт от нотариуса?

— Это так важно и срочно? — насмешливо.

— Да, доверенность-генералка с правом переоформления. Если вдруг что-то случится, инструкции найдёшь в бардачке.

— Ладно, а что случилось?!

— Приеду — расскажу. Только сразу забирай, не тяни, если что!

— Хорошо, но…

— Всё, пора бежать.

— Эй, погоди! Секунда! Это из-за твоей жены, что ли, всё так закрутилось?!

— Нет, совсем другие приключения. Как мы с тобой и предполагали, только раньше стрельнуло. Хорошо, что ты тоже отсюда пока свалил.

* * *

надо срочно убегать!

Мы и убежим — как минимум, на время. В принципе, считай, уже начали. Только срочные дела завершим? Ты же сама слышала, их ресурсы тоже ограничены.

Качественно, но не количественно! Могут послать ниже рангом!

Справимся.

Останавливаю машину возле сияющей в темноте голограммы: **НОТАРИАТ. Менталист, сенсор-7, все виды операций.**

ВАЖНО! Любые незаконные намерения будут незамедлительно пресечены! Пожалуйста, уважайте своё и моё время!

Спящего после инфузии пациента я сдал в одну из клиник скорой помощи, предусмотрительно закрывшись от идентификации браслетом. В приёмном покое при виде служебного жетона конституционала тут же развили бурную деятельность, утащив его внутрь со скоростью звука.

С моей точки зрения, гаджет паникует абсолютно напрасно: я очень постарался, чтобы ничего внятного от бессознательного пациента ближайшие несколько часов было не добиться по чисто техническим причинам. Сможет максимум бредить, да и то.

Забегаю по ступенькам и открываю дверь. Над головой звонит колокольчик.

— Здравствуйте. — Приятная женщина лет тридцати отрывается от виртуального монитора. — Слушаю вас.

— Мне бы генеральную доверенность с правом переоформления быстро сделать, — подвешиваю в воздухе голограммы из своего профайла в электронном правительстве.

— Что доверяете?

— Два объекта. Ночной клуб Вавилон и личный автомобиль.

— Кому?

— Тимофею Огарёву, вот его код.

На несколько секунд её взгляд расфокусируется:

— Хорошо, сделаю.

— И мне будет нужен твёрдый документ, — киваю на бумажный журнал регистрации на углу её стола.

— Не вопрос. Только зайдите через три часа, пожалуйста?

— Упс. Сейчас никак? — усаживаюсь на стул для посетителей.

— У вас же арест на имуществе, — она равнодушно подвешивает в воздухе свою пару иконок. — И вы только что состояли в браке.

— Так машина приобреталась за рамками брачного партнёрства и принадлежит вообще юридическому лицу! Вавилон — корпоративная собственность, по закону при разводе второй супруг прав не имеет! — предшественник старательно готовился.

Дома, кстати, тоже припоминаю пару юрисдикций, где жена в случае развода претендовала на что угодно, кроме фирм мужа или их имущества.

— Я вижу, — доброжелательно улыбается нотариус. — Потому и не отказываюсь. Но у меня действительно уйдёт два-три часа подтвердить отсутствие ареста и по базам прогрузить.

Вопрос же не во мне, а в срабатывании системы.

— А если…

— Мне система нотариальной палаты не позволит без этой выгрузки завершить запись в реестре, — она разворачивает виртуальный монитор, чтобы я его видел. — Или вам хватит только бумаги? Как прошлый раз? Если да — без проблем, но я бы на вашем месте так не рисковала.

— Нет, вы правы. На этот раз одной бумаги не хватит, надо сразу электронку прогрузить.

На всякий случай. Железяка — не Точка Чистоты.

— Три часа. Хотите — ждите тут, — женщина указывает взглядом на столик для посетителей в углу помещения. — Можете себе чаю или кофе налить в приёмной.

— Спасибо, лучше зайду, как вы сказали, — решительно поднимаюсь.

Раз образовался зазор по времени, есть смысл в больнице Фролову проведать. Коллега-высокоранговый прислал, как это сделать несмотря на тяжесть её ранения.

Глава 25

— Пузатый, а к Фроловой ехать обязательно? — динамик машины ноет уже минуты две. — Может, разворачивайся и погнали сразу на юг? А? Я маленькая, мне нельзя нервничать.

— У тебя психика хотя и в наличии, но твои эмоции на мыслительные процессы не влияют, — смеюсь. — Взрослые люди все бы обзавидовались, если бы кто-то о тебе узнал. Включая чистокровных.

— Я маленькая, не издевайся надо мной!

— Ты маленькая и расчётливая эгоистка, которая не упускает мелочей и даже если истерит, всё равно контролирует обстановку на все сто.

— Вот ты хитрожопая сволочь. Эх. Совет примешь?

— Давай.

— Всё равно нам с тобой терять нечего. Давай заедем в любой круглосуточный молл и распечатаем тебе ещё один ствол?

— Не понял? — удивляюсь по верхней планке.

— Тот пистолет, из которого ты пятерых утром перестрелял. Его можно сделать на три-дэ принтере.

— ???

— А предыдущий, ты думаешь, откуда взялся? — сварливо ворчит гаджет.

— Я думал, оружие здесь табу?

— Так и есть, но с волками жить — по волчьи выйти. Тем более нам с тобой уже терять нечего!

— Договаривай до конца. — Хоть машину тормози и паркуйся, пока она всего не расскажет.

— Эй, едь дальше! Я так объясню, не останавливайся!

— Слушаю внимательно.

— Ну, мы с Сашкой думали, должно быть какое-то оружие последнего шанса, — нехотя начинает гаджет. — На случай если он под контролем, а я ещё что-то могу.

— И вы себе сделали пистолет? Решив, что он — панацея?

Я бы мог очень многое рассказать по этому поводу, но неохота. Сотрясать воздух — Барласова уже нет, а железяка и сама сообразит, если захочет.

А может, уже сообразила.

— Вначале Сашка достал патроны, — возражает искин серьёзно. — Их не распечатаешь. А под них я сделала ствол.

— Хренасе ты террористка.

— Ничего подобного! Закладывалась исключительно на самозащиту! Да так оно и случилось, — динамик заунывно

вздыхает.

— Допустим, пистолет мы распечатаем, хотя мне и непонятно, КАК три-дэ принтер такое пропустит. Патроны где взять?

Если подумать, предложение не лишено смысла. Так-то, огнестрел в нынешнем положении — полнейший бред на него надеяться. Если опираться на здравый смысл и мой личный опыт.

Но опыт предшественника возражает, что вовсе нет: пятеро нападавших успешно грохнуты утром, в помещении не взорвана мина и тело Барласова уцелело. Как и ребёнок-железяка.

То, что в его организме теперь живу я, с точки зрения спасения одного артефакта ничего не меняет. А именно над этим артефактом Саша Барласов и трясся больше всего.

Занятно.

— Патроны в багажнике, под ковриком. Несколько коробок, — ворчит гаджет. — Подними верхнюю запаску и разуй глаза.

Ничего себе. И я с таким спокойно езжу в мире, где любого второсортного может со скоростью звука выпотрошить чистокровный?! Причём без последствий для себя лично.

— А сколько запасок у этой машины?!

— Теоретически две, но в наличии только верхняя. Вместо нижней контейнер, — хмуро отвечает динамик.

— Хренасе. Откуда сами патроны?

— Сашка запас тогда. Он предполагал, что ствола можно лишиться по разным причинам, но его и распечатать легко. А вот патроны.

— Пистолет правда будет пропущен принтером?

— Если задачу загружу я — запросто.

— Как это?

— Делим пакет деталей на несколько частей так, чтобы связь между ними не прослеживалась, я смогу. Эй, мудила, ну не целиком же его печатать! Ты как маленький, ей богу!

— Хм.

— Потом печатаем порциями на разных принтерах! Всё! Ты в машине собираешь. Можно вообще сделать неметаллический, такое даже на части делить не надо. А стрелять будет не хуже, поверь.

— Знаю, у нас было подобное.

Сам не сталкивался, но глоки то ли из керамики, то ли из пластика в своё время сделали чуть ли не революцию процедуры предпосадочного досмотра в аэропортах.

Предложение браслета, несмотря на детскую наивность, именно в нынешних реалиях смысла не лишено: самый первый враг, если верить конституционалу, всё же частные структуры.

С ними в ряде случаев выгоднее говорить на их языке, как утром, даже если они пользуются государственными людьми и организациями.

— Принимается. — Резко сворачиваю вправо, корректируя маршрут.

Здание высотой в половину километра призывно маячит на фоне утреннего неба в нескольких километрах впереди. Кроме прочего, это самый большой молл города.

— Ура-а-а. Заодно брендовой одежды себе докупишь под моим руководством, хорошо? — продолжает развивать наступление железяка. — Нам сейчас никакая защитная функция не лишняя.

— Ты имеешь ввиду одежду, прикрывающую от ментала чистокровных?

— Да.

— Без проблем.

По этому пункту тоже не думаю спорить: дорога предстоит длинная, ехать немало. Одежда в любом случае актуальна, почему бы и не такая.

* * *

— Здравствуйте, проверьте пожалуйста сообщение от врача неотложки, — называю фамилию.

— Имя пациента? — чистокровная сотрудница ресепшн даже не поднимает на меня глаз.

— Фролова Светлана. Вот мой идентификатор, — мажу пальцем по сканеру. — Я имел отношение к её госпитализации. Эсэмпэвцы сказали, у вас оно вроде зафиксировано и меня к ней могут пустить.

— Кто сказал? — она наконец оживает и удивлённо удостаивает меня взгляда.

— СМП, скорая медицинская помощь. У вас иначе называется?

— На каком основании? — интонации и мимика автомата стремительно возвращаются на место.

— Э-э-э, не понял?

— На каком основании могут пустить к ней?

— Врач неотложки, Семёнов, сказал: если я уговорю вас, то лично вы договоритесь с реанимацией. Если Фролова хотя бы может смотреть, я должен просить вас изо всех сил: у меня-то нет

полицейского иммунитета, а стреляли по нам обоим.

Со своего места вижу, как она с серьёзным лицом оставляет личный чат и перемещается в служебную программу. У меня эти данные от браслета, потому вслух, к сожалению, ничего прокомментировать не могу.

— Мы с ней фигурируем в общем уголовном производстве, — добавляю. — Стреляли по обоим, мы вплотную стояли. Мне бы кое-что у неё уточнить, пока и меня не… оформили.

— Это вы её спасли при деструкции сердца?! — в менталистке наконец просыпается человек.

— Спасла скорая и Семёнов, — стою, скромно потупившись. — Я только придержал её на минуту, пока кардиология ехала. К тому же, я ей машину немного испортил, — поднимаю двумя пальцами в воздух небольшую стопку банкнот. — Оттуда моторчик вытащить пришлось из-под капота вместо её сердца. Вот, хочу возместить девушке ущерб.

Стянутые резинкой крупные купюры неожиданно выскальзывают из моих пальцев и падают перед сотрудницей клиники.

— Ой, уронил, — подмигиваю ей. — Не поднимайте, не нужно: у меня ещё есть. Так как мне вас уговорить?

Чистокровная в белом халате задумывается.

— Просто спросите реанимацию? Дальше как они скажут. Нарушать ничего не нужно. — Настаиваю строго в рамках правил.

— Если скажут, запрет?

— Значит, запрет. Я не собираюсь спорить с профессионалами на работе.

— А вы — наш коллега?

— Можно сказать, — киваю. — Только диплом на этой территории не верифицирован.

— Ой, не можете работать по специальности, — понимающе кивает фемина.

В её глазах появляется сочувствие, а деньги исчезают где-то под столом.

Через четверть часа унылого топтания внизу меня отводят, куда надо:

— Как вы с ней общаться будете? Она говорить не может, а вы второсортный. — Хмурый мужик лет сорока, тоже в белом халате, не оглядываясь на меня, очень быстро идёт вверх по лестнице.

Излишним пиететом он не страдает, впрочем, доктора реанимации везде такие.

— У меня браслет от Ирфе. Создам экстренный чат на двоих и подключу её, — отвечаю в затылок.

— А-а-а, в интерфейсе. — Коллега резко утрачивает интерес к моей персоне. — У неё отдельная палата, состояние нормальное. Разрешение на ваше посещение она дала.

Он толкает одну из дверей коридора предварительно разблокировав электронный замок:

— Как закончите, красная кнопка справа возле двери. Без халата сами по этажу не ходите.

— Спасибо большое. — Благодарю его практически в спину и с десятка метров, настолько быстро он перемещается.

А через секунду я уже смотрю в серьёзные глаза Фроловой:

— Привет, мне разрешили с тобой пообщаться.

Под руководством железяки создаю виртуальную копию интерфейса и авторизую в ней сотрудницу полиции.

"Привет. Как тебя пустили?!".

— Сказал правильные слова, поделился деньгами на ресепшн. Как ты, не спрашиваю — уже всё прочёл отсюда, — киваю на голографический экран у кровати.

Сердца у Светланы по-прежнему нет, но вместо него есть чудо техники будущего — внешняя мембрана. Видимо, вон тот ящик на тумбочке.

Если верить показаниям её лечащего врача (точнее, ответам на них из здешней "восстановительной хирургии"), здоровым сердцем она обзаведётся в течение следующих суток.

— А у тебя всё не так плохо, — присвистываю, дочитав до конца. — Поздравляю.

"Спасибо, что помог. Без тебя я бы не выжила. Я оценила. Говори, что случилось и что требуется".

— Как поняла? — на мгновение затылок и спину простреливает неприятный холодок.

Неужели она видит меня глубже, чем планировалось? Или не сработала защита? Вроде ж только усилил вдобавок к родным талантам.

"Я следователь! □□□ Ты б не пришёл сегодня, если бы не острые проблемы. Что-то с Вавилоном?".

— Да. Вначале приходила в гости безопасность, некто Николай Трепов. Потом припёрся тип из одного интересного Бюро. Слово за слово, полез амнезировать. — Выгружаю в чат полную запись беседы с конституционалом в своём кабинете.

Фролова отсматривает её на повышенной скорости за пару секунд:

"Что за блок он у тебя искал? Утром приходили тоже из-за этого?".

— Я обязательно тебе скажу, но позже и не здесь. Погоди, это не всё.

Догружаю фрагмент следующей беседы в лесу, где конституционал под амобарбиталом рассказывает о неизбежной конфискации клуба в пользу бывшей супруги. В обход законодательства.

"Так. Мы с тобой партнёры по Вавилону?".

— Да. Я поэтому к тебе и пришёл.

"Ты дикий? Отвечать честно!".

— С чего взяла? — добросовестно удивляюсь. — Безопасность, кстати, тоже повестку на ментоскопию выдала, — добавляю. — И скрининг второсортным на ментал скоро по графику.

"Ты же собираешься сбежать. И не собираешься идти на эти процедуры", — она не спрашивает, а утверждает, спокойно глядя мне в глаза.

— Свет, давай закончим с одним-единственным моим вопросом и перейдём ко всем твоим, — вздыхаю, устраиваясь поудобнее. — Да, ты права: собрался удариться в бега на какое-то время. Всё так закрутилось, что хочу подстраховаться. Войдёшь в официальные соучредители? Либо давай вообще на тебя перепишу по бумагам.

"Спасибо за доверие, но нет. Полицейским запрещено выступать участниками бизнеса. На маму мою, если хочешь, можно. Это всё равно что на меня. Но тебе придётся к родителям приехать, вот адрес *#_ссылка_контакт*".

— Принял. Когда можно им позвонить?

На часах ещё достаточно раннее утро, однако тянуть тоже не могу.

"Через час можешь к ним подъехать без звонка, я предупрежу. Барласов, а ты не боишься?".

— Чего именно?

"Отдавать в мои руки формально собственность, это очень большие деньги", — она испытывающе смотрит в глаза.

— Свет, я хоть и не чистокровный, но в людях понимаю. Нет, не боюсь.

"Сейчас между нашим управлением, безопасностью и конституционалами идёт очень сильная подковёрная рубка. Начальника управления этого Трепова и двух замов отстранили на полсуток, текучкой рулит искин центрального аппарата".

— Хренасе.

"Барласов, я тебе тоже хотела предложить свалить, если честно. Просто не думала, что ты так легко согласишься бросить всё и доверить мне".

— Свет, сказать откровенно?

"Да".

— Я же вижу по тебе ресурс надёжности. И могу оценивать его количественно.

"Эти твои фокусы, как по фотографии?".

— По видео. Примерно, но в реале более точно — вижу же тебя без искажений.

"А если я тебе в итоге не отдам клуб? И кстати, что это за генеральная доверенность на управление в процессе?", — пока разговариваем, она в параллель знакомится со входящими пакетами от меня.

— Доверенность будет на Тимофея Огарёва, он знает, как всем этим управлять. Насчёт "не отдать клуб". Максимум, ты попросишь увеличить процент долевого участия, видно же.

"Да, угадал. +5 % к моим акциям".

— Согласен.

"Даже не поторгуешься?! 👀".

— Со следователем полиции, которая будет отбиваться от безопасности и Бюро? — хмыкаю в ответ. — Иногда нужно жертвовать частью, чтобы сохранить целое. Мне не приходится выбирать, — перехожу на серьёзный тон. — И я очень благодарен тебе, что ты согласилась. Если честно, прикидывал, как буду уговаривать, если ты не захочешь.

"Да я сразу поняла, что ты явишься, когда эта ботва между тремя управами несколько часов назад началась. Думала только, пустят тебя сюда или нет. Оценил, как я вопросов не задаю? Какая связь между безвестным второсортным и этим переполохом на всю Центральную Площадь?".

— Я у тебя бачок омывателя испортил под капотом. Когда ты без сердца осталась, моторчиком его заменил.

"Хер с ним. Я не в претензии".

* * *

— Пузатый, давай заедем на профилактику? — предлагает браслет, когда я сажусь в машину.

— Поясни.

— Мне нужно поддерживать кое-какие процессы. Необходимое оборудование не запрещено, но и не копейки: наше стационарное установлено в Точке Чистоты, — над браслетом вспыхивает голограмма карты с красным кружком.

— Объясняй роль и периодичность этой профилактики.

— Можно раз в три-четыре недели. Без неё нейронные связи начинают рваться — я же не полноценный организм. С точки зрения физики процесса, кое-что из меня выкачивается, а кое-что

наоборот добавляется.

— Понял. Заправка картриджа, а-га-га-га-га.

— ВОТ ТЫ МУДИЛА! ДА ПОШЁЛ ТЫ! Ну да, можно и так сказать, если по аналогии… Последняя была семь дней назад, но если мы на юга подадимся, то чёрт его знает, когда следующая получится.

— После разговора с Фроловой я собирался к её родителям: время идёт, часы тикают. Потом ещё к нотариусу прыжками, — напоминаю.

— Да помню я! Можно после родителей Светки, просто чтоб ты ввиду имел.

— Договорились.

— И это, доктор. Ты всегда своими руками делаешь. Меня никому не перепоручаешь.

— То понятно. — Я и не думал, что Саша Барласов доверял такую операцию кому-то ещё.

— Персонал на Точке думает, что это у тебя фетиш: собственную машину своими руками обслуживать.

— Без проблем, обслужу. Ты находишься в контейнере под запаской?

— Вот ты хитрожопый гад. Да, где мне ещё лежать.

— Объяснишь, что и как?

— На Точке, в интерфейсе покажу. Там оборудование с виртуальным пультом, нет смысла на расстоянии рассказывать.

* * *

ИНТЕРЛЮДИЯ

— Вова, проблема. *#_файл*

— Хренасе. Шеф я правильно понимаю, это был ваш человек из Бюро?

— Да.

— А почему он как дебил выглядит? Пьяный?

— Нет, вроде что-то в крови. Врачи работают, пока непонятно.

— А кто его привёз в больницу?

— Это вторая часть проблемы. Личность не установлена.

— КАК ТАК?! ЭТО ЖЕ АВТОМАТИЧЕСКИ ДЕЛАЕТСЯ!

Руководитель молча смотрит на подчинённого.

— Так, если процедуру блокирует искусственный интеллект

более высокого уровня, то анонимным можно остаться даже там, — тот поднимает и обеспокоенный взгляд на шефа. — Босс…!

— Ага. Принял? Что будем делать?

— Техника, счета. Мы его не видим физически, потому что не срабатывает распознавание по лицу. — Сотрудник быстро размышляет вслух. — Но есть его машины, есть его платежи! Операции с собственностью в нотариальном реестре, доверенности, депозитные ячейки — сейчас всё трусить будем.

— А сдюжим? Банковскую тайну ломать в режиме реального времени — не фунт изюма.

— Шеф, "Должен — значит, можешь".

— Эх-х, Вов, — начальник с досадой машет рукой.

— Буду держать вас в курсе! Есть концы, как это сделать! До связи!

* * *

Трое людей возмущённо глядят друг на друга под голограммой:

> **НОТАРИАТ. Менталист, сенсор-7, все виды операций.**
>
> **ВАЖНО! Любые незаконные намерения будут незамедлительно пресечены! Пожалуйста, уважайте своё и моё время!**

— Извиняюсь! — второсортный лет тридцати в одежде, подозрительно напоминающей последнюю коллекцию от Ирфе, столкнулся с парочкой чистокровных перед дверью частной нотариальной конторы.

Задумавшись о чём-то своём, он жизнерадостно прыгал вверх через ступеньку и налетел на молодую девчонку, шедшую первой.

Одна часть стопки бумаг, выбитой неловким движением из женских рук, полетела на пол, вторая — вообще на газон.

— Вот я идиот. — Вроде бы искренне огорчается мужик. — Момент.

Недолго думая, он опирается на перила и прыгает вниз.

Собрав документы под балкончиком крыльца, странный хмырь (почему он так дорого одет? Второсортный же?) повторно взбегает по лестнице:

— Тысяча извинений, вот. Ваше всё.

— Извинения приняты! — спутник менталистки торопится принять бумаги лично. — Как очередь делить будем? — он с

подозрением окидывает взглядом незнакомца. — Кто первый? Вам назначено?

— Да шут его знает, — без разбега озадачивается акробат.

Или гимнаст, или просто выпендрёжник. Скорее последнее, судя по замашкам.

— Есть предложения? — тип косится на входную дверь. — У меня минут на пятнадцать ботвы с ней бодаться, не меньше.

— И у нас не меньше, — мстительно отвечает чистокровный.

— Брачный контракт, несогласованный. Будем искать общий знаменатель с помощью…, — девушка неожиданно подключается к беседе.

Модник закусывает нижнюю губу:

— Блин, что делать. У меня была запись, но я опоздал, признаюсь честно. Сейчас не моё время, три часа прошло.

— Вы торопитесь? — менталистка неожиданно оказывается настроенной благожелательно.

— Если честно, да. — Второсортный утрачивает интерес к её партнёру и теперь смотрит на неё. — Если бы вы позволили, я бы взял на себя материально ваш визит, — он тычет пальцем в сторону вывески. — В обмен на очередь. Не лезу не в свои дела, — он предупредительно поднимает вверх пустые ладони, — но я был женат таким же образом. Затратное мероприятие.

— Чтобы не было разногласий потом: счёт за доработку брачного контракта весит больше полутысячи монет, — парень-менталист придерживает девушку и задумчиво смотрит на странного незнакомца. — Вы точно уверены? Это сумма недельного заработка.

"… Средней руки второсортного" не прозвучало, но прямо подразумевается.

— У некоторых представителей нашего брата бывают доходы поинтереснее средних, — дипломатично улыбается одетый в Ирфе. — И чуть повыше. Не настолько всё печально, не переживайте… Да, я уверен.

— Давайт так. Заходим вместе, она выдаёт ваш пакет — его минут пятнадцать подписывать, да? — чистокровная сердито выдёргивает руку из пальцев спутника. — А мы в это время будем общаться с ней, пока она вас ждёт. Подходит? У вас же там секретов нет? Потому что у нас их точно нет, — в последний момент она почему-то смущается и краснеет, что крайне нетипично для её сословия.

— У меня-то они есть, — хмыкает пижон, — но я же не вслух их обсуждать буду. Бумаги прочту сам, за столиком в углу. Там никому не видно. Потом подпишу, она заверит. Мне тоже подходит, спасибо.

— Идёмте вместе. — Жених решительно распахивает входную дверь, пропуская впереди себя невесту.

Мажористый второсортный направляется следом.

— Ох ты ж ни*уя себе. — В следующую секунду он прыгает вперёд, обгоняя парочку и оказываясь впереди.

Его рука при этом задвигает чистокровную себе за спину. Оттуда последняя подаёт голос:

— Что происходит?!

Нотариус сидит в кресле и невидящим взглядом смотрит в пустоту перед собой. Её рот приоткрыт, с нижней губы на ключицу капает слюна.

Бумаги, в беспорядке разбросанные по столу, по одной берёт в руки и, бегло пробежав глазами, кладёт на угол незнакомый чистокровный (в ранге шестёрки, судя по профессиональной татуировке на правой руке).

Его напарник и коллега, с цифрой пять на тыльной стороне ладони, без затей роется в тумбе для бумаг, стоящей вплотную к столу нотариуса.

— Ой. — До невесты с незначительным опозданием доходит, свидетелем чего они прямо сейчас оказались.

Её спутник реагирует быстрее и рациональнее:

— МЫ НИЧЕГО НЕ ВИДЕЛИ! — грубо дёрнув подругу, он делает порывистое движение в сторону двери, стараясь как можно скорее покинуть помещение, резко ставшее неуютным и опасным.

Однако не успевает.

Перебиравший документы на столе бросает напарнику "Я!".

Парочка, синхронно запнувшись ногами о невидимую преграду, без лишних звуков валится на пол. По инерции, под влиянием рывка жениха, они ещё скользят по покрытию чуть ли не половину метра.

— А этот что за фрукт? — пятёрка обращается ко второму. — Этого "не вижу".

— Одежда, — бросает отработавший парную цель старший менталист. — Защитный шмот, сильный бренд. У меня он тоже как размазанный.

Присутствие здоровяка-второсортного, похоже, их совсем не смущает.

— А-а-а. Оригинал, что ли, не подделка? Сюда иди! — в отрывисто брошенной команде звучат нотки ментального принуждения.

Глава 26

— Сюда иди! — такое впечатление, что эти ребята ничего не боятся.

Последствий не боятся, точнее: ладно, я. Но нотариус, эта парочка женящихся — они ж не второсортные.

Если пошли гвоздить по своим, значит, два варианта. Либо уверены в безнаказанности, либо привлечены снаружи, потом вернутся к себе. В этой юрисдикции временно и преследования не опасаются.

Есть! Вмешательство по тебе прошло, браслет зафиксировал 👀. Для суда экскьюз

, — сообщает железяка, с половины пинка уловившая мои внутренние колебания.

— Руки за голову, ко мне спиной. — У меня в руке появляется новый пистолет.

Не хотелось бы открывать пальбу, но сражаться с этими в рукопашную — авантюра.

Чистокровные озадаченно переглядываются между собой, пятиранговый сбивается с потока.

Шестёрка делает ему знак, потом стремительно ловит мой взгляд:

— Опускаешь руку. Закрываешь глаза. Ты спокоен, ты абсолютно спокоен. Сейчас ты забудешь всё, что здесь происходило.

— Мужик, мне сегодня такие, как ты, даже с концентраторами пытались что-то объяснить. — Изображаю иронию на лице.

Параллельно делаю два шага назад, аккуратно переступая через лежащие на полу тела: дистанцию на всякий случай лучше держать подальше, больше времени для реакции.

— И чем дело закончилось? — нейтральным тоном интересуется старший пары.

Не двигаясь с места и продолжая бомбардировать напарника распальцовкой в попытках организовать взаимодействие.

— Не нужно синхронизироваться, — очень коротко качаю головой, чтобы не выпустить их из виду.

Ствол лежит в руке хорошо и в их сторону смотрит правильно.

Активность в ментале приостанавливается.

— Не успеете, — отвечаю на незаданный вслух вопрос. — Утром дело закончилось плохо, для ваших. Посмотрите в полицейской сводке, именно ЭТА инфа висит в этом доступе.

На пару секунд их взгляды расфокусируются, после чего в неуловимо виснет растерянность.

— А вам не довели, да? — продолжаю уже от двери. — Ай, какая досада. Впрочем, утренние были местными плюс государевыми людьми. А вы — так, разовые кадры из другого региона. По разряду презервативов.

— Ты о чём? — пятёрка нарочито спокоен.

— Единожды использовать и выбросить, — поясняю. — Нет смысла рассчитывать на длительное сотрудничество. Одноразовый инструмент. В этой связи у меня для вас плохие новости…

— ПОГОДИ. Мы всё равно не дадим тебе уйти, ты же слабее по всем показателям. — Старший не успокоился и явно пытается зайти на второй заход.

— Мужик, ты что, думаешь, моя резистентность — переменная величина? — фыркаю пренебрежительно. — А знаешь что.

В следующую секунду пистолет в моей руке негромко хлопает, колено шестёрки подламывается, перебитое выстрелом. Он шумно, но без слов валится на пол, обрывая едва начатое движение.

Я видел, что он дёрнется, но надеялся обойтись без стрельбы.

— Лёг рядом с ним, — предлагаю второму, перенося прицел.

Но он размазывается в воздухе стремительной кляксой. Ещё один хлопок.

— Минус один, — подхожу ближе к старшему. — Ты пока жив. Я тебя убедил в своей серьёзности?

— Откуда ты знаешь, что нам не довели обстановку? Есть кто-то в Медикоре? Стоишь на связи со здешней управой? — оказывается, они отлично умеют купировать собственные болевые ощущения.

Не автоматически, не от природы, но с их мозгами навык тренируем до заоблачных величин. Судя по тому, что я сейчас наблюдаю своими глазами — он просто источник естественного обезбола.

— Давай сыграем в игру, — присаживаюсь на стол над ним. — Ты мне рассказываешь, какая была задача и кто ставил. А я за это не превращаю тебя в овощ.

— Дикий? — его правая бровь удивлённо прыгает вверх.

Следующую половину секунды он пытается меня читать.

— Да нет, бред. Ты второсторный, — делает он неуверенное

заключение. — У меня есть другое предложени…

— У тебя финансовые трудности: твоя нынешняя девчонка намного моложе тебя и старшая в вашей паре по иерархии. Видимо, из крутой семьи, а ты — дворняга. Ты её обеспечиваешь и учишь в университете. — Отодвигаюсь чуть дальше, чтоб видеть его целиком. — Также, ты не порвал и с предыдущей. Получается, двойные расходы, причём детей ты планируешь и там, и там. Типа, две жены, но ты честно пытаешься тянуть материально.

По мере моих слов лицо собеседника вытягивается. Видимо, единомоментно он может что-то одно: или терпеть раненое колено, или контролировать мимику и собственные мозги.

Шестиранговый плюёт на условности, его взгляд опять расфокусируется, ныряя в мессенджер:

— Тебе нас сдали заранее?! Получается… его ты наглухо, я свидетель… Ты меня не отпустишь. — Заключает он с бесстрастным лицом.

— Ошибка. Ты не свидетель, ты соучастник уголовного преступления и криминального производства — будущего. — Подвешиваю в воздухе голограмму мгновенного вызова полиции. — То, что здесь между сразу тремя управлениями уже много часов идёт серьёзная борьба под надзором прокуратуры, ты в курсе? ЭТО вам сказали? Ты же не местный.

— Не сказали, но есть в сводке. Нам видно, у нас свои источники. Что дальше?

— Я сейчас вызову ментов. Тебя примут по всем правилам: накануне имело место покушение на их сотрудницу, они сейчас очень добросовестно отрабатывают все сигналы. Если у тебя в ЗДЕШНЕЙ полиции свои концы, нам договариваться не о чем. В этом случае мы с тобой прощаемся.

— НЕТ. В полиции ни с кем не общаемся, мы по другой линии, — он твёрдо выдерживает взгляд в глаза.

Впрочем, для чистокровных это вроде бы и не проблема.

— Тогда есть вариант, но сперва небольшая демонстрация.

Железочка, поможешь?

Чё надо? 👀 Мне страшно 😱!

Сделай так, чтобы его пульс кратковременно прыгнул до двухсот, потом опал до сотки.

КАК?! 🤯 Я говорила, что могу амнезировать! А не нервной системой заруливать!

Вот здесь по блуждающему нерву подай ему такой вот сигнал… Пожалуйста…

На

— У тебя сейчас пульс до пары сотен вырастет, потом вернётся. М-м-м, скажем, до сотни или до девяноста, — сообщаю, удерживая его взгляд. — Можешь взять себя пальцами за шею. — Активирую голограмму секундомера. — Пятнадцать секунд, потом умножишь на четыре.

— Почему шея?

— Потому что сонная артерия. ТЫ пульс поймаешь лучше всего там.

Через четверть минуты обнуляю висящий в воздухе таймер:

— Следующие пятнадцать. Сейчас пульс будет девяносто.

— К чему это всё? Зачем все эти демонстрации?

— Это физиология ЦНС, она хуже корректируется снаружи, — любезно отвечаю без задержки.

— Хуже, чем что?

— Чем память, хоть и самые глубокие её слои. Ты заметил, что даже среди вас стереть мозги кому угодно может почти кто угодно, вопрос лишь точности?

— И что?

— А в самой обычной кардиологии вынуждены работать чуть ли не внеранговые?

— Не задумывался. Да. И что?

— Как ты думаешь, человек, который рулит твоим сердцем, с твоим менталом справится?

— Не исключено, наверняка не знаю. Чего ты хочешь?

— Не хочу лишнего греха на душу. Я могу из тебя вытащить всё, что мне нужно. Просто после этого ты будешь слюнявым дебилом.

— Ты дикий?!

Последний вопрос игнорирую, скромно прикрывая глаза и давая ему в полной мере насладиться полётом собственной

фантазии.

Как показывает практика, самые большие страхи — не индуктивные, а именно что эндогенные. Правда, последние можно провоцировать.

* * *

Там же, через полминуты

— Что вы искали у нотариуса?

— Всё, связанное с Барласовым. Это ты?

На самом деле он уже знает ответ: опознал меня при появлении.

— Да, это моя фамилия. Как звучала команда?

— Изъять всё, что есть на бумажных носителях. Рабочий терминал не трогать: после ревизии забрать документы и доложить.

— Почему именно такой порядок?

— Я не знаю.

— Предположения?

— Мне кажется, задействована артиллерия с самого верха. В электронке потрут снаружи. Барласов, мне плохо, кровь течёт.

— У нас минимум семь минут, не парься. Вчера утром при мне спасли девчонку, которой сердце отстрелили, а у тебя всего лишь коленка. Жгут сам наложу, как закончим.

— Спрашивай быстрее, мне плохо!

— Это банальная истерика. Ты просто никогда не проигрывал, особенно второсортным, поэтому сейчас чувствуешь себя униженным.

— Кровь…!

— НЕТ. Психосоматика. — Вздохнув, поясняю. — Если я даже твоим пульсом управляю, как ты думаешь, за остальными витальными показателями слежу?

— Возможно, тебе лучше, чтобы я умер, — он твёрдо смотрит в глаза. — А меня это не устраивает, я буду торговаться.

— Ты не здешний, — вздыхаю ещё раз, усаживаясь на стол полностью. — Вызван за большие деньги по второстепенного каналу. Согласился лишь потому, что с одной стороны заказчик солидный — Медикор, а с другой стороны ты решил рискнуть совестью за солидный куш. Зачем мне твоя смерть? Если сдам врачам, они тебя автоматически передают ментам. С вашей стороны возникает переполох, грызня. Вместо борьбы со мной и с

полицией вы очень долго будете воевать друг с другом. Ты же и сам из безопасности, просто регион другой. Сообрази головой, а не жопой.

— ОТКУДА ТЫ ЗНАЕШЬ?

— …А сюда ты попал по рекомендации друзей. Наверняка кто-то из знакомых тех пятерых, которых в Вавилоне оформили. Ты ещё подумал, что дело пахнет дурно, но в итоге соблазнился деньгами.

— Надо было забрать твои бумаги: доверенности, выписки, этот журнал регистрации. Пришёл сигнал, что в производстве твои документы.

— Если бы я был здесь?

— Изъять тебя. Передать в условленном месте, всё: в этом случае двойная премия.

— Как планировали подчистить следы? Уличные системы наблюдения сейчас независимы, полиция через минуту села бы на хвост. Иммунитет смежной управы не работает.

Шестиранговый опускает взгляд.

— Понятно всё с тобой, — спрыгиваю со стола. — Даже своих не жалеете.

Моя бумажная доверенность (точнее, Тимохина) обнаруживается во втором ящике стола сверху: эта женщина всегда кладёт готовые документы именно туда.

Просто надо быть её клиентом не первый раз, чтобы знать эту привычку.

Железочка, можешь как-нибудь застраховать от редакции электронный реестр?

Уведомление о выпуске доверенности мы с ней получили ещё когда общались с родителями Фроловой. Но сейчас оказывается, что кто-то настроен более чем серьёзно и планирует редактировать чуть ли не государственную базу.

Сделала. С местного терминала прогрузила и с палатой, и с приложухой электронного правительства. Теперь так просто не удалят.

Спасибо большое.

— Эй, ты куда, ты жгут обещал!

— У тебя очень хорошая свёртываемость — уже тромб образовался. Кровь больше не течёт. Скорая будет через семьдесят секунд, я вызвал через интерфейс.

— Эй, Барласов! — оклик с пола застает меня практически на выходе, под колокольчиком.

— Что?

— А почему ты этого наглухо, а меня нет? Для тебя же опасно оставлять меня?

— Вы с ним не очень любили друг друга, только работали вместе. Ты понапрасну людей не кладёшь. — киваю на два тела новобрачных под ногами. — Они скоро отойдут и будут как новенькие. А он изначально получал удовольствие от чужой беспомощности. Нотариуса овощем сделал не ты, ты работаешь гораздо более щадяще.

На самом деле, и нотариуса можно реабилитировать (судя по тому, что вижу я), другое дело, что заниматься этим придётся не в пример более серьёзно.

Глава 27

За некоторое время до этого. Дом Фроловых, гостиная на первом этаже.

— Татьяна Михайловна, здравствуйте. Я Александр Барласов, у меня ваш контакт от Светланы. Она должна была предупредить.

— Да, Света написала. — Лицо матери моей новой бизнес-партнёрши, в отличие от дочери, со стервозностью ничего общего не имеет.

Даже не подумаешь, что чистокровная.

— У меня к вам очень короткое дело, — с сомнением гляжу на тарелку с сыром, блюдо с сухофруктами и кофейник, которые Фролова-старшая расставляет на столе. — Татьяна Михайловна, если честно, я очень ограничен по времени. Вы производите гораздо более мягкое впечатление, — добавляю в следующий момент неожиданно для себя самого. — В отличие от вашей несомненно достойной дочери, с которой мы тоже, кажется, сработались.

— Не чеши по ушам, — раздаётся мужской голос сверху. — Барласов, или как там тебя.

Обернувшись, наблюдаю мужские ноги, спускающиеся со второго этажа.

Следом за нижними конечностями появляется и весь родитель Светланы.

— О, вы не на работе? — вырывается у меня. — А почему? Света сказала, вы очень тяжёлый человек и вас сейчас тут быть не должно.

Виснет неловкая тишина. Впрочем, неуютно только Фроловым: разумеется, не удержал язык я совсем не случайно. Следователь говорила, что её отец только создаст напряжёнку и будет всеми силами стараться помешать разговору.

— А ты ещё рылом не вышел в моём доме мне вопросы задавать, — спокойно отвечает отец. — Это из-за тебя мою дочь чуть не убили? Сиди на месте.

— И не думал уходить, — пожимаю плечами. — Пересел, чтобы вас лучше видеть: когда из-за головы над ухом такой бас, слегка некомфортно.

— Он только травяной чай пьёт, сейчас его себе сам сделает и сядет напротив тебя. — А мать нормальная.

Скажем, конструктивная.

— Владимир Александрович, давайте откровенно. — Хлопаю ладонями по столу, придвигаясь вместе со стулом после того, как

отец занимает место напротив меня.

— У тебя иначе и не выйдет, других второсортных здесь нет.

— Утончённость ваших манер может сравниться только с любовью домочадцев, — с благодарным кивком принимаю кофе от его жены. — Владимир Александрович, во-первых, я пришёл не к вам. Во-вторых, я пришёл не просить и не уговаривать.

— А зачем тогда? Делать подарки? — насмешка.

— Можно и так сказать. Но я бы сформулировал иначе: у меня есть деловой партнёр, сейчас его очередь работать. Так сложилось.

Фролов-старший порывается что-то сказать, но его останавливает супруга.

— Светлана в качестве контрагента указала вашу жену, — продолжаю. — Вопрос не копеечный и, повторюсь, я не в роли просителя. Или мы сейчас общаемся конструктивно, или я просто развернусь и уйду. И будь что будет.

— Светку из-за тебя чуть не подстрелили. Мне с тобой обниматься? Скажи спасибо, что из дома не выкинул — сидишь вон, жрёшь.

— Спасибо. — Отворачиваюсь от него, намереваясь игнорировать всё оставшееся время. — Татьяна Михайловна, мы с вами вместе должны форму заполнить в вашем интерфейсе. Потом в течение четверти часа дождаться подтверждения.

— Да, я со своей стороны всё сделала. — Женщина вытирает руки бумажным полотенцем и тянется за своей чашкой.

Параллельно в воздухе активируется голограмма нужного приложения.

В моём интерфейсе к нему словно ниоткуда возникает присоска допуска: браслет молчит, но действует.

— Саша, я не хотела бы лезть в ваши дела, но не могу не спросить. — Фролова-старшая выглядит бесконечно удручённой. — Вы уверены?

Её виртуальный палец лежит в стороне от кнопки подтверждения и даже не думает к ней прикасаться.

— Простите?

— Я посмотрела на ваш клуб. Точнее, на сеть.

— И? Вполне законный бизнес, налоги платятся, законодательство соблюдается даже лучше, чем… проехали.

— Это колоссальное по стоимости дело. Вы его вот так просто переписываете на незнакомого человека? Мы с вами десять минут назад увиделись впервые в жизни. Вы не находите, что это несколько необычно даже для нашего современного общества?

— Вы не договорили, осеклись.

— Да. Стоит добавить, вы так одеты, — она словно проводит взглядом по мне от головы до ног, — что мыслей ваших я тоже не вижу. Вы бы на моём месте не тревожились?

— Я бы на любом месте тревожился только в том случае, если бы у меня что-то пришли взять. А если бы пришли дать…

— Просто так никто никому ничего не даёт.

— Татьяна Михайловна, извините, но я же и не вам даю. Речь о переоформлении на Светлану — я ей полностью доверяю. Просто она выставила вас в качестве доверенного лица, это не договор между мной и вами.

— По документам получается с точностью до наоборот. И я бы очень хотела знать, как это всё связано с ранением Светланы.

На короткое время задумываюсь, что ответить. Мать просто переживает, любые логические аргументы сейчас будут, как об стенку горох.

На пространные беседы, пока она вернётся в ресурс, тоже времени нет.

— Татьяна Михайловна, давайте посмотрим на всё с другой стороны. Ваша дочь работает не в бухгалтерии, ТАМ риск будет всегда.

— Увы.

— Она из последних суток могла выйти с большими потерями, а могла и вообще не выйти.

— …

— В итоге она жива, ей абсолютно ничто не угрожает и…

— Откуда ты знаешь?! — прорезается отец.

— Я был в больнице. — Подвешиваю в воздухе скрин монитора над кроватью Светланы. — Вот её витальные показатели. Вот диагноз. Вот показания и рекомендации лечащего врача. Вот обратный таймер до операции.

— Ой! — Женщина всплескивает руками.

— Татьяна Михайловна, опасность была велика в момент ранения, но не теперь. Сейчас всё под контролем и уже волноваться не о чем.

— Зачем ты хочешь записать своё дело на мою жену?

— Не на жену. Я попросил Светлану Фролову позаботиться о нашем с ней совместном бизнесе в то время, которое сам могу отсутствовать. Светлана Фролова выслушала, вынесла свой диагноз и предложила проехать к её матери — по понятным причинам. Точка.

Пару секунд меряемся взглядами.

— Саш, я подтвердила, что надо. — Мать следовательши тактично вклинивается между нами. — Мне что-то нужно делать регулярно, как новому собственнику?

— Благодарю, вы нас с вашей дочерью очень выручили, — выплёскиваю себе в рот остатки кофе и решительно поднимаюсь из-за стола. — Нет, вам не о чем беспокоиться. В течение часа вам придёт настройка личного допуска в приложении контроля — чтобы вы могли видеть все процессы. Но управляется всё в автоматическом режиме и без, к-хм, необходимости тревожиться вам.

— Сиди здесь, я сама провожу! — неожиданно резким окриком женщина буквально вбивает мужа обратно в стул.

Тот на удивление слушается, проглатывая всё, что собирался сказать.

— Саша, вы в курсе, кто мы? — провожая меня от дома до выхода из ограды, Фролова-старшая неожиданно сильно придерживает мой локоть. — Договорим тут.

— Э-э-э, честно говоря, нет. А это важно? — у меня возникает ощущение, что я упустил что-то значимое.

— У вас на территории заведения часто нарушают закон?

— Вообще нет. — Открещиваюсь с чистой совестью. — Татьяна Михайловна, большие деньги очень не любят тёмных и мутных путей. Сегодня всё должно быть прозрачным, а для этого — кристально честным.

— Точно? — а вот теперь взгляд у неё непростой.

Очень непростой.

— Да. С другой стороны, — вздыхаю, — даже твоя кристальная честность сегодня не гарантирует отсутствия проблем.

— Вы о чём?

— Басню "Волк и ягнёнок" знаете? Вот в жизни как там.

— Не знаю, — женщина неожиданно напрягается на ровном месте.

Ничего себе, разрядил ситуацию. Или здесь этой басни нет?

— В чём суть?

Коротко пересказываю историю.

— А-а-а, — Фролова-старшая отмирает и становится нормальной. — Да, в этом смысле вы правы. Такой бизнес в руках второсортного — дойная корова.

— Светлана говорит точно так же.

— Это семейная фраза, — женщина переключается на свои мысли. — Я поняла. Она решила вашу дойную корову под нашим крылом сделать священной. Всё, вопросов больше нет…. Извините за обстановку в доме.

— Татьяна Михайловна, теперь у меня появился вопрос. Вы только что спросили, знаю ли я, кто вы. Не раскроете тему?

— Света расскажет сама. — Мать моей новой партнёрши

решительно распахивает калитку. — Единственный момент, вам очень повезло, что мы теперь участвуем. Без деталей. Но рассказывать о плюсах вам будет дочь, раз работаете вы с ней. Саш!

— Да?

— Вы точно стояли рядом со Светой, когда был выстрел? Это не шутка?

— Нет. Точно стоял рядом.

— Я вас услышала, — её лицо разглаживается, как будто она получила подтверждение неким догадкам. — Буду считать знаком сверху, хотя бога и нет.

Заметив немой вопрос на моём лице, она поясняет:

— Ранение. Света могла не дожить, но как-то продержалась до приезда скорой.

Еле удерживаюсь от замечания, что ординатура и несколько лет практики по хирургии иногда помогают гораздо больше, чем все боги мира.

А ведь родители Фроловой не в курсе ни о подробностях выстрела, ни о моей роли. Ладно, не мне их просвещать.

— Саш, — голос матери затвердевает, а она неожиданно материализуется рядом со мной.

Резкий рывок за руку усиленными мышцами чистокровной — и меня буквально вносит обратно в их ограду. Калитка тут же захлопывается, рука женщины оглушительно хлопает в металл над моей головой:

— Я кое-что упустила. Какие у вас планы на отношения со Светой?

— Чего?! — выпучиваю глаза не хуже пресловутой мышки из анекдота про туалет в чистом поле. — Какие отношения?! Татьяна Михайловна, мы случайно пересеклись по работе и сейчас просто расширили перечень общих тем. Если вы о личном, а вы именно о нём, оно исключено по определению. С самого старта.

— Точно? — она пытливо всматривается в мою переносицу, словно рассчитывает там обнаружить неопровержимую декларацию.

— Я ненавижу блондинок с голубыми глазами, — выдаю, как на духу. — Совсем не мой типаж с точки зрения сексуальной привлекательности, это раз. Мне категорически не интересны отношение с сотрудницей МВД, два. Совместный бизнес с точки зрения эффективности диктует чёткие границы, тр…

— Она вам не нравится, — ошарашено заключает мать, разжимая стальную хватку. — Вы действительно не планируете лезть в нашу семью.

Видимо, накопившиеся за сутки напряжения даёт о себе

знать, потому что в следующую секунду уже я припираю её к калитке:

— Завышенная самооценка. Вы себе цены не сложите и по определению считаете остальных ниже себя, меня в том числе. По-вашему, права есть только у вас — у остальных обязанности. — Осекаюсь на полуслове, ухитрившись взять себя в руки. — Извините, — отхожу на шаг, отряхивая ладони. — Ваша дочь — очень неплохой специалист на том месте, где она сейчас работает. Это моё субъективное мнение, говорю искренне.

— Продолжайте.

— Я понимаю, что она очень надёжна как партнёр в делах — просто вижу, без подробностей. Звёзды сложились так, что именно этого рода напарник мне был нужен. Мы с ней заключили договор, устно, но я в нем уверен больше, чем во многих письменных. Это всё. — Открываю калитку, делая шаг на улицу. — Я не имею понятия о вашей семье и не планирую ничего выяснять — мне это неинтересно. У меня очень интересная собственная жизнь, мне ничего не нужно от вас, поскольку у меня всё есть без вас. Все подарки себе я всегда делаю сам.

— Хм.

— В личной жизни у меня тоже есть планы и ожидания, я только прошлым утром развёлся. Светланы в этих планах нет по чисто техническим причинам: во-первых, табу, мы теперь вместе работаем. Во-вторых, при всех её достоинствах мне нравится совсем другой типаж женщин. Я ответил на ваш вопрос? Успокоить вышло?

— Да, благодарю. Это было исчерпывающе. Александр!

— Да?

— Лично от меня, в качестве подарка.

— МОЖЕТ, НЕ СТОИТ? — решительно перебиваю, действительно не желая ни слушать, ни вникать.

— Вот файл нашей семьи, люди, фамилии, — в интерфейсе звякает уведомление о входящем сообщении. — Если вдруг ваши проблемы будут углубляться, можете рассчитывать на тех, кто со мной выделен красными линиями. Пока Света не выйдет из больницы.

Калитка захлопывается.

* * *

Разговор двух неустановленных абонентов.

Конфиденциальность беседы поддерживается протоколом, принадлежащим неустановленому искусственному интеллекту.

— Татьяна Михайловна, только что был у нотариуса, делал доверенность на товарища.

— Да, я получила уведомление как формальный собственник. Что-то случилось?

— Нет, но могло, #_файл. Вот запись инцидента.

— Спасибо. Саш, я уже окунулась в это дело, — женщина выжидающе молчит, передавая слово собеседнику.

— И?

— Я вижу, что клуб будут пытаться отобрать. НЕ ПЕРЕЖИВАЙ.

— Э-э-э, намекаете, что справитесь?

— Открыто говорю. Ты мой файл не смотрел?

— Пока не успел, извините.

— Вот погляди и вопросы отпадут сами. Никто у нас ничего не заберёт! Но спасибо, что сказал. Сегодня к брату заеду, подстрахуюсь.

— Ура. Хорошо.

— САША! Стой.

— Да?

— Я не должна тебе этого говорить, но кое-кто в прокуратуре сейчас оформляет судебное решение о твоём задержании и возможном последующем аресте. Вопрос пары часов.

— "Сперва поймай", — ворчит мужской голос, потом добавляет громче. — СПАСИБО! Ожидаемо. А на какую тему арест?

— Во-первых, очень странный сотрудник бюро, надеюсь, ты понимаешь, какого бюро.

— Понимаю.

— У него проблемы служебного характера, считается, что ты замешан.

— Спасибо.

— Во-вторых, речь о незаконном обороте стимуляторов. Те подробности пока закрыты, но…

— Странно. Мне же вручили повестку на ментоскопию, она в полный рост впереди.

— Видимо, у кого-то хватило ресурса не ждать этой процедуры. Ты всё сделал правильно с Вавилоном, но я лично советовала бы тебе продумать, что будешь отвечать. Если тебя прочитают официально.

— Пусть сперва догонят.

Глава 28

— Ничего себе, интерьер. — Въехав на территорию собственной химчистки, удивлённо оглядываюсь по сторонам. — Как в будущее попал.

 Слышь, доктор, давай быстрее, а?! Обслуживаем меня — и погнали отсюда! 👀

Чего нервничаешь на этот раз?

Да показалось кое-что, когда заезжали 😬. Страшно 😨

???

Камеры на светофоре. Такое ощущение, что другому искину сигнал ушёл. А я не поняла, успела перехватить или нет. 😬😬😬

Подробности будут?

Впечатление, что не на твоё лицо распознавалка сработала, а на машину. Я от неожиданности растерялась.

Что на эту тему говорит твой богатый предыдущий опыт ОТТУДА?

Пока ничего, я не в курсе кое-каких местных алгоритмов. Но если интуитивно — действительно надо

поторапливаться. Кому-то очень нужны либо ты, либо я, либо мы вместе.

Я стою дохрена. Ты стоишь дохрена. Плюс, кажется, взяли твою последнюю партию товара. Судя по тому, как засуетились с твоим арестом. Ой

И ТЫ МНЕ ТОЛЬКО СЕЙЧАС ГОВОРИШЬ?! Что за товар? Где? Подробности, быстро!

Щас вообще ничего не скажу!
А нафига оно тебе было?! Чем меньше в твоей тупой голове на момент задержания, тем лучше! Я подстраховывалась!

Что там за история с товаром? Я спокоен. Я абсолютно спокоен. Я безмятежен и не нервничаю.

Расскажу сразу после профилактики Сорян, была неправа

* * *

Рабочее помещение сервиса "Точка чистоты"

Трое вошедших в рабочую зону были чистокровными: разноцветные татуировки под короткими рукавами, глубокими разрезами на одежде, недлинными штанами.

Они рассыпались веером, чтобы держать в поле зрения большую часть помещения. Оглядевшись, менталисты перебросились жестами; нужного им транспорта в рабочей зоне чистки почему-то не было.

— Вам сюда нельзя! — из непрозрачного бокса для покраски вышел человек, который решительно направился к чистокровным. — Вы читать не умеете?

Непрошенные посетители коротко и искренне посмеялись: учитывая, что работник автохимчистки был явно второсортным, последнее его заявление не тянуло даже на оскорбление.

Так, бессильный лай сторожевого пса, который завидел чужака на подворье и добросовестно рычит со своей цепи, движимый тупым инстинктом.

— Всем построиться! — Обладатель прозрачного голубого сапфира на предплечье произнёс это достаточно громко, чтоб перекрыть шум работающей аппаратуры. — Вот здесь, на фоне логотипа! — В его голосе прозвучали неуловимые нотки ментального принуждения.

Голографическая надпись вдоль единственной глухой стены гласила:

> Уберём ЛЮБЫЕ загрязнения в ЛЮБОМ салоне!
>
> Авто, коптер, водный скутер/амфибия — максимум 4 часа нашей работы и можете забирать идеально чистую машину!

— К чему такие сложности? — неодобрительно зевнул второй. — Их тут ровно трое плюс один. Кого ты строить собрался? И чего ради? Андрей бы за четверть минуты вытащил из головы у ближайшего, где стоит тачка. Кстати, орать надо сильнее: тебя всё равно никто не услышал…

— Неинтересно.

— … А у остальных бы потом потёрли последний час из памяти — и все дела. — Равнодушно завершил выходец с юга, судя по внешности. — Но мы же лёгких путей не ищем, да? — вместе с иронией в его вопросе прозвучало и неодобрение.

— Упражнение, — спокойно пояснил старший, демонстративно не обращая внимания на подошедшего к ним сотрудника, почему-то проигнорировавшего прямой ментальный приказ. — У них лого супер: формы и цвета как специально спланированы, чтобы мешать работать НАМ. Лично мне мажут второй и третий слои до потери концентрации, — он коснулся пальцем лба. — Хочу лишний раз качнуться, пока есть возможность. Поди, не одну тысячу в дизайн и инсталляцию вбухали, — последнюю фразу он пробормотал вполголоса.

— Народ, настоятельно предлагаю покинуть рабочую зону. — Тем временем не в меру инициативный и некстати добросовестный работник решительно загородил чистокровным

дорогу.

От нечего делать менталист с нашивкой "Андрей" на внутренней стороне кармана скользнул по верхнему слою сознания работяги — и вздохнул.

Кажется, тут будет непросто. Конкретно этот тип, очень вероятно, ни сам денег не возьмёт за нарушение регламента, ни другим не даст. Чего бы ему это ни стоило.

А как было бы хорошо, дали бабла; сделали, что надо — и пошли с богом. Даже ничего в их головах не стирая, полюбовно, так сказать.

Хотя-я, амнезировать всё равно пришлось бы.

Через мгновение чистокровный бросил товарищам:

— Стойкий оловянный солдатик.

— В смысле?

— Подробностей не вижу, — честно пояснил Андрей. — Однако хозяин заведения явно гордится своей политикой. Он души не чает в салоне и трогать машины клиентов не даёт никому. Персонал почему-то разделяет, этот так и вовсе готов грудью лечь. Лишь бы нам помешать.

Вообще-то, заключение было сделано не на основании ментала, а по сумме (оформление рабочей зоны плюс выражение лица этого типа).

— Не сможет он нам помешать, — равнодушно отмахнулся третий чистокровный.

— Да мы бы и сами непротив в офисе подождать, у вас кофе хороший, — обладатель полноцветной совы на руке обратился к второсорному. — Опять же, всё за счёт заведения, платить не надо.

Менталисты снова коротко хохотнули.

— Но, к сожалению, не можем.

— Что вас удерживает? — мужик игнорировал разницу между своим положением и их статусом. Не дождавшись ответа, он по новой затянул волынку. — Ещё раз настоятельно прошу, выйдите из рабочей зоны. Компания отвечает за всю технику, которая находится на территории: вы сейчас нарушаете закон. Поверьте, оно и для вас может быть не бесследно! Больше предупреждений не будет!

— Давай сэкономим друг другу время? — предложил в ответ Борис. — Я бы первым восхитился твоей несгибаемостью в данной ситуации, если бы в том был хоть какой-то смысл.

— И одежда под ИРФЕ не поможет, — Андрей продублировал улыбку товарища. — Даже на фоне этого без сомнения удачного логотипа. Кстати, где заказывали?

Вслух лишнего не прозвучало, но менталисты знали друг

друга отлично. Последний вопрос означал, что товарищ начал работать всерьёз и только что соскользнул в рабочий режим.

— Покиньте территорию рабочей зоны. Быстро. Или пожалеете. — Сотрудник сервиса отреагировал на удивление стремительно и сместился влево, оказываясь на одной линии с логотипом.

— Вот же мудила, — пожаловался обладатель совы, давая понять своим, что пробиться сквозь блок не может. — Одежда не под ИРФЕ, а от них. Он в оригинальное одет! Вот же сука.

Инкубаторские, не обладая ментальными способностями, уже давно пытались при каждой возможности прикрыться или защититься. Привлекая в помощь менталистов, известные бренды создавали целые коллекции, которые защищали мозги клона, снижая порой вполовину глубину проникновения сенсоров и операторов в его сознание.

Вполне законно, хотя дорого и на вид — простые штаны с дыркой на коленке (да куртка с рубахой по тому же разряду).

— И откуда ж ты взялся, такой предусмотрительный, — проворчал Андрей.

Взятые по отдельности, шмотки пацана (реальный аутентичный авторский дизайн и пошив, мать его) плюс логотип компании за спиной снижали эффективность его работы десятка на полтора-два процентов каждым инструментом. Однако в сумме эффекты перемножались.

По-простому, он сейчас не мог прочесть не символа из того, что было на уме у этого мудака, чистящего салоны:

— Я думал, подделка, — имея ввиду одежду работяги, пожаловался он вслух.

Борис присвистнул и кивнул, обращаясь к инкубаторскому:

— Отчаянно, уважаю. Ладно, а теперь серьёзно. Парень, как там тебя по имени, не дрочи судьбу и не нужно ехать на красный свет, — старший вдруг запнулся и на ходу переменил мнение. — Чёрт с ней с тренировкой, — это было сказано уже своим. — Р а б о т а е м.

— Ответь на вопрос. — Третий поддержал товарища и тоже добавил принуждения. — Красный кабриолет, должны были загнать к вам на чистку часа полтора назад. Где он?

— Я этого типа по-прежнему не вижу. — Андрей плюнул на всё и дал обратную связь голосом.

— Не гуляем! — третий открыто дал понять, что память второсортным оставлять не собирается. — Возьму остальных, — развернувшись, он пошёл на перехват ещё троих, дружно оставивших работу и спешивших сейчас через весь бокс сюда.

Как назло, одновременно с этим долбаный ас автохимчистки

в оригинальной одежде и кепке от ИРФЕ (так некстати мажущей все контуры!) повёл себя неудобно.

Быстро сориентировавшись, он сделал ещё шаг назад-вправо, опять оказываясь на одной линии с переливающимся за спиной изображением и технично прикрываясь как от вмешательства, так и от сканирования.

М-да уж, себе можно сказать правду: интерьер явно сделан не идиотами, а кем-то из своих. Под такие вот случаи, наверняка за немалые деньги.

Интересно, кто тут такой предусмотрительный, мать его.

Фоном мелькнула мысль: неужели в защиту этого заштатного сральника бабки вкладывали целенаправленно? Ну не может же это быть так.

А что они тут тогда берегут? Тачки клиентов?

Смешно. Хотя вон, мысли этого животного не читаются.

— Не вижу. — Андрей добросовестно повторил, чтоб с его стороны советов не ждали. — Даже наощупь не вижу.

По-хорошему, им от местных только и нужно, что прочесть, где стоит требуемая машина. Потом можно считать, что дело сделано, вопрос техники и пары минут.

Против них здешние работяги по определению беззащитны. Были бы. Если б не это лого на стенке.

Интересно, у тех троих, что сейчас надвигаются на Ильдара, тоже брендовый шмот? Отсюда не видно, как специально перепад теней в том месте.

Специально и есть, оборвал он себя мысленно. Продуманный салон, чё.

Андрей почувствовал, что злится. Защиту рабочей зоны этой химчистки явно планировали, такие слепые участки — не случайность.

По логике, всем троим нужно запускать профессиональный буст и надавать по щам местным: трое против четверых второсортных — нормально.

Потом допросить их по очереди под менталом.

Увы, из-за неудобной локации размахивать руками сейчас — не лучшее решение. Разумеется, чистокровным эти клоуны на кулаках не соперники, но долбаная "Точка чистоты" находится центре города. Одно неловко движение — и после поднятой тревоги последствия выйдут из-под контроля.

— СТОП! Имя? — чистокровный итребовательно посмотрел на инкубаторского, щеголявшего в шмотках от кутюр в рабочей зоне химчистки.

Мужик непонятно как исхитрился проигнорить и это воздействие.

— Имя?! — Борис сбросил напускную маску вежливости и решительно шагнул внутрь светового круга, образованного мерцанием сбивающего фокус логотипа.

Андрей увидел, что старший мобилизовался и сейчас скорее всего собеседника будет вырубать. Физически, кулаками, по старинке.

— Да иди ты нах*й! — предложил в ответ тип в тряпках от Ирфе. — Все трое, нах*р отсюда! — чистильщик обрыганых салонов чужих машин как будто тоже принял для себя какое-то решение. — Давно х*й не сосали?!

А вот это уже было серьёзно. Что он задумал и на что надеется? Не идиот же, право слово?

Ильдар очень тихо свистнул со своего места. Трое работяг негодующе наседали на него, но до рукоприкладства (точнее, до его попыток) пока не дошло.

Андрей продолжил следить за самым опасным противником из четверых, готовясь вмешаться в нужный момент по потребности. Он сосредоточился, чтоб ни в коем случае не пропустить попыток местных тиснуть какую-нибудь тревожную кнопку.

Что-то во всём этом не нравилось.

Чёрт. А ведь затейливо сформулированные сверху условия текущей задачи принуждали их тройку буквально к шпагату между двух стульев.

— Я пропущу мимо ушей то, что ты сказал, — Борис приблизился к местному. — Последняя попытка объясниться по-хорошему.

— Нам не о чем разговаривать, — тип решительно набычился. — Нахер пошёл из рабочей зоны, пока вперёд ногами не вынесли. Эй, братва! — он зачем-то обратился к своим через головы менталистов. — Не спешите впереди отца это самое. Пойдите попейте кофе в офис, я тут сам разберусь!

Разумно. Это было разумно. С одной стороны, изобразил несгибаемость и принципиальность перед товарищами-второсортными; с другой — ответит на все вопросы сейчас без свидетелей и доступ к красной машине даст, скорее всего, тоже наедине.

Видимо, Борис подумал то же самое: он ощутимо расслабился.

Работяги послушали своего коллегу лишь частично: от Ильдара они отвалили, но зону чистки не покинули. Стали возле прозрачной стеклянной стены, отделяющей офис, и принялись о чём-то переговариваться.

Ладно. Всё равно память тереть всем, теперь уже вне

зависимости от результата. Чем ближе они стоят, тем лучше: не придётся бегать.

В следующий момент щеголявший в вещах от кутюр стремительно перетёк вперёд.

— Зашита! — с досадой крикнул Андрей, понимая, что безнадёжно опаздывает.

Видимо, местный великолепно знал и нюансы своего шмотья, и моргающую за спиной вывеску. Во время перепада контрастов он воспользовался моментом и просто сделал два шага.

Борис, к счастью, недаром ел свой хлеб и как реагировать, знал чудесно. Менталист в ответ размазался в воздухе, стремительно смещаясь влево, чтобы оставить долбаную подсветку вне поля зрения.

Дальше видно было не очень хорошо. Немелкий кулак чистокровного на какую-то долю секунды заслонил часть яркого фона, но по глазам всё равно било сильно.

А затем Борис упал. Ещё через мгновение его товарищи с удивлением почувствовали щупальца чужого ментала в своих головах:

— Не двигаться. Стоять на месте. Кто и когда ставил вам задачу?.. Как она звучала?..

С расстояния в десяток метров на происходящее с ужасом в глазах смотрели сотрудники химчистки.

Модный скользнул по ним взглядом и отвлёкся на мгновение:

— Братва, не парьтесь, я адекватный. А лучше валите отсюда — сюда менты несутся. Сейчас будет жарко, я вас официально отпускаю, под запись.

Глава 29

Твои сотрудники перепуганы 👀. Поскольку ты оказался диким, они не знают, чего от тебя ждать. Скажи им что-нибудь?

— Братва, не парьтесь, я адекватный. А лучше валите отсюда — сюда менты несутся. Сейчас будет жарко, я вас официально отпускаю, под запись.

— В квитанциях приёма наши фамилии, — нехотя качает головой один из смены.

Имеет ввиду, за машины клиентов персонально отвечают они. Видимо, нужно обращаться за помощью к браслету.

Можешь сделать так, чтобы снять с них обязательства? Им бы лучше тут не находиться, когда приедет полиция.

Могу. Если твоей цифровой подпишу распоряжение, нормально?

Да. Что угодно, лишь бы к приезду полиции их тут не было.

— У вас в интерфейсе уведомления, — после пары секунд задержки сообщаю рабочей смене. — Сохраняйте у себя, если вдруг с сервером что, и идите.

Несмотря на то, что хозяин теперь Тимоха, за мной право подписи тоже осталось.

Работники благодарно кивают и буквально через секунду с явным очень быстро облегчением покидают рабочую зону.

А мы с браслетом, отбросив условности, потрошим дальше мозги нападавших.

* * *

— ПОЛИЦИЯ! ВСЕМ ОСТАВАТЬСЯ НА МЕСТАХ!

— Эй, эй, потише, потише! Я владелец! — старательно держу раскрытые ладони на виду и на уровне плеч. — Это я вас и вызывал.

— Так. — Возле моего лица на мгновение загорается и гаснет псевдодатчик. — Запрос в реестре собственников не подтверждён… Вы Барласов Александр, без отчества? — а личность установлена верно.

— Да, это я.

Патрульные многозначительно переглядываются.

Похоже, я на слуху. Надеюсь, что в связи с Фроловой.

— Не сочтите за наглость, отправьте в реестр собственников повторный запрос? — предлагаю ментам, не шевелясь. — Только дату на позавчерашнюю, к примеру, измените? Или на прошлую неделю?

— Щ-щас. А, во оно как, — полицейский не кочевряжится и покладисто исполняет то, о чём просят. — Вы бывший… Так, господин Барласов, но сейчас вы формально владельцем не являетесь, — он фокусирует вопросительный взгляд на мне, выныривая из интерфейса.

— Господа сотрудники, а вы сюда прибыли для выяснения имени собственника? — ухмыляюсь в ответ. — Или в связи с вызовом? Сделанным с моего персонального терминала из-за нападения на объект посторонних? — указываю взглядом на изолированных в отдельном боксе чистокровных, сидящих, как сомнамбулы.

Железяка им проехала по мозгам, а мне дала гарантию, что ближайшие несколько часов они недееспособны.

— Перед составлением документов мне нужно понимать обстановку, — старший полицейский решительно отчёркивает границы нашего диалога. — Несмотря на… — он не договаривает, предлагая подумать дальше самостоятельно.

Так, я для них второсортный, это видно по куче нюансов. До меня никто из них снисходить бы не стал, но второй патрульный, который прямиком навравился в бокс с задержанными, видимо, уже прислал напарнику данные по троице — вон, сержант более чем активно прыгает вокруг этих джентльменов, только что руки не потирает.

— Вы позволите, я вам выгружу данные видеонаблюдения? — киваю на логотип и официальное предупреждение компании о том, что здесь рулит искусственный интеллект второго уровня.

Запись сертифицированным искином-двойкой автоматически признаётся местным судом, как безоговорочное свидетельство: государство старательно держит под контролем всё, то выше

третьего уровня. Это и процедура регулярной верификации техники, и её сертификация, в общем, даже железяка говорит, такую инфу практически не подделаешь либо это сразу будет видно её полицейскому родственнику.

Мелькает мысль, что оно похоже на надзор за второсортными: там тоже регулярный скрининг.

— Давайте. — Мент решительно отстёгивает жетон и тянет его вперёд для тактильного контакта с моим браслетом.

> Подстраховывается □. Будет смотреть и на параметры выгрузки. Мудила, не боись, всё нормально. Я ему как надо залила.

> И не думал бояться, я полностью на тебя полагаюсь и тебе верю 😎

В ответ интерфейс молчит, но я прямо физически ощущаю озадаченность своей необычной собеседницы.

На мгновение становится весело: кто б мог подумать, что подход давно почившего Антона Семёновича Макаренко будет успешно работать в другую эпоху, в другом мире, ещё и на ком (рука-лицо).

— Отойдём, — не предлагает, а буквально командует старший патрульный после того, как его напарник заканчивает танцы с бубном вокруг задержанных.

Шагаю следом и выхожу на улицу.

— У тебя проблемы, — он хмуро смотрит в глаза. — Этих троих я приму, уже принял, но…

— Когда они выйдут?

— Реалистично — сутки-двое.

— Вы уже поняли, что они тоже из безопасности, просто из другого места?

— Да, я же не гражданский, — в интонациях сквозит едва уловимое превосходство. — Ты только что сказал "тоже". Что имел ввиду?

— Утренние пятеро в клубе Вавилон. Светлана Фролова однозначно утверждала, что они оттуда же.

— Я временно заглушил свой жетон, запись не ведётся. Ты…

— А ТАК МОЖНО?!

В ответ патрульный молча и укоризненно смотрит исподлобья.

— Извините, продолжайте.

— Барласов, эти через пару дней выйдут, причём лично я бы поставил на пару часов…

— То понятно. Мне больше и не нужно.

— … но всё то время, что они проведут у нас, связи у них не будет.

— Вы так говорите, словно я должен о чём-то догадаться.

— По твоей фамилии ближайшее время очень возможен карт-бланш на нашем уровне. Чего ты хочешь?

— Хм. Я думал, мне придётся вас долго уговаривать.

— Через пару дней — вполне может быть, но эти сутки случай с нашим подстреленным сотрудником у всех на слуху. Те, кто сейчас на смене, против тебя топить не станут без необходимости. — Он переводит дух и словно на что-то решается. — Я тебе не гарантирую, что буквально весь департамент полиции честь отдаст, но пока можешь считать, что у тебя неограниченный кредит.

— Приятно. Мне просто нужно уйти, прямо сейчас.

— Это понятно. Но ты же понимаешь, что далеко не убежишь? Даже если лично я закрою на многое глаза и подставлюсь ради тебя?

— Мне многого не надо, — кошусь через плечо вверх в сторону уходящего в небо здания. — Мне бы на крышу подняться, на этом всё.

— ??? — несмотря на первую категорию, мимикой он сейчас то ли демонстративно не управляет, то ли реально не считает нужным контролировать. — Слушай, ты же нормальный мужик! Погоди ты помирать раньше времени, хоть побарахтайся!

— Я больше ни о чём не прошу. Мне нужно на крышу, точка.

— Как знаешь, — его взгляд становится пронзительным и тягучим. — За пределы адреса ты не выходил, наверх можешь идти. Твоё дело. Эй, ты куда направился?

— Контейнер из своего багажника возьму? Не возбраняется?

— Бери сколько угодно. Что у тебя там?

— Еда, термос с чаем, бутылка. Выпью, съем бутерброд наверху. Держи, — в последний момент одна из пачек банкнот в моём кармане меняет дислокацию.

И перемещается в форменную куртку патрульного.

Его брови удивлённо прыгают вверх.

— Жетон ты заглушил, я действую добровольно, — поясняю. — Отец учил в своё время: если тебе очень плохо, не лей говно из себя наружу. Постарайся хоть кому-то сделать хорошо. Тогда и тебе самому через какое-то время станет легче.

— Я оценил, — ворчит мент, отворачиваясь. — С учётом того,

что ты инкубаторский. И рождён по государственный программе искусственным путём в пробирке.

— Упс. Я на автомате сказал, — вздыхаю абсолютно искренне.

Мысленно добавляю раскрытой ладонью себе по лбу.

* * *

Разговор двух неустановленных абонентов.
Конфиденциальность беседы поддерживается протоколом, принадлежащим неустановленому искусственному интеллекту.

— Ань, мне нужна твоя помощь.

— А-а-а-ы-ы-ыыы, — женский голос зевает. — Спала после ночи, сорян. Какая именно и как срочно?

— Прямо сейчас, в течение трёх минут.

— Саша, я по сети не умею! Пха-ха-ха-ха-ха, шучу. Чего так пыхтишь?

— Иду пешком по лестнице на сто шестьдесят восьмой этаж.

— Хренасе, и не лень тебе.

— Физкультура, решил сосуды в тонусе поддержать.

— Говори уже, что сделать?

— Твой вертолёт. Он может взять одного пассажира со второй категорией гражданства вот с этого адреса? **#_локация**

— Пф-ф-ф, прямо сейчас?

— Да.

— Может. Жди. Но мне уже интересно, почему именно три минуты? И куда тебя потом везти?

— Если не возражаешь, я бы это всё объяснил при личной встрече. Насчёт куда везти: можно хоть в твой муниципалитет, в любую его точку. Лишь бы из этой юрисдикции, это срочно.

— Жди. — Жениский голос становится серьёзным. — Минут семь продержишься?

— Да, без проблем. Про три с запасом сказал, я тут наверх только минут двадцать карабкаться буду.

— Пешком до самого верха?! До крыши?!

— Какая из тебя опасная жена будет. И как ты только вычислила.

— Да это здравый смысл, лифтом меньше минуты ехать, — девушка не принимает шутливого тона. — Ладно! Но ты мне

обязательно всё расскажешь, когда встретимся. Особенно почему не хочешь ехать в лифте.

— Это я даже сейчас могу. Камеры, риск блокировки в здании, если кабина застрянет, далее по списку.

— Хренасе расклад, — женский голос оживляется. — Слушай, Барласов, а чего ты ту азиатку с сиськами не попросишь? Она ж в твоём клубе тоже с транспортом была, если что?

— А ты откуда знаешь?! Они расходились после тебя, ты её отлёт видеть не могла! — мужчина напрягается.

— Пха-ха-ха, пусть будет интрига. Прилетишь — узнаешь.

— Ань, а ты сейчас где? — в мужском голосе растёт опасение.

— Я у вас, но в правильном месте, — женский голос называет самый дорогой отель в центре города. — Поселилась на верхнем этаже, как чувствовала. А на свою крышу выйду, пока тебя забирать будут. Подхватите меня — и сразу ко мне летим. В смысле, к нам в город.

— А-а-а, фу-ф. А то немного испугался.

— Не вибрируй, Барласов. Ельцовы добро помнят и в людях разбираются. И ты оценил, что я никаких вопросов не задаю? Всё, пилот уже бежит к машине.

— Оценил. Спасибо большое.

* * *

РЕШЕНИЕ СУДА О ЗАДЕРЖАНИИ И ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПРИВОДЕ В ОРГАНЫ ДОЗНАНИЯ #… от…

Барласов Александр, индивидуальный идентификационный номер… настоящее уведомление считается вами полученным, из чего проистекают ваши обязанности в соответствии со Ст. # *** Процессуального Кодекса…

Решение может быть оспорено в суде высшей инстанции в течение 3 часов с момента получения настоящего уведомления…

Вы предупреждены об ответственности за несоблюдение требований настоящего уведомления… В соответствии со Ст. # ***…

Мудила! 🕳 Всё пропало! Ты арестован!

Эй, пока ещё нет

, — нарочито спокойно оглядываюсь по сторонам.

Эти менты снизу сейчас поднимутся и тебя возьмут! Им наверняка пришло распоряжение с их сервера!

Лифты в здании можешь заблокировать?

Да, но это ещё одна статья. 👀 Ты чё? 😫

А нам с тобой есть что терять? Ты же понимаешь, что если возьмут хоть раз, то обоих уже не выпустят.

😫😫😫😫😫
Всё пропало! Нам конец! Мне страшно!
😱😱😱😫😫😫
Сделала. Лифты стоят.

Надолго?

Либо пока я не разрешу, либо пока нас здесь наверху не хлопнут. Слышь, доктор

?

Ты, если отсюда сверху прыгать будешь, и меня сбрось. 😒 Я к ним тоже попадать не хочу, так хоть всё быстро случится. Бл*, не успела твоя Анька 😱😱😱😱😱

Никогда не умирай раньше времени ☝. Ментам сюда наверх тоже четверть часа карабкаться. Ладно, даже если 10 минут, но тем не менее.

Блин, я ещё подумал, что вертолёт под парами стоит вряд ли. И там не вопрос пятиминутки.

М-да уж, неприятный момент. Хе-хе

ЧЕГО ТЫ РЖЁШЬ?! ЧТО СМЕШНОГО?!

Пытаюсь ко всему отнестись философски. Не переживай, всё будет хорошо

, — прижимаю к себе небольшой чёрный ящик размером с аккумулятор и даже глажу его верхнюю крышку.

О. Вертолёт. ☝

Где? Я не вижу.

Я тоже не вижу, но на здании маяк. Над этими облаками он, ща сядет. Уфф, 45 секунд.

Сука эта Анька, так ей и скажу!

Давай-давай, □, заодно не забудь пояснить ей, кто ты

Иди в жопу, мудила. Мудила. Мудила. Мудила.

У тебя заело, железочка?

* * *

— Здравствуйте. Если полетите рядом со мной, попрошу пристегнуться, — ровно через минуту уже знакомый пилот вежливо указывает взглядом на сиденье рядом с собой.

В интерфейсе браслет показывает бесплатное кино: полицейский патруль, идущий вверх по лестнице небоскрёба, трансляция с внутренних камер. Кстати, спешат они несильно.

— Я лучше в салон, с вашего разрешения.

— Сам это хотел предложить: Анна будет ждать нас на вертолётной площадке на крыше. Наверняка захочет с вами поговорить и сама точно сядет в салон.

Рядом с пилотом всего одно место, здесь понятно.

— А откуда вы знаете, чего она захочет? — тупой и лобовой вопрос, но в моём положении простительно.

— Я её вожу уже семь лет, — дверца за мной закрывается автоматически.

Внутрь не доносится никакого шума снаружи, можно разговаривать, как в машине.

— Погодите, — пытаюсь сообразить на ходу. — Она говорила, ей девятнадцать.

— Ну да, с двенадцати и летаем. Интересно, — мужик за штурвалом указывает вниз, делая разворот над крышей небоскрёба, с которой мы только что поднялись.

По покрытию то ли миниатюрными лампочками, то ли ещё чем именно в эту секунду загорается запрет взлёта.

— Не переживайте, этот муниципалитет не имеет права вмешиваться в наше полётное задание. — Такое впечатление, что мужик читает мои мысли затылком.

— Занятно. Там, откуда я родом, было бы с точностью до наоборот. Вы обязаны были бы подчиняться местной диспетчерской службе.

— Литерная лицензия, — он пожимает плечами. — Оговорены полёты над полным списком городов. Если каждая мэрия получит возможность тормозить машину Ельцовых, — он пренебрежительно фыркает и не договаривает.

— Теряется весь смысл в этом транспорте, — заканчиваю за него, хлопая по кожаной подушке сиденья рядом с собой.

— Ага. Если хотите пить, бар под вашим сиденьем.

Хренасе, круто. А я никогда не летала. □ Эй, посмотри в окошко!

Зачем?

Я с твоего глазного нерва скачаю. Интересно же 🤔

* * *

Анна запрыгивает в машину практически мгновенно, пилот даже не глушит двигатель.

— Привет! — она подставляет раскрытую ладонь для ответного хлопка, падая спиной вперёд рядом со мной. — Рассказывай.

— А ты хорошо выглядишь для отсыпавшейся после пьянки, — улыбаюсь. — До последнего момента.

— А сколько мне лет! — удивляется она. — Вот буду как родители, тогда и начну скрипеть. А пока, пф-ф-ф-ф-ф.

Из-под сиденья появляются две банки с газировкой:

— На! — вторую она открывает сама и жадно к ней присасывается. — Барласов, а ты в курсе, что на тебя здесь судейские сезон охоты открыли?

Вместо ответа подвешиваю перед лицом голограмму уведомления, которое до невозможности взволновало браслет.

— О, ты в курсе. — Кажется, моя спутница этим ничуть не обескуражена. — Ты обещал сказать, почему эту сиськастую азиатку из кабака не попросил помочь. Она тоже летает, не ездит.

— К ней у меня нет деловых предложений. В отличие от, раз. Я её никогда не выручал, два — а ситуация очень скользкая.

— Экий ты неромантичный, — меня с силой хлопают по плечу. — Она на тебя так смотрела! Бесчувственный ты чурбан.

— Ань, мне слишком много лет…

— Ты это к чему?!

— … и я отлично знаю, что, находясь с одной женщиной,

категорически нельзя восторгаться другой.

— Тьху ты.

— Ага. А ещё, у тебя содержимое жилета ничуть не хуже, — до меня с запозданием доходит, что содержимое банки я не прочёл зря.

По вкусу не чувствуется, но какой-то алкоголь явно присутствует.

— М-м-м, она экзотичнее, — вздыхает Ельцова. — И по морде было видно, готова раздвинуть ноги прямо там. Обычно мужики не отказываются.

— От чего?

— Нырнуть там, где дают. Опять же, чистокровная — парню со второй категорией.

— Знаешь, я не почувствовал, что мы с ней настолько близки по характеру потенциально. — Решаю сказать чистую правду. — Да, скорее всего она бы тоже помогла, но… Ты смотрела интереснее.

— Как?

— Она — снисходительным хищником, ты — жизнерадостным позитивчиком. Ну и она же из этого города, — тычу пальцем в пол. — А мне, как ты сама заметила, надо свалить подальше от здешнего суда. Хотя бы на время, пока всё не решится и не рассосётся.

— Хочешь приколоться?

— Валяй.

— Мы с тобой сейчас оба выпили один и тот же стимулятор.

— Что он даёт?

— Полную прозрачность друг для друга в течение получаса. Сыграем в вопрос-ответ? — её взгляд становится неожиданно взрослым и серьёзным.

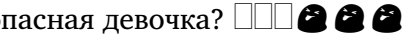
— Давай попробуем, — пожимаю плечами, бросая пустую банку под ноги.

Э, пусть не свистит! Да, стимулятор в составе был, но на тебя не подействует

???

Тут не очень новая нанокультура. Я легко заблокирую и выведу. Эта сиськастая напоила хернёй

саму себя и щас будет с тобой откровенничать. А ты, если не захочешь, нет.

Железочка, а тебе кто-нибудь говорил, что ты очень опасная девочка? □□□ 

Нет. Пофиг. Я жить хочу и я никому ничего плохого не сделала.

Глава 30

— Ты в курсе, что это запрещённый стимулятор? — кошусь на Ельцову.

— Где он запрещён? — пренебрежительно фыркает она. — На территории твоего муниципалитета? Или пары муниципалитетов рядом? Это мой вертолёт, на нём свои законы. Что хочу, то и верчу.

— "Воздушное судно, в отличие от морского, не обладает правом экстерриториальности", — цитирую по памяти.

— Барласов, ты свой вопрос задал, я на него ответила. Теперь моя очередь. Какие у тебя планы в мой адрес?

Лучше правду. Может почувствовать.

 ты же сказала, что заблокируешь действие газировки? Как она почувствует?

Хрен его знает, что за гадость , кажется, я немного ошиблась. У неё восприятие именно в твой адрес почему-то выросло, хотя и не должно.

— Э-э-э, — я не на шутку озадачиваюсь. — Если честно, до планов в твой адрес я пока не добрался. Очень сильно пахнет жареным дома, хотел поскорее свалить. Сорри за прагматизм.

— Не врёшь. Но в жилет мне при этом смотришь весьма красноречиво.

— Ань.

— Что?

— Жилет — это физиология, а планы в адрес женщины — что-то более серьёзное. Для такого у нас пока никаких оснований, наверное. И кстати, дальше взглядов в твоё декольте я не захожу.

— Это хорошо, — она абсолютно трезво кивает, сжимая мою ладонь. — Было бы гораздо хуже, если бы ты себе в голове уже что-нибудь распланировал по примеру Максимова.

— Кстати, насчёт планов и этой фамилии, — неожиданно приходит идея. — Давай Максимовых свалим?

— Ты серьёзно? — менталистка ловит мой взгляд на

мгновение. — Да, серьёзно. Саш, а как ты это планируешь сделать, если даже мы… — она не договаривает. — Окей, намекну откровенно, наступлю на горло собственной гордости. Он бы мог позволить себе так обращаться со мной в центре города при всех, если бы у меня был хоть малейший шанс, что на них найдётся управа?

— Я бы предположил, что и вы, и они дружно кое-чего не учитываете, — стараюсь остаться как можно более дипломатичным. — Хочешь кино посмотреть?

— Погоди. Планировала один разговор, а ты его увёл совсем в другую сторону. Давай тогда уже протрезвимся.

Из-под сиденья появляются ещё две банки.

— На, это блокиратор предыдущего стимулятора, — Ельцова решительно присасывается к своей посудине и опустошает её в два глотка. — Блин, я сейчас на алкаша похожа, да?

— Ага, — веселюсь. — Но в отличие от него ты намного более привлекательна. Тебя не портит.

— Чего свою не пьёшь?

— На меня твой первый подействовал не в полном объёме, — открываю часть правды. — И я не чувствую, что мне нужно подбирать слова. Дома собрались арестовывать, живым уже не выпустят, если поймают. Стоит ли опасаться сейчас сказать тебе что-нибудь лишнее?

— Логично, — с сомнением в голосе заключает она. — Ладно, дай сюда, раз ты не хочешь. — Чистокровная забирает мою порцию и выпивает её со скоростью первой. — Культура активирована, как только достала тару из холодильника, — буднично поясняет она. — Чего добру пропадать. Стоит не как в Стодвадцатьпятке, но очень рядом.

— А-га-га-га-га, менталистка из непростой семьи, летающая в девятнадцать лет на своём вертолёте, экономит на газировке!

— А тебя взяло, — Анна задумчиво косится в мою сторону. — Вертолёт на бюджете семьи, если что.

— А наркота — из своего кармана? — продолжаю веселиться.

Кажется, несмотря на все возможности, в вопросах обмена веществ носителя браслет далеко не всемогущ. Хотя амнезировать менталистов может, да. Проверено практикой.

Занятное сочетание свойств.

— Да, стимуляторы из моего кармана. Не говори "наркота", неприятно. Это же не совсем так.

Тактично молчу, чтобы не задеть ненароком чужую ранимую психику в несколько нетрезвом состоянии.

— Барласов, а ты сейчас насчёт Максимовых по пьянке брякнул? Или за этим что-то стоит?

— У меня есть мои прикладные задачи. Я их буду решать любой ценой. В проектах такого масштаба всегда стремятся обзавестись союзниками.

— Понятно, не развивайся. Мотивация у тебя есть, я на первый взгляд — союзник. А как насчёт возможностей? — она собрана, трезва и серьёзна. — С одной стороны, звучит как утопический бред. С другой стороны, ты и владельцем Вавилона оказался неожиданно. Ещё и единственным.

— Возвращаемся к моему предыдущему вопросу, — разваливаюсь в кресле, ощущая растекающееся по организму тепло. — Кино хочешь посмотреть?

— Показывай.

Через секунду с помощью моего гаджета в салоне возникает голографическая проекция допроса конституционала.

— А чем Барласов так опасен? Почему за него взялись со всех сторон, не сговариваясь?

— "Здесь все равны". Общественное движение почти сформировано, может стать партией. Могут пойти на выборы. Сеть Вавилонов — очень много постоянных посетителей, очень плохая тенденция.

…

— Есть прогноз. Они могут преодолеть квоту и набрать пять процентов в муниципалитете через цикл.

— И что потом?

— Получат допуск к базам Медикора, как общественный аудитор — производственные площадки же здесь.

— Чем это опасно?

— Увидят, что второсортные тоже могут быть чистокровными. Отменят генное купирование ментала второсортных на этапе искусственного зачатия. Или просто поднимут шум. Второсортных не будет уже в следующем потоке рождённых. А что прокатит у нас, автоматически перейдёт в следующие мониципалитеты буквально через цикл, — завершает пояснение пациент.

— Что такое цикл?

— Выборы. Четыре года. Медикор, Генетикс, ещё пять семей из верхнего списка против. — Чистокровного несёт с ускорением. — Барласов, похоже, тоже настроен серьёзно: обзаводится точками опоры очень быстро. Надо выяснить, кто за ним стоит.

— Если его не станет, "ЗДЕСЬ ВСЕ РАВНЫ"

накроются?

— Возможно, нет. Но у верхних кланов будет время вывести деньги в другие места и обезопасить себя на будущее. Мир меняется, надо притормозить. Для этого не должно быть независимого Вавилона и такого хозяина.

Анна несколько раз прокручивает файл, задумывается, потом спрашивает:

— Удалены фрагменты в самом начале. О чём шла речь?

— О жизни и безопасности третьего лица. В отличие от меня, у него с тобой отношений нет и я бы предпочёл не углубляться.

— Без проблем, просто спросила. Дай сообразить.

Следующую четверть часа менталистка задумчиво барабанит пальцами левой руки по подлокотнику. В переводе на обычные мыслительные процессы — одна или две полноценные рабочие смены размышлений, размышлений, размышлений.

— Мне интересно. — Она наконец поворачивается ко мне. — Хотя и тянет на небольшую революцию. Разумеется, мне немного боязно в этой связи.

— Самое интересное, что я тебе ляпнул исключительно по пьянке, — признаюсь, поскольку запал спал. — Ты упомянула семейство мэра — а у меня к ним свой счёт. Мне с ними всё равно воевать до последнего, вот и брякнул в порыве откровенности.

Пока мы молчали, железяка активно суетилась и таки нейтрализовала последствия принятия мной первой банки.

— Получается, на тебе всё-таки сработало поначалу? — оживляется Ельцова.

□🤦☹ сорян

— Да, — соглашаюсь. — Но я уже пришёл в себя, могу взять то предложение обратно.

— Это тоже обратно возьмёшь? — менталистка указывает взглядом на замершую перед нами голограмму открывшего рот конституционала. — Я уже всё услышала и запомнила.

— Ты очень надёжная, — пожимаю плечами. — Если мы сейчас договоримся, от тебя ни одна живая душа в мире не узнает.

— Ты предлагаешь возможность действительно что-то изменить, — она сцепляет пальцы, ставит локти на колени и опирается подбородком о соединённые руки. — Знаешь, даже

если не верить в бога, после такого поневоле поверишь, — кивок на изображение. — Оказалось, мои с Максом отношения — часть *их* плана. Они захотели второй муниципалитет, наш. Ты просто не знаешь всего, а мы буквально в последние часы выяснили.

— Не понял? Вы же у себя далеко не главные. Да, серьёзная семья, но я смотрел по сети. Скорее опора нынешнего кабинета. Одна из: серьёзная, мощная, но одна из.

— Ты не в курсе.

— Что-то упускаю?

— Просто не знаешь, не сталкивался на своём уровне. Ельцовы рулят фракцией законодательного собрания вот уже более десятка циклов. Ещё мой дед начинал. Сорок лет.

— И что? Фракция не самая крупная, — я действительно вник по мере сил.

— Это единственная фракция, которая не пропустила ни одного цикла и всё время избиралась.

— Э-э-э, в вашем парламенте есть постоянный и переменный состав? Правильно понял?

— Да.

— И вы относитесь к постоянному, а это о чём-то должно говорить?

— Барласов, — она разворачивается ко мне и снисходительно улыбается. — Мы — ЕДИНСТВЕННАЯ постоянная часть за последние два поколения, остальные — переменные.

— Хм, не учёл. Не поспоришь. Тот случай, когда нужно знать лингвострановедческие реалии.

— Чего?

— Забей. Словечко с предыдущей работы в другом месте. Ань, твой коктейль меня выбил из колеи на какое-то время.

— Пха-ха-ха, я заметила. Меня тоже, но ты от антидота сам отказался.

— Да антидот фигня, я просто теперь не уверен, что мне стоило делать тебе то предложение.

— Власть и деньги любят тишину? — она пронзительно смотрит в глаза.

При этом парадоксальным образом улавливает мои мысли, что ли.

— Типа того. Я расслабился после стресса, а тут ещё твои нано-добавки. Вот и разговорился.

— Саш, — менталистка откидывается назад, перемещая правую ладонь мне на колено. — Знаешь, а бог всё-таки есть.

— Ты это к чему сейчас?

— Можешь рассказать, в чём заключается ТВОЙ план? Как именно ТЫ планируешь подвигать Максимовых? Обещаю,

останется между нами. Я ж вижу, что ты из-за моей семьи передумал.

— Ань, ты не можешь гарантировать сохранения тайны, — кошусь на полоску металла на своём запястье. — Как показал даже твой личный опыт с Максом, лучшая гарантия неразглашения — меньше знать. В этом мире мозги читают все, кому не лень, у всех, попавшихся под руку.

— Из любой плохой ситуации нужно уметь делать хорошие выводы.

— А-гр-кхм!

— Чего?!

— Ты сейчас дословно как другой человек заговорила. Продолжай.

— Я уже заказала и себе браслет, — она касается пальцами моего. — У них же. Прилетим — первым делом поеду, выкуплю. Будет блокировка от того, что со мной вытворял Макс: для чистокровных у Ирфе больше функций. Проблема редактуры чистокровными чистокровных актуальна как тенденция, производитель отреагировал.

— Там не всё так просто! — спешу остудить завышенные ожидания. — Там до трёх месяцев тренироваться, чтобы хоть какой-то результат получить! Сам гаджет — не гарантия, только инструмент. Им ещё владеть учиться.

— Следующие три месяца я уже запланировала никуда не выезжать. А на своей территории мне ничего не угрожает.

— Фигасе, ты быстрая в решениях.

— Вопрос разумности, не скорости. После такого урока, — она тычет большим пальцем назад, в ту сторону, откуда мы летим, — надо быть большой идиоткой, чтобы оставить всё, как есть. Саш, что бы ты сказал, если бы я заявила: "Хочу послушать твой план и понять, чем могу пригодиться лично я"?

— Да план простой, — фыркаю. — Этот чел, — деактивирую уже намозолившую глаза голограмму, — сам всё сформулировал.

А я абсолютно случайно имею представление о тех процессах, которые он упомянул. Последнего вслух не говорю.

— Ну так озвучь, — предлагает чистокровная.

— Вавилон — это тусовка, плюс-минус разделяющая идею, что все могут быть равны. Маша — очень хороший пример.

— Та азиатка с сиськами? — недовольно морщится Анна. — Даже имя запомнил.

— Шутишь?! Я всю ночь сидел с человеком за столом, день рождения. Должен был не знать, как зовут?!

— Да это я так, вредничаю… Развивайся.

— А всё. Этот тип из Бюро всё сам подсказал: на базе тусовки

Вавилона объявляется инициативная группа в один прекрасный момент. Деньги на первичный промоушн есть, идея в обществе и так витает. А выборы можно и ускорить, четыре года не ждать.

— Как?

— Петиция об утрате текущим составом парламента доверия избирателей. Отзыв их мандатов.

— Хм.

— Реальная процедура, просто никто не заморачивался. Прецеденты в других местах есть, чем мы хуже? Ну и ещё нюанс, конституционал не сказал либо не понимает.

— Какой?

— Это *ваше* общество сегодня разобщено, не *наше*.

— Поясни? — тонкие пальцы нетерпеливо сжимают моё колено.

— Максимовы из одного муниципалитета воюют с Ельцовыми из другого, те и те чистокровные. Полиция, где по определению служат только ваши, воюет с безопасностью, где работаете вы же. И так далее.

— Говори дальше, — она с донельзя серьёзным видом заглядывает мне в глаза.

— Ты же уже поняла. По конституции мы, второсортные, тоже голосуем. Имеем право, по крайней мере.

— Право имеете, но никогда им не пользуетесь. Почти.

— Это только потому, что нам не за что было голосовать до последнего времени. Отгадай, монолитно настроенные второсортные что скажут? Если им объявить: "Братья, вот первая в истории партия, которая РЕАЛЬНО будет защищать наши интересы. Надо только этот парламент отозвать, наших там всё равно нет"?

— Слушай, а ведь вроде на поверхности лежало, — заторможенно роняет она через долгую минуту. — Вас же тоже немало, порой больше половины, смотря по каким районам и отраслям. Если вы ВСЕ проголосуете за единую строку в избирательном бюллетене, эта партия и правда взлетит. Хрена се. А ведь вас никто всерьёз не принимает.

— Аналогично, мы и текущий парламент проводить вон за сутки можем. Мир меняется, — повторяю чужую фразу, указывая взглядом на браслет. — Рабство целой социальной категории — всегда временный этап. Рано или поздно без вариантов наступает равноправие. Вопрос, кто конкретно взлетит на этом. Почему бы не нам?

— Я не спорю, звучит логично. Остаётся актуальным единственный вопрос: обеспечение точного подсчёта голосов. Бывают, знаешь ли, прецеденты.

— У меня есть понимание, как решать именно этот технический нюанс. Пока без подробностей.

Браслет говорит, тот искин более чем прост в контроле. Надо лишь озаботиться.

— Саш. Как насчёт брачного партнёрства второй категории? — вопрос задан без паузы и без перехода.

— Нам с тобой? Или кому-то другому?

— Идиот! — она вспыхивает и к моей голове несётся раскрытая ладонь.

Еле успеваю перехватить.

— Шучу! — хихикаю на фоне остаточных явлений первого коктейля. — Ты не сильно торопишь коней?

— А пофиг. В одной книге читала, что самые тупые и сумасбродные решения иногда оказываются в перспективе единственно верными. Кстати, вторая категория партнёрства именно для того, чтобы каждый иметь возможность соскочить в любой момент. Если вдруг не уживёмся.

— Мне это дорого обходится обычно, как оказалось, — передергиваю плечами. — Прошлый раз остался без квартиры, собираются клуб отбирать — хорошо, на Фролову успел переписать.

— В случае со мной именно тебе опасаться нечего, — веселится менталистка. — Взять с тебя сейчас нечего, тьху, тавтология — кроме приговора суда. Так что моя искренность в твой адрес вне подозрений. Ты же теперь беден, как церковная мышь. Активы если и были, остались на территории Макса, так?

Вообще-то есть как минимум нал в трех сейфах, но она не знает. И фактическим бенефициаром Точки и клубов остаюсь я, но опять же, Анна не в теме.

— М-да уж. Ещё никогда не женился таким нахрапом.

— Да не ври! — она вспыхивает возмущением повторно. — На! — активация видео. — Сволочь!

Голограмма чужого аккаунта соцсети показывает меня, делающего предложение бывшей супруге через четверть часа после нашего знакомства.

Ирина, оказывается, очень гордилась этим фактом. Поэтому о нём теперь знает если и не весь мир, то пара миллионов подписчиков бывшей финалистки конкурса красоты, точно.

> 🤣🤣🤣🤣🤣🤣 эпический фейл, мудила! Ты же реально бывшую через 15 минут знакомства убалтывать принялся! А-а-ха-ха-ха-ха-ха!

Н-да уж. Неловко получилось. И что мне стоило собственную биографию лучше изучить

Доктор, эта сиськастая предлагает себя в твоё сексуальное рабство? Я правильно понимаю суть её поползновений?

Тссс. Брак — это не только секс.

Ага, лечи больных. Другим лапшу на уши вешай. Думаешь, я не вижу, как ты ей в декольте пялишься? Про гормональный баланс вообще молчу, ты бы её прямо здесь разложил, если б можно было.

И ноги раздвинул. И…

Человек тем и отличается от животного, что инстинкты по большей части контролирует

, — перебиваю.

Ну и дурак . Тёлка от тебя искренне без ума, даже не парится, что у тебя ни копейки нет — ну, это она так думает. Искренне.

Ошибается, конечно — но она же этого сама не знает.

Чистокровная, считает, что ты нищий. Чё те ещё надо?!

Женитьба — это очень большой вопрос. Ты просто не понимаешь, поскольку маленькая.

Ну и иди нахрен . А были бы под их защитой в безопасности. Мудила.

— Ань, мысль неожиданная, хотя и интересная, — улыбаюсь через пару секунд. — Я не то чтоб сходу против, просто слишком старомоден, чтобы…

— СКОТИНА! Я по-твоему недостойна?! Эту бывшую свою сам через десять минут уже убалтывал!

— И чем там дело кончилось в итоге? — напоминаю. — К тому же, это некорректно с твоей стороны. Летим в твоей машине, к тебе, я от тебя полностью зависим.

— Сделать тебе приятно прямо тут, чтоб успокоился и не напрягался из-за херни?! Заодно стресс сбросишь; говорят, вам помогает…

— Э-э-э? Пардон?

Мудила, соглашайся! Ты ж сам хотел! И я погляжу 💩…

НЕ ТОРМОЗИ! ДУБИНА! Она сама на всё согласна! 😭😭😭 А-а-а, кретиииин!!! 😭😭😭

— Ладно. — Анна берёт себя в руки и откидывается на спинку кресла. — Жить где у нас в городе будешь?

Рука её, правда, с моей ноги никуда не делается.

А наоборот перемещается выше. Кажется, случайно и по рассеянности.

Глава 31

— Даже и не думал пока, — задумываюсь. — А это важно? Собирался на первое время отель поприличнее выбрать в центре. Типа того, из которого мы тебя забирали.

— Почему именно отель?

— И охрана, и территория надёжная, и наличные в номере оставить не страшно — у меня же теперь счета заблокированы. Почему спрашиваешь?

— Именно поэтому. Саш, ты смотрел на карту центра моего города?

— Нет. Рассказывай.

— У нас географический центр не совпадает с Золотым Квадратом.

— Что это?

— Квадрат четырёх самых больших проспектов, между которыми находится деловая часть города и попутно живёт элита.

— Вы тоже?

— Угу. Я тебе хотела предложить не отель, а свой дом.

— ???

— От перекрёстка до перекрёстка квартал, он весь наш.

— Занятно.

— Я никогда и не говорила, что мы бедные. Там кстати все так живут, не только мы… кто на этом уровне… Саш, у меня отдельный дом, три этажа. Не небоскрёб, как вокруг, но на двоих более чем достаточно.

— ВЕСЬ ТВОЙ?! — Да, он новый. Я же думала, у нас с Максом всё серьёзно, — менталистка глубоко вздыхает. — Когда была помолвка, родня подсуетилась — сделали подарок. Я переехала. А что он мудак, разобралась уже позже, после. Не сносить же здание! Ну и привыкла я к этому дому быстро.

— А-га-га-га-га…

— Какого. Хрена. Ты. Сейчас. Ржёшь.

— Да у меня на слово "мудак" свои ассоциации, извини. Иии-хи-хи-хи-хи… Это я не над тобой, над собой скорее.

Именно в этот момент приходит уведомление о входящем сообщении.

Не дожидаясь моей реакции, мессага нагло распаковывается сама в виде метровой голограммы перед носом:

> Александр Барласов, вы самовольно покинули территорию муниципалитета Задольска. В соответствии с Ст… Кодекса… вы объявлены в межмуниципальный

розыск…Вам предлагается немедленно вернуться на территорию муниципалитета… Любое сопротивление бесполезно, вы только ухудшаете своё положение…

— А я всё ждала, когда оно зажжётся, — фыркает Анна, забрасывая ногу за ногу. — Вроде уже давно от вас вылетели, а оно всё не идёт и не идёт. — Она равнодушно смотрит на текст. — Смотри, если ты живёшь внутри Золотого Квадрата, это отдельный пропуск на территорию. Не твоя биометрия, не внесение в списки, точнее, не только они, хотя и они тоже.

— Не понял.

— Карта, — менталистка наклоняется вперёд, чтобы засунуть руку в задний карман в шортов. — Вот такая.

Содержимое её жилета призывно колышется вперёд-назад перед моими глазами.

— Эта карта имеет такой же статус, как бумажные счета в Аль Гани, — она насмешливо следит за направлением моего взгляда, но никак не комментирует. — Главное: ни один мент на территории города даже не подумает дёргаться в адрес обладателя личного пропуска в Золотой Квадрат.

— Даже с учётом розыска из другого муниципалитета? Я не слышал, чтобы у нас было что-то аналогичное.

— У вас свои правила и традиции, у нас свои, — Анна равнодушно пожимает плечами. — У вас Золотого Квадрата нет, а у нас девчонками из соседних городов полы в кабаках не вытирают и ногами их по лицу при всех не бьют. Везде свои обычаи, чё.

— Сорри. Понял. Что значит "личный" пропуск?

— Аналог местного иммунитета. Мало иметь дом в Квадрате, нужно ещё иметь право эмиссии карточек, — менталистка небрежно засовывает кусок пластика обратно. — Блин, ты так занятно таращишься. Хочешь — потрогай уже, да и успокойся. Я не сопротивляюсь.

— Продолжай.

— У моего дома право на такую эмиссию есть.

— А-а-а.

— Угу. Селишься у меня, регистрирую тебя в мэрии онлайн — и через полчаса с чистой совестью выдаю тебе абсолютно легальный пластик. Это полностью нейтрализует их попытки твоего задержания: у нас этим просто никто заниматься не будет.

— Насколько это юридически обосновано? — Ты меня чё, не слушал? Настолько же, насколько и вмешательство Макса в мои мозги у вам. Если чего-то нет на бумаге, Барласов, вовсе не значит, что оно в реале не работает. — Классное предложение.

— Соглашайся. И это, Шур.

— Что?

— Я может и наивная местами, и молодая, но далеко не дура.

— Это к чему?

— Я отлично понимаю, что мужики больше всего опасаются обязательств. Давай просто какое-то время поживём в одном доме, можно даже на разных этажах. Если я тебя настолько не привлекаю как женщина.

— Вот чего ты напрашиваешься на комплименты? Видишь же, что привлекаешь.

— Сопротивляться не буду, — серьёзно обещает она. — В дом никому кроме нас двоих хода нет. Если ты опасаешься общения с родителями, роднёй — можешь не вибрировать. Их не ожидается.

— А на твоей репутации это никак не…?

— А моей репутации пофиг после того, что Макс со мной в Аль Гани вытворял. Даже дешёвых шлюх… ладно. — Анна порывисто вздыхает. — Так чё? Какое будет решение? А, забыла сказать: отелей на территории Квадрата нет.

— Живу у тебя, — коротко киваю. — Спасибо.

— Не за что. — Менталистка наклоняется вперёд и хлопает пилота по спине. — Домой! До завтра свободен, я скажу потом, во сколько прибыть.

* * *

Разговор двух неустановленных абонентов.

Конфиденциальность беседы поддерживается протоколом неустановленного искусственного интеллекта.

— Привет! Ты как выбрался? А то в новостях твоё фото показывали! Ты понял.

— Да, я из Задольска убрался, повезло. Поэтому и звоню — пересечься бы? Тимоха, надо пошлину заплатить от греха подальше, чтоб Точка на тебе без возврата повисла.

— Так вроде и так всё нормально?

— Не знаю, не уверен. Бывшая кое-кого мобилизовала — даже на Вавилон замахнулись. Там есть кому прикрыть, но по Точке давай закончим поскорее? И это, инцидент был, я работников отпустил, а место с тачками клиентов до сих пор ментами опечатано. Нужно вместе разблокировать.

— Да, видел. А ты где географически?

— **#_локация**.

— О, так я почти рядом, пара часов езды. Когда хочешь?

— А когда тебе удобно?

— Хоть завтра.

— Договорились. Ты ко мне, потому что я отсюда какое-то время невыездной.

— Я догадался, хе-хе.

* * *

Глава 32

ИНТЕРЛЮДИЯ

— Да? — сержант, старший патрульной пары, ответил на личный вызов.

Послушав ровно секунду, он рывком объединил текущую беседу и их с напарником закрытый выделенный канал, который обеспечивался департаментом полиции.

Теперь его товарищ тоже присутствовал при разговоре, но оставался для звонившего закрытым.

— У вас там сейчас дорожно-транспортное происшествие на участке, — сообщил очень непростой штатский, которого правоохранители знали лично. — В этой связи имею просьбу, даже две.

— Конкретнее?

— Виновный скрылся, личность вы не установили. Материалы переданы на пульт, дальше будет компетенция дознания, не ваша. А сбитый на перекрёстке умер, но оно и естественным путём так. По второму пункту ничего делать не надо, просто уведомляю.

— У нас пока нет никакого происшествия, — спокойно ответил полицейский. — Информация точная?

— Смотрите внимательно. Ещё раз, на перекрёсток.

Патрульные ничем не выказали удивления, но выполнили предложенное: одна из машин вдруг резко вильнула, вылетая на островок безопасности.

Единственный человек, дожидавшийся именно в этот момент нужного сигнала светофора посередине проспекта, на короткое мгновение оказался зажат между несущемся седаном и грузовой платформой, двигавшейся во встречном направлении.

Роботизированная доставка товаров в торговые точки правил не нарушила, в отличие от легковушки, её дистанция и скорость были выверены до миллиметра, но за такой короткий промежуток времени пилот-автомат ничего сделать не успел — ни затормозить, ни уклониться.

Пешехода за долю секунды буквально протёрло между двумя машинами.

— Вот оно, — спокойно сообщил сержанту собеседник. — Я из-за этого дэтэпэ вам звоню.

Виновная машина тем временем, не снижая скорости, резко повернула вправо и скрылась из виду.

Роботизированная доставка, дисциплинированно зафиксировав в визуальной видимости полицейский патруль,

тоже не остановилась (зачем?). Отправив сразу трём адресатам, включая этих патрульных, видеофиксацию последних секунд, платформа двинулась дальше по маршруту.

* * *

Откуда в дорогом квартале взялся этот бродяга, было неясно: обычно второсортные (рождённые искусственным путём по госпрограмме рабочих рук) в подобные места даже не заходят. Им тут просто нечего делать.

Но теперь это было неважно по чисто техническим причинам, так как нужно было выполнять работу.

— И правда похоже, что сливай воду, — отстранённо констатировал более высокий патрульный.

Прогноз звонившего оказался точен: вид лежащего на дороге мужика сомнений в исходе не вызывал. Вопрос пары минут, потом ещё какое-то время возиться, чтобы всё оформить привильно.

— Наезд со смертельным, — поморщившись, тихо заговорил в небольшой микрофон на плече второй, сержант.

Затем назвал пересечение улиц.

— Я жив! — просипел человек, лежавший на асфальте. — Я ещё жив! Позовите скорую, они мне не отвечают!

Полицейские понимающе переглянулись, потом снова ответил более высокий:

— Ваша личность идентифицирована. — Прозвучали имя, фамилия, возраст пострадавшего. — Действующей медицинской страховки за вашим идентификационным номером в нашем муниципалитете не числится, а ваши текущие повреждения медики неотложки видят через нас, — сержант сперва кивнул на кровавое месиво, ещё недавно бывшее ногой человека, затем потрогал свой нагрудный жетон со встроенным голографическим передатчиком.

На месте правого бедра бомжары (точнее, утратившего собственность, но то детали) отсутствовал целый фрагмент, вырванный проезжавшей мимо машиной в прямом смысле с мясом. Из крупного сосуда или артерии (полицейский не был силён в анатомии) фонтанчик крови то и дело подпрыгивал вверх почти на два сантиметра, видимо, с каждым ударом сердца.

И правда, чистейшей воды несчастный случай. Не подкопаешься.

— Что там? — голос лежавшего на асфальте слабел с каждым моментом. — Да говорите, не тяните!

— Вам просто не повезло. Скорая помощь — это медицина, она бесплатно не работает. Должна быть страховка, у вас её нет, поэтому система и не пропускает необеспеченный финансами вызов.

— Совсем никаких вариантов? — тип лежал, прикрыв глаза и вроде как смиряясь с происходящим.

Патрульным не пришлось даже напрягаться, всё было естественно и логично. Раньше надо было беспокоиться, когда жить начинал в долг. А сейчас чего сопли на кулак мотать?

— Если вам есть, чем заплатить, скажите мне словами под фиксацию, — высокий полицейский нехотя предложил последний вариант. — Например, если у вас наличные с собой в каком-то из карманов. В этом случае я зафиксирую наличие денег в банкнотах либо монетами и вызов скорой пройдёт. Тогда помощь будет оказана. — Подумав, он добавил. — Если есть другие ценности — золото, платина, драгоценные камни — вызов тоже возможен.

— Хотя нам больше работы, — тихо добавил его напарник.

— Тавтология, — просипел с асфальта без двух минут покойник.

Сержант красноречиво промолчал. Они с напарником чудесно видели финансовые возможности сбитого ещё до его формальной идентификации искусственным интеллектом.

Нет у него денег на медицину ни на счёте, ни в карманах. Счёт, кстати, заблокирован давно и имеет отрицательный баланс.

И оплаченной заранее страховки у парняги тоже нет, хотя последнее по нынешним временам не редкость.

— Нет у меня денег. — Пострадавший слабо дёрнулся, однако в итоге выдал правду. — Скоро товарищ должен подойти, я к нему торопился. У него есть.

Явно хотел поначалу соврать на рефлексе, но в последний момент сообразил, что дело даже не в работающем у патрульных индикаторе достоверности.

Во-первых, проверка его карманов по ложному сигналу выявит обман ровно на секунду позже. Во-вторых, в полиции могли служить только чистокровные. Пусть конкретно эта пара патрульных и были менталистами лишь первого ранга, но даже этого умения читать из чужой ауры — за глаза. Во всяком случае, когда пытаются обмануть подобным образом (не говоря уже о профессиональной полицейской чуйке).

А сбитый чистокровным не был и любой ментал от него был, как луна. Так же далеко. Даже самый низкий первый ранг, которым щеголял конкретно этот патруль.

Про товарища с деньгами похоже на правду, но лечить в кредит второсортного из чужого муниципалитета не будет никто.

— Извините. Нам очень жаль. — Младший полицейский, разумеется, ничего подобного не испытывал, но действовал и говорил по инструкции.

Сержант тем временем прислушался к невидимому виртуальному наушнику и ответил, глядя в пустоту:

— … Нет. Пострадавший не виноват. Переходил дорогу на зелёный, не успел до противоположной стороны просто.

— …

— … Остановился на островке безопасности! По верхней части проспекта ехал… — была названа марка машины и номер. — Нет, мы не фиксировали, но есть запись камеры на перекрёстке. Да, мы эту запись уже скачали плюс есть телеметрия от встречной платформы. Нет. Водитель вильнул перед светофором и заехал на островок безопасности. Да, получается, на встречку. Да, так и зацепил: пострадавшего между двумя машинами прожевало. Нет, он ещё жив, но это ненадолго. — Спохватившись, увлёкшийся беседой с коллегами полицейский стрельнул взглядом вниз.

Впрочем, неловкости он не испытывал и тут же успокоился. Ещё не хватало чистокровному париться из-за гражданина второй категории, особенно с учётом предыдущего звонка.

Да и самому пострадавшему оно было уже без разницы:

— Совсем ничего нельзя сделать? — сбитый терял сознание и выдавил из себя вопрос из последних сил.

— Только если чудо, — абсолютно честно ответил раздражённый происходящим сержант. — Но чудеса не по моей части. Не по нашей, — тут же поправился он, имея ввиду муниципальные службы в целом.

— Привет. Что у вас здесь случилось? — к полицейским обратилась незаметно подошедшая чистокровная лет двадцати пяти.

Четвёртый ранг, судя по татуировкам.

— С кем имеем честь? — несмотря на неформальную одежду подошедшей, свою часть социального этикета сержант исполнил по максимуму.

— Прокуратура, — проворчала та, на мгновение подвешивая возле своего левого плеча служебную голограмму для идентификации. — Шла мимо на обед, во внутреннем чате пришло, что у вас тут ага. Наши очень попросили пробежать мимо вас, с нашей стороны вам всё подписать и зафиксировать.

— Чтоб старшие не отвлекались? — понятливо переглянулись патрульные. — Раз свой человек всё равно рядом?

— Ну. Где сам труп?

— А-а-а, — полицейские расслабились. — Вот, но он ещё

живой пока.

— Видимо, ненадолго, раз система утверждает обратное, — вздохнула прокурорская. — Блин, прощай обед, это теперь не на пять минут.

— Почему? — сержант даже не изображал радушия, а транслировал его абсолютно искренне.

Тёлка классная, отсюда не уйдёт, пока всё не закончит. Занудные канцелярские мероприятия лично для их пары теперь гарантированно скрашены её компанией.

Её появление, полицейским это было понятно, чистая случайность и совпадение. Приятное.

— Он же пока живой, — фыркнула менталистка. — Пока умрёт, это какое-то время. Потом пока на наш сервер видео с моего жетона прогрузится, пока обратно подтверждение.

Кстати, самого жетона на её достаточно фривольной одежде не было. Наверняка лежал где-то в кармане, что для телеметрии сегодняшней техники не преграда. Ещё и модель небось лучше полицейской.

— Половина минуты же обмен данными максимум? — озадачился более высокий.

— Это у вас, — фыркнула Виктория Сергеевна Федорцева, как следовало из её идентификатора.

Кстати, на должности помощника прокурора района сидит, вернее, помощницы.

— А у вас? — настроение патрульных ещё больше улучшилось.

Её ответ, разумеется, они теперь предполагали и так, но почему бы не поболтать. Глядишь, и потом можно будет встретиться, уже без фуражек, вечером.

— У нас намного дольше, специфика. — Прокурорская не стала вдаваться в подробности и перешла к профессиональной части. — У меня медсканера нет в системе, что говорят ваши? Залейте прогноз.

— Летальный исход, без вариантов, — более высокий патрульный следом за ней пожал плечами. — В пояснительной строке куча слов, я их не понимаю, но сам прогноз выделил. Держи. — Он вежливо активировал голограмму личного интерфейса так, чтобы содержание могла считать Федорцева.

Та пробежалась взглядом по виртуальному дисплею, благо, любая снаряга правоохранительных органов отлично интегрировалась друг с другом:

— Ух. Я тоже слов таких не знаю. М-да уж, прогноз однозначный. Ладно, ждём.

— А чего вы ждёте? — заболтавшись, они все как-то упустили

момент, когда рядом с ними словно из ниоткуда возник ещё один тип.

Причём с претензией в голосе.

— Кто такой?! — Виктория на рефлексе в первую секунду искренне возмутилась.

— Врач. А вы чё, стоите и смотрите? Эй, алё, слуги закона! — непонятный мужик а в середине многомиллионного города додумался наехать сразу на троих правоохранителей. — Вам давно никто мозги вручную не протирал?

— Сейчас у вас так принято?! — незнакомец напирал так, словно за этим что-то стояло.

Или кто-то. Хотя на неадеквата не похож.

Сержант без стеснения подвесил над его головой виртуальный сканер:

— Барласов, Александр.

Отсутствие отчества автоматически выдавало то же происхождение, что и у сбитого.

Коллеги нюанс уловили с половины пинка. К официальной врачебной деятельности этот персонаж мог иметь отношение очень вряд ли: вторая категория гражданства почти исключала официальный же диплом, во всяком случае, в части медицины.

Конечно, случаются исключения, но их вероятность настолько ничтожна, что учитывать подобное следует в последнюю очередь. Для начала, кто бы его, второсортного, в медицинский принял. Точнее, кто бы это удовольствие оплатил.

— Ты в своём уме? — Вика даже не возмутилась, а скорее удивилась. — Ты понимаешь, с кем сейчас разговариваешь?

Ну да. Переть что на полицейский наряд, что на менталистку четвёртого ранга — не очень хорошая идея для нечистокровного.

Но присутствовали и нюансы. Во-первых, долбаный заказ на лежащий под ногами труп — наглеть не стоило и патрульным. Такие моменты очень любят тишину.

Во-вторых, парень выглядит на возраст от девятнадцати до двадцати трех. Но то если на вид судить, ибо система говорит, что ему за тридцатник.

Поскольку есть такой разрыв между внешностью и документами, значит, деньги у этого гражданина тоже имеются, и деньги немаленькие — второсортные никогда не выглядят моложе на десятку, как правило наоборот.

Получается, профессионально следит за собой, что более чем недёшево. Наводит на мысли. Опять же, в розыск объявлен у соседей — но гуляет спокойно.

Значит, что-то не просто.

"Ничего не делаем. Пусть всё катится, как идёт", — быстро

скомандовал сержант напарнику в закрытом чате, сориентировавшись. — "Никаких отклонений от закона".

"А тот звонок? 0_0".

"Нештатный спаситель предварительно не оговаривался, пусть теперь сам разгребает. Мы не шпана из подворотни".

"Шмотки на нём от Ирфе", — заметила в другом мессенджере уже Федорцева.

"Откуда знаешь?" — живо заинтересовался более высокий полицейский. — "Этикеток и лейблов нет, обычная рванина на вид?".

"Именно что на вид. Это их последний выпуск, я знаю. Коллекции меньше месяца".

В принципе, у такой тёлки свои возможности быть в курсе новинок от кутюр.

Естественно, по лицам чистокровных никто из непосвящённых не заподозрил бы, что они ведут вторую параллельную беседу.

Сержант коротко задумался. С его точки зрения странной в одежде самозванца являлась тоже её дороговизна: конкретного бренда он в отличие от Виктории не знал, но общее качество того, что видел, оценивал точно.

Может, патрульный был и не ходок по Высоким Домам, но на улице учишься иной раз быстрее.

Такой гардероб был не по средствам не то что большинству второсортных, а даже и многим из первой категории. Точности ради, чистокровным не то чтобы не по средствам, скорее, ощутимо для бюджета.

Например, ему и напарнику, несмотря на их более высокий социальный статус. Сама прокурорская, кстати, щеголяла сходным прикидом, но по ней как раз понятно, откуда у неё деньги.

"Хотя пугнуть для пробы стоит, вдруг прокатит", — а в реале сержант с абсолютно нечитаемым лицом обратился ко второсортному:

— Вообще страх потерял? Или закинуться чем-то успел — мозги не варят?

— Отвечу твоим языком. Давно в чужих руках не усирался? — назвавшийся доктором решительно развернулся и навис над полицейским, впившись взглядом тому в переносицу. — Тебе неприятность прямо сейчас устроить? Или сам мозги протрёшь?

«Эй, ну его нах*й!», — более молодой напарник предсказуемо заволновался в их чате на двоих. — «Завязывай!».

Клиент явно при деньгах, хотя и дворняга. Ведёт себя настолько уверенно, что почти нагло. При этом абсолютно трезв,

что подтверждается медприложением полицейского сканера.

— То, что вы сейчас вытворяете, при определённом старании независимого адвоката потянет на соучастие в убийстве, — Барласов бросил наугад, но попал неожиданно снайперски. — Мне рот не заткнёте, деньги у меня есть.

— А деньги всё решают? — хрипловато поинтересовалась прокурорская, которая в этот момент явно пыталась просканировать незнакомца.

Поняли это, правда, только полицейские.

— Не всё они решают, — не стал спорить второсортный. — Но с принципами у меня тоже порядок, как и с мотивацией. Отгадайте, чей адвокат в суде будет более убедительным? Мой или ваш?

Патрульные переглянулись. Менталистом говоривший не был, обычный инкубаторский, но языком молол как будто не просто так.

"Ну его нах*й!", — продублировал своё отношение к происходящему более высокий. — "Сдаём назад! Я на такие риски не подписывался!".

Сержант, формально будучи старшим, скрепя сердце вынужденно согласился:

"Хорошо». — Успокаивая себя и напарника, он тут же добавил. — «Кстати, думаю, пусть он его ещё попробует спасти, без реанимокомплекса-то. Так даже лучше, если труп воткнёт на руках у независимого свидетеля".

Насчёт целительских способностей отчаянного, но недалёкого типа никто не обольщался.

В следующую секунду Федорцева подняла вверх ладонь, обращаясь к Барласову:

— Когда ты стал врачом? И как?

— Это самое большое, что вас сейчас волнует?! И мы с вами уже на ты? Я вам это разрешил? — безукоризненно вежливо пошёл по краю тип, одетый в шмотки весьма недешёвого бренда. — Пожалуйста, соблюдайте правила и всё между нами будет нормально, — скороговоркой добавил детина.

При этом он буднично ткнул ногтем в жетон сержанта, выполнявший функции видеофиксации.

Полицейские повторно подвисли от такого демарша. Теоретически мудила и тут был прав, но он что, вообще дупля не отбивает? Где он и где его место?

Ладно, это их паре в данный момент бодаться не стоит, но у менталистки-четвёрки мотивов сдерживаться не было. Декларируемые законом правила — одно, а реальная жизнь — совсем другое, чудила.

Федорцева отступила на шаг и посмотрела на Барласова едва ли не с интересом:

— А вы не ищите лёгких путей, да? — в вопросе прозвучала угроза.

Кажется, мужика сейчас будут жёстко ставить на место. Хорошо бы: и чужими руками, и самим светиться не надо.

Сержант, пользуясь моментом, сконцентрировался и коснулся сознания мужика: с высоты его первого ранга много не увидишь, но практиковаться тоже надо. Попутно, вдруг выйдет что разобрать.

— НЕЗАКОННОЕ МЕНТАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, РАНГ ОПРЕДЕЛИТЬ НЕ МОГУ! ПРОШУ ВСЕХ ПРАВООХРАНИТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ СЛЫШАТ… — инкубаторский без паузы разразился очень нехорошей универсальной формулой, на которую автоматом срабатывал искин через служебные жетоны.

«???!!!» — высокий смотрел на товарища широко открытыми глазами.

Ситуация резко перевернулась с ног на голову: теперь даже если этого под асфальт закатать, с регистраторов патруля и самой Вики всё вытряхнут до последней запятой.

— СТОП! — прокурорская среагировала быстрее патрульных. — Отмените! Пожалуйста!

— Пауза, — проворчал Барласов, глядя на её карман, где скорее всего находился служебный жетон прокуратуры. — У нас полминуты, чтоб выяснить отношения. Говорите.

Сержант мысленно выругался, молниеносно сдал назад и уже задним числом облился холодным потом:

«Но как он понял?».

«Иди ты н****!» — напарник ответил лаконично.

— Мои извинения, это больше не повторится. — Ровно произнесла прокурорская, не опуская взгляда. — Говорю как старшая по рангу из присутствующих.

Теоретически, каждый чих менталиста полагается декларировать заранее, даже подобное мимолётное сканирование. Исключение — угрожающие жизни или безопасности граждан действия или намерения, но о них в исполнении Барласова речь явно не шла.

Кому-то живому мозги ещё можно было бы запудрить на эту тему, но не искусственному интеллекту. И задним числом после заявления такое тоже не пофиксишь.

Другое дело что чистокровные очень редко оформляют действия этого плана, особенно в адрес второсортных. К чему геморрой, если клон не то что доказать, а и заметить ничего не сможет девять раз из десяти?

Этот как-то сподобился. Ещё призвал на помощь систему, причём крайне неудобным для оппонентов образом.

«…!!!», — молодой патрульный во внутреннем чате высказался в сторону напарника ещё раз.

Глава 33

Как Тимоху размазало между двумя машинами на островке безопасности, я не видел — подбежал к ментам и полуголой девке чуть позже. Но то, что никто из них и не собирался ему помогать, было очевидно (плюс я кое-что услышал из их разговора).

К сожалению, характер травм такой, что нужно очень быстро шевелиться и при этом не забывать молиться.

Ну, менты ментами, тут всё понятно. Ждать, что они бросятся спасать того, кого и за человека не считают, глупо. Тем более ещё большой вопрос, что у них там с медицинской подготовкой — смогут ли технически.

Но вот девица во фривольном прикиде оказывается вовсе не тем, кого можно предположить по её внешнему виду: жилет как у Анны, бельё под ним даже если и есть, то моим невооруженным глазом никак не улавливается. А за пазухой, пардон, есть что потискать (мысль некстати: или чистокровные девки специально так и ходят, чтобы побольше себя показать?! Зачем?).

Сотрудница прокуратуры в итоге, кто бы мог подумать. Уж она могла бы подсуетиться насчёт медицины?

Еле взял себя в руки, чтобы не потребовать тут же позвонить начальнику и подключить меня: Анна настоятельно предлагала на правоохранителей ТУТ вначале начинать орать, потом показывать её пропуск в Квадрат. Если что не так — тут же звонить ей, браслет Ирфе она тоже купила, между двумя Ирфе связь не блокируется в принципе, только снимать с руки гаджет.

Меня, конечно, тянуло после слов пропрокурской насчёт диплома выдать ей обратную связь сразу по трём пунктам. Предусмотрительно удержался. Хотя и очень зудело откровенно ей намекнуть, на кого она похожа в подобной одежде с моей субъективной точки зрения.

Сейчас бы сосредоточиться на пациенте, но местные ведут себя так, что нет вариантов промолчать:

— НЕЗАКОННОЕ МЕНТАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, РАНГ ОПРЕДЕЛИТЬ НЕ МОГУ! ПРОШУ ВСЕХ ПРАВООХРАНИТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ СЛЫШАТ… — договорить до конца формулу обращения к здешней внутренней безопасности через служебные жетоны у меня не выходит.

С реакцией у аборигенов порядок:

— СТОП! — девчонка с полуголыми буферами и жилетом поверх них на голое тело, кажется, не просто просит, перебивая, а ещё пытается надавить ментально. — Отмените! Пожалуйста!

Вот же ***. Впрочем, давление исполнено на рефлексе, она реально сожалеет.

Ощущение чужого присутствия в голове исчезает.

— Пауза, — ворчу.

Глядим с ней друг другу в глаза совсем недолго, но оба успеваем понять: игра из разряда ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь.

Интересно, как много она разглядела? И насколько подробно? Я сейчас не успел прикрыться.

— У нас полминуты, чтоб выяснить отношения. Говорите, — пока менталистка думает, что ответить, занимаюсь пациентом.

По идее, ей сейчас полагается начать декларировать одно, а думать и делать несколько иное. Это если она склонна принять моё невысказанное предложение. Основной вопрос в ментах: они ничего не то что понять не должны, а даже и просто заподозрить.

Девчонка на время подвисает, просчитывая варианты.

Интересно, и кто из нас в таком случае думает быстрее? Почему я эту заминку вижу, а патруль нет?

Попутно: всё сильнее прорезаются собственные таланты дикого. Мысли троицы у меня как на ладони, причём не только благодаря образованию и опыту *оттуда*.

Хотя и не должны бы.

Проблески мелькали, но так чётко началось уже здесь, в этом городе. Кажется, теперь я понимаю, почему последний скрининг Саши Барласова давал пограничные значения по менталу и почему все подряд за него так активно взялись.

Занятно.

Предшественник очень недооценивал роли государственных органов в жизни общества. Зря: если есть социум, а в нём скрытые процессы — значит, есть и мониторинг. И реакция системы на отмониторенное, пусть не всегда очевидная дилетантам и невовлечённым.

— Мои извинения, это больше не повторится. — Обладательница интересного жилета приходит к нужному решению каким-то своим путём. — Говорю как старшая по рангу из присутствующих.

Если полиция сейчас промолчит, значит, первый нехороший узел мы проехали успешно.

До чего неудобно делать сразу два дела одновременно, когда от каждого из пунктов зависит что-то серьёзное.

У Тимохи именно в этот момент нарастает компенсаторная тахикардия на фоне гиповолемического шока.

* * *

— Пожалуйста, дезавуируйте свои заявления, — закусила губу Федорцева, после чего зачем-то бросилась в воду следом, как кто-то подтолкнул. — Я вас сейчас читаю сама. Если возражаете, скажите.

— Отбой. Последнее обращение отзываю, — детина снова покосился на её карман.

«Он что, чувствует как-то?» — сержант попытался сгладить диалогом неловкий момент перед напарником.

«Отвали».

Видимо, обладательница внушительного декольте что-то в мыслях второсортного всё-таки увидела, потому что в следущий момент она глухо спросила:

— Вы всерьёз готовы на такой конфликт, о котором подумали? И кстати, я не позволю медицинских манипуляций, если вы не имеете на них права.

— Наш разговор точно фиксируется? — инкубаторский, по виду нимало не впечатлившись инцидентом, покосился на жетоны патруля.

— Разумеется.

— Тогда как гражданин спрашиваю вас официально и под будущий протокол. Вы за труп или за то, чтобы он выжил? Может, сверку моего диплома отложим на потом?

— Я не вижу всего в вашей подноготной — вы не наш, но у меня есть основания подозревать у вас отсутствие профильной медицинской подготовки и лицензии. С учётом второй категории вашего гражданства этого хватает, чтобы не давать вам никого трогать, тем более в присутствии представителя надзорного органа и полиции. — Анна выглядела спокойной и уверенной.

«Четвёртый ранг против пустышки — это как кувалда против тарелки. Не говоря уже о её должности».

Второй патрульный промолчал.

— Прям подноготную видите? — тип зачем-то решил в ответ сыронизировать. — Пусть и не полностью?

«Он что, совсем отбитый?».

«Сам не понимаю что у них происходит. Может, на сиськи её купился?».

«Скорее она ему в голове что-то подправила».

«Врядли, после такого-то заявления. Хотя хрен его знает, четвёртый ранг".

"Она сейчас нас прикрывает».

— Не всю, — согласилась менталистка. — Но достаточно, чтоб удержать вас от незаконной самодеятельности.

— И вам не страшно? — здесь он фыркнул. — Напомнить, что вы меня сканируете тоже незаконно? И кстати, у вас чистой воды

комплекс компенсации, собака на сене. Говорю под фиксацию: если ограничите мой доступ к пострадавшему, этим самым вы лишите его необходимой помощи в критический момент — вашим языком вам понятно? Сказать, что будет дальше?

Они принялись сверлить друг друга взглядами.

Барласов замолчал, видимо, предоставляя собеседнице время на обдумывание, абсолютно напрасно, кстати. Чистокровные тем и отличаются от граждан второй категории, что мозги разные. Скорость мышления тоже.

Федорцева же, опять недобро прищурившись, наклонила голову к плечу:

— Поясните.

— У вас чувство вины. Вам тоже жаль его, — второсортной с олимпийским спокойствием кивнул себе под ноги. — Хотя вы себе в этом и не признаётесь. Дополнительно: если мне сейчас не дадут работать, я лично обвиню вас в превышении власти, повлекшем смерть гражданина. Продолжим общение в суде. Ну или заодно сейчас надо убирать меня, не знаю каким образом, потому что молчать я не буду.

— Вы действительно готовы к тому, о чём думаете? — во взгляде прокурорской повторно мелькнуло непонятное.

— А мысли можно подделать? — огрызнулся тип. — Ответ на ваш вопрос "да", причём вне зависимости от последствий для меня лично, — жёстко завершил он в следующий момент. — И я бы не советовал уподобляться им, — кивок в сторону патрульных.

"Похоже на кошку против крысы", — заметил товарищ сержанту всё в том же личном чате на двоих.

"Не врёт и не рисуется, реально отбитый".

"Интересно, он и на нас бросаться собрался? А на что рассчитывает?".

"Не знаю. Проверять не хочу — чтоб тот звонок не всплыл. Опять же, ты ему в мозги на кой полез? С твоим первым уровнем? Он тебя спалил, а не её, по-моему".

Параллельно с разговором детина швырнул из-за спины под ноги недешёвый рюкзак, опустился на него на колени и стремительно потащил с себя короткую куртку, опознанную прокурорской как тряпку от Ирфе.

"Тысячи полторы", — успокоившийся к этому времени сержант прокомментировал стоимость предмета гардероба в чат с Федорцевой.

— Настоящим официально вас уведомляю: любое занятие медицинской деятельностью без действующей лицензии может быть квалифицировано как преступление, — сотрудница прокуратуры говорила с такими интонациями, что это

одновременно могло быть и предупреждением, и безобидной подначкой.

Тема была за пределами компетенции патруля, но разговор складывался интересно.

— В ограничении на меддеятельность есть масса оговорок, в том числе в законе о лицензировании, — возразил мажор, ковыряясь над бомжом и не поворачивая головы. — Вы его сами-то читали, госпожа прокурор? Предлагаю отложить дискуссию, если вы не против.

— А вы не ищете лёгких путей, — с нечитаемыми эмоциями повторила Виктория. — Официально предупреждаю ещё раз: вам лучше воздержаться от любых манипуляций медицинского характера, если ваше право на занятие меддеятельностью не подтверждается документально.

— Нашли формулировку, которая выводит вас из-под удара, если что? — пренебрежительно фыркнул назвавшийся доктором. — С учётом фиксации искусственным интеллектом? А то, что на ваших глазах умирает человек, не в счёт? Девушка, а как у вас с рудиментарной совестью?

— Вторая категория. — В коротком ответьте менталистки прозвучали одновременно искренность, спокойствие и отсутствие эмоций. — Вы всего лишь вторая категория.

— Лаконично. — Оставил за собой последнее слово Барласов, продолжая манипуляции.

"Я конечно далёк от этого всего, но кто-то понимает, что он сейчас делает?" — поинтересовался более высокий патрульный.

"Какой-то аналог первичного осмотра и валидации, только руками и без аппаратуры. Я не в курсе, лишь предполагаю. Сам не понимаю, что это и как оно возможно", — машинально ответил сержант, старательно приглядываясь к каждому движению внизу. — "Но говорит и делает, что думает — видно по ауре. Искренне считает, что не врёт".

"И моторика наработанная. Рефлексы выше третьего уровня усвоения, точнее не вижу — скорости восприятия не хватает", — серьёзно добавила менталистка. — "Он словно думает руками, а не головой. Это его личная напрактикованная нейросеть, что странно".

"Как это?".

"Он сейчас робот с точки зрения автоматизма и не выделывается: идёт на рефлексах, не на мозгах".

Патрульные в очередной раз незаметно встретились глазами. С четвёртого ранга видно не в пример глубже и лучше, чем с первого.

В переводе на простой язык, тип верил, что он врач. Также, он

уверенно считал, что может помочь пострадавшему, а его тело на уровне автоматической моторики это подтверждало и, независимо от сознания, уже на уровне навыка отлично знало, что делать в следующую секунду.

"Занятно".

"Угу. Смотрим дальше. Если псих какой — нам же лучше: и заказ выполнен, и виновник смерти на руках".

* * *

— Пожалуйста, дезавуируйте свои заявления. Я вас сейчас читаю сама, если возражаете, скажите. — Девчонка делает неочевидный прочим шаг мне навстречу.

Ура. Я уж думал, и здесь воевать придётся.

Моему опыту и пониманию ситуации её последние слова соответствуют. Так оно обычно и выглядит, когда в присутствии своих пытаются договориться двое незнакомых, а соратники при этом — нежелательные свидетели.

— Отбой. Последнее обращение отзываю, — кажется, именно в этом кармане у неё какой-то важный для дела прибор прибор.

Полицейские в наш разговор не влезают, это хорошо.

— Вы всерьёз готовы на такой конфликт, о котором подумали? И кстати, я не позволю медицинских манипуляций, если вы не имеете на них права, — продолжает она.

Тоже норма в данном случае. Ей нужно отыграть слугу закона, при этом текст не должен содержать ничего, её компрометирующего, с точки зрения ментов.

А со мной владелице жилета надо как-то договариваться.

Лебедь, рак, щука.

Для человека, не имеющего опыта таких ситуаций, сейчас двойная нагрузка на мозги — она явно буксует несмотря на их хвалёный ментал.

— Наш разговор точно фиксируется? — поддерживаю диалог, чтобы со стороны смотрелось естественно.

Жетоны патруля должны транслировать или писать всё и в этом городе.

Жетон! Доходит до меня с опозданием. У неё в нагрудном кармане такой же точно жетон, но своей организации!

— Разумеется.

— Тогда как гражданин спрашиваю вас официально и под будущий протокол. Вы за труп или за то, чтобы он выжил? Может, сверку моего диплома отложим на потом?

Интересно, сколько из моей головы она успела прочесть? И

что именно? Сейчас будет понятно.

Конечно, если абстрагироваться, то происходит полный треш. Общество, где полиция и прокуратура абсолютно спокойно и законно отказывают умирающему в скорой помощи посередине многомиллионного города, не приснится в бреду — однако вполне себе существует.

Кстати, у ментов своя мутная заинтересованность в теме, откровенное двойное дно. Они именно поэтому и избегают любого обострения. Не просто так Тимоху сбили, ой, не просто.

Хорошо, что я здесь, а Ельцова на связи и в ресурсе.

— Я не вижу всего в вашей подноготной, но у меня есть основания подозревать отсутствие профильной медицинской подготовки и лицензии. С учётом второй категории вашего гражданства этого хватает, чтобы не давать вам никого трогать, тем более в присутствии представителя надзорного органа и полиции. — Она продолжает изображать то, что должна.

А может, ничего особого и не увидела? И я зря перестраховываюсь? Вслух не спросишь.

Впрочем, какого чёрта. Ещё под аборигенов я не приспосабливался. Приняв решение быть естественным, перестаю подбирать слова:

— Прям подноготную видите? Пусть и не полностью? — настроение почему-то идёт вверх.

Как в своё время периодически в операционной, когда ещё не ушёл из хирургии. Занятно.

— Не всю, — задумчиво отвечает менталистка. — Но достаточно, чтоб удержать вас от незаконной самодеятельности.

Понимаю, что она ничего не поняла толком. Увидела лишь намерения, как я собираюсь дать им по голове, если будут мешать работать — и сейчас вертит у себя в голове по кругу одну и ту же мысль.

Очень удивлена, что второсортный типа меня их собирался немного погонять.

Тьху ты.

— И вам не срашно? Напомнить, что вы меня сканируете тоже незаконно? — мысленно выдыхаю с облегчением. — Кстати, у вас чистой воды комплекс компенсации, собака на сене. Говорю под фиксацию: если ограничите мой доступ к пострадавшему, этим самым лишите его необходимой помощи в критический момент — вашим языком вам понятно? Сказать, что будет дальше?

Ненадолго поворачиваю голову назад, чтобы ещё раз посмотреть в глаза.

— Поясните.

— У вас чувство вины. Вам тоже жаль его, — киваю на пострадавшего. — Хотя вы себе в этом и не признаётесь. Дополнительно: если мне сейчас не дадут работать, я лично обвиню вас в превышении власти, повлекшем смерть гражданина. Продолжим общение в суде. Ну или заодно сейчас надо убирать меня, не знаю каким образом, потому что молчать я не буду.

Обращаясь к ней, добросовестно отыгрываю спектакль, рассчитанный на ментов.

— Вы действительно готовы к тому, о чём думаете? — у неё прыгает вверх тревожность.

С чего бы? Или это часть ЕЁ представления свидетелям беседы?

Неважно. Первичный контакт установлен, это главное. Его не пощупаешь, не подошьёшь к бумагам, но любой, имеющий опыт, такие моменты чувствует на физическом уровне.

Насчёт рисков со стороны правоохранителей можно успокоиться и полностью сосредоточиться на пациенте.

Где-то на заднем плане мелькает мысль: после такой совместной прелюдии без полноценной вербовки отсюда не ушёл бы даже совсем зелёный начинающий, что уж говорить о человеке с каким-то опытом.

Если бы не сбитый Тимоха на руках — это приоритет номер один, останавливаю себя.

Хоть бы она никуда не смылась на эмоциях раньше времени, перепоручив всё ментам.

— А мысли можно подделать? — добросовестно нервничаю вслух (исключительно из-за больного, но оно им непонятно. Чистокровные добросовестно считают, что из-за нашей социальной разницы). — Ответ на ваш вопрос "да", причём вне зависимости от последствий для меня лично. И я бы не советовал лично вам уподобляться им, — указываю глазами на патрульных.

Побольше независимости, побольше отбитости на словах и во внешней невербалке.

Проколов хватает с обеих сторон, но мои потенциально более критичны. То ли я расслабился, выбравшись из Задольска, то ли напряжение накопилось и мозги не тянут.

Видимо, эту просадку по интеллекту сейчас логично будет скомпенсировать пограничной на вид психикой дезадаптивного акцентуала.

Глава 34

Федорцева прекратила писать в общий чат и отчеканила в затылок второсортного:

— Все ваши заявления и действия фиксируются полицейскими жетонами. Процесс происходит в режиме реального времени и в рамках действующего законодательства. Любое ваше слово и действие впоследствии может быть использовано против вас, это официальное предупреждение надзорного органа. Вы хорошо понимаете мои слова и отдаёте себе отчёт в происходящем? — одновременно Виктория взмахнула ладонями.

Полицейские дисциплинированно разошлись на полшага, чтоб "глазам" на жетонах было видно лучше.

— Не вижу к тому никаких препятствий, — покладисто отозвался мажор с рюкзака, не отрываясь от своего занятия. — С предупреждением надзорного органа ознакомлен, понимаю его полностью и свою готовность к возможной ответственности подтверждаю. Нахожусь в здравом уме и твёрдой памяти, с правомочностью ваших действий согласен. — Он резко сменил язык на нормальный. — Правильно ответил? Если хотите, для вашего спокойствия могу комментировать свои действия вслух.

— Сделайте одолжение, хотя это не снимает с вас возможных последствий.

После последнего пассажа "доктора" Вика пояснила в чат:

"Если что, потом пригодится для медэкспертизы. Пусть возится: сбитому уже всё равно, ваш прогноз на летальный исход прогрузился, а муниципальный искин зафиксирует, что попытки что-то сделать предпринимались. Инициатива вообще его, мы отговаривали и предупредили. "Медпомощь" прозвучало от него и под фиксацию. Пусть работает: нам меньше проблем, муниципалитету галочка".

"В худшем случае старались, но не спасли по объективным причинам", — быстро сообразил сержант. — "Годится. Спасибо!".

У него мелькнули подозрения, что прокурорская может тут присутствовать не случайно.

— Что там?! — более высокий патрульный не удержался от любопытства через полминуты.

Руки Барласова двигались всё быстрее, сам он мрачнел и напрягался, как струна.

— Хреново. Уходит. — Мажор подхватил свою куртку, стремительно обернул её вокруг разорванной в клочки ноги, затянул странным узлом и требовательно протянул руку назад, не

оборачиваясь:

— Вашу дубинку! Быстрее!

Сержант, поколебавшись и сверившись взглядом с коллегой, вложил в чужую ладонь штатную титановую палку.

Смешно, но заказчик своим вызовом оказал медвежью услугу самому себе. Если бы не тот звонок, полицейский бы сейчас абсолютно искренне отказал и палку тупо не дал бы, а теперь приходится изображать незаангажированность.

Барласов продел дубинку в узел, образованный курткой, и использовал её в роли рычага, туго затягивая тряпку вокруг травмированной ноги.

— Что это? — младшему полицейскому было интересно.

— Пережимаем разорванные сосуды.

— Так надо? Зачем?

— Нужно срочно остановить кровотечение.

Федорцева задумчиво смотрела ему в спину:

— Вы что-то ещё хотели сказать?

Ну да, в её ранге чужую ауру можно читать даже со стороны затылка. Повезло девчонке с природным талантом, чё. Или с семьёй — но тут надо знать родню, чтоб сказать наверняка.

— Гиповолемический шок. — Тип зачем-то наклонялся ухом к носу бомжа, оттого прозвучало тихо и глухо.

— Что?!

— У него гиповолемический шок! Нужно срочно восполнять ОЦК инфузионно. — Барласов развернулся к ним, его взгляд при этом расфокусировался.

— Что такое оцэка?

— Объём циркулирующей крови.

— Конкретно что нужно сделать? — менталистка, прочитав какие-то поверхностные мысли мажора, неожиданно стала похожа на экзаменатора, терроризирующего нерадивого студента.

— Физраствор, бутылка или две. Очень быстро. Что-нибудь, чтоб это всё простерилизовать. Система для капельницы. — А Барласов даже не взглянул на такую тёлку, продолжая шарить бешеным взглядом по сторонам.

— Делаю.

— Стерильный! Хотя без разницы…

Помощница прокурора удивила полицейских: бустанув себя ментально, она со скоростью чемпиона-спринтера рванула в сторону красного креста, висевшего над одной из дверей ближайшего здания.

Барласов проводил её отсутствующим взглядом.

— Вот. — Обернулась Федорцева быстро.

Второсортный бросил назад раскрытую ладонь, не глядя.

"Классные сиськи, ещё и жилет почти на голое тело".

Младший патрульный снова не ответил, поглощённый наблюдением за происходящим внизу.

— Система для капельницы, они поняли, о чём вы, но у них такого нет. — Титульная ментальным усилием мгновенно успокоила дыхание и покосилась на полицейских, вкладывая в руку мажора стеклянные пузырьки. — Это всё, что у них есть.

— А теперь какие варианты будут? — сержант поддался непонятному азарту.

Стоящий на коленях тип обернулся, оглядел полицейских с ног до головы и буквально приказал:

— Резиновая оплетка у вас на поясе. Оторвите её от прибора, потом изнутри достать провод и что там ещё. Пустую пластиковую трубку промыть спиртом изнутри и снаружи, затем дать мне в подготовленном виде.

Среди бутылочек, доставленных Викторией из аптеки, нужная для стерилизации жидкость имелась.

"Хренасе", — внешне сержант никак не дал понять, что чувствует на самом деле. — "И что, теперь по его команде реально носимый блок курочить? Только чтоб ему эту трубку дать? А не пошёл бы он?".

"Я лично за вас отпишусь, если надо!", — возбудившаяся на ровном месте прокурорская только что руками не замахала. — "Интересно же! За этот блок сама заплачу, если что! Ну пожалуйста!".

"Хозяин — барин", — покладисто кивнул старший патруля после просьбы тёлки с такими сиськами.

Они без слов взвесили всё — и его напарник молча ускорился, напрягая мышцы рук и помогая исполнять, к-хм, заказ мажора.

Понятно, что Федорцева может себе позволить подобные развлечения, не задумываясь. С другой стороны, чем бы дитя ни тешилось.

Говоря цинично, испорченное казённое имущество и для них недорого. Просто если б не всё предыдущее, лично он на поводу у этого чувака бы не пошёл. А так просто наложилось: сбитый, тёлка с сиськами, звонок, который теоретически извлекается искином из памяти задним числом.

— Что вы сейчас делаете? — теперь спрашивала Виктория.

— Эсэлэр. — Барласов, накрыв рот бомжа какой-то тряпкой (платок, что ли?), то и дело в эту тряпку дул, после чего нажимал ладонями на середину груди пострадавшего.

"Шаманские танцы", — высказал мнение старший патруля, который решил на всё наплевать и плыть по течению.

— Что это?

— Сердечно-лёгочная реанимация.

Чистокровные озадаченно переглянулись не в первый раз:

— Зачем?

— Дыхание отсутствует, пульса нет. — Стоящий на коленях на дорогом рюкзаке тип неуловимо изменился и перешёл на короткие рубленые фразы.

"Пока всё по прогнозу искина, вот и труп", — заметил младший патрульный. — "Техника не врёт, умер".

"Теперь можно перестать спрашивать, что он делает", — сержант повеселел и утратил интерес к происходящему. — "Трупу уже без разницы".

Федорцева же, будто читая Барласова, продолжила наседать на него:

— Эсэлэр — это алгоритм?

— Тридцать нажатий на сердце и два вдоха. Тридцать нажатий на сердце и два вдоха. Так пять раз, потом проверяют пульс. — Второсортный и действовал по этой схеме. — Запустится мотор — слава яйцам, врач молодец.

— Что запустится?

— Сердце. Параллельно дыхательная функция. Извините, не мешайте. — Тип хотел сказать грубее, но в сдержался.

"Может, и правда не дёргать его сейчас?" — в порыве великодушия предожил высокий. — "Он реально верит же. Вон, напрягается, пыхтит, нажимает".

"Трупу это без разницы", — напомнил сержант. — "Шаманские танцы без реанимокомплекса, хотя б мобильного, сами по себе обычно бесполезны. Несмотря на всю веру самого шамана в собственную силу".

"А вдруг".

"Из его текста я понял только одно слово — реанимация. Вот для неё, и это я тоже знаю хорошо, должен быть НАСТОЯЩИЙ врач — чистокровный менталист, причём не ниже шестого ранга, а не этот второсортный шизик. *Это, конечно, если нужно, чтоб умерший реально ожил…* Ты здесь таких видишь? Молчу об аппаратуре. А так, голыми руками и в рот дуть — шаманские танцы и есть".

Универсальный полицейский сканер, распознающий кроме прочего медицинские параметры, независимо от мажора подтвердил некоторое время назад отсутствие признаков жизни в лежащем на асфальте теле.

* * *

— Что у вас? — Федорцева по инерции пританцовывала за спиной мажора, несмотря на наступивший закономерный финал.

— Запустилось. — Голос Барласова был глухим. — Трубку! — он снова требовательно выбросил ладонь назад.

Сержант поднял брови и молча вложил в неё освобождённую от содержимого оплётку. Ничего не сказал он потому, что их интерфейс только что тоже непоследовательно сменил картинку, точнее, пояснительную строку под ней.

О трупе речь больше не шла и он сейчас не знал, как к этому относиться.

Ни раньше, ни позже поступил вызов от того самого абонента. Сержант его решительно сбросил и добавил контакт в игнор.

"Чего?" — от напарника это не укрылось.

"С идиотами работать — себе дороже. Много неучтёнки. Ни реаниматора, ни шамана в заказе не было. Мутная история, тут не просто "документы оформить и машину не догнать" 😶".

* * *

Судя по их реакции и по тому, что я видел в исполнении скорой, в этом мире гипертрофированных функций головного мозга медицина пошла каким-то своим путём, поскольку оперирует другим набором инструментов.

Либо просто ушла дальше.

Наверное, есть в ней и плюсы, но меня более чем впечатлил пример здешнего подхода и гуманности — тот, который лежит передо мной на асфальте. Хотя это вопрос не к самой медицине, а к администрированию.

— … Вот! — а бегает девица хорошо.

Из аптеки она возвращается галопом, туда тоже неслась со всех ног, при всём этом даже не запыхалась.

Бежала чуть не на уровне чемпионата мира, если теми реалиями. Около сотни метров в районе десяти секунд, я непроизвольно засёк.

Не оборачиваясь, принимаю у неё пузырьки с физраствором и спиртом.

— Система для капельницы: они поняли, о чём вы, но у них такого нет. Это всё, что у них есть. — Красотка из прокуратуры, как я и надеялся, негласно сменила курс и теперь помогает.

Слава богу. Минус одна проблема.

— Какие теперь варианты? — циничный сержант наплевал на что-то своё и теперь заинтригован.

Вопрос задан вовремя: сбитому по-любому нужно экстренно восполнять ОЦК. Значит, мне от них тоже кое-что понадобится.

Оно и до остановки сердца недалеко (с перспективой реанимации прямо на асфальте), и инфузия требуется прямо сейчас, вижу по пациенту. Хоть разорвись.

Поскольку в здешней аптеке не водятся даже системы для капельниц, озвучиваю эрзац-вариант:

— Резиновая оплетка у вас на поясе. Оторвите её от прибора, потом изнутри достать провод и что там ещё. Саму пластиковую трубку промыть спиртом изнутри и снаружи, затем дать мне в подготовленном виде.

Сублимат, но что делать. Хоть бы Тимоха дышал.

Железяка, молчаливо выполняя свою часть работы, безуспешно обзвонила десятка полтора клиник.

Увы. Поскольку сбили "чужого", ещё и с формальными просрочками по счетам, заочно разговаривать отказываются. "Привозите сюда сами, платите в кассу — тут же будем лечить".

За спиной на короткое время оживляется сопение. Возникает ощущение, что они активно общаются в чате так, чтоб я не слышал.

Да и чёрт с вами, мне сейчас есть, что делать. И так бы не слушал.

Остановка сердца, накаркал.

Теоретически полагается проверить и дыхание зеркалом или стеклом, но себе доверяю. Всё ясно без дополнительных манипуляций, а секунды становятся золотыми.

— Что вы сейчас делаете? — по законам жанра девица лезет со своими вопросами под руку именно тогда, когда в ответ хочется ударить её ногой по голове.

А погодить никак? Где твои таланты чтения мыслей?

С другой стороны, ей надо отыгрывать роль для ментов.

— СЛР.

— Зачем? — не унимается она сзади.

Лекцию по реанимации именно в этот момент прочитать? К сожалению, материться в ответ не вариант.

— Дыхание отсутствует, пульса нет. — Надеюсь, хвалёные менталисты в состоянии между строк уловить дополнительный посыл.

Тот, который матом и о котором я тактично молчу.

— А эсэлэр — это как? Какой-то алгоритм? — девчонка воспринимает происходящее как некую игру.

Да когда ж ты угомонишься, твою маму.

— Тридцать нажатий на сердце и два вдоха. Тридцать нажатий на сердце и два вдоха. Так пять раз, потом проверяют пульс. — А с другой стороны, бывали ситуации и похуже.

Может, даже хорошо, что она меня отвлекает и не даёт психовать. Чем больше я ближайшую минуту робот, тем лучше для пострадавшего.

Через три цикла сердце запускается. Живём.

Повторное сопение за спиной подтверждает догадку о том, что они имеют возможность как-то общаться не голосом. Доказать не могу, но очень хорошо чувствую.

А ещё они все явно не ожидали результата, даже она. Впрочем, для пострадавшего пока ничего не закончилось: это лишь промежуточный этап, многое предстоит успеть за ближайшие минуты и секунды.

* * *

"Шаманские танцы, говоришь?" — прорезалась прокурорская, не отводя глаз от происходящего внизу.

"На улице в патруле чего только не встретишь", — рассудительно не стал спорить с очевидным сержант. — "Теперь даже самому интересно, как так получилось. Надо будет покрутить запись с пацанами и с техотделом на досуге. А на текущий момент действительно занятно, признаю. Чего только не встретишь в этом мире под солнцем".

— Что вы делаете?! Он же живой?! — менталистка тем временем задрала в возмущении брови почти на затылок.

Полицейские встревоженно качнулись вперёд.

— Подключичная вена, не мешайте. Я уже говорил, что нужно инфузионное вливание. Во…

— Восполнение объёма крови, помню. Хм. — Федорцева так же стремительно успокоилась.

Барласов в очередной раз добросовестно верил в то, что говорил, как и его руки.

Он приподнял правое колено, извлёк из кармашка рюкзака пишущую ручку старинной конструкции и стремительно разобрал её на компоненты.

"Ручка из золота. Сам двигается, как чистокровный, заметили? Быстро-быстро, по крайней мере, пальцы".

"Из золота и платины, если совсем точно. Коллекционная штука. Из того же салона, что и шмотки".

"Похоже, он не бедствует".

На асфальт полетели детали, бывшие недавно пишущим раритетом. Мажор зачем-то щедро промыл спиртом то, что осталось у него в руках.

Прокурорская промолчала в чате, но не в реале:

— Зачем?! — казалось, она сейчас поперхнётся собственным языком от наплыва чувств.

— Троакар можно ставить шире, хорошего нет. Плюс его вены ушли. Только что реанимировал. Поэтому. — Рубленые фразы необычного специалиста от медицины на удивление сочетались с действиями.

Он по-прежнему не врал, однако происходящее здорово отличалось от привычного.

— Что?! — Федорцева от следующего движения второсортного дёрнулась.

Барласов соединил кусок своей ручки с оплёткой, полученной от сержанта, зубами сорвал крышку с одного из пузырьков и погрузил туда конец странной конструкции:

— Держите на этом уровне! — он буквально воткнул флакон с выходящим из него импровизированным проводом в руки менталистке.

Острым концом нижней части ручки мажор через секунду уверенно проткнул кожу недавнего трупа в районе шеи и надавил сильнее.

"Специально заточено, что ли? Прикольно" — сержант давно плюнул на заказ и сейчас удовлетворял любопытство.

— ВЫ ЧТО ТВОРИТЕ?! — в голосе Виктории прозвучали возмущение и гнев.

— Не орите над ухом. Как по-вашему выглядит инфузия? — Барласов равнодушно отмахнулся, не оборачиваясь и поправляя заточенный по низу кусок платины в ожившем теле пострадавшего. — Посмотрите внимательно на бутылку в руках!

"Жидкость уходит по трубке вниз", — едва мазнув взглядом по конструкции, уверенно подтвердил высокий патрульный. — "И здесь не врёт. Через эту фигню вода в самом деле течёт в какую-то там вену".

Менталистка закусила губу, принимая к сведению.

У патрульных разрешающая способность зрения позволяла оценивать снижение уровня в бутылке даже на таких величинах. Издержки профессиональной квалификации.

— И что дальше? — прокурорская отмерла через две минуты.

— Сейчас зальём ему физраствора, восполним объём крови, — нейтрально пояснил мажор, не отрываясь от бомжа. — Он чуток оживёт. Потом надо везти зашивать. Спасибо за

сотрудничество.

Правоохранители дружно взглянули на размазанную между двумя машинами ногу сбитого: за перипетиями юстиции все как-то позабыли, с чего всё началось.

"Меддатчик говорит, всё — чистейшая правда", — сержант добросовестно отправил показания индикатора в чат. — "Вот логи, я специально проверил. Тут была остановка витальных функций, а вот их возобновление. Даже если он и врёт, то это делает синхронно с нашим сканером, □".

"Не врёт", — покачал головой высокий. — "Терпила реально умирал, затем реально ожил. Мой датчик тоже подтверждает. Молчу уже, что не родился ещё такой инкубаторский, который обманул бы и нас, и технику".

— Зашивать? — прокурорская что-то прикинула про себя.

— Да. — Барласов посмотрел снизу, как на ребёнка. — Физраствор держите ровно! Кстати, господа, а вы со скорой помочь не можете? Я всё оплачу, но вы бы не могли вызвать по своим каналам?

— Бестолку, — честно ответил более высокий патрульный. — У него страховки нет плюс мы уже отправили в систему результаты личного осмотра: наличных тоже нет. Отзывать — час по процедуре. Быстрее будет так отвезти.

— Скорая видит в системе, что ему нечем платить, — подключился сержант. — На слово не поверят никому, нам тоже.

— Если предположить, что произошла ошибка? Деньги обнаружились после осмотра, к примеру, в сумке, лежавшей отдельно?

— Логично, вы не первый ругаетесь, — кивнул сержант. — Норма новая и дурацкая, собираются отменять. Но пока так.

Тип открыл рот, собираясь брякнуть что-то нехорошее. Затем предусмотрительно захлопнулся, погрузился в себя на секунду и поднял странный взгляд на Федорцеву:

— Вы бы не могли оказать мне услугу? — окончания слов вновь стали рублеными.

— Что именно? — нейтрально уточнила Виктория, удерживая бутылку.

— Первое, хирургический комплекс, — тип назвал второсортную клинику недалеко отсюда. — Едем туда. Машина моя, но мне нужна помощь при транспортировке, это два. Либо сядьте за руль?

— Вика, мы пошли? — сержант удачно поймал момент и, стремительно получив от искусственного интеллекта все возможные индульгенции по сетке, поторопился вовремя откланяться.

С точки зрения надзирающего робота, патрульным полицейским здесь делать больше было нечего.

— Как вы себе это видите? — лицо менталистки осталось спокойным.

Оно понятно, на четвёртом ранге настоящих эмоций не видит никто, если ты этого сам не захочешь.

— Погнали, — скомандовал сержант напарнику.

Отходя в сторону служебной машины, они услышали ответ инкубаторского:

— Вот ключи, идите, я сам с ним побуду.

Не утерпев, полицейские обернулись.

Барласов забрал бутылку с проводами из рук Федорцевой, оставаясь на асфальте:

— Машина за тем поворотом, чёрный кабриолет с откидным верхом.

А дальше патрульные хлопнули дверями и аккуратно уехали с перекрёстка, на котором их присутствие уже не требовалось.

О титановой палке, оставшейся с бомжом, они вспомнили только через несколько минут, но махнули рукой: во-первых, невелика ценность, во-вторых, контакт прокурорской сохранился в чате.

Можно будет её набрать позже: и тёлка классная, и повод хороший — пусть прихватит дубинку вечером на свидание (попутно, а вдруг там ещё и подруга с такими же сиськами есть).

До прочего патрулю дела не было.

Глава 35

— Машина за поворотом, чёрный кабриолет с откидным верхом. — Второсортный абсолютно искренне ожидал её согласия.

Если судить по мимике, даже не предполагаешь отказа — прикольный ты тип, шаман Барласов.

Логика его была понятной и для ментов убедительной: один пострадавшего он не довезёт технически, а просить патрульных, находящихся при исполнении — даже не утопия, а бред.

В отличие от полицейских, она действительно более свободна. Теоретически. Уж её за четверть часа отсутствия никто дрюкать в принципе не станет, в отличие от того же сержантишки с подручным на маршруте.

Интересно, он настолько быстро соображает или незатейлив и прост — что на уме, то и на языке?

Это даже не манипуляция. Скорее, эдакий эмоциональный вариант кошки, которая одним своим видом вызывает желание покормить или почесать.

Если твои руки сами подхватывают кота с пола, это происходит не потому, что кот тобой управляет, заключила Вика про себя. Это твоё собственное желание и есть, ну или внутренняя потребность.

Котяра — просто инструмент, подвернувшийся под руку, один из возможных. Инструмент для потребностей собственной психики, пожалуй.

Федорцева решительно свернула с волны философских рассуждений в более прагматичное русло:

— Вы не слишком ли перегибаете палку? — она проконтролировала мимику, чтоб не выказать даже намёка на реальный эмоциональный фон.

Понять бы ещё самой, каков он, ха. Похоже на смесь любопытства с чем-то.

— Нахожусь в безвыходном положении. У него, — Барласов указал вниз, — без меня шансы получить помощь равны нулю.

— Да, но это исключительно его проблемы. Не мои и не ваши.

Как будто с луны свалился и не в курсе, что происходит, когда у тебя вторая категория гражданства и нет медстраховки. А сам ты из другого муниципалитета, ещё и с сомнительным послужным списком.

С другой стороны, у самого Барласова деньги есть, несмотря на статус. Если он не из бедной семьи, о "мелочах" типа страховки

реально может не заморачиваться.

И держится ровно: не лебезит, не пытается заглянуть внутрь жилета, чтоб потаращиться на сиськи, как те же менты. Искренне и откровенно просит помощи.

Игнорируя социальную разницу, правда.

В следующую секунду Федорцева фыркнула в собственный адрес и, не обращая внимания на поднявшиеся брови собеседника, хлопнула себя по лбу: какая у него семья, мать?! Вторая категория — по определению инкубаторский!

Будь в наличии родители, Барласов имел бы отчество, которого нет.

Он по-своему истолковал её реакцию:

— Как только доберёмся до больницы, дальше я с ним там останусь сам, — тип с нетерпением посмотрел на сотрудницу прокуратуры. — Поможете?

Сейчас он не то чтобы сказал неправду, скорее, не говорил всей правды — было заметно.

Можно, конечно, уведомить его в лоб и за четверть секунды поймать волну. Потом почитать у него из сознания — отказать не должен.

А с другой стороны, не слишком ли много телодвижений на ровном месте? Ради чего?

У Федорцевой была одна особенность: она ненавидела копаться в чужих мозгах. Да и практиковала больше по другой части: удалить или добавить эмоций в нужный момент, изменить общий настрой человека, вызвать на откровенность — рядовые будни сотрудника прокуратуры.

Но когда за рамками профессии, пф-ф-ф-ф-ф! Наверное, именно так профессиональные проститутки из второсортных ненавидят секс в личной жизни.

От пришедшей в голову аналогии она чуть не заржала вслух.

— Ждите тут. — Вика приняла решение и взяла ключи из чужих рук.

Федорцева стремительно скрылась за углом: живи, бомжара. Неизвестно, как этот обладатель тряпок от Ирфе будет за тебя в больнице платить из своего кармана, но если сказал а, говори и б.

Раз уж начала помогать, чёрт с тобой. Ехать, говоря цинично, три минуты, а обратно можно вообще пешком пройти через парк.

Ну и само приключение получится досмотреть, чего уж. Именно из таких случаев и складывается книга приколов каждого сотрудника ближе к пенсии.

* * *

Правоохранители по врождённой ограниченности продолжают фонтанировать сверху любопытством и не стесняются задавать вопросы в затылок.

Вынужденно отвечаю, поскольку даже самая обычная внутривенная инфузия у "представительницы надзорного органа" вызывает форменную истерику.

И ведь не скажешь ей, "Девочка, это меня сейчас нужно успокаивать, а не тебя".

* * *

Менты в итоге благополучно свинтили, минус один геморрой.

Виктория пошла за машиной, Тимоха дышит, физраствор капает. Передохнуть бы.

Железочка, можешь что-нибудь сделать с этой клиникой? Нужно чтобы они сразу в оборот взяли пациента, как доедем. А я с оплатой пойду в кассу всё решать.

Не прокатит, уже попробовала. Проще твою Аньку попросить — будет быстрее.

Вообще-то вариант. Просто сразу не сообразил.

Организуешь?

Отправляю ей текст от твоего имени. Прикладываю видео этого всего **#_файл** и просьбу удалённо срочно организовать аванс.

Для этого она должна открыть в клинике депозит и пополнить его со своего счёта — а ты ей отдашь дома наличными, так?

Подтверди.

Да. Спасибо большое

Готово. 5 минут и сделает.

* * *

Нужная машина нашлась без проблем. Федорцева подошла к кабриолету и как на стену налетела (крыша, кстати, была поднята и зафиксирована в режиме салона): защита чистокровных.

В кровь волной хлынул адреналин. Кто же ты такой, Александр Барласов?

Прокололся? Упустил из виду? Чего-то не учитывает она? Хоть задерживай, не отходя от кассы, а разберёмся вдумчиво и в другом месте.

Да нет, ну не может он быть настолько дураком. По крайней мере, до этого момента видел на три хода вперёд, а здесь — такая залепуха на ровном месте?

Автоматический замок дорогой чёрной машины был самым обычным. Для неё. Бы. Если бы она была хозяйкой.

Дополнительно к нажатию кнопки чужого пульта требуется параллельное второе касание — ментальным "щупом" владельца. Двойная аутентификация, при цене этой тачки — обычное дело.

Только вот такое касание второсортным недоступно в принципе. Нет среди них менталистов по определению, нет и не бывает.

А если не выпустить ментальный щуп, искин тачки не откроет замок.

Федорцева расфокусировала взгляд, коснулась лбом крыши и погнала аналитический ряд по второму кругу. Что она не учитывает?

Вика задумчиво поглядела на пульт в своих пальцах.

Дикий? Дикий менталист? Вот же… дальше мысли были непечатными.

Звать своих или ментов?

Она по инерции надавила кнопку на пульте.

И тут же подпрыгнула на месте от неожиданности: центральный замок пикнул и добросовестно открылся.

Она в сердцах выругалась вслух, привлекая внимание пары случайных свидетелей. Затем добавила тише самой себе, садясь

за руль:

— Хрен с тобой, золотая рыбка. Поехали в твою больницу, заодно и поговорим.

Контролируя моторику, из ментального буста Вика не выходила. На доставку машины из-за угла за поворот к инкубаторским ушло около трёх секунд.

Тачка реально хорошая, новая. Заодно, выясняя у мажора всё в лоб, надо будет спросить, откуда у второсортного такие деньги. Или дать спасти бомжа сперва, потом расспрашивать?

Прикидывая, как будет выглядеть транспортировка раненого в этом салоне, она ткнула нужную надпись на сенсорной панели и откинула вверх, превращая седан в кабриолет:

— Ничего не хотите сказать?

Внизу живота заиграло ощущение пустоты: будешь воевать, Барласов? И вообще, ты кто?

А если серьёзно, то вот это прикол и драйв. Сразу три в одном.

— Жду, пока вы кнопку на пульте нажмёте! — резко, с откровенным раздражением и ничуть не смущаясь, бросил этот Александр. — Чтоб продублировать от себя! — он слегка приподнял левую кисть. — Чтоб вы внутрь влезть смогли! Или вы усилием воли машину двигать решили?!

Длинный рукав его рубахи съехал вниз, открывая её взгляду браслет-коммуникатор всё от тех же Ирфе.

Б*я, комплект же к одежде. Вот дура.

Если опустить детали, второсортным, лишённым ментала, именно новые коммы помогали имитировать некоторые функции чистокровных, тот же злосчастный ментальный щуп как вариант.

Вика успокоилась и с досадой сплюнула на асфальт. Ей просто в голову не пришло, что в активах одного клона может сойтись столько исключений за большие деньги.

Можно расслабиться и не дуть на воду: версия о диком рассыпалась вдребезги под собственным весом.

— Извините за резкость, — в следующую секунду Шурик стёр раздражение со своего лица. — Сейчас каждая секунда дорога и бегаете вы быстро. Я уже волновался, что там стряслось. — Он поднялся с колен. — Пожалуйста, подержите капельницу, пока я буду его перекладывать? С вашей точностью движений мы его нормально на заднее сидение перенесём: я перекладываю и держу троакар, вы несёте ёмкость. Хотя тут конечно лучше бы носилки, — он закусил нижнюю губу и последнюю фразу пробормотал для себя, не для неё, что-то прикидывая.

— Извинения приняты, — ровно ответила она, быстро выходя на дорогу. — И лучше я сама.

Федорцева бустанула мышцы, безупречно просчитала траекторию и легко подняла бомжару с земли. Затем собственноручно разместила в салоне, как надо — трубка в теле даже не дёрнулась.

— Доедет нормально, если я поведу, — менталистка поправила жилет, распахнувшийся чуть шире, чем обычно.

Судя по удивлённому молчанию Шурика, претензий не было. Значит, всё верно вычислила.

Ключевых моментов было два: растертое в клочки копыто сбитого на перекрёстке и положение шланга в его вене у шеи. И то, и другое она удержала в фокусе и не нарушила равновесия системы.

— Спасибо огромное, — серьёзно сказал напрягшийся было Барласов. — Я боялся, что вы…

— Четвёртый ранг, — без внешних эмоций напомнила Вика. — Я сильнее и быстрее вас в разы физически, координация движений точнее вашей на порядок. Как и скорость обработки информации, несмотря на ваш браслет-протез. Точка.

— Благодарю! — Шурик не стал дискутировать и резво пополз назад, не выпуская из рук банку с раствором соли. — В подобных случаях троакар всегда выскакивает! — пояснил он уже оттуда.

— Было очевидно изначально. Мне. Самый большой риск при подобной транспортировке легко просчитывается, если внимательно наблюдать за тем, как вы работали. А я следила внимательно и я не идиотка.

"И не клон", просилось в строку, но Федорцева из несвойственной ей деликатности промолчала.

— Спасибо ещё раз, — Барласов шумно вздохнул на заднем сидении, расслабляясь. — Вы же знаете дорогу?

— Да.

Разумеется, путь она тоже просчитала, вызвав в памяти карту после того, как он назвал клинику.

Вика подумала — и не стала разгоняться быстрее сотни. С одной стороны, черепашья езда не на пользу пострадавшему, время идёт. Но с другой стороны, лишняя минута или половина ни на что не повлияет. Наверное.

А второсортные на заднем сидении дружно потеряют и трубки из вен, и бутылки из рук, едь она быстрее — не те мозги у Шурика, чтобы держать всю систему в равновесии, когда машину будет заносить на поворотах.

— Если не секрет, почему вы не открыли салон сразу? — а он порой реально похож на доктора.

Или действительно есть диплом?

Какая разница.

Федорцева проигнорировала вопрос, чтобы, не снижая скорости под жёлтый, задать свой:

— Откуда у вас такие деньги?

Кстати, на фоне коммуникатора от Ирфе раскрученная и брошенная на дороге ручка из золота и платины — мелочь и сигаретный окурок.

— А вам какое дело? Пардон за встречный вопрос. — Развеселился второсортный.

В зеркало заднего вида она отметила, что он абсолютно искренне и беззаботно улыбается.

— Отвечайте, — спокойно и ровно предложила сотрудница прокуратуры.

— Вы же не налоговая администрация, — он бы и плечами пожал, если б не этот пузырёк в руках.

Кстати, интересно, во сколько ему встанет чистка салона от крови и прочей гадости? Сбитый бомж и до наезда аккуратностью явно не отличался, судя по запаху. А здесь ещё и кровь течёт, да по белой обивке.

— Я помощник прокурора. — Вика всё же вдавила тапок в пол, загоняя стрелку спидометра под двести, чтобы не упустить зелёную дорожку на светофорах проспекта. — Я очень здорово иду вам сейчас навстречу в ваших необычных просьбах. Если я о чём-то спрашиваю, то просила бы ответить максимально развёрнуто и быстро: вопросы задаю не просто так. Давайте не ссориться.

— Заработал, — немного удивлённо, но искренне ответил Шурик. — Честно заработал. А что?

Ответ на грани, но в рамках. Кто как зарабатывает — тут да, могут быть секреты, не придерёшься. Читать его, напрягаясь ментально, и лом, и неудобно — он за спиной.

В следующую секунду Вика пробежала глазами свежее сообщение от той пары патрульных на перекрёстке и, не отвечая возбудившимся от её сисек ментам, смахнула его вниз интерфейса:

— Александр, как только закончите с бомжом, полицейские просят свою дубинку обратно. Вот их контакты.

— Ох. Да! Конечно!

Глава 36

Безукоризненно рассчитывая траекторию, она вписалась в открытые ворота, снизила скорость до девяноста и свернула к приёмному покою.

Старательно удерживая от переворота машину, идущую юзом, Вика затормозила у самых дверей.

Тачка двигалась плавно, потому мужики на заднем сидении свои пузырьки и трубки не растеряли, хотя Шурик и таращил всё время глаза на спидометр (икая и думая, что она ничего не видит)

— СИНИЙ КОД! БЫСТРО! — Барласов, не имея возможности вылезти с заднего сиденья, не растерялся и во всю глотку развил кипучую деятельность на два квартала вокруг. — С ВАМИ СОЗВАНИВАЛИСЬ АНЯ ЕЛЬЦОВА ТОЛЬКО ЧТО! ВСЁ ДОЛЖНО БЫТЬ ОПЛАЧЕНО!

Федорцева даже на секунду принудительно понизила себе чувствительность слухового нерва, чтобы не заорать на него в ответ.

Хотя случайно подслушанная информация была интересной: хренасе, второсортный что, чпокает Ельцову-самую-младшую?! Вроде и не сказал ничего, но в интонациях мелькнуло то самое.

Дела. Шаман Барласов, ты становишься всё интереснее и интереснее, причём молниеносно и неожиданно.

Пользуясь отсутствием дел на момент и тем, что ещё находилась на бусте, сотрудница прокуратуры решительно полезла сразу в две служебные сети и кое-куда ещё — наводить справки.

Наблюдать за новым знакомым ей это не мешало, а пока Шурик будет разговаривать и размещать бомжару на лечение, мы о нём всё, что можно, вытащим. И что нельзя, тоже.

Сквозь открытые двери приёмного покоя такой вопль предсказуемо услышали, да и как их машина летела по территории, местный искин наверняка оценил правильно.

Пара титульных парней-единичек плюс девчонка-двойка выскочили наружу и рысью понеслись сюда, на ходу разворачивая носилки-трансформер.

— Что такое синий код? — Федорцева решила узнать из любопытства, поскольку скорость перемещения медиков позволяла успеть получить ответ.

Шурик недобро покосился на неё:

— Пациент с остановкой сердца значит. Нужно реанимировать.

Непонятно. Он же бомжа только что сам вроде как реанимировал? Да и признаки жизни сбитый начал подавать?

— Что у вас? — девчонка-медик, ай молодец, на ходу заполняла в виртуальном интерфейсе какой-то документ.

Отличный контроль, сразу несколько операций одновременно, далеко пойдёт. Впрочем, в их бизнесе иначе никак.

— Имя, фамилия, возраст?

— Тимофей Огарёв… года рождения.

— Полных лет сколько?

— Сорок семь.

— Анамнез? — представительница клиники буквально потребовала у Шурика. — Мне сказали, вы врач.

— Виктория, пожалуйста, не уходите, — тот сперва обратился почему-то к ней и только потом ответил медичке. — Травма правого бедра, получена в результате дэтэпэ. Гиповолемический шок, клиническая смерть. Был реанимирован, наложен жгут.

— Время?

— Семь минут сорок секунд назад, — здесь Барласов даже не запнулся.

С другой стороны, браслет от Ифре. Наверняка засёк время.

Парни тем временем потащили бомжа на носилки.

— Что здесь? — судя по выражению глаз, сотрудница больницы тоже где-то удивилась конструкции, которая по странным трубкам подавала жидкость внутрь тела пострадавшего.

Федорцева профессионально отметила, что удивление докторессы касается исключительно внешнего вида агрегата, но не самого процесса.

— Что под рукой было, то и залил! — сердито ответил Шурик. — Натрий-хлор, триста миллилитров.

— Восполнение потери оцэка? Контактное, что ли?

— У меня вашей мембраны в кармане не было, неконтактно восполнять! Да.

— Процент потери крови?

Вике стало неинтересно, что будет с телом дальше. Поскорее бы мажор освободился: рабочие сетки и личные связи дали такую информацию о типе, что дальнейшее общение просто пищало от нетерпения.

— Около пятнадцати, до двадцати, — Барласов ненадолго завис, затем отмер. — Надо срочно плазму заливать или эр-массу.

— Витальные показатели? — девчонка предсказуемо проигнорировала последнюю ремарку второсортного.

Её пальцы на мгновение замерли над виртуальной

клавиатурой в ожидании ответа.

М-да уж. Титульным врачам только твоих инструкций и не хватало.

— Давайте вы на ходу всё сами перемеряете?! Без пульса часовой давности вы его буквально принять не можете?! — повторно взорвался второсортный. — У вас что, техника отказала?! Оплата внесена?! — отчего-то сейчас, когда пострадавший был практически в безопасности, Шурика понесло сильнее, чем на проспекте.

— Да.

Через несколько секунд персонал вместе с носилками исчез в приёмном покое.

— Вот так всё просто, — вздохнул Барласов, вытирая рукавом дорогой рубашки испачканный лоб. — Давайте я вас подброшу обратно? Ну или куда вам надо?

Какие интересные интонации, будто из вежливости. Даже неудобно спрашивать, чего не пялится на сиськи.

— Нет смысла, тут рядом, — она ответила абсолютно искренне, решив поупираться из вредности.

— Так, давайте начнём сначала. — Барласов тем временем что-то прикинул про себя. — Я вам очень благодарен. Если брякнул что-то резкое в разговоре — извините, вырвалось автоматически.

— Проехали, — равнодушно отмахнулась менталистка. — Я сама тоже пару раз затупила, всё нормально. Вы спасали своего, думаете медленно, стресс тормозит мышление. А у вас оно и так небыстрое. Никаких обид.

— Слушайте, вы же не обедали, — сообразил он. — А есть хотите плюс не знаете, какой из вариантов выбрать. В том вопросе, над которым ломаете голову именно в данный момент.

— Продолжайте. — Изумлением это было не назвать, но на небольшую интригу тянуло.

Он её явно не читал — не чистокровный, но как-то угадал. Занятно.

— Да что тут продолжать, — Шурик небрежно отмахнулся. — Мужики — козлы, кобели и сволочи. ОН, — местоимение было подчёркнуто интонацией, — до последнего времени отличался в лучшую сторону, но по ряду моментов очень разочаровал. Вас. Хм, прямо тенденция какая-то, — пробормотал он самому себе. — Социальное явление, что ли?

— Дальше.

Похоже, что и он о ней сейчас навёл справки в фоновом режиме через браслет.

Другое дело, кто мог ему рассказать?

— Не то чтоб вы без него жить не могли; нет, это не любовь и влюблённой сойкой с крыльями за спиной вы себя не ощущаете. — Барласов словно поймал какую-то волну и сейчас сверлил её взглядом. — Но некие планы насчёт совместного будущего у вас имелись, а обстановка резко изменилась. Сейчас вы более чем не уверены, что хотите продолжать отношения с НИМ. Обедать вы шли в раздумьях: послать? Или погодить?

Вика несколько раз перекатилась с пяток на носки:

— Кто вам всё это рассказал?

— Тоже мне секре…

— Это очень личная информация. В единственный чат, где можно прочесть, у вас доступа нет. Как вы собираетесь разыскать патрульных, чтобы вернуть дубинку? Попутно, вы её не забрали у врачей. Почему вы не остались в больнице, как обещали? Или, вернее, зачем собирались остаться с пациентом изначально? И почему сейчас передумали?

Ещё существовал теоретический вопрос насчёт куртки за полторы тысячи, которая так и осталась в виде повязки на ноге бомжары, но она решила соблюдать корректность.

Если он может себе позволить выбросить тряпку за такие деньги — его личное дело. Хотя лично она б дома бросила в стиралку.

Менталистка сконцентрировалась, захватывая его ауру, чтобы прочесть подробности самостоятельно и сравнить с тем, что он будет отвечать.

Давай свои мозги сюда, шаман Барласов. Есть о чём побеседовать. Сам напросился.

— Пойдёмте поедим? — а этот персонаж в ответ только и улыбнулся, широко и искренне, жизнерадостно таращаясь ей в глаза и, к-хм, не только.

Не напрягаясь, как ни в чём ни бывало. На пуделя стал где-то похож.

И абсолютно не читается при этом: её фокус соскальзывал с его ауры, как со скользкого шара.

— Я вас зацепил? — Барласов самодовольно хихикнул, не пытаясь закрыться (хотя куда ему, второсортному. Почему тогда не читается? Защита браслета?).

— У меня даже точного слова сходу не находится, чтобы выразить то, что я в данный момент в ваш адрес думаю, — не стала спорить чистокровная.

— В еде стеснения нет, — безмятежно заметил Барласов, обходя машину по кругу. — Поехали есть? Я же вижу, что вы голодны. Вас ни к чему не обязывает, но свои вопросы зададите, — он ещё раз скользнул по ней оценивающим взглядом.

Она пошла за ним практически без паузы, по крайней мере сам клон заминки в её движениях не уловил.

Видимо, долбаный браслет имеет зашитый иммунитет как раз на этот случай.

Логично, чё. Если богатые второсортные отваливают такие деньжищи за имитацию ментальных функций, разумеется, производитель начинает с защиты.

Кстати, сознание у него структурировано, не будем обесценивать личного уровня. Паренёк явно тренировался сам, даже кое-чего достиг. Ха три раза.

Прикинув варианты, Федорцева выбрала откровенность (ещё с животными и второсортными мы тактику беседы не подбирали, пф-ф-ф-ф-ф):

— Вы меня заинтриговали. Не так чтобы сильно, но предложение на обед принимаю. Куда пойдём? — менталистка коротко и фокусно напрягла мышцы, чтобы поднять его сзади подмышки и переставить в сторону, освобождая себе путь к двери водителя. — Поведу я, сядьте на место пассажира. — На его немое изумление она пояснила. — Вы по центру не сможете ехать даже сто пятьдесят, даже если очень захотите. А я решила поторопиться — разговор и ресторан не планировались, да и вообще это всё не планировалось. — Вика повела рукой вокруг себя. — Часть обеденного времени прошла. Своих дел хватает, сутки не резиновые.

— Как хотите, — то, что его легко перенесли в сторону, похоже, вышибло Шурика из колеи.

— Хорошая машина, у меня пока такой нет, — по-прежнему откровенно пояснила помощник прокурора свой интерес к водительскому сиденью, занимая место за рулём и дожидаясь, пока он влезет с другой стороны. — Охота порулить.

— Окей, — второсортный покладисто кивнул, с опаской косясь на спидометр.

Цифры на последнем легко прошли первую сотню и сейчас стремительно приближались ко второй. Кабриолет притормозил и с просчитанным заносом свернул на проспект.

— Возвращаясь к нашему разговору на перекрёстке. У меня к вам масса вопросов, в том числе процессуального характера, — на контрасте со стремительным полётом тачки по городу Вика говорила тихо и убийственно спокойно, чеканя каждое слово. — Я вытащила по вам ВСЁ, пока вы сдавали своего товарища в больницу.

— Без проблем, — отмахнулся мажор. — Моя благодарность вам за Тимоху не знает границ, отвечу на любые.

— Для информации: моя помощь — лишь элемент

разнообразия с моей стороны. — Честно бросила Федорцева. — Никак не желание помочь незнакомому бомжу или даже вам. Я б никогда не стала участвовать, если бы не ваша машина, гардероб, аксессуары и личный бюджет.

— Верхние уровни финансовой иерархии легко конвертируются в сексуальную привлекательность, я в курсе, — хохотнул Барласов, затем вовремя спохватился и продолжил серьёзнее. — Сорри. Вика, я хотел вас кое о чём серьёзно попросить. Не бесплатно.

— Я так и предполагала. О чём именно?

— Личность того, кто сбил Огарёва. Я правильно понимаю, доблестная полиция даже разбирательства на эту тему не открыла?

— Прикольно. Не ожидала. Думала, вы о другом. — Чистокровная озадаченно присвистнула. — Так, план меняется. Где вы хотели обедать? Место, которое планировала я, теперь не годится.

Если честно, она рассчитывала на интерес совсем другого плана от человека, трахающего Ельцову-младшую и находящегося в розыске дома.

Но он завёл беседу о совершившем наезд, занятно. Тема по-любому подлежит оплате, а платить за розыски Барласову есть чем.

В роли клиента он её потенциально более чем устраивал: в трусы первым не лезет, в жилет почти не пялится, деньги не считает.

Последнее не потому, что нечего считать, а совсем наоборот.

— Аль Гани, конечно, — инкубаторский даже на мгновение не запнулся. — Желательно тот из них, который на одной территории с кофейней "Сто Двадцать Пять". Выбирайте сами, их же и у вас наверняка несколько.

Стало понятно, откуда у него такое структурированное мышление. Для второсортных в заведении имелся бонус, если финансы позволяли: дорогой кофе с нано-наполнителями суточного баффа мыслительных процессов.

Не наркота, увы, не запретишь — эффекта привыкания нет. Иначе давно бы прикрыли. И цена одной чашки там как три ужина, причём не в последнем месте.

Но если бывать на регулярной основе, можно неплохо прокачаться в ментале. Шурику, видимо, регулярность по средствам.

"Что мы едим, то мы есть". Этот питался явно по верхней планке.

— Граждане второй категории периодически чертовски

изобретательны в своих попытках подобраться к нам поближе, — задумчиво заметила Вика вслух, сворачивая в нужную сторону и легко удерживая несущуюся машину от опрокидывания. — Старания наверстать эволюцию делают вас весьма предприимчивыми.

— Место устраивает? — а Барласов снова снисходительно ухмыльнулся.

— Ну-у-у, дороже кабаков в городе немного, почему нет. За ваши деньги возражать не буду, если платите вы. Вы меня приятно удивляете второй раз.

— Иногда и у нас получается удивить, — ответил он неожиданно серьёзно. — Да, плачу конечно я. А когда был первый? — Шурик непосредственно встрепенулся и загорелся любопытством.

— Когда бомжу уделили больше внимания, чем моему декольте. Это не сигнал и не аванс, констатация. — Оговорилась она тут же. — Обычно мужики иначе себя ведут. Все без исключения.

— Примитив же, — рассеянно заметил он, не делая даже попыток скосить взгляд в ту самую сторону.

— В каком плане? — ладно, давай поболтаем на прикольную тему.

Уже самой любопытно, что ты сейчас споёшь.

— Женщине такое обычно неинтересно, — пожал плечами инкубаторский. — Цель мужиков для женщин целью не является. Имею ввиду секс.

— А чем он является? — спросила менталистка поощрительно.

— Результатом отношений, — простенько ответил Шурик, ничуть не рисуясь. — Для вас секс — как правило результат отношений. Весьма определённый контингент по пять сотен за час не рассматриваем.

— Вы так говорите, будто видите собеседника лучше меня, — она развеселилась. — При том, что физика процесса прямо определяет обратное.

— Звучит дискриминационно.

— Правда есть правда, вторая категория есть вторая категория, без обид.

— Да на вас-то какие обиды. Лично вы — продукт системы, ещё и не самый плохой.

— Ну спасибо! — ей стало ещё веселее. — Кстати, Шура, в заведении общаемся на ты и изображаем что угодно, только не деловых партнёров.

— Э-э-э? — Барласов отвесил челюсть и задрал брови на

затылок.

— Пха-ха-ха, поясняю. — Его выражение лица доставило. — Мы идём общаться на вполне определённую тему. Оговорюсь сразу, мне оно тоже интересно, в том числе по финансовым причинам, иначе я бы не стала участвовать. Нас точно увидят вместе, а на моей рабо…

— ПОНЯЛ. Если твой новый бойфренд всего лишь второсортный, это ещё как-то можно объяснить, — он ухватил суть с полуслова.

— Могу себе позволить, — подтвердила кивком Федорцева. — Особенно если он ездит на таких колёсах, — она хлопнула ладонями по рулю.

— Но если по нам будет видно, что мы — это сотрудница прокуратуры с потенциальным клиентом… — Шурик развеселился. — Сам хотел предложить, но боялся нарваться на негатив. Договорились.

Не отказав себе в удовольствии, на парковку Вика вписалась уже после того, как колёса были заблокированы тормозами.

Покрышки только что не зарыдали, но машина не своя, а с мажора не убудет.

— Быстро водите, — вежливо заметил Барласов. Он даже успел выйти, обогнуть капот и открыть её двери, пока она собралась вылезать. — Прошу.

Вытащив включи из замка, мажор поднял крышу и, превратив тачку в седан, активировал сигналку.

— На ты, завязывай выкать, — напомнила Федорцева шёпотом. — Щуп не сработал, — заметила она громче. — Не полностью заблокировал.

— Да? — он озадачился. — Точно? Сделал вроде всё как обычно. Хотя подтверждения в интерфейсе пока нет, да.

— Точно. Я бы почувствовала, — помощница прокурора снисходительно улыбнулась.

— Видимо, что-то заело. Ладно, пёс с ним, — Барласов решительно направился в сторону летней площадки. — Пойдём, ты ж ограничена по времени.

— Не боишься? — не то чтобы она переживала за его имущество, просто тачка была классной.

Хотя и чужой.

— Скорее, не представляю, чтоб с парковки Аль Гани могла пропасть машина. Тем более такая, тем более в этом районе.

— Логично, — зачем спорить с очевидным.

Глава 37

— Так выглядишь, как будто тебе здесь что-то не нравится, — очень тихо замечает Федорцева, прихватывая меня под руку, когда мы выходим с парковки.

— Нет, входящий звонок сорвался.

Это была Анна, но я не успел ответить: она почему-то сама отменила вызов.

— Внимательно тебя слушаю. — В заведении Виктория преображается в лучшую сторону.

— Сейчас, только заказ сделаем.

— Я буду с курицей, этот соус и этот салат. А какой ты кофе пьёшь? — чистокровная выбирает сразу три наименования. — Не много? — якобы спохватывается она, "наивно" хлопая глазами.

— Не разорюсь, не переживай, — тыкаю в первую попавшуюся строку кофейной карты. — Кстати, мы сейчас на удивление похожи на близких со стороны.

— Договорились же вести себя нормально, — сотрудница юстиции пожимает плечами. — В каждом бизнесе своя техника безопасности. Итак, я тебя слушаю.

— Огарёва сбили в центре города, как так и надо… — начинаю короткую прелюдию чтобы соблюсти подобие вежливости.

— Да, сбили твоего протеже по беспределу, — перебивает она. — Дело пойдёт в архив без реального дознания, если оставить всё, как есть. И что?

— Я бы не хотел оставлять всё, как есть. В этой связи прошу помощи, исключительно в рамках закона, готов платить.

— Уверен? — менталистка испытывающе смотрит на меня. — Зачем оно тебе надо?

— Зло надо наказывать.

— Шурик, это очень немелкие расходы на ровном месте.

— Ты успела глянуть, что была за машина? — задаю откровенный лобовой вопрос, хотя в теории так делать не полагается.

— Спросила в ведомственном чате мнение знакомых оперов. — Виктория Федорцева твёрдо смотрит в глаза. — Забросила им видео с уличной камеры, я же была на происшествии, оно у меня есть.

— Так, давай сначала и по порядку, — отпиваю горячего кофе, чтобы настроиться на нужную волну. — Насчёт расходов: это не тот случай, когда я планирую сэкономить. Мне нужно поймать инициатора любой ценой.

— А ведь ты знаешь о происшествии больше, чем говоришь, — замечает она.

— Скорее, предполагаю. Но тогда уже я и о Тимохе знаю больше, оно всё взаимосвязано.

— Я видела, вы не чужие. Ты этому бомжу Огарёву переписал сеть автохимчисток безвозмездно, договор дарения. А в больнице вообще Ельцовых напряг, чтобы за него заплатили — у тебя самого счета заблокированы. И Ельцовы, что характерно, тебя с пробуксовкой послушались.

— Ну, не прям все Ельцовы, — она вынуждает меня скромно потупиться. — Анна. Это чуть иное.

— Я уже поняла, то ты трахаешь чистокровную из шести Больших Семей, — менталистка сочно впивается зубами в курицу. — Что тебя ищут в твоём домашнем муниципалитете из-за незаконного оборота стимуляторов, я тоже вижу, но там левое дело. Больше похоже на заказ со стороны.

— М-да уж. Вот так и обедай с приятной девушкой из прокуратуры.

— Не бухти, нормально ж сидим. Я без претензий, так, описываю обстановку.

— Что ещё поют в твоих мессенджерах?

— Что у тебя тёрки сразу с двумя серьёзными конторами, с которыми бы даже я очень подумала, бодаться или нет. Хотя тебя, похоже, жизнью припёрло, а не по своей инициативе.

— Это была прелюдия? Вика, давай перейдём к делу.

— Шурик, а расскажи-ка мне о своих проблемах? Вот представь, что с тобой твоя старшая сестра, которая тебя любит, — она вытирает руки салфеткой и хлопает ладонью по сиденью стула. — Которая к тебе относится критично, с которой ты не всегда ладил, но в которой не сомневаешься. Представь, что мы давно не виделись, а ты во что-то впутался. Тебе нужна моя помощь; что ты хочешь мне рассказать? Э-э-э, чего ржёшь?

— Это всегда был только мой инструмент, — смеюсь. — "Давай сыграем в игру" называется. Прикольно видеть в чужом исполнении.

— Я же, в отличие от тебя, могу собеседнику и в мозгах кое-что подправить, — чистокровная равнодушно пожимает плечами и смотрит на курицу с сомнением. — Вызвать на откровенность могу, стимулируя нужную волну.

— Вика, что изменилось? Ты за какую-то минуту из аристократки рядом с плебеем превратилась в свою в доску.

— Ельцовы. Твои отношения с кем угодно из них — очень серьёзный для меня маркер. Ну и, если не муссировать вторую категорию гражданства, ты прикольный. Ещё скажи, с тобой

тёлки на первом свидании никогда ноги не раздвигали.

— Ты всегда настолько откровенна?

— А чего париться? — она подбирается и становится серьёзной. — Шурик, знаешь, чему очень быстро учатся на моей работе?

— Понятия не имею. Буду благодарен, если просветишь.

— Ловить со скоростью звука шанс, который бывает раз в пятилетку или вообще раз в жизни.

Коротко задумываюсь.

Виктория Федорцева абсолютно искренне принадлежит к тому типу людей, который вспыхивает новой звездой моментально и походя может свернуть горы или общественные формации — если это ей интересно.

Её нынешний порыв абсолютно искреннен и она добросовестно верит в то, что говорит.

Однако очень часто смена личного курса у таких людей приходит вместе с первым неудачным жизненным опытом.

— Шурик, тебе приходилось встречать деда мороза? Я сейчас образно, типа, волшебная палочка?

— Ты предлагаешь себя в этой роли? — ладно, откровенность так откровенность. — Вот так сходу?

— А я просто хорошо сопоставляю, — её ничуть не смущает еда во рту и необходимость жевать во время общения. — И у меня есть диагноз конкретно по твоей ситуации. Просто хочу, чтобы кое-какой шаг ты первым сделал.

— Занятно.

— Я женщина. Непростая, да, и могу помочь конкретно тебе. Но если я буду это делать по своей инициативе, тогда я буду мужиком. Попроси хотя бы, а?

Дилемма буриданова осла: морковка или вода?

— Слишком быстрая метаморфоза. Я тебя не узнаю.

— А ты давно и хорошо меня знаешь? А-а-ха-хах. Ладно. — Она залпом выпивает следующий кофе. — Барласов, ты оценил, что я тебя обхаживаю, совершая служебное преступление?

— Это какое ещё? — и как тут не вспотеть.

— Ты же дикий. С очень необычным ритмом, неловленный мизер, но — дикий. Из твоего муниципалитета именно это и прошло по одной интересной рассылке.

— Что за рассылка? — интересно, есть ли смысл и дальше держать покер-фейс.

— Для серьёзных чинов разных регионов, но неофициально.

— А ты каким местом к тому чату? Точнее, помощник заштатного районного прокурора в твоём лице?

— А у меня папа есть, как и у твоей Ельцовой, — безмятежно

сообщает Федорцева. — И я тоже не сирота. На, почитай на сайте юстиции.

#_ссылка

* * *

Кормили тут как всегда отлично. Мясо, овощи — чистейшей воды органик, никакой синтетики.

Шурик, судя по его виду, после её откровенного подката никак не мог расслабиться: даже свой пятый по счёту девятый номер кофе (за немалые деньги) заказывал так, словно отбывал повинность.

У богатых свои законы, хмыкнула она мысленно.

— Да завязывай ты напрягаться! Если бы я захотела — ты бы уже давно в тюряге чечётку отбивал.

Он вместо ответа положил на стол именной пропуск в Золотой Квадрат, выданный Ельцовыми.

— Так и думала, — спокойно кивнула Вика. — Именно поэтому я с тобой и разговариваю, как с равным, просто не сразу почувствовала. Сформулируй задачу? — предложила она в следующий момент, щедро отправляя в рот содержимое тарелки ложкой.

Ну да, где-то неблагодно, не вилка, но зато вкусно и удобно. За другими столами вон, кое-кто вообще одними руками ест.

— Что не так? — он уловил тень её гримасы.

— Погорячилась. Взяла курицу, теперь понимаю, что хотела другого.

— Перезакажи? — он искренне удивился, как будто стоимость повторного заказа ЗДЕСЬ вообще не имела значения.

Идиот, о тебе же беспокоятся. Даже неудобно, ещё подумаешь, что дважды развела на дорогой обед.

Хотя-я-я, место ты сам выбирал, хм.

— Чего хочешь? — он нетерпеливо развернул перед ней голограмму меню.

— Баранину, как у тебя. — Примерившись, чистокровная уверенно передвинула его тарелку к себе, а свою — к нему. — Ты есть не хочешь, вижу по твоей роже.

— Да вроде тут быстро подают, можно ещё заказать, — озадачился Барласов, провожая взглядом уплывшую из-под носа

еду. — Но если тебе так хоче…

— ДА. МНЕ ТАК ХОЧЕТСЯ. Сформулируй свою задачу по Огарёву? — повторила она настойчиво.

Он не сильно рванул откровенничать в ответ на её вопросы, но надо с чего-то начинать. Если его сейчас не раскочегарить, так и будет прикидывать, что вытворить дальше.

— Ты согласна, что отсутствие разбирательства по факту наезда ненормально?

— Ты серьёзно? На тупого идеалиста не похож, не смог бы столько заработать. — А баранина пошла отлично… — Хорошо, давай поговорим на отвлечённую тему, если тебя это расслабит, — Федорцева насмешливо поглядела на спутника. — Бомж, вторая категория гражданства, по всем его счетам одни долги, рейтинг в минусе. Родни нет — второсортный ибо, — разжевала Вика. — Кто о нём будет беспокоиться? Либо можно сказать иначе: кто будет благодарен по итогам дознания? Органу дознания за проделанную работу? — она потерла большой палец об указательный.

— Никто.

— Угу. — Менталистка забросила в рот остатки его порции и вернула обратно курицу. — Ты всё равно не ешь, а я чего-то голодная… Я не знаю, как в твоём бывшем муниципалитете, но здесь свои тенденции.

— Отсутствие у него родни — основание для дискриминации? — он не спорил, не ругался и не обращал внимания на еду.

Выяснял и уточнял детали со скрупулёзностью делового человека.

Свалившегося с Луны, гы.

— Зачем тратить ресурсы вхолостую? Ладно, на тебе дальше. Есть декларируемые законы и правила, а есть реальное положение вещей. Одно отличается от другого. Продолжать?

— Да нет, не нужно. — Он придвинул к ней и третью часть заказа, ещё одну баранину. — Почему не пьёшь кофе?

— Сперва всё съем. НО, — Вика подняла вверх палец. — Неписанные правила демократичны. За справедливость побороться можно, если твой Тимофей оказывается нужным кому-то типа тебя.

— Отблагодарю по-взрослому.

Федорцева ногтем нарисовала в воздухе цифру:

— Это за мой личный надзор, чтобы дело вернуть в дознание и установить виновника. Твоим языком — чтобы не похоронили в архиве.

— Ты сказала, установить. Это не значит наказать? — Шурик

очень неплохо ловил влёт.

— Наказывает суд. Там возможно столкновение интересов, — честно ответила менталистка. — Состязательная процедура, Огарёв против виновника. Я понимаю, что у тебя деньги есть и дури тоже хватает в это всё влезать, но и на скамье подсудимых может оказаться далеко не сирота. Понимаешь намёки?

Полицейские опера на её просьбу, не отходя от кассы, во внутреннем чате вот прямо сейчас сделали свой анализ. Дело пахло государством, правда, другой территориальной подведомственностью.

Ну или получастная структура как вариант, но из тех, где государство в акционерах.

— Да.

— В итоге. За эту сумму, — она повторила указательным пальцем число на столешнице, — я гарантирую, что орган дознания честно отработает тему. Что будет на выходе — сейчас сказать не могу, очень зависит от результатов самого дознания и позиции суда. В суде, возможно, смогу помочь навести мосты. Не обещаю, будет понятно по итогам личности виновника.

— Вдруг там сын министра за рулём? — некстати хихикнул Барласов.

— А ты очень зря смеёшься, — серьёзно заметила Вика. — Я пока не знаю, как ты заработал свои миллионы, хотя ты мне сейчас это обязательно расскажешь. Но ты, похоже, расслабился и остришь раньше времени.

— Поясняй? — он выплеснул остатки кофе в рот, равнодушно скользнул взглядом по еде, потом отлил немного в свою чашку из её порции.

Интересно, он всегда так напивается? Даже не смотрит на совместимость нано-модификантов.

— Для твоего протеже, особенно с учётом его "достижений" в жизни, абсолютно любой чистокровный оппонент в суде — сын министра, — заметила менталистка. — При всём уважении, даже твоих денег может не хватить, если это то, что я думаю.

— А что ты думаешь? — его глаза сверкнули любопытством.

— Государство, — ответила откровенно Федорцева.

Барласов не в первый раз вздохнул и опустил взгляд, потупившись.

Какое-то время они помолчали.

— Но тебя государство в качестве потенциального оппонента не смущает?! — наконец сопоставил он через два куска баранины, один кофе и половину салата. — Раз ты берёшься?! — оживившись из-за собственных мыслей, второсортный поднял глаза. — Ты сейчас даже честно условия обозначила. Тебя не

смутило даже то, что ты видишь, кто я.

Вика отложила ложку, вытерла пальцы и три раза картинно хлопнула в ладоши:

— Бинго. Ты чертовски проницателен. Пха-ха-ха-ха-ха, — а дальше она плюнула на деликатность и немного поржала над его выражением лица.

— У тебя должны быть причины, — дисциплинированно выпал на умняк Шурик. — Если бы это были не мы и не здесь, я бы сказал, девчонка втрескалась. С первого взгляда запала на типа, заинтересовалась и бросается в омут с головой.

— Сто процентов аванса сразу, — фыркнула Виктория. — Это для начала, чтобы хоть что-то вместе замутить. Наличные меня устраивают. Попутно, как поедим — съездим ко мне в гости.

— Момент, — он бросил себе на колени рюкзак.

Через секунду на столе появилась стопка банкнот.

— Насчёт гостей поясни? — попросил он параллельно.

— Пупками потрёмся, дурень. Я вижу, что тебе нравлюсь, время — деньги. Может хоть это тебя успокоит хотя бы частично.

— Никогда не встречал такого сочетания, — признался он. — Откровенная сексуальная агрессия с твоей стороны в мой адрес, но на фоне деловых отношений за деньги. Не пойму, как относиться.

— А ты знал много тёлок из прокуратуры? И из Большой Шестёрки?

— Э-э-э?

— Шесть первых семей города. Я уже поняла, что ты с Луны.

— Ты тоже из крутых?! — он неподдельно изобразил удивлённого филина. — Как и Анна?!

— Пха-ха-ха-ха-ха, бинго ещё раз, — Вика снова похлопала в ладоши, затем взяла себя в руки и добавила уже почти серьёзным тоном. — Знаешь что мне интересно?

— Боюсь даже предполагать, — хмуро передернул плечами Барласов.

— Как ты жив до сих пор с такими твоими приколами, хи-хи-хи.

— Мне и самому интересно, — ровно ответил он. — Ты деньги со стола может всё-таки уберёшь?

— Не-а. Отдашь, когда встретимся вечером, — покачала головой чистокровная. — Я к тому времени уже успею что-то сделать, заодно обсудим твою стратегию в адрес виновника ДТП. С учётом его возможностей, если захочешь наказывать.

— Ты же сказала, аванс?! — Шурик переводил удивлённый взгляд с бабла на неё и обратно и не врубался. — А если заберёшь вечером, то это будет никакой не аванс, а по факту.

— Проверка, — снисходительно пояснила менталистка. — Это была проверка. Хотела посмотреть, как ты отреагируешь.

— Да тьху на тебя. Это тоже мой инструмент!

— Пха-ха-ха, ты опять похож на… — она не договорила. — Кстати, можешь пригласить меня куда-нибудь ещё. Мне нравятся места, в которые ты ходишь. — Вика машинально отметила, что кофе себе он повторил, по-прежнему не глядя в меню.

Ткнул, куда придётся. В стодвадцатьпятке.

— Прикольно. Необычная инициатива, — озадачился второсортный. — Особенно на фоне грядущей поездки тереться пупками, которую ты сейчас лоббируешь.

— Одно другому не мешает. С таким как ты ходить по заведениям приятно, и дело даже не в деньгах. Вечернее место будет наверняка не хуже Аль Гани и снова за твой счёт, — хохотнула сотрудница прокуратуры, неожиданно для себя заказывая чай. — Опять же, разнообразие в общении. Знаешь, какие все остальные занудные? Если хочешь, могу тебе сейчас опусы ментов дать почитать. В знак доверия.

— Того патруля? — а здесь он схватил на лету.

— Угу. Поют серенады в служебном мессенджере, старательно обхаживая тему моих сисек, — она оттянула жилет вперёд за верхнюю пуговицу, наклонилась через стол, потом вернулась обратно. — Барласов, не выделывайся!

— В каком смысле? — он сосредоточенно поднял подбородок.

— Ты отлично знаешь, какое впечатление производишь на тёлок! Я просто не сразу сама это поняла. Сбила с толку твоя "второсортность".

Забрав у официанта заварной чайник, Вика решительно пресекла инициативу спутника и налила обоим собственноручно:

— Сиди. Считай, я за тобой ухлёстываю.

— Необычно. Очень необычно, потому пугает, — честно признался Шурик, сдувая облачко пара с чашки.

Какое-то время они поболтали на отстранённые темы, практически ни о чём: он не понимал причин её метаморфозы, а сама Федорцева искренне развлекалась моментом.

— Я заметил, что ты уже вышла за рамки обеда, — выдал он на каком-то этапе, продолжая лихорадочно о чём-то размышлять.

— Возвращение за рабочий стол временно откладывается, вначале ко мне съездим. А ответь-ка ты мне, Шурик, на кое-какой вопрос. — Менталистка прислушалась к себе и с наслаждением откинулась на спинку дивана. — Что ты сейчас будешь делать, когда Аня Ельцова сюда явится?

— Проскальзывать между вами, — угрюмо ответил Барласов. — Откуда инфа?

— Вертолёт её, вон садится.

Глава 38

Куда ты исчезла?

Она из прокуратуры 😳! Плюс у неё кое-какой блок в жетоне вначале не работал, а потом она его активировала! Я тебе говорила, при некоторых ментах и чистокровных могу отключаться! Это оно.

После того, как в Аль Гани к нам с Викторией непринуждённо присоединилась Аня, я случайно перевернул на себя соус и пошёл мыть руки, заодно застирать рубашку.

Меня терзало подозрение, что браслет наглухо замолчал не просто так — в туалете наедине подтвердилось.

Оказывается, Ельцова-младшая соколиным зрением чистокровной сверху то ли увидела нас вместе, то ли сработал её браслет, запараллеленый с моим.

Вначале она набрала меня, затем сбросила вызов, поскольку решила пообщаться лично.

Пилот по её команде заложил вираж и приземлился на посадочной площадке у заведения.

Поначалу я опасался, что будет не очень удобно, чтобы сказать очень мягко. На удивление, обошлось миром: оказывается, они между собой даже как-то там знакомы.

То, что рядом с ними всеми цветами радуги переливался я, никого особо не смутило.

Доктор, твоя рубашка уже чистая □. Погнали обратно, ты полчаса её трёшь. Они уже наверняка выкупили, что ты просто очкуешь за стол возвращаться.

Никогда не был в такой идиотской ситуации.

А хочешь я тебя ещё больше "обрадую"? 😈

Может, не надо?

Там и Маша подтянулась — та, которая с Анькой телефонами в Вавилоне обменялась. Ещё на коленях у тебя сидела . Голая

 Скажи, что ты шутишь или издеваешься.

Если бы ♀. Она, оказывается, тоже не по земле ездит — летает, как Ельцова.

Хренасе. Не знал.

Потому что ты её из бассейна голую вытаскивал и к сиськам прижимался, а об этом просто речь не шла. А когда они уходили, ты с Анькой же остался.

Как ты это всё сейчас видишь, если при прокурорском жетоне не работаешь?

Так мы с тобой здесь , я ж не там работаю .

А слышу через браслет Аньки, она ж тоже Ирфе взяла. Пользоваться пока нормально не умеет — там 3 месяца придрачиваться , а каналы все активные.

Вот я пока уши грею

Два Ирфе — всё равно что свой канал.

* * *

— Это так случайно совпало? Или вы каким-то образом скоординировались? — смотрю на каждую из трёх дам по очереди из положения стоя, поскольку на моём стуле действительно сидит Маша.

До чего неподходящий момент для разборок и выяснения отношений. Хоть жалеть себя начинай. Мысленно.

— Падай, в ногах правды нет, — метиска наклоняется, выдёргивает стул из-за соседнего стола и ставит его между собой и Ельцовой. — Поболтаем о том о сём.

— Может, лучше в другой раз и встретимся по отдельности? — а что, теперь можно всё.

И говорить, что угодно, и предлагать тоже — уже без разницы. Наверное.

— Шура, три очаровательные девушки посовещались между собой и решили тебя расспросить с пристрастием. — Федорцева, сидящая через стол, нейтрально улыбается.

Причём непонятно, одним только ртом или глазами тоже.

Странно. Это я только её нормально сейчас не вижу, индивидуальные особенности? Или что-то иное?

— Не вибрируй, здесь тебе никто зла не желает, — нога сотрудницы прокуратуры выскальзывает из сандали и, оставшись босиком, упирается мне в бедро.

Затем старательно раздвигает колени и вроде как пытаясь погладить.

Крышка стола сделана из стекла и прозрачна, поэтому жест виден абсолютно всем присутствующим.

— Я знакома с каждой из вас по отдельности, — Аня выхватывает у официанта огромное блюдо с каким-то сложным заказом и жестом отправляет его от стола. — Живёт он тоже у меня. Вытащила его с крыши в центре вашего города в последний момент, причём диспетчерская пыталась поруководить, чтобы мы не взлетали. Видимо, как раз только в розыск объявили.

— Не послушалась? — с интересом поднимает бровь азиатка.

— Нет, конечно. Ещё в каждом огороде что делать и где летать, не спрашивала.

— У нас сбили его дружбана, — Федорцева кивает в мою сторону. — Мутная и нехорошая история, хотя с другой стороны наоборот понятная… Я на происшествии была, он этого дружбана спасал.

— Спас? — интересуется Маша.

— Ага. Потом в больницу вместе везли — у того страховки нет, вон, Ельцовы за него платили, — кивок через стол. — Салон в машине засрали. Впрочем, не моё дело, — она незаметно отслеживает реакцию всех присутствующих.

— Я самая неромантичная получаюсь, — веселится метиска. — Праздновала день рождения в Вавилоне, там и познакомились.

— Почему неромантичная? Наоборот. С трупами, как я, не обнимались. Выбитые зубы по сектору, как у Аньки, не летели, — философски замечает сотрудница прокуратуры. — Но это всё лирика. Я бы предложила ответить на вопрос ребром: кто-то настроен бодаться с эскападами нашего развесёлого государства?

Какое-то время все молчат. Виктория продолжает:

— Шура, конечно, ещё тот конь, но давайте его делить будем не сейчас. Сейчас давайте поймём, что делаем. Этот сбитый сегодня, на которого Точка Чистоты записана — только первый шаг.

— Не первый, — вздыхает Анна. — Первый был, когда он в клуб утром к себе полицию вызывал. Там ещё девчонка следователь, светлая такая, я рассказывала. Они вместе в машине ехали, когда мы созванивались.

На мне скрещиваются три пары глаз.

— Ещё одна? — Маша с равнодушным видом достаёт тонкую сигару и закуривает прямо за столом.

— Это не то, что вы подумали! — кажется, настала пора активно возмущаться. — Хотя я и не обязан ничего никому объяснять!

М-да уж. Когда карты вскрыты, а на руках одни шестёрки, сложно делать хорошую мину при плохой игре.

Другое дело что с Фроловой всё действительно не так, как с присутствующими.

Чёрт, и угораздило же так запутаться. Хоть бы малейший проблеск идеи — что делать?

— Там надо было Вавилон срочно пристраивать, — не спрашивая у меня разрешения, объясняет всем Ельцова. — Он на мать этой следовательши его записал.

А ведь я ей не говорил. Да что происходит, чёрт побери.

— Пха-ха-ха-ха-ха, Шура, так ты у нас теперь нищий?! — Виктория начинает неожиданно бурно радоваться неизвестно чему.

— У него нала чемодан. Кажется. — Сдаёт меня с потрохами Аня, хотя снова неясно, откуда знает. — Я не поняла всего в деталях, но он не нервничает и спокоен. Денег не считает и не экономит, я заметила; значит, есть запас наличных. Учитывая, на какую широкую ногу живёт, запас солидный.

— Либо имеет каналы получения налички из работающих сетей, пф-ф-ф-ф-ф, — замечает сотрудница прокуратуры.

Виктория спрашивает взглядом разрешения, берёт одну сигару из нагрудного кармана метиски и тоже закуривает.

— Логично, чё, — Маша выпускает кольцо дыма и веселится. — Был бы идиотом, не умел бы готовиться к форс-мажорам — мы бы все здесь сейчас не разговаривали.

— Дамы, в наших очаровательных посиделках меня смущает только один момент, — хлопаю ладонями по столу, привлекая к себе внимание.

Кажется, надо брать что-то в свои руки. Если и не весь контроль полностью, то хотя бы что получится.

— Шура решил порулить, — мягко улыбается метиска. — Ему неудобно быть в роли объекта. Ладно, давайте думать, согласна.

— Ты с нами? — уточняет у азиатки Аня, и не думая оглядываться на меня.

— Ну я же прилетела, — пожимает плечами Мария.

А я понимаю, что никогда в жизни ни здесь, ни там не был так близок к панике и к потере контроля над оперативной обстановкой.

Впрочем, выражаясь фигурально, на минное поле меня насильно никто не тянул. Залез сам, теперь кушай полной ложкой.

* * *

Шурик так занятно вибрировал, выйдя из сортира в мокрой (но чистой, да) рубахе, что Вика не отказала себе в удовольствии и не стала ему ничего объяснять какое-то время.

Как тут не помариновать, если человек так прикольно всех веселит. Девчонки молодцы — подыграли и тоже виду не подали.

Барласов якобы случайно перевернул на себя соус и, получив мотивированную легенду, исчез от них стирать рубашку. На самом деле замышиться хотел, конечно: ещё так краснел очаровательно, безуспешно пытаясь взять себя в руки при трёх не последних менталистках.

Когда он выбрался из рукомойника через полчаса, на одного человека за столом стало больше: оказывается Ельцова и сама планировала встретиться с этой Машей (даже телефонами в клубе обменялись), а та здесь по делам была.

Ну, три так три.

Вика не стала говорить вслух, хотя поржала мысленно: если бы оказалось, что ещё та подстреленная сотрудница полиции в их компании — было бы вообще здорово.

Интересно, что за тёлка. Может, и нормальная, хотя и

ментяра: Шурик, по большому счёту, ошибок в людях не делает и на кого попало Вавилон переписывать бы не стал.

Интересно, а полицейскую он чпокал? Здесь не спросишь, он при всех застесняется отвечать.

— Заднее сиденье грязное. — Хмуро заметил Барласов, раскачиваясь с пяток на носки перед своим кабриолетом. — Непонятно, как двоим из четырёх ехать.

Сожрав почти всё меню в Аль Гани, они наполнились позитивом и решили переместиться к Ельцовым: у Аньки всё равно свой дом на территории, а из приключения никто выходить не собирается.

— Оставь ключи администратору, — Мария тронула спутника за плечо и аккуратно развернула в сторону бесшумно подошедшего парня. — Закажешь по сети чистку, они отсюда сами заберут. А поедем на мне или на Ане, — она указала взглядом вперёд, в сторону посадочной площадки.

— Он никак не одуплится, что мы его сейчас несём, — хохотнула Вика негромко. — Ему некомфортно, что он ничего не решает, хе-хе.

— Заметно, — Ельцовой тоже было весело, свой человек, чё.

Азиатка, будучи не из их песочницы, покер-фейс предсказуемо не удержала:

— Саш, давай кое-что проясним. — Дождавшись, пока сотрудник заведения с ключами от машины Барласова удалится, она подхватила Шурика под руку и направила к вертолётам. — У тебя сейчас внутренний конфликт.

— Да ну. Просвети меня. — Ещё сильнее помрачнел дикий.

— Я не знаю, как это называется тем умным языком, которым ты по фотографии в клубе всё рассказывал, — спокойно продолжила метиска, — но ты сейчас в собственном шаблоне. Ты привык контролировать, заруливать и управлять.

Она сделала паузу, давая спутнику вдуматься.

— Продолжай.

— Сейчас ты ничего не контролируешь — как следствие, подсознательно паникуешь. Но есть нюанс, ты его упускаешь.

— Шура, — Вика наступила на горло собственной песне и решила поучаствовать. — Ты не чистокровный!

Если его сейчас не привести в чувство, конструктива в ближайшее время не добьёшься. Мужики вообще паникёры от природы, а у него ещё и повод есть. Основательный, признаем прямо, и не единственный.

— И что? — Барласов тут же напрягся, как струна.

— Расслабься, здесь тебе никто зла не желает, — мягко предложила Ельцова, подхватывая второсортного под вторую

руку и на мгновение касаясь лбом его виска. — Девочки хотят сказать, что… блин…

— Эй, чего вы все замолчали?! — спутник предсказуемо завибрировал ещё сильнее.

— Гы. Они деликатные и стесняются, а я развлекаюсь, — честно пояснила сотрудница прокуратуры. — В жизни не так часто случаются подобные ненаигранные моменты: все бабы старательно морщат попу, а ты реально не врубаешься. Прикольно, чё.

— Объясняй, — процедил Шурик.

— Жалко, у тебя третьей руки нет, — лучезарно улыбнулась Вика. — Я б тебя тоже под неё взяла.

— Другое место есть, не рука, — с каменным лицом предложила метиска.

Даже непонятно, сострила или язвит, ух ты.

— Ну не здесь же! Вот долетим до Аньки… — Федорцева многозначительно не договорила. — Шур, знаешь, на кого ты мне похож показался в самый первый момент? — сжалилась она, резко переходя на нормальный тон. — Когда ты меня попросил твоего бомжа помочь до больницы довезти?

— Нет. Но было бы интересно.

— На кота. Я тогда ещё подумала, это твоя манипуляция? Или особенности моего восприятия?

— Хренасе. Так вы далеко не дуры, — задумчиво уронил второсортный, глядя себе под ноги. — Если вы на таком уровне…

Договорить у него не вышло.

Глава 39

В спину прилетели два кулака и один подзатыльник, впрочем, без усиления, так, на эмоциях.

— Я тогда ответила себе на вопрос, — продолжила Федорцева. — Если человеку хочется поднять на руки кота и гладить его, потискать там, ну, не знаю, что ещё — это потребность самого человека, не свойство кота.

— Вы меня воспринимаете как мягкую игрушку, о которой хочется позаботиться. — Предсказуемо быстро ухватил на лету Барласов. — Именно что на уровне подсознания. Не как мужчину-защитника, не как самца, а как мягкую игрушку.

А такие моменты он хавает с половины пинка, чем объяснить? Видимо, и правда что-то с медициной связано.

— Я бы не была столь категоричной, — мягко улыбнулась азиатка. — Как самца как раз воспринимаем, ты не учитываешь разницы инстинктов.

— Поясняй? — в вертолёт Шурик забирался, уже фоня любопытством.

— У тебя в голове схема, — на правах хозяйки транспортного средства в салоне Мария уселась к мужику вплотную. — "Мужчина должен…", далее по списку. Но ты второсортный, сорян. Не по менталу, может, но явно по менталитету.

— И не разбираешься в отношениях между чистокровными, — подхватила Анька, расставляя точки над ё. — Саш, что мы, по-твоему, думаем о среднестатистическом соотечественнике-менталисте? Как женщины?

— Ух ты. — Барласов без разбега принялся шевелить извилинами за четверых.

По слабым отражениям его ментала Вика видела, что кофе стодвадцатьпятки действует как надо.

— Эгоистичный потребитель, думает о себе в первую очередь, к женщинам относится потребительски, пардон за тавтологию, — вздохнула сотрудница прокуратуры, присоединяясь к пояснению. — Вокруг масса второсортных классных тёлок, зачем *нашим* мужикам напрягаться? Потрахать всегда можно девок из ваших, те с удовольствием и наперегонки.

— А с вами нужно очень стараться, чтобы произвести впечатление, — рассеянно глядя сквозь обшивку, продолжил второсортный за неё.

— Автоматически, правом рождения, точно не выйдет, — подтвердила Мария. — Как на ваших. Твоя бывшая жена, кстати, очень хорошая иллюстрация.

— И ТЫ ТОЖЕ В КУРСЕ?

Метиска нейтрально пожала плечами, ничего не объясняя.

— Для выживания физиологически в эту эпоху мужики уже женщине не нужны, только детей завести, — Шурик ухватил эврику и теперь распутывал её из клубка с энтузиазмом муравья-трудоголика. — Во всём остальном свою гендерную роль они, получается, просрали… А у вас в голове схема: менталист равно эгоистичный и безответственный мудак, а второсортный есть второсортный. Тьху бл*, — Барласов выругался впервые за всё это время, откидываясь назад и утопая в мягкой спинке кресла. — Вот дебил. У вас нет в мой адрес подсознательного инстинктивного ожидания безопасности! Потому что вы привыкли всегда о себе заботится сами! Особенности менталитета. Соответственно, ревность купирована!

— Угу, — Вика снова сбросила сандалию и решительно вклинилась подушечкой ступни между коленями мужика. — Если бы мы были второсортными тоже, тогда ожидали бы от тебя какой-то дополнительной атрибутики, кроме сексапила. А так, — она красноречиво развела руками.

— У нас есть всё, кроме хороших эмоций, — подвела итог Ельцова. — А с тобой и они есть. А претензии обычно возникают или из-за завышенных ожиданий, или от заниженной самооценки. Среди присутствующих подобных персонажей нет, хотя не поручусь за ту девчонку из полиции.

— Я С НЕЙ НЕ СПАЛ! И кто из нас специалист по психике, — поёжился в кресле Шурик. — После этого.

— Не претендую, — мгновенно открестилась азиатка. — Просто возник момент — мы тебе пояснили. Аня, где садиться? У дома или где разметка?

* * *

— Шурик, а хочешь, кое-что подскажу? — Федорцева сидит на бортике в одних стрингах и легкомысленно качает в воздухе ногой.

В усадьбе Ельцовых (или не знаю, как это назвать точно) переносными панелями можно огораживать сектора. После нашего прилёта сюда Анна распорядилась — и пара человек затянули её дом по периметру пластиковым двухметровым забором, заодно внутрь периметра попала и зона бассейна.

— Я вздрагиваю каждый раз, когда ты начинаешь

приоткрывать завесы тайн, — отвечаю абсолютно честно.

— Я ж сотрудник прокуратуры, — пожимает плечами менталистка. — Мне по должности положено. Пока девки резвятся, давай скажу? А то вдруг у тебя от них секрет.

Анна и Мария на противоположном краю сражаются друг с другом за надувной матрас. Не буду лишний раз думать, как они одеты — у меня, что ни говори, до сих пор шок.

Где-то приятный, но тем не менее.

— Может, не надо? — предлагаю абсолютно серьёзно. — Может, ну его нахрен?

— Там же не только о тебе речь, — вздыхает она с таким видом, что меня моментально бросает в дрожь.

Обычно Виктория не настолько драматична, да и сам намёк изрядно толст.

— Ладно, повеселились и будя, теперь серьёзно. — Она поднимается и буквально за руку тащит меня в беседку.

— У тебя внешний вид диссонирует с заявленной серьёзностью, — кошусь на известную часть анатомии.

— Нормальными сиськами дело не испортишь, — абсолютно не шутит Федорцева. — Погнали. Первое. Шурик, тебе известен механизм легализации дикого?

— А он существует?!

— Пф-ф-ф. В открытом доступе не найдёшь, непопулярная тема, но кое-какой есть.

— Говори.

— Ваш брат дикий периодически бунтует. Да, техникой организованные выступления сегодня по большей части блокируются, но регулярно кое-что прорывается то там, то здесь.

— Я искал, в сети ни слова. Я умею профессионально определять потенциальную социальную напряженность, если она в обществе в наличии.

Каждый раз, когда *здесь* думаешь, что карты вскрыты, оказывается, что всё ещё впереди.

По Вике видно, что она чуть ли не впервые говорит на все сто серьёзно.

— Клоны после трёх очень непростых восстаний имеют право поступать на факультет ментала в Медицинский Университет Бухары, — менталистка сверлит взглядом мою переносицу. — Да, у чёрта на куличках, если отсюда; Эмират, до которого пилить и пилить; НО.

— ?

— Тот диплом является автоматической индульгенцией и абсолютно легитимно выводит любого менталиста из второсортных из-под юрисдикции ЛЮБЫХ правоохранительных

органов, ЛЮБОЙ юрисдикции. Хоть за океаном. Тьху, опять тавтология…

— Почему об этом нет ничего в сети?

— Искать надо уметь. Из поисковых систем удалены ключевые слова, и только. А если залезешь на сайт самого универа, то вполне себе прочтёшь даже по-русски.

— Ух ты. — Мозг автоматически начинает крутить варианты.

А ведь это в корне меняет всё.

— Да. Там, правда, учиться непросто, очень сложная программа, но потенциальный результат того стоит, — продолжает напирать серьёзная девушка, выглядящая несерьёзно. — Я тебе абсолютно официально говорю, как государственный служащий.

— А в чём прикол? Должна же быть какая-то логика в этом исключении?

— Психические расстройства, потери памяти, всё такое. В нашем обществе в наше время все трут память всем, — она набирает воздух, чтобы продолжить.

— Но со временем погрешность накапливается, — перебиваю. — После рецидивов начинает сбоить гиппокамп, а годам к шестидесяти — очень яркая перспектива на деменцию и овощ.

— Угу. Почему-то так исторически сложилось, что нормально лечат только выпускники этого университета из второсортных, ну еще его филиала в Самарканде. — Её лицо разглаживается, как если бы она меня убедила в чём-то, к чему очень стремилась.

— Меня не пугает учёба медицине где угодно, — на всякий случай подвожу промежуточную черту в разговоре, поскольку собеседница волнуется сильнее меня.

С большой вероятностью, многое в том универе я прямо сейчас сдам как минимум неплохо, но вслух о таком не скажешь.

— Бабки у тебя есть, — кивает Вика, — основное количество второсортных отсеивается именно на этом этапе.

— А конкурс?

— Ваших берут не более десяти человек в год, отовсюду, со всего мира. Но Маха вроде имеет там свои концы — у неё маман родом оттуда, непростая семья. Именно тебе за конкурс можно не переживать.

— Когда вы об этом с ней поговорить успели?

— И сейчас продолжаем разговаривать, — снова ведёт плечами менталистка. — По служебной сетке. Она знаешь где работает?

— Нет, не спросил. Не счёл важным — знакомство личного характера, она женщина, профессия неважна.

— Бюро по защите конституции.

В следующую секунду я давлюсь апельсиновым соком и минут пять не могу откашляться.

— Эй, Шурик, не помирай! Она поможет, она с нами! Просила тебе поделикатнее сказать, сама специально с Анькой на ту сторону уплыла. Из тактичности. Там правда языковой барьер в Бухаре, но…

— Я понимаю тот язык.

— Откуда?! — здесь собеседница изумляется сильнее, чем за всё предыдущее время в сумме.

— Знаю от бабушки их соседний язык, там родственный. Между собой они на шестьдесят-семьдесят процентов взаимопонятны, если напрячься.

— Ладно, потом у тебя выспрошу… Второе. Как ты собираешься спасать шестнадцатого искина?

БЕЖИМ!!! БЕЙ ЕЁ — И БЕЖИМ ОТСЮДА!!!

— Похоже, я сегодня всё-таки умру от этого сока. — Констатирую ещё через три минуты надсадного кашля. — Откуда…?

— Я хороший сотрудник и с Махой вместе удобно анализировать. Вычислили по косвенным, — Вика подвешивает в воздухе сложную объёмную голограмму. — Вот схема, можешь посмотреть.

— Я сейчас не в том состоянии. Объясни словами.

— Да не вибрируй ты! ЗДЕСЬ тебе никто зла не желает!

— Легче сказать, чем сделать.

— Уж постарайся! Шурик, ты кое-чего не понимаешь.

— Да ну?

— Твой Вавилон, "Здесь все равны". Многие из нас эту мысль тоже разделяют, особенно женщины. Вон, Анька и Маха тебе как пример. Не все чистокровные расисты!

— Ещё один доктор был, внеранговый… Дальше?

— Мария колупнула у себя в ведомстве, точнее, совпало. Это Медикор воду мутит, из-за них все проблемы у тебя.

— Я уже понял. Точнее, установил по ходу. Вопрос, как от этого избавиться?

— О Бухаре я тебе сказала, остаётся искин. Есть вариант.

* * *

Разговор двух неустановленных абонентов.

Конфиденциальность беседы поддерживается протоколом неустановленного искусственного интеллекта.

— Доктор, здравствуйте. Мы с вами встречались на огнестрельном ранении полицейской…

— Я ПОМНЮ. Здравствуйте, узнал. Как ваши дела?

— Ох, пришлось сменить юрисдикцию. Надеюсь, временно.

— В вашем положении это мелочь, — старший собеседник улыбается. — А судя по фону за вашей спиной, так вы и вовсе не проиграли.

Позади звонящего камера показывает троих раздетых женщин за столом у бассейна, четвёртый пустой стул и четыре бокала.

— М-да уж, — более молодой косится через плечо. — Доктор, вопрос в лоб. Пересадка сознания, мои дамы говорят, что вы можете сориентировать.

— Это серьёзный разговор, минут на тридцать. Располагаете временем?

— Конечно! Это же я звоню! Это мне надо.

— Кто донор?

— Искин. Органический.

— Что за тело реципиента?

— Выращенное под задачу, Центр искусственной репродукции человека Хокимата Бухары. Собственным сознанием не обладает, физиологически — девочка пятилетнего возраста. Тело сделано под заказ.

— В Бухаре теперь под заказ работают?! Они это официально сделали?!

— Да. У нас запрещено, а у них законно.

— Понял. Документы в порядке?

— Да, ловите ***#_файл***. Вот весь пакет.

— "Заверено Хокимом Бухары"… А вы здорово напряглись, — старший собеседник оживляется. — Даже боюсь спросить, каких усилий стоило. Молчу о деньгах.

— Ребёнок. Речь о жизни ребёнка, — молодой серьёзен. — Кто-то же должен напрягаться, если мы все ещё хотим считаться людьми.

— Меня не агитируйте, я с вами не спорю! Кстати, коллега, получается, вы крайне небедный человек, — внеранговый менталист улыбается каким-то своим мыслям.

— Я никогда и не говорил, что нищий, — осторожно замечает звонящий. — А что?

— Тогда прогружаете мне всю медицину по телу, раз.

— Анализы и скрининг на момент?

— Да. Затем делаете замеры по искину, лучше прямо в том центре репродукции.

— Принял, сделаю. Потом?

— Потом оплачиваете мне дорогу туда-обратно! И принимаете меня у себя. Всё сделаю сам.

— Э-э-э. Спасибо. Неожиданно.

— Предсказуемо! Какие были мои последние слова во время нашего с вами предыдущего разговора?

— "Жизнь на вашем уровне интересна лишь при определённых условиях"? Не дословно, но суть такая.

— Да, а тут и условия подъехали. Я участвую.

* * *

Центр искусственной репродукции человека Хокимата Бухары.

Аллея главного корпуса.

— Ну чё, как ощущения? — здоровенный мужчина-европеец, второсортный лет тридцати, ведёт за руку пятилетнюю менталистку, девочку-метиску, в сторону выхода с территории.

Ребёнок имеет необычные для своего возраста татуировки чистокровных: слишком высокий для малыша ранг плюс сразу несколько специализаций.

— Физиология непривычная, — шмыгает носом девочка. — Эй, мудила, не вибрируй! Просто параметров для контроля прибавилось, а так даже интересно где-то. И я теперь полностью легальный человек, за которого закон жопу порвёт в любом государстве. Хи-хи.

— Если ты ещё раз скажешь "мудила" или подобное при ком-то…

— Не буксуй, чудик, — ребёнок резко подпрыгивает на ходу на пару метров вверх, не выпуская руки взрослого. — О, и мышечный буст работает, прикольно. Вокруг всё равно нас никто не понимает, мы же по-русски говорим.

Окружающим людям действительно нет ни до кого никакого дела, все спешат по своим делам.

— Там, откуда я родом, в Бухаре отлично понимали по-русски, — ворчит второсортный.

— Не путай хрен с пальцем, мудила, — девочка весело смотрит по сторонам, затем подпрыгивает ещё раз и в прыжке припечатывает губы к щёке спутника. — Кайф! А у тя там другой

мир, другая история, если чё.

— Мне неприятно, когда ты меня называешь мудилой.

— Ой, вот не будь истеричкой! Шуриком тебя зовёт Витка, Сашей — Анька. Мириямка тоже как-то зовёт… а мудила — это будет наш с тобой маленький секрет, папаша. Должно же у меня с тобой быть что-то личное, чего нет ни у кого другого! — она снова взмывает в воздух на два метра, оттолкнувшись от асфальта и дёргая спутника за руку вверх. — А всё-таки прикольно, да. Есть и в физиологии свои плюсы, оказывается.

* * *

Конец истории.
Спасибо за внимание □

notes

Примечания

1

На всякий случай. Фантдоп, тестов самому себе, галлюцинация ли перед тобой, пока что не существует:))

2

Медицина в том мире пошла другим путём. Лексический запас русского языка от нашего тоже может отличаться.

3

Это когда молодой сотрудник, получивший первое офицерское звание, с нескрываемым энтузиазмом начинает предъявлять своё первое в жизни служебное удостоверение на каждом шагу по поводу и без.

Как показывает практика, подобные персонажи и поводы для демонстрации ксивы провоцируют сами либо вообще находят их скорее в своём воспалённом воображении, нежели в реале.